

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ДРОН

№2 (7) 2024

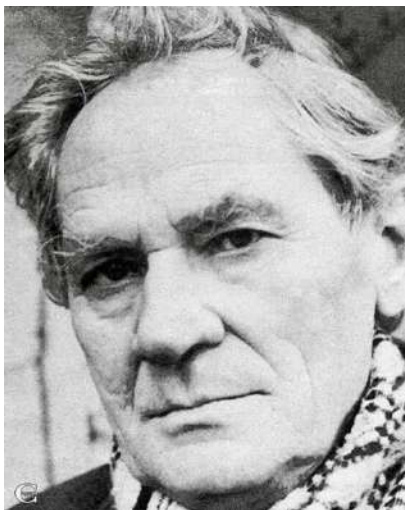

В.М. Васнецов «Ковёр-самолёт»

Белгород

Борис Чичибабин (1923-1994)

Исповедным стихом не украшен...

Исповедным стихом не украшен,
никому я не враг, не злодей.
За Кавказским отторженным кряжем
каждый день убивают людей.

Вся-то жизнь наша в смуте и страхе
и, военным железом звеня,
не в Абхазии, так в Карабахе
каждый день убивают меня.

Убивают людей, не считая,
и в приевшейся гонке годов
не держу перед злобой щита я
и давно уже к смерти готов.

Видно, без толку водит нас бес-то
в завирюхе безжизненных лет.
Никуда я не трогался с места –
дом остался, а родины нет.

Ни стихов там не слышно, ни мессы,
только митинга вечного гам,
и кружат нас мошнатые бесы
по истории бывшей кругам.

Из души нашей выжата воля,
к вечным книгам пропал интерес,
и кричу и не вижу того я,
кому нужен мой стих позарез.

И в зверином оскале и вое
мы уже не Христова родня,
и кричу и не вижу того я,
кто хотел бы услышать меня.

Не мои – ни пространство, ни время,
ни с обугленной вестью тетрадь.
Не под силу мне брэнности бремя,
но от бесов грешно умирать.

Быть не может земля без пророка.
Дай же сил мне, – Кого-то молю, –
чтоб не смог я покинуть до срока
обречённую землю мою.

ДРОН

№2 (7) 2024 г.

ISSN 2587-7178

9 772587 717008 >

Литературно-художественный журнал

Выходит два раза в год.
Издаётся с 2021 года

Учредитель:

БРОО ЛТ «Мир писателя»
<https://mir-pisatelya.nko31.ru/>

Редакторы:

Л. П. БРАГИНА,
О. С. РОМЕНКО

Редакционный совет:

О. М. БОРИСОВА,
А. А. БУСС,
Д. А. ИГНАТОВ,
В. В. КИЛЕСА,
В. Я. КУЗНЕЦОВ,
И. И. НЕЧИПОРУК,
А. В. НОВИКОВ,
Н. В. ПЕРЕСТОРОНИН,
М. В. СТРУКОВА,
В. В. ХАТЮШИН.

Для писем:

60267@mail.ru

Журнал в интернете

<https://dronjournal.ru/>
<https://magazines.gorky.media/>
<http://litbook.ru/>
<http://lit-web.net/>

Пописано в печать 25.10.2024
Формат 600x840 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Усл. п. л. 21,13.
Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Зуев А. А.
410071, г. Саратов, ул. Рабочая, 190.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературный Дрон

«Мир писателя» 4

Белгородская черта

Людмила БРАГИНА
Последняя кукла 5

Олег РОМЕНКО
Рекламщики 21

Галина СЛЁЗКИНА
Прощёное воскресенье 70

Города и веси

Сергей ЛИТЯЖИНСКИЙ
Созвездие Близнецов 87

Иван КАТКОВ
Дачный сезон 114

Владимир ЗЮСЬКИН
Прощальный поцелуй 135

Евгений МИРМОВИЧ
«Казус» 148

Дмитрий ЕРМАКОВ
На станции Дикой 161

Александр КРАМЕР
Таракан 175

Ольга БОРИСОВА
Девяностые 182

Грани самоцветов

Валерий ХАТЮШИН
Превыше всего 59

Владимир СКВОРЦОВ
Мне в России Руси не хватает 77

Мария ЗНОБИЩЕВА
Остаться здесь 107

Валентин НЕРВИН
Китежане 141

Станислав ЧЕРНЯК	
<i>Предновогодняя молитва</i>	155
Владимир МАКАРЕНКОВ	
<i>Синий день</i>	167
Медвяный звон	
<i>О I Всероссийском открытом молодёжном конкурсе им. В. М. Шаповалова «Медвяный звон»</i>	185
Екатерина ГОДВЕР	
<i>Неопалимая Россия</i>	188
Антон ЗАДОРЖНЫЙ	
<i>Крик</i>	191
Екатерина ГРОМОВА	
<i>Беличий остров</i>	195
Константин РЫЖОВ	
<i>Перочинный ножичек</i>	198
Иван ЕРЕМЕЕВ	
<i>В тех краях, откуда родом я</i>	202
Евгений ТОЛМАЧЁВ	
<i>Возвращение коня Лютика</i>	205
В тридесатом царстве	
Марина СТРУКОВА	
<i>Морошка спасает болото</i>	222
Олег РОМЕНКО	
<i>Тигрунечки</i>	231
Крымская гавань	
Ирина ЛИТОВЧЕНКО	
<i>Кукушка</i>	210
Вячеслав КИЛЕСА	
<i>Девушка</i>	213
Ольга ШИПИЛОВА	
<i>Мамино сердце</i>	218

Полёт навигатора	
Дмитрий ИГНАТОВ	
<i>Рябиновое варенье</i>	243
Ольга АЛЕКСАНДРОВА	
<i>Re-Imagine me</i>	265
Светлана ИВАНОВА	
<i>Всё брэнно, а котики вечны</i>	274
Живая вода	
Олег РОМЕНКО	
<i>«Быть не может земля без пророка»</i>	279
Борис ЧИЧИБАБИН	
<i>Исповедным стихом не украшен</i>	281
Ирина БАБИНА	
<i>В память об отце</i>	288
Луч света	
Татьяна БУГЛАК	
<i>Утопии (не) опасны</i>	296
Олег РОМЕНКО	
<i>Русские стихи Виктора Петрова</i>	307
Ольга АЛЕКСАНДРОВА	
<i>Фанфики — герои фарисейства</i>	313
Калинов мост	
Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕНКО	
<i>Белгород ждёт первого салюта</i>	318
<i>Несломленный город</i>	323
<i>Белгород — «Мы работаем»</i>	329
Нескучный юмор	
Александр ПОНОМАРЁВ	
<i>Декамерон под ушницу</i>	335
Авторы номера	342

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДРОН

«МИР ПИСАТЕЛЯ»

Седьмой вылет — полёт нормальный! Всё идет по плану, наше воздушно-литературное средство не отклоняется от взятого курса. Новости позитивные и мотивирующие к дальнейшей работе.

В министерстве юстиции России мы получили регистрацию юридического лица и продолжаем осуществлять нашу деятельность по поддержке и продвижению творчества талантливых авторов, как НКО. Белгородская региональная общественная организация литературного творчества «Мир писателя» видит свою миссию в сохранении единого культурного, литературного и информационного поля как на территории Белгородской области, так и на территории РФ.

БРОО ЛТ «Мир писателя» и редакция литературного журнала «Дрон» продолжают реализацию проекта, учреждённого летом этого года, цель которого — обеспечить активное вовлечение молодых русскоязычных писателей в современный литературный процесс, а именно — I Всероссийский открытый молодёжный литературный конкурс «Медвяный звон» им. В. М. Шаповалова.

По названию конкурса в журнале появилась новая рубрика «Медвяный звон», которая представит не только произведения победителей, но общий вектор развития литературы в целом, поскольку творчество молодых это всегда предвидение, прогноз, перспектива. Это наш седьмой выпуск и надеемся для кого-то он станет счастливым числом, пропуском в большой мир литературы, а для читателей открытием новых имён.

Ещё одна рубрика, выдержанная в единой стилистике нашего издания, «Калинов мост». В древнерусской мифологии, и явленный в суровой реальности наших дней, мост этот служит границей, последним рубежом, отделяющим мир живых от небытия, где «не вода в реке бежит, а огонь горит, выше лесу пламя полыхает». От ударов натовских ракет и снарядов уже полыхают города русского приграничья, стелется, ползёт ядовитый смог вглубь Отечества нашего.

Но неспроста первый стих Евангелия от Иоанна звучит так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». И Слово — есть Бог. Мы верим в силу и могущество Слова, творящего мир.

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Людмила БРАГИНА

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА

Весь угол комнаты занимал старинный сундук из потемневших толстых досок, с медными петлями и щеколдой. Сначала там хранилась бабушкины вещи: сверху чёрный плюшевый жакет-кацавейка, шерстяные и ситцевые платки, штапельные юбки, несколько платьев, под ними простыни с кружевными подзорами, вышитые розами рушники, накидки на подушки и, на самом дне, письма и облигации, завернутые в пожелтевшую от времени газету.

Потом мама уговорила бабушку разместить всё своё богатство в новом полированном шифоньере и на антресолях, а сундук отдали Лиде под игрушки — их за шесть лет накопилось немало. Самая первая, которую осознанно помнила Лида, большая жёлтая пластмассовая утка, что неизменно плавала в ванной во время каждого её купания.

Для сухопутных удовольствий — яркие бабочки-каталки на колёсиках, при движении махающие крыльями.

С каждым новым днём рождения игрушки становились всё интереснее и разнообразнее, они тоже будто росли вместе со своей хозяйкой. Хотя дарили их не только по праздникам, но и по другим поводам, и каждая имела свою особенную историю, которую рассказывала волшебным языком всех пяти чувств.

Каждый раз, когда Лида доставала зайца, а он у неё был единственный, в первые мгновенья она заново переживала острое чувство одиночества и отчаяния больничной палаты, холод утренней процедуры, горсть таблеток и три глотка безжизненной воды, которой невозможно было запить их горечь.

Пять лет ей исполнилось в больнице, куда её положили с воспалением лёгких. Из-за карантина никого в отделение не пускали. Нянечка принесла передачу от мамы — пять больших конфет «Гулливвер» и новую теплую кофточку василькового цвета с малиновыми полосками.

Лида немедленно надела её, застегнула все золотистые пуговицы, села на кровать и обхватила колени руками. Она смотрела как идёт за окном

снег, вспоминала, как совсем недавно мама с ветерком катала её на санках, а дома ждала бабушка и тёплый уютный свет на кухне...

Соседка по палате, пухленькая девочка лет семи, с большими глазами на круглом лице, похожая на совушку, подошла к ней и тихонько погладила по плечу.

— Ну чего ты так расстраиваешься? Тебя вылечат и отпустят. Главное, не вешай нос!

— Домой хочется... А ещё сегодня у меня день рождения. Вот, возьми «гулливерку», угощайся.

— Спасибо.

Соседка открыла свою тумбочку и протянула Лиде яркий оранжевый апельсин.

— А это тебе! Поздравляю с Днём Рождения!

И тут снова вошла санитарка и, улыбаясь, направилась к Лиде.

— Так это ты тут именинница? Внизу в приёмном отделении твоя старшая сестричка, чуть не плачет, скучает по тебе и ждёт, когда ты выздоровеешь. Передала тебе подарок. Говорит, что сама сшила.

И она протянула Лиде тряпичного красного в белый горошек длинноухого зайца с глазами-бусинками.

— Это Светочка, моя двоюродная сестра.

Бабушка рано ушла на рынок и её всё не было и не было. Лида уже не один раз обошла все комнаты и кухню, выглядывала в каждое окошко, подходила к входной двери и прислушивалась к звукам в подъезде, но безуспешно.

Бабушку ждала и Света. Ей натерпелось выйти погулять с подружками и похвастаться новым платьем, которое ей вчера купили. Однако бабушка велела её дожидаться и не бросать младшую сестричку одну дома. И теперь Света вертелась у большого зеркального шкафа, принимала необычные позы, подражая артисткам из фильмов, которые видела по телевизору.

— Ну что, малявка, нравится тебе моё платье?

Платье было ситцевое, ярко-красного цвета в маленький белый горошек, с пышными воланами на рукавах и выглядело очень нарядным.

— Да, Светочка, очень красивое. А когда бабушка придёт?

— Скоро! А то я уже умаялась тебя караулить. Скажи, на кого я похожа?

Она вздёрнула нос, взялась за край пышной оборки по низу платья, жеманно повела плечами и произнесла каким-то странным незнакомым голосом:

— А недавно двое из-за меня стрелялись. Представляете, два лейтенанта. Оба красавцы, и оба наповал.

Лида от неожиданности растерялась и заморгала глазами.

— Аха-ха-ха! Ты такая маленькая и глупенькая, Лидуська, просто умора!

— Какие лейтенанты стреляли?

— Нос не дорос какие. Скажи лучше «банка».

— Банка... — послушно повторила вслед Лида.

— Твоя бабушка цыганка!

— Это твоя такая! А моя... моя лучше всех на свете бабушек! — Лида нахмурилась, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу слёзы.

И тут раздался долгожданный звук поворота ключа в замке.

— Девочки мои любимые, я пришла!

Нагруженная сумками бабушка улыбалась и её родное лицо светилось радостью и добротой.

Светка мгновенно бросилась к ней, и обняла, всю-всю, вместе с сумками, бросив хитрый и насмешливый взгляд в сторону Лиды.

— Я так соскучилась! Ты моя бабушка любимая!

— Нет! Это моя бабушка! Отпусти!

Задыхаясь от обиды и возмущения, Лида подбежала к ним, потянулась тоже обнять бабушку, но сестра больно царапнула и отбросила её руку, а затем незаметно ещё и оттолкнула ногой.

Отлетев на пару шагов, Лида увидела, как бабушкино лицо и Светкина спина размываются и превращаются в одно большое красное пятно, а внутри почувствовала леденящую пустоту.

И не раздумывая Лида бросилась вперёд, вцепилась в красные оборки, рванула изо всех сил, потом ещё и ещё. Треск рвущейся ткани, стук пуговиц об пол, крики перемешались и раздавались словно бы где-то далеко. А вот Светкина рука, которая только что обнимала и не отпускала бабушку, совсем рядом, и Лида несколько раз укусила её, стараясь посильнее сжать зубы.

Светка завопила, как резаная, пытаясь её оттолкнуть, ударила в плечо, и Лида упала. В пылу драки она снова вскочила, но тут её подхватила на руки и прижала к себе бабушка.

Мгновенно ярость прошла, и Лида залилась слезами.

— Бабушка, ты же моя? Скажи!

— Конечно, Лидонька! Твоя и Светочкина! Вы же обе мои внученьки! Что же вы такое устроили, деточки?!

— Ты только моя! У неё и так и мама, и папа есть! Она тебя не любит, она говорила... и ещё к тебе лезла обниматься!

Лида свирепо оглянулась на обидчицу.

Светка сидела на уголке дивана, прижав худенькие ладошки к лицу и плакала. На одной руке, возле локтя, ярко выделялись три бордовых

полукруга от зубов, платье было разорвано, на полу валялись клочья, словно кленовые и рябиновые листья.

Бабушка мазала сёстрам царапины и укусы зелёной, дула и причитала:

— Я ж поднялась пораньше, пока вы спали, думаю, сбегая на рыночек... Яиц, фруктов купила, а вы в минуту сцепились и всё побили, потрошили... Надо мирно жить, а то вот такие подряпанные, голые и босые будете. Что ещё родители ваши скажут?

Вечером было грандиозное разбирательство. Сестёр ругали, стыдили, внушали, что драться вообще нельзя, а девочкам, тем более, позорно. Отдельно Лида отстояла в углу за порванное платье и укусы, а Светке надрали уши и пообещали сдать в интернат за то, что «на восемь лет старше, а ума столько же».

Бабушке снова пришлось утихомиривать уже своих дочерей и зятя, чтобы их воспитание не нанесло большего вреда воспитуемым, чем сама провинность.

Лида держала в руках зайца, и словно наяву видела, как Света обводит мелком выкройку, вырезает из красных лоскутов разные детальки, сшивает их, набивает ватой и думает о ней. Она спрятала зайца под кофточку и до самой выписки не расставалась с ним ни на минуту.

Какие ещё были сокровища в деревянном сундуке? Пластмассовый тубус со строительным конструктором. Лида помнила счастливые минуты праздника, который остался с ней надолго. Тогда мамина подруга тётя Тамара пришла к ним в гости и подарила эту замечательную вещь.

Внутри находились листы со схемами домов и белые одинарные и двойные кирпичики, из которых можно было строить дома, с окошками и дверями, крышей, заборчиками, воротами и калитками. Все детали хорошо компоновались между собой и можно было строить дома сначала по образцу, а потом по-своему. Это было так увлекательно, Лида фантазировала, ошибалась, переделывала часами. Но потом, когда всё получалось: высокая островерхая башня, зубчатые стены крепости, она просто прыгала от радости и звала домашних оценить её старания.

Похожая игрушка, которая так же будила воображение — простая круглая коробочка с крышечкой, а под ней разноцветная мозаика — детальки-гвоздики, вставляющиеся в отверстия. Так на свет появлялись не только цветы и бабочки, но и узоры, абстрактные картины, от которых веяло свежим ветром, пением птиц, весёлым настроением...

Светина мама, тетя Рая часто ездила в командировки, откуда обязательно привозила что-нибудь интересное. Из Москвы к Лиде приехал чудесный набор для вышивания: маленькие голубые пластмассовые пальцы, салфетка с нанесённым пунктирным рисунком: цветущее деревце

с жар-птицей на ветке и несколько мотков шёлковых ниток. Бабушка показала ей как натягивать ткань, чтобы она была похожа на барабан, как вдеть нитку в иголку и шить правильные стежки. И скоро деревце зашумело листиками и заблестало золотыми пёрышками.

Частенько доставалась из сундука механическая, но, без сомнения, волшебная, Дюймовочка в цветке кувшинки, лепестки которой раскрывались от нажатия на рычажок-палочку. Раздавалось тихое жужжание и внутри появлялась крутящаяся маленькая фигурка, на которую можно было смотреть бесконечно.

А вот заводной медведь с балалайкой появился при грустных обстоятельствах. У Лиды расшатался и даже начал побаливать передний зуб. Мама отпросилась с работы и повела её в стоматологическую поликлинику. Высокий и здоровенный врач в белом халате осмотрел зуб круглым зеркальцем на длинной ручке, потом помазал его какой-то, неприятно пахнувшей, щипучей жидкостью, взял щипцы и выдернул, да не один, а сразу два передних зуба! Было ужасно больно, обидно, Лида заплакала и возненавидела этого злого доктора. Как только стало можно, она сползла с кресла и проклиная его всем своим израненным сердцем, вышла из кабинета, не понимая, как можно так поступать. С мамой, которая по своей воле привела её сюда, разговаривать не могла и не хотела. Хотя мама тоже не ожидала такого и была расстроена. Она жалела дочку, гладила по голове, шептала ласковые слова, но горечь не уходила.

Тогда мама взяла Лиду на руки, и они зашли в соседствующий с поликлиникой «Детский мир». Вот там Лида и увидела своего коричневого медведя, который держал в лапах балалайку. Если вставишь ключик в штырёк в спине и покрутишь, то медведь оживает, топает, играет на балалайке, покачивает головой из стороны в сторону. И тихонечко рычит. После этого зубное происшествие отошло на второй план, а медведь-музыкант поселился в сундуке.

На все важные события Лида брала своего мишку. И фотографироваться в новом зелёном свитерке со Светкиным значком «Общество охраны природы» она тоже согласилась только с ним. Но улыбаться, как фотограф ни старался её рассмешить, отказывалась.

Однажды гуляя на улице, в зарослях сирени Лида заметила небольшой чёрный пистолет. Она оглянулась в поисках его владельца, но ни детей, ни взрослых поблизости не было, и она подняла находку. Он был тяжёлый, со звездой на рукоятке и совсем-совсем, как настоящий. А может, и правда, настоящий, но как он сюда попал?

Лида вспомнила, как недавно по телевизору показывали фильм про шайку преступников, и когда их раскрыли, началась погоня. Бандиты отстреливались, даже ранили милиционера. Подстёгнутая жгучим

любопытством, Лида заглянула за кусты. Там никто не лежал, не стонал, не истекал кровью, и она с облегчением выдохнула и побежала домой. Бабушка сначала охнула, потом протёрла пистолет тряпкой и обнаружила надпись: «Цена 55 копеек». И ещё неделю, несмотря на мамины увещевания — «ты же девочка», Лида выпрашивала купить пистонную ленту.

В конце концов небольшой моточек ленты ей подарил соседский мальчик, которому она дала поиграть свою машинку самосвал, с рычажком сбоку, где в кузов можно набирать и сгружать песок. Первый пистон Лида опробовала прямо во дворе, развернув рулончик на бордюре и ударив по маленькому коричневому кружочку камнем.

Сверкнула искра, и одновременно раздался громкий хлопок. И запах, замечательный запах, чуть похожий на тот, когда бабушка бросала зажжённую спичку в банку, где был кусочек бумаги... Лида жадно втянула носом пороховой дымок. Пистолет и ленту основательно запрятала на самом дне сундука, чтобы пострелять, когда никого не будет дома.

Сверху прикрыла чёрной коробочкой с первым своим музыкальным инструментом — металлофоном. Тоже очень ценной игрушкой, которую принесла соседка по подъезду, у которой выросла дочка. Лида клала на колени деревянную подставку, брала в руки белые круглые молоточки, легонько ударяла ими по металлическим блестящим пластинкам и слушала как дрожат вокруг хрустальные, волшебные звуки.

Кстати, фраза «ты же девочка» появилась у мамы уже давно.

Ещё со времени их отдыха на море, когда Лида подружилась с мальчиком, забыла, как его зовут, но это простительно, ей тогда было всего три с половиной года. Они вместе бегали по санаторию и собирали окурки, решив, что пришло время научиться курить.

— Ты же девочка, а ведёшь себя хуже мальчишки! — как гром среди ясного неба грянуло над ними, когда обе родительницы поймали их за павильонами на месте преступления.

Тут же последовало неотвратимое наказание. Обоих отлупили, Лиду просто ладонью по попе, а юного соучастника мать отхлестала мокрым полотенцем, да ещё при всех. А потом и совсем запретили им вместе играть.

Лиде было обидно и непонятно, почему она хуже, ведь они всё делали вместе. И в чём, и почему она должна быть лучше?

Мама рассуждает «про девочку» всегда по разным поводам, но чаще всего это означает либо запрет, либо осуждение. Конечно же, Лиде это не очень нравится. Она и так знает, что она девочка, и вообще не любит нотаций. Иногда ей кажется, что мама сама себе напоминает, что у неё не сын.

Может быть, ещё и поэтому мама покупает ей кукол. Все девочки играют в куклы. И Лида, само собой, ничего против не имеет. Хотя, сказать по правде, её самая первая и красивая кукла, горячо любимая ещё с младенчества — старинная немецкая фарфоровая статуэтка балерины с зеркалом, которая стоит в серванте. Как только Лида её увидела, замерла от восхищения, потянулась к ней, а потом под присмотром мамы с трепетом гладила по складкам голубого глянцевого платья и матовым, прохладным рукам, лицу с лёгким персиковым румянцем, восхищаясь золотыми тувельками, солнечными бликами в светлых волосах, зеркальцем, в которое гляделась эта красавица, с одной стороны серебряным, а с другой золотым.

После неё лупоглазые неваляшки и матрёшки со свекольными щеками выглядят не впечатляюще. А как можно всерьёз воспринимать розовых пластмассовых кукол с растопыренными руками и ногами, если их что девочками одевай, что мальчиками, всё одинаково некрасиво?

Бабушка говорит: «Кто в куклы не играл — тот счастья не видал». Но и горя тоже, про себя прибавляет Лида. Бабушка имеет в виду даже не самих кукол, а время, когда люди живут беззаботно, не ходят ни в школу, ни на работу и играют, сколько захотят. Про детство она говорит.

Лида с куклами натерпелась столько всего, что лучше бы их и вовсе не было. Всё началось с небольшой безымянной куколки с нарисованными глазами и волосами. Днём она с ней играла, брала на прогулку, а ночью укладывала рядом с собой на подушку спать. Мама всегда оставляла рядом на столе включенным маленький ночник в виде снеговика, потому что Лида во сне постоянно ворочается и однажды на краешке кровати повернулась, грохнулась на пол и набила на лбу здоровенную шишку.

А этой ночью она проснулась неизвестно почему, никто не будил, в туалет не хотелось, и Лида просто лежала, смотрела на тёплое и уютное пятнышко света, слушала, как рядом в комнате дышит мама и тихо похрапывает бабушка. Она уже собралась повернуться на бок и снова уснуть, как совсем близко со своим лицом увидела куклу. Лида забыла про неё и от неожиданности вздрогнула.

Маленькая на большой подушке она лежала слишком прямо и ровно, уставившись тёмными и пустыми глазами в потолок, как будто бы готовясь к чему-то. Лида захотела убрать куклу, но было нестерпимо страшно протянуть руку и дотронуться до неё.

Тогда она сама отодвинулась к самой стенке, держась всё время настороже, веря и не веря, что кукла вдруг повернётся или моргнёт.

Только под утро, когда первый свет начал сереть за окном, Лида задремала в полглаза.

Играть с этой куклой совершенно расхотелось. Она больше не внушала доверия, и ей нашлось тайное местечко на балконе за деревянным ящиком с овощами, куда заглядывали, наверное, только пауки. Мама решила, что игрушка потерялась и долго расспрашивала Лиду — где, куда, как... Но недавнее ночное потрясение, неприятные воспоминания о нём и путаница в мыслях, мешали рассказать и признаться в своём страхе.

Через время место прежней куклы заняла новая — побольше размером, в белых туфельках, улыбающаяся и голубоглазая, в платьишке с ромашками. Руки и ноги у неё были на шарнирах, голова поворачивалась, но всё внимание хозяйки было обращено на жёлтые волосы. Они были не нарисованными, а похожими на настоящие кудряшки. Лида провела по ним рукой — жёсткие, прозрачные, как будто стеклянные.

Имея уже некоторый опыт, Лида играла с ней дома, выносила во двор показать подружкам и поиграть вместе. Но всё это днём, а на ночь обязательно клала куклу в сундук, к другим игрушкам. Со временем ромашки на платье потускнели, весёлое кукольное личико стало чумазым, а кудряшки закошлатились.

— Ох и жизнь тяжёлая у твоей куклы...

— Отчего, бабушка?

— Одна нога обута, другая разута, а если бы третья была, не знаю, как бы пошла.

— Так нет же у неё третьей ноги!

— И хорошо, что нет, туфелька-то только одна! Помнишь мы с тобой стишок читали, это точно про неё:

Замарашка рук не мыл,
Месяц в баню не ходил.
Столько грязи,
Столько ссадин!
Мы на шее лук посадим,
Репу — на ладошках,
На щеках - картошку,
На носу морковь взойдет! —
Будет целый огород!

— Ничего мы сажать не будем! Она разве в этом виновата? — Лида очень удивилась бабушкиной несправедливости.

Взяв куклу подмышку, отнесла её в ванную, сняла платьице, намылила, потёрла, прополоскала под струёй воды и повесила на тёплую трубу в ванной сушиться. Потом своей мочалкой отмыла грязное личико и приступила к волосам. Сначала пыльные и спутанные, они после мытья вообще свалялись в комок, как пакля.

Лида взяла свою расчёску и начала их распутывать. Провела пару раз и сразу вылетели несколько зубьев, а расчёска как будто состарилась и стала похожа на рот бабы Яги.

«Ой... Но надо же как-то её расчесать, — расстроилась Лида, подумала-подумала и взяла с полочки мамину — буду теперь осторожнее». Не успела сделать несколько движений, как и вторая расчёска прочно застряла в волосах, словно в мотке жёсткой проволоки.

И так и этак крутила её Лида, чтобы высвободить, ничего не помогало, только ещё больше волос намоталось. Расчёска торчала в кукольной голове, как топор. Как ни старалась Лида не паниковать, но не выдержала и дёрнула. Хррясь! — ручка пополам, а зубья так и остались в плену.

Оставалось только одно средство — состричь расчёску. Хорошо, бабушка вышла на кухню, поэтому удалось ножницы взять незаметно и на цыпочках вернуться в ванную.

— Лидуся! Я тут обед собрала, где ты есть?

— Сейчас! Я скоро!

Стрижка «ёжик» подходила к концу. Куклу можно было смело одевать мальчиком и отдавать в армию. А на Лидиных пальцах, где были кольца ножниц, остались красные вмятины и водяные волдыри, которые сильно болели, горели, жгли.

Чтобы не привлекать внимания к сверхсекретной операции, Лида села за стол и попыталась есть левой рукой, но получалось медленно и плохо, суп проливался.

Бабушка сидела напротив и внимательно смотрела на неё.

— А что же ты без хлеба ешь? Бери, вот твоя любимая горбушка!

И Лида потянула правую руку за горбушкой.

— Да, Боже ж мой, что ты ею делала? В ванне сидела три года!

— Стирала, мыла, стригла...

— Ту проклятую куклу? Да позвала бы меня, я помогла...

Бабушка подошла к окну, отломил лист алое, сказала — «спасибо, цветочек!», промыла под струёй воды, убрала колючки и разрежала вдоль.

— Давай сюда пальчики, лекарство приложим, всё пройдёт!

Прохладная студенистая мякоть листочка сняла боль, но на душе скреблись кошки.

Мама весь вечер отчитывала Лиду за испорченную куклу, объясняя и повторяя, что портить игрушки нехорошо, стричь — это значит портить, надо относиться к куклам бережно, больше так делать нельзя...

Ну как ей объяснить, что всё это произошло как раз из-за того, что хотела, чтобы куколка стала чистой, красивой, но не всё и не всегда зависит от тебя?

Как только весеннее солнышко стало хорошо пригревать, земля покрылась травой и цветами, во дворе наступила кукольная эра: девочки выносили во двор пледики, покрывала и своих любимиц.

Кукольный народ предстал во всей своей красе и многоликости. Пупсики в самодельной одежде стали казаться ещё меньше и без боя сдали свои позиции.

Сначала появилась шагающая великанша Нина — ростом почти со свою хозяйку, которая гордо водила её за ручку, а следом, словно фрейлины за принцессой, зачарованно шли почти все девочки двора. Кукла, очень похожая на девочку Суок из фильма «Три толстяка», переставляла красивые прямые ноги и поворачивала голову то влево, то вправо, собирая восторженные взгляды, как настоящая кокетка.

Ей составили компанию шумные говорящие куклы, на все голоса твердящие «ма-ма», у которых в спине или в животе был пищик. Нужно было перевернуть куклу и, если делать это часто, она начинала просто, как козленок, пищать «ме-а-аа».

Изредка удавалось поглазеть на свадебных кукол-невест, которые сидели на капотах машин, привязанные лентами в одинаковых пышных белых платьях с фатой.

Но настоящим чудом стало появление первой «немочки» — невообразимо красивой резиновой куклы из ГДР. У неё были роскошные тёмные шелковистые волосы, убранные в сеточку, пушистые реснички, мягкие руки и ноги, где выделялся каждый пальчик, каждый ноготок! Даже на ощупь она казалась тёплой, словно живая. Всё в ней было ярко и прекрасно: белые носочки и съёмные туфельки, красный трикотажный костюмчик и такая же сумочка.

Все до одной девочки жутко завидовали, а взрослые поругивались на порушенный покой и новые витки семейных драм.

Даже бабушки, сидящие на лавочке возле подъезда, с утра до самого захода солнца с жаром обсуждали эту новость.

— Глобусовы из 35-ой задали жару. Дочке из турпутёвки куклу немецкую привезли, а всему дому теперь не до сна.

— Точно! Наша Маринка, такие гопки бьёт, кричит, из себя выходит, требует такую же! Родители-дураки пообещали купить, а надо бы взять хворостину, да всыпать ей, чтоб понимала!

— Помню, мы на палочку лоскуток цветной от старой какой одёжки наматываем, скрутим, головку соломой набьём, нитками ручки перевяжем и готова куклолка! Любо-дорого... Игралась — поесть забывали!

— А нынешние разбалованные, всем недовольные. У нас тоже ноет «купи, да купи!» Хильду эту или Гретту, как её там... Уже аж голова болит от неё.

— А сколько ж она стоит, та-то кукла?

— Ты её ещё поди достань, если блата нет! И стоит будь здоров сколько! Не то 15, не то 20 рублей!

— Немчура делать может, но и цену знает.

— Ой, а ваши молодые с жиру-то как бесятся...

Лида слушала всё это за спинами бабушек, сделав вид, что поправляет гольфы, а потом потихоньку отошла в сторону, понимая, что ей не помогут ни слёзы, ни истерики. Да и стыдно ей было так вести себя. Какая радость потом от этой, хоть бы и самой расчудесной куклы?

Конечно, ей очень хотелось, пусть не ходячую, не говорящую, про немецкую и говорить нечего, но, главное, куклу со «спящими глазами», чтобы они открывались и закрывались. А будут они серые или голубые, да хоть зелёные — неважно. Но как её выпросить? Лида видела, что мама работает одна, а бабушка всегда думала, чтобы ничего не пропало, сушила сухарики из оставшихся корок, круглый год выращивала на окне лук в банках, из прокисшего молока пекла оладьи, зашивала только что появившиеся дырки на одежде, перешивала её, ворчала, если кто-то забывал выключить лампочку и сокрушалась — «нажгли свету, а чем платить?»

Не было места её просьбе в этом бережливом порядке жизни, где каждая копейка на счету.

Правда, однажды маме на заводе за ударную работу и перевыполнение плана выписали премию, и она подарила Лиде незабываемый праздник — взяла напрокат велосипед! Целый месяц счастливая Лида неутомимо крутила педали с утра и до вечера, даже пару раз случившиеся дожди, не испортили переполнявшей её радости.

Но кукол напрокат не давали, может быть, только свадебных, поэтому оставалось только мечтать.

Или всё же попробовать?

Вечером, усевшись возле сундука с игрушками, Лида, представив, что наводит порядок, начала перекладывать их с места на место, протирая чистой белой тряпочкой и приговаривая:

— Какие же у меня красивые игрушки! И зайчик, и мишка, и самосвал, и пистолетик! А кукол-то и нет совсем... И веду себя хорошо, а почему-то нет.

— Вот потому и нет, что одну закинула куда-то, а другую испортила, — продолжила её «размышления» мама.

Бабушка поддержала.

— Ты думай, что тебе в школу скоро, а ты всё про кукол. Серьёзней надо быть.

Лида нахохлилась, но решила не отступать.

— Я и так серьёзная. Буду куколку беречь, заботиться о ней, учить...

— В выходные пойдём в «Маяк» портфель тебе купим, платье форменное, фартучки, бантики новые...

— У тебя, Лидуся, новая жизнь настаёт, книжки будешь читать, уроки делать, некогда играть.

Всегда вот так: мама с бабушкой заодно, и они взрослые, и они правы, а она не может найти слов, чтобы её поняли. Крепясь из последних сил, чтобы не заплакать, Лида горько вздохнула:

— Так вот вырасту и никогда у меня уже не будет куклы с закрывающимися глазами.

В школе было интересно. Учительницу Антонину Григорьевну звали так же, как маму, только отчество другое. Хотя Лида никогда маму по имени не называла, но чувствовала в этом совпадении особую тайную связь: пусть в классе и было тридцать учеников, но учительница больше благоволила именно к ней.

Мальчик Лёня Шабаров, с которым её посадили за одну парту, тоже был хороший. Он увлечённо рисовал ручкой на тетрадных листах море и корабли. Они палили друг в друга из пушек, клубился дым. Лида спрашивала из-за чего они воюют и просила нарисовать человечков — матросов и капитана. И, к её восхищению, он рисовал их левой рукой, а правой писал в прописях, и всё это одновременно.

У Лиды появилось много красивых вещей: букварь и другие учебники, деревянный резной пенал с ручкой и карандашами, школьная форма с белыми кружевными манжетами и воротничком на платье, синий тоненький спортивный костюмчик, новые чёрные туфельки и мешочек для сменки, который сшила ей бабушка.

Новая жизнь ей очень нравилась. Но ещё приятнее было вернуться домой, открыть любимый сундук, вытащить игрушки, выбрать ту, которая подходит по настроению и играть, чувствуя, что ты уже немножко изменилась, а калейдоскоп или Дюймовочка всё те же. Домашних заданий пока не задавали, времени оставалось достаточно и на сон, и на игру, и погулять во дворе.

Для мамы и бабушки начало её учёбы было связано с гордостью и переживаниями, ожиданиями и надеждами, даже больше, чем у самой Лиды. С появлением ученицы в семье, в их скромном бюджете образовалась брешь. Привычный режим экономии перегревался, не выдерживая новых необходимых расходов. И бабушка, понаблюдав за другими бабушками, подумала, посчитала, и нашла способ заработать.

В подвальчике их дома был овощной магазин. Вместе с мамой они покупали там свежую капусту. Выделив специальный день, бабушка точила на бруске большой нож, освобождала кухонный стол, разрезала

кочан на четыре части и шинковала тонкой красивой соломкой. Потом посыпала её крупной солью и укладывала в большую эмалированную кастрюлю. И примерно через неделю, иногда утром после того, как проводит Лиду в школу, а иногда после обеда, ближе к вечеру, бабушка шла к гастроному «Москва» торговать квашенной капустой.

Лида часто помогала ей чистить морковь, закладывать в нашинкованную капусту дольки яблок, накрывать чистой марлей кастрюлю. В награду всегда была сладкая кочерыжка.

Но интереснее всего было, если удавалось уговорить бабушку взять Лиду с собой к гастроному. Бабушка доставала из сумки маленький раскладной стул, расстилала на земле клеёнку, ставила на неё кастрюлю с капустой, садилась и спокойно ждала. Лида стояла рядом, внимательно вглядывалась в лица прохожих, пытаясь угадать, кто же к ним подойдёт. Как только возле них останавливался покупатель, неважно, мужчина или женщина, внутри Лиды словно вспыхивали бенгальские огни. Блестя глазами, с жаром она начинала рассказывать, какая замечательная у них капуста.

— Вкусная! Хрустящая! Беленькая! Полезная! И недорого — блюдечко 20 копеек.

Ей хотелось поскорее продать её всю, чтобы бабушка не тащила назад кастрюлю. А вечером они сядут вместе за стол, на котором Лида будет отсчитывать монетки и составлять из них маленькие столбики — по пять двадцатикопеечных кружочков в каждом. И потом бабушка станет заворачивать эти серебристые столбики в кусочки газетной бумаги. И чем больше бумажных узелочков получится, тем лучше.

Сегодня бабушка ушла сама, потому что Лида проспала.

Учебная неделя закончилась, впереди выходные, и сейчас она чувствовала себя бодро, настроение было такое, когда хочется сразу всего и немедленно. Пробежавшись по квартире и удостоверившись, что дома никого нет, Лида сбросила на пол подушки и, от бурлящей и переполняющей её радостной энергии, принялась прыгать на кровати, как на батуте. Сначала она представляла себя пружинкой, которая то сжимается, то с силой разжимается, а потом у неё вырастают крылья, и она уже парит в воздухе, и она — птица! Главное, посылнее оттолкнуться...

И тут её взгляд неожиданно привлёк предмет, которого раньше не было — большая картонная коробка на шифоньере. Лида замерла, вытянув шею. Почему-то первое, что пришло ей в голову, это — ни в коем случае нельзя смотреть, что там. Это ощущение было похоже на холодок на макушке. Потом он собрался в большой снежный ком, который прокатился через горло и упал в живот. Она медленно спустилась с кровати, подняла подушки, поправила простыню, села и задумалась.

«Коробка появилась недавно. Кто её принёс — мама или бабушка? Мне ничего не сказали и между собой об этом при мне не разговаривали. Получается, это их секрет. Который они хранят от меня. Они не станут держать в этой коробке что-то плохое... — И тут Лида вспомнила, что в воскресенье у неё день рождения, а значит... — Это мой будущий подарок!»

Но ком в животе не растаял, а холодок растёкся до самых кончиков пальцев рук и ног. Казалось бы, что проще: не трогай и не смотри. Придёт время, и всё выяснится, тебе же подарят. Но мысли так прикованы к этой серой коробке, что ни о чём другом не думается. Скорее бы уже кто-нибудь пришёл!

Но никого пока нет и можно взять табуретку, залезть, открыть крышку... Что может случиться, если она взглянет одним только глазком? Ей же никто не запрещал это делать.

Стоя на табуретке, Лида поняла, что её роста не хватает, и чтобы заглянуть в коробку нужно её снять и поставить на стол. Чуть дыша и прислушиваясь, не скрипнул ли ключ в замке, непослушными руками она взяла загадочную коробку, осторожно спустилась и подошла к столу. Прочла сбоку надпись большими чёрными буквами — «Кукла Вера», ниже — «Цена 8 рублей». И подняла крышку.

Кукла Вера была одета в длинный синий сарафан и белые туфли. Рыжие волосы не очень длинные, с чёлкой, туловище твёрдое, но лицо резиновое и спящие «вставные» глазки. Не задумываясь, Лида быстро вынула её из коробки, поставила вертикально и наклонила к себе. Внутри раздалось капризное «ма-ма», кукла открыла глаза и уставилась на неё. Они были блестящие, тёмно-коричневые, с чёрным зрачком посередине. В них отражались уменьшенная Лидина копия и каждое её движение. Лицо куклы как будто оживилось, и на губах появилась неприметная улыбка.

Лида хотела отвернуться, но глаза притягивали, как магнит. При наклоне туловища вверх-вниз они то прикрывались веками с ресницами, то снова распахивались. Эти кукольные глаза напоминали ей каштаны, которые падают осенью на дорожки парка, смешиваясь с ржавыми листьями. И ей неудержимо захотелось аккуратно вынуть их и рассмотреть получше.

Кукла снова подала голос, на этот раз её «ма-а-ма» прозвучало тревожно. С говорящим механизмом куклы Лида разобралась почти без последствий. Сняв с неё сарафан, обнаружила в спине круглое отверстие и вставленный в него пищик. Небольшой пластмассовый цилиндрок состоял из стаканчика и надетого на него кружочка с дырочками. Поддела его ножницами, вытащила, изучила. При переворачивании внутри стаканчика двигался грузик и раздавалось то самое слово, которое внутри куклы звучало по-разному, наделяя свою владелицу неуловимыми чёрточками

характера, а в руках просто однообразно и монотонно. Лида легко вставила цилиндр на место, и вновь её внимание привлекли глаза.

Как же они держатся и почему они не закрываются, когда кукла стоит или сидит? Вот люди так могут, и даже ходить с закрытыми глазами могут. Недавно в школе на перемене они играли в Опанаса. В этой игре водящему завязывают глаза, раскручивают, хором кричат: «Опанас, Опанас, лови мух, а не нас!», разбегаются, и он потом кого-нибудь должен поймать. И Маринка Кузьмина чуть было не поймала учительницу! Правда, не Антонину Григорьевну, а из параллельного класса, очень строгую, которая объяснила, что эта игра шумная и небезопасная, может плохо кончиться. И почти все ребята согласились, что в неё, действительно, лучше играть во дворе.

Положить бы сейчас куклу в коробку и отнести назад, но Лида всё вертит её в руках, смотрит в её острые как буравчики зрачки, и не может успокоиться, пока не узнает, как это устроено. Она осторожно подёрнула длинные ресницы. Держатся прочно. Перевернула Веру на спину и пальцем слегка нажала на закрытый глаз.

И тут случилось страшное. Оба глаза провалились внутрь кукольной головы и на лице образовались пустые глазницы.

Лида в панике затрясла куклу, производящую резкий, квакающий звук «Уу-а-уа», надеясь подцепить глаза за реснички и вернуть их на место. Но глаза не держались, падали.

Что же делать? Что же делать!.. Девочка в отчаянии схватилась за голову. Потом перевела взгляд на поломанную куклу. У неё надо лбом, по всей окружности головы проходил шов. Лида одной рукой сжала кукольное лицо, а второй крепче ухватилась за волосы и потянула. Верхняя часть головы, отделилась наподобие скальпа. Видно было, как ровными косичками прошиты волосы, а внутренность нижней части головы — совершенно пустая. Глазной механизм провалился куда-то вниз.

В коридоре послышался звук открывающейся двери. Соединять голову времени уже не оставалось, поэтому бросив всё как было в коробку, Лида потащила её к шифоньеру. И еле-еле успела, прежде чем бабушка вошла в комнату.

Весь следующий день мама с бабушкой хлопотали по хозяйству и ни минуты Лида не могла улучшить, чтобы исправить то, что она натворила. Она ещё надеялась, но вечером мама как-то по-особенному тепло обняла её и сказала:

— Ложись, доченька, сегодня пораньше. Завтра тебе исполнится семь лет. Мы с бабушкой утром тебя поздравим, а к обеду придёт тётя Рая со Светочкой, и мы все вместе пойдём в парк кататься на каруселях, веселиться и праздновать!

Лида кивнула и послушно пошла в кровать. Она с ужасом представляла, как мама открывает крышку, а там... Мало того, что без глаз, так ещё и с разъятой головой. Её подарок. Хотя не только её. Восемь рублей, это восемь маленьких серебристых столбиков, по пять монеток в каждом... Сколько же раз бабушка ходила с тяжёлой сумкой к гастроному, чтобы накопить ей на подарок. От жалости и безысходности Лида беззвучно заплакала. Но слёзы не облегчили её горе, а совершенно измучили. Она не могла уснуть до глубокой ночи, лежала, прижимаясь щекой к мокрой подушке и спрашивала себя: почему так всё получается? Будут ли её любить мама с бабушкой после того, как... Как ей дальше жить?

На столе стояли тарелки и чашки из праздничного сервиза с золотыми ободками, а посередине на блюде большой торт с кремовыми розами.

— Вот так и нужно спать имениннице! — смеётся румяная бабушка в нарядном переднике.

Мама в любимом голубом платье ласково и загадочно улыбается.

— С днём рождения, малышка! Умой личико и приходи! Тебя ждёт сюрприз!

Лида вернулась в комнату с холодеющим сердцем. Бабушка режет торт, а мама уже держит в руках злополучную большую серую коробку.

— Мы желаем тебе быть здоровой, весёлой, доброй, умной и послушной девочкой! Хорошо учиться и помогать маме и бабушке...

Вот и всё. Она долго-долго смотрела на изувеченную куклу, потом, не сказав ни слова, поставила коробку перед Лидой и ушла на кухню. Бабушка в недоумении попеременно то следит за мамой, то рассматривает «сюрприз», а потом всплёскивает руками:

— Ой, ты ж горюшко! С тобой спокойно не умрёшь...

Лида стоит столбом возле праздничного стола.

А из кухни слышны всхлипывания и мамин голос. Такой родной и несчастный:

— Больше никаких кукол! Хватит!

Лида чувствует, как по всему телу разливается кипяток, в голове огонь, она видит себя, как будто со стороны. Лида хватает со стола нож, измазанный розовым кремом, и изо всех сил, бьёт куклу Веру в грудь, в лицо, кромсает на лоскуты синий сарафан.

— Вот тебе! Гадина! Хорошо учиться! И помогать маме и бабушке!

Олег РОМЕНКО

РЕКЛАМЩИКИ

В середине нулевых рынок наружной рекламы в России переживал бурный рост. Вход в этот бизнес не требовал начального капитала, поэтому количество рекламных агентств в нашем городе быстро перевалило за сотню. Вчерашние таксисты, учителя, бухгалтера, фотографы, домохозяйки и даже недоучившиеся студенты с волчьим блеском в глазах ринулись осваивать перспективную нишу.

Вести такой бизнес было не сложно: открыл ИП, взял предоплату с клиента, закупил материалы, нанял рукастых мужиков, выброшенных с развалившегося завода, и вот ты уже не баранку крутишь с замыленными глазами, а предаёшься сиесте в своём офисе, закинув ноги на стол, и солнце вращается вокруг тебя.

Конечно, случались накладки. То рукастые мужики оставались без вознаграждения и в качестве компенсации забирали рабочий инструмент у коммерсанта. То заказчик вместо композитной обшивки наружной стены своего магазина и гламурного козырька с объёмными световыми буквами получал унылый долгострой. Но это всё мелочи жизни. Главное, чтобы деньги упали на твой счёт, а лучше в карман. А там – замучаетесь по судам пыль глотать.

Завод-гигант, на котором я ещё недавно работал модельщиком, дышал на ладан. Многие цеха, в том числе и наш, закрыли. Пришлось мне искать другую работу, потому что кто-то шибко умный в России решил: «У нас есть нефть, а всё остальное мы купим!»

Однажды душным июльским утром я отправился на собеседование в «Дом быта». Это было пятиэтажное кирпичное здание с высоким крыльцом, расположенное в самом проходном месте нашего областного центра.

Внутри «Дома быта» я сначала чуть не потерялся от суеты, царившей в нём. Целеустремлённые люди с сосредоточенными лицами пёстрым потоком неслись вдоль серых стен по коридору. Все вместе они были похожи на огромную сороконожку, открывавшую сразу множество металлических дверей. В глазах рябило от разноцветных табличек с надписями – «Ремонт обуви», «Нижнее бельё», «Аккумуляторы»,

«Электронный рай», «Химчистка», «Все виды страхования»... Имя им – легион.

У меня был чёткий ориентир от директора рекламного агентства «Арлекин» Александра Васильевича Могилевского – «офис 229». Я поднялся по лестнице на второй этаж, предупредительно постучал в дверь, надавил на ручку вниз и толкнул её вперёд.

Офис оказался чуть больше стандартной советской кухни. За маленькими столами, расставленными вдоль стен буквой «П», сидели три человека – мужчина и две женщины. Почти всё оставшееся пространство в их каморке занимали холодильник, кулер и лазерный принтер.

За столом напротив двери однозначно сидел тот самый Могилевский, с которым мы недавно общались по телефону и который сразу предложил перейти на «ты».

Это был упитанный человек лет тридцати с пивным брюшком, небритым лицом и длинной пшеничной чёлкой, которую он откинул пятернёй со лба, чтобы лучше меня рассмотреть. В футболке, шортах и пляжных тапочках Могилевский не был похож на директора в моём представлении.

На столе перед ним лежал закрытый ноутбук и пачка «Винстона» с серебристой сувенирной зажигалкой. В левой руке Могилевский держал двумя пальцами пластиковый стаканчик с суррогатным кофеком из ларька. Сделав глоток, директор почмокал губами-варениками и поставил стаканчик на стол. Затем он сложил одну руку на другую, как школьник за партой, и, уставившись на меня серыми подзаплывшими глазами, крикнул:

– Ну, рассказывай! С чем к нам пожаловал?!

Я рассказал, как мы делали на заводе модельную оснастку для машиностроения, чем очень гордились. Потом рассказал, как новые собственники закрывали одно за другим прибыльные производства, решив переоборудовать цеха под складские помещения, а инженерный корпус под торгово-офисный центр. И теперь работы по моей редкой специальности в городе больше нет, а скоро её не останется в России вообще.

– Жалко, что такие профессии исчезают у нас, – директор опустил глаза, сальный взгляд которых не вязался с попыткой Могилевского изобразить сочувствие на лице.

Я сказал, что работа в наружной рекламе близка работе модельщика, потому что она такая же интересная и нестандартная, требующая творческого подхода и умелых рук, и что мне хотелось бы попробовать.

– Ясно! – кивнул Могилевский и чёлка словно срезала половину его лица, оставив только картофельный нос, щёки бурундука и толстогубый

ухмыляющийся рот над двойным подбородком директора. – Тогда давай знакомиться!

Он потянулся, хрустнув суставами, широко зевнул, а затем встал и бесстыдно выпятил своё арбузное пузо, обтянутое бело-голубой полосатой футболкой.

– Это Татьяна Михайловна Твердохлебова! – указал левой рукой директор на сидевшую за соседним столом сорокалетнюю крашеную блондинку с болезненно покрасневшими белками глаз, в джинсах и светлой майке. – Она у нас директор по непроизводственной части.

Компаньонка Могилевского даже ухом не повела в мою сторону, вперившись взглядом в монитор своего ноутбука.

– Таню-юш! – укоризненно улыбнулся директор.

– Саш, я занята! – раздражённо огрызнулась Твердохлебова.

– Мариш! – весело окликнул Могилевский, сидевшую за его спиной у окна третью обитательницу офиса.

К нам обернулась худенькая остролицая девушка лет семнадцати с плетёными косицами и в очках с большими круглыми линзами.

– Это наш менеджер по работе с клиентами! Марина Александровна Клюева! – глаза директора заблестели, а по лицу расплылась сальная ухмылка.

Менеджер пришибленно хохотнула и отвернулась к окну, где на подоконнике стояли зелёные цветы в глиняных горшках.

– А как насчёт денег? – спросил я.

Могилевский сразу помрачнел, а в его печальном взгляде читалось: «А я-то думал, что мы теперь друзья!»

– Да, деньги сейчас самое главное для всех, – грустно усмехнулся директор и снова сел за стол. – Давай так! Первый месяц мы платим тебе пятёрку, пока ты учишься, а потом будешь получать десятку, как наш паренёк-монтажник.

– Саш! – вскричала, как ошпаренная Твердохлебова. – Давай выйдем на пару минут!

Пошущукавшись пять минут в коридоре, они вернулись и расселись на свои привычные места.

– В общем, первый месяц – четыре, второй – пять, а дальше посмотрим, – скривил кислую мину Могилевский, глядя на меня страдальческим взглядом человека, с которого живьём сдирают кожу.

– Это как-то совсем уныло, – огорчился я.

В дверь постучали, и в офис заглянул сухощавый пожилой мужчина в тёмных очках, лицом похожий на Андропова.

– Ребят, у меня к вам просьба! Выслушайте, пожалуйста! У нас дом в Стрелецком сгорел! Если есть возможность, помогите! – и, обратив

внимание на мой опечаленный вид, как на похоронах, мужчина добавил. – Может я не вовремя зашёл? Извините!

– Ой, не вовремя вы зашли, мужчина! – тяжело вздохнул Могилевский, откинувшись на спинку стула и закатив глаза в потолок. – Ой, не вовремя!

Человек похожий на Андропова ещё раз извинился и скрылся за дверью.

– Смотри сам! – опустил глаза Могилевский. – Никто тебя не неволит. У нас не крепостное право.

В тот момент только сюда требовались рекламщики без опыта работы, поэтому я решил попробовать.

– А можно посмотреть вашу мастерскую? – спросил я.

– Да не вопрос! – оживился директор. – Спустишься на первый этаж, выйдешь во внутренний двор и там увидишь второй гараж слева от себя. Посмотри, попробуй! Раньше сядешь, раньше выйдешь!

Через минуту я вышел во двор под палящее солнце. Только в одном из пяти гаражей, возле которого стояла бордовая «четвёрка», была распахнута настежь дверная калитка. Этот чёрный прямоугольник в воротах посреди залитой солнцем раскалённой асфальтовой пустыни навевал приятную прохладу.

Но заскочив в спасительный сумрак, я остановился на пороге гаража, чтобы осмотреться. И правильно сделал, потому что правее от меня зияла смотровая яма глубиной с человеческую могилу. За ней до самой стены тянулся стол в виде листа ДСП три на два метра, накинутаго сверху на сварной металлический каркас с четырьмя ножками.

Над столом были закреплены две люминесцентные лампы, одна из которых моргала. А на самом столе грудой лежали вырезанные из акрила и обклеенные плёнкой бирюзового цвета объёмные буквы с окантовкой из пластика. К стенам тулились большие обрезки листов пвх, поликарбоната, оргстекла, оцинковки. В дальнем углу находился картонный короб, из которого торчали плотно притиснутые друг к другу тонкие рулончики самоклеящейся плёнки всех цветов радуги.

Прямо передо мной на хлипком офисном стуле с разъехавшимися ножками сидел, согнувшись вдвое, высокий худощавый паренёк лет двадцати в чёрных джинсах и зелёной клетчатой рубашке с коротким рукавом. Уперевшись левым локтем в колено, а виском в запястье, он смотрел в пол невидящими глазами. Тяжело дыша, он часто затягивался сигаретой с такой силой, что на щеках появлялись глубокие, как колодцы, ямки.

За спиной паренька на столе мерцал старенький монитор, на экране которого отображалось меню музыкального проигрывателя. Из колонок по гаражу разносился душеспитательный голос, пробирающий до

першения в горле и чесотки в глазах: «Там под окном «зека». Проталина тонка. И всё ж ты недолга, моя весна...»

– Привет! – поздоровался я с незнакомцем.

Паренёк распрямился и посмотрел на меня. У него были неуклюжие длинные руки и ноги, впалая грудь, узкие плечи и смазливое лицо метиса. В его облике над европейскими чертами явно преобладали восточные, скорее кавказские.

– Здорово, если не шутишь! – насмешливо откликнулся паренёк.

– Ты монтажник? – спросил я.

– Я начальник цеха наружной рекламы! – обиженно, как детсадовец, надул губы он.

Мы быстро поладили с Саньком Рукавицким. Он оказался довольно говорливым пареньком. Чтобы завоевать его расположение, достаточно было не мешать ему изливать свой поток сознания.

Саньку был двадцать один год, на семь лет меньше, чем мне. Недавно Рукавицкий пришёл из армии, устроился официантом в ресторан и через полгода женился на забеременевшей от него коллеге. Сейчас у них маленькая дочь, которая очень мешает Саньку спать по ночам. Работать в таких злочных местах как бары, кафе и рестораны жена Рукавицкому категорически запретила, поэтому он и оказался у Могилевского.

Голос из колонок теперь звучал развязно и нагло: «Давай, давай, красючка! Не в кредит танцуешь - новыми пятихатками плачу!»

– Васильич – лох! – соловьём заливался Рукавицкий. – Он всю жизнь поднимал чужие бизнеса. Сначала Липатова, потом Зайцева, потом Корнейчука. Как только у этих коммерсов всё налаживалось, они давали ему пендаля. От него жена с двумя детьми ушла, потому что он деньги в игровых автоматах просаживает!

– А сейчас? – забеспокоился я.

– Видел в офисе стерву крашеную?

– Твердохлебову? – уточнил я.

– У неё муж бандит! Тачками занимается! – продолжал тараторить Рукавицкий. – Она двух бандюков родила, а сидеть с ними не хочет. Бизнесвумен решила заделаться. Твердохлебов Васильичу плоттер подарил и жену свою в компаньонки пристроил. Так что у них всё фифти-фифти.

А голос из колонок всё подзуживал: «Ты ж ножками, ножками давай! Душа за Россию болит!»

– Ха! Сука! – переключился на проигрыватель Санёк. – Душа у него за Россию болит! Ты веришь ему?! А знаешь ещё что?!

– Что? – стараюсь не потерять самообладания эхом отозвался я.

– Видел там чахленькое тельце у окна сидит? Маришка! Она спит с Васильичем! – тихо воскликнул он. – Девочка закончила ПТУ на кассира,

живёт с мамой в общежитии, для неё даже такой лошок, как наш шеф-предел мечтаний!

– Да он же раздавит её? – не поверил я.

– Ну, позы разные бывают, – усмехнулся Рукавицкий. – А знаешь сколько она получает? Де-сят-ку! Как и я!

– Поздравляю! – пошутил я.

Самопровозглашённый начальник цеха вскочил со стула и стал нервно загибать пальцы:

– Вот смотри! Я – монтажник! Я – макетчик! Я – сварщик! Я – водитель!

Последний оставшийся не загнутым большой палец нервно вибрировал, потому что Рукавицкий не мог придумать ему профессию.

– Кто ещё я?! – спросил он себя и завис.

– Начальник цеха наружной рекламы, – подсказал я.

– Ну! Во! – обрадованно собрал все пальцы в кулак Рукавицкий. – Я всё умею, а получаю, как Маришка! Разве это справедливо!

– Это суперсправедливо! – с серьёзным видом возразил я. – Ты с Васильичем не спишь, а получаешь, как особа приближённая к телу директора.

– Ха! – вытаращился на меня Санёк. – Ну ты приколист! С Васильичем спать, конечно, не сахар! А вот поехали со мной на монтаж и узнаешь, как мне эти деньги достаются!

– Да поехали! – почему-то после слива такого забористого компромата гаражным человеком на обитателей офиса 229 мне стало бесшабашно весело на душе.

– Я сейчас! – обрадовался Рукавицкий. – Только за кофейком в ларёк сбегаю и поедим!

Он бодреньким живчиком направился к выходу, но тут же был отброшен назад, словно взрывной волной.

– Санё-ёк! – заорал, вломившийся в гараж, будто пират на судно, Могилевский. – Что ж ты такой широкий, как шкаф! Не объедешь тебя!

– Саш! Ты сам на меня наскочил! – возмутился монтажник.

– А что ты здесь делаешь! – разошёлся, пыхтя и размахивая руками директор, отчего чёлка у него трепетала, словно занавеска от ветра у раскрытого окна. – Одиннадцать часов, Санёк! Ты давно должен быть на монтаже!

– Саш, да собираюсь я! Главное, чтобы ничего не забыть! – защищался Рукавицкий.

– А я не вижу, чтобы ты собирался! – Могилевский куражился над единственным работником, как дембель над новобранцем.

– Саш, а можно мы с Олегом поедem на монтаж? – робко спросил Рукавицкий.

– Санёк! – театрально прижал растопыренную ладонь к груди Могилевский. – Езжай с кем хочешь! Только езжай поскорее, родной!

Директор упорно игнорировал моё присутствие, словно актёр в театре. Видимо, он принадлежал к числу тех расчётливых психопатов, которые любят устраивать ролевые игры с партнёром номер два при свидетелях.

– Давай загрузим эту шняжечку в машинку, – сказал мне монтажник, показывая взглядом на буквы на столе, – а потом вот этот шаблончик, ящичек с инструментами...

– Санёк! – ехидно усмехнулся директор. – Возьми ещё дрельку, свёрлышки, саморезики... Сань, ты вообще кто?! Мужик или баба?!

– Саш, – опустил глаза Рукавицкий, – ты же знаешь.

– А чего ты тогда канитель развёл?! – продолжал быковать Могилевский. – Быстро собрал всю эту хрень, и чтобы через пять минут ты был на «Мойдодыре»!

Быстро загрузив всё в машину, на крыше которой была закреплена серебристая монтажная лестница, мы выехали с территории «Дома быта» и повернули налево по Преображенской.

– Давай сначала на пляж! – предложил Рукавицкий.

– А разве так можно? – удивился я, глядя на календарик 2006 года под лобовым стеклом.

– Вот за это я и люблю работу в маленьких конторах! – Как бывалый усмехнулся юный монтажник. – Здесь ты сам планируешь свой рабочий день.

– А вдруг он проверит? – возразил я. – Ему пешком через дворы десять минут пройти до «Мойдодыра».

– Я тебя умоляю! – рассмеялся Рукавицкий. – Этот батончик-тритончик выползает из своей пендюрки только за кофейком в ларёк.

Светофор на перекрёстке моргнул зелёным глазом и вместо того, чтобы повернуть налево к магазину бытовой химии «Мойдодыр», открывшемуся возле остановки «Стадион», мы помчали прямо по главной улице к ж/д вокзалу, за которым находился городской пляж.

Улица Преображенская, бывшая Коммунистическая, действительно преобразилась. Фасады домов вдоль дороги подкрасили, тротуары замостили плиткой, разбили цветники, за что горожане стали называть свой город «цивильным». Но мы с Рукавицким больше всего обращали внимание на рекламные конструкции.

Ещё недавно было нормой увидеть вместо вывески кусок ДВП, на котором через трафарет было намазано краской «Одежда» или

«Продукты», но теперь это стало считаться дурным тоном. Коммерсанты стремились поскорее избавиться от своего тёмного прошлого, когда они на базарах спекулировали «ножками Буша», и внести в наружный интерьер своего бизнеса респектабельность и солидность. Поэтому они стали заказывать световые короба, объёмные буквы, неоновую подсветку. Да и названия для своих магазинов и фирм стали выбирать не абы какие, а помесь английского с обоянским.

Пока мы ехали к вокзалу, Рукавицкий заделался гидом, рассказывая какое рекламное агентство оформляло тот или иной магазин, попадавшийся нам на пути. Раз нам повстречались зодчие наружной рекламы. Красные, как варёные раки, все с голым торсом, они присверливали к стене дома большой баннер «Израильская косметика и космецевтика».

– Жалко пацанов, – вздохнул Рукавицкий. – В жару на монтаже работать, семь потов сойдёт. А мы сейчас освежимся, ты мне потом ещё «спасибо» скажешь.

Я спорить не стал. Напарник хоть и показался мне со странностями, но жить красиво умел, совмещая работу с пляжем.

На пляже было полно народу, как будто в выходной день. Пищали дети, кричали чайки, взрослые плавали и загорали, ветер разносил едкий запах креозота.

Накупавшись от души, мы с напарником присели обсушиться на лавочку, где лежали наши вещи. Безмятежный покой нарушил телефонный звонок. Рукавицкий вынул из кармана рубашки свой кнопочный телефон и ответил на вызов.

– Алё, Санёк, ты где? – быстро проговорил Могилевский.

– Саш, я на монтаже, – невозмутимо ответил Рукавицкий.

– Что ты сказал, Санёк?! – с деланным изумлением вскричал директор. – Подожди, я сейчас ухо ближе к трубке приложу. Скажи ещё раз, чем ты сейчас занимаешься, Санёчек?!

– Саш, да хорош прикалываться! – возмутился мой напарник и зашевелил зарывшимися в песок ступнями, отчего мне показалось, что сейчас из этой кучи песка выглянет мордочка крота. – Я на лестнице висю! Сейчас грохнусь вниз, будешь мне потом производственную травму оплачивать!

– Саня, Саня, Саня! – одновременно умоляющим и угрожающим шёпотом протараторил Могилевский. – Остановись, Санёк, а то я сейчас тоже что-то не то начну говорить!

– Саш, да послушай! – обиделся Рукавицкий.

– Знаешь, где я сейчас нахожусь, Санёк?! – оборвал его Могилевский. – На объекте! Рядом со мной наш уважаемый клиент, директор магазина

«Мойдодыр»! И ни тебя, ни лестницы, ни машины я не вижу на горизонте! Ты где, Санёк?! Покажи личико!

– Саш, послушай! – хрипло проговорил Рукавицкий, от волнения кровь ударила ему в голову и лицо потемнело. – Мы забыли саморезы и отъехали до магазина. Через пять минут будем, Саш!

– Санёк! У тебя пять минут – тихо прорычал Могилевский. – Всё! Давай!

– Зачем ты ему сказал про пять минут? – спросил я.

– А что бы ты сказал? – тупо уставился на меня напарник.

Пока мы дошли до вокзала, где припарковали машину, прошло пятнадцать минут. Потом мы не спеша цедили холодный и резкий квас, словно это было наше последнее желание перед казнью. А как только сели в раскалённую на солнце «четвёрку», раздался звонок.

– Это опять Васильич! – с глупым удивлением на лице повернулся ко мне напарник. – Чёрт! Что ему сказать?!

– Скажи, что мы в пробке стоим на Богданке, – посоветовал я.

Рукавицкий нажал кнопку и мы услышали глухой голос перебесившегося человека, у которого уже зла не хватает:

– Где ты, гнида?

– Саш! – истерично-радостно взвизгнул напарник. – Мы в пробке стоим!

– Клиент от нас ушёл, – глубоко вздохнул Могилевский. – Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – весь сразу осунувшись, угрюмо ответил Рукавицкий.

– Меня из-за тебя сукой назвали, – отрешённо продолжал директор. – Ты слышишь меня?

– Слышу, – всё так же угрюмо ответил монтажник.

– Я тебя ненавижу! – отчеканил Могилевский и сбросил вызов.

– Сукой его назвали! – с досады бросил телефон в бардачок Рукавицкий. – Как будто это в первый раз!

– Уволят теперь? – с сожалением спросил я.

– Ха! – зло усмехнулся напарник. – Пусть сначала зарплату, что задолжал за два месяца, заплатит, а потом увольняет.

Рукавицкому этот инцидент действительно сошёл с рук, но аукнулся позже, когда Могилевский и Твердохлебова задолжали ему уже за три месяца. А пока мы с напарником трудились в гараже, не покладая рук. Хотя магазины на центральных улицах уже имели кричащие по последнему писку моды вывески, но для агломерации в полмиллиона человек работы оставалось непочатый край. Тем более, что к нам ехали предприимчивые северяне и южане, которые открывали новые торговые точки.

Мы с Рукавицким клепали баннеры и штендеры, клеили таблички и стенды с карманами из оргстекла, варили козырьки и собирали световые короба, крепя лампы в шахматном порядке. Тяжелее всего нам давались объёмные буквы. Бортики из пластика, которые клеились по контуру буквы к её лицевой акриловой основе, для размягчения и придания им гибкости разогревались феном, отчего ядовитые пары немецкого суперклея больно били по глазам, если вовремя не отвернёшься.

Вдохновлял нас на ударный труд, орущий на весь гараж проигрыватель. Не зря говорят: «нам песня строить и жить помогает», но – «когда б вы знали из какого сора...» Каждый день звучали одни и те же блатные песни. Начинал Шунт: «Нам не страшен вертухай! Взял кредит – не отдавай!» Потом подхватывали «Воровайки»: «Пока нами правит базарная власть, девчонкам воровкам найдётся украсть». А затем феерил Круг: «В Лазурном шум и песни, и там братва гуляет, и не мешают мусора».

Неудивительно, что после такой психической обработки шансоном Рукавицкий нередко в конце дня с недоумением озирает гараж и вслух спрашивал самого себя:

– И что я здесь забыл? Вроде не на помойке себя нашёл?

Я старался отвлекать его от скользких, антисоциальных мыслей личным примером в работе. Глядя на меня, напарник тоже стал шустрее двигаться. Более того, чтобы не терять время на зализывание ран, неизбежное в нашем деле при работе с макетным ножом, Рукавицкий заклеивал порезы на руках суперклеем. Это был старый метод, опробованный американскими медиками ещё во время войны во Вьетнаме, позволивший уменьшать потери и скорее возвращать солдат в строй.

Могилевский раз пять за день заходил в гараж, потирал руки и весело ухмылялся. Почти всегда он поддразнивал Рукавицкого, при этом словно не замечая меня.

– Са-анёк Рука-авицкий! – эксцентричным тоном однажды начал он. – Скажи, Санёчек, твои предки, наверное, рукавицы шили?

– Может быть, – настороженно ответил напарник.

– На зоне! Ха-ха-ха!!! – живот у директора подпрыгивал от хохота, как лягушка.

– Ой, Саш! – игриво кокетничал глазами Рукавицкий. – Я помолчу, чем твои предки занимались!

– Балбес ты, Санёк! – беззлобно ответил Могилевский, видно у него была домашняя заготовка на этот счёт. – Мои предки – белорусы! Город Могилёв! Слышал про такой? Или у тебя кол по географии был? А, Санёк? Признавайся!

В целом, работа в гараже мне нравилась и протекала она без эксцессов, а вот с монтажами постоянно происходили казусы. Видимо потому, что выпустить Рукавицкого из гаража, это как рыбу выбросить в реку.

Однажды мы должны были поехать на Спортивную, чтобы закрепить на киоске возле рынка маленький световой короб с надписью «Хлеб». Но напарник-авантюрист имел другой план:

– Давай сначала на Крейду быстро смотаемся, мне надо с бандюками одно дельце перетереть!

Через двадцать минут мы тормознули на каком-то пустыре в полуразрушенной промзоне на Константина Заслонова.

– Если боишься, можешь остаться в машине, – снисходительно усмехнулся Рукавицкий.

В моём воображении сразу нарисовалась такая картина – сначала бандюки на моих глазах «пришьют» Рукавицкого, как Шукшина в «Калине красной», а потом изрешетят пулями машину Могилевского, чтобы не оставлять свидетелей.

– Знаешь, – ответил я, – если бы у Васильича была не «четвёрка» и «тридцать четвёрка», я бы остался, а так, пойдём вместе.

Когда мы вылезли из машины, навстречу нам от гаражей уже шёл парень лет двадцати пяти в серой футболке, чёрных трико, с бритым черепом и острыми злыми глазами. Он хлётко поздоровался ладонь в ладонь с Рукавицким и испытующе посмотрел на меня, а потом снова на Саньку, словно спрашивая: «мента привёл?»

– Это мой напарник, – сказал Рукавицкий.

– Ты всё там же работаешь? – спросил бандюк.

– Ну, да.

– Сколько тебе платят?

– Десятку.

– Не густо. У нас пацаны в бригаде сорокет вытягивают. Давай к нам!

– Да не могу я сейчас. Малая часто болеет, с ней сидеть надо.

– Ну, смотри.

Рукавицкий протянул бандюку длинную табличку, обмотанную стрейч плёнкой, а тот сразу принялся срывать обмотку. На синей табличке крупными белыми буквами значилось – «Автосервис». Суровый парень дал Рукавицкому пятьсот рублей и на прощание напомнил:

– Если что, мы готовы взять тебя в долю!

Когда мы обратно сели в машину, напарник первым делом глубоко выдохнул:

– Пошёл ты нафиг со своим сорокетом! Я не хочу, чтобы мой ребёнок рос без отца, пока я буду на зоне чалиться. У Васильича надёжней и безопасней, правда?!

– Да не поминал бы ты его, – едва успел сказать я, как у Рукавицкого зазвонил телефон.

– Алё, Санек! Только не рассказывай мне, что ты сейчас на монтаже!

– Саш! – радостно взвизгнул Рукавицкий, как собака услышавшая голос любимого хозяина. – Я скоро буду на объекте! Ты только не уезжай! Я уже на Щорса!

– Да не суетись, Санёк! – захохотал Могилевский. – Я сейчас в офисе. Просто я знаю тебя, как облупленного. Ты вечно болтаешься, как «оно» в проруби, лишь бы не работать. Полгода уже воспитываю тебя, Сань, а ты не меняешься. И как мне с тобой быть?

– Саш, я через пять минут буду на месте!

– Чтоб через две минуты висел у меня на лестнице и долбил крышу перфоратором, дятел, ясно тебе?! – заорал Могилевский и бросил трубку.

– Маришку свою поучи щи варить, воспитатель хренов! – закричал в ответ Рукавицкий, после того как услышал в трубке короткие гудки.

Потом всю дорогу, и даже когда мы устанавливали световой короб на крыше киоска, напарник продолжал бухтеть:

– Я их всех кормлю, а они мне гадят! Надо пожёстче с этими офисными (тут он употребил неприличное слово, которое я заменил на политкорректное) геями! Надо их всех на колени ставить! И Васильича, и Михаловну, и Маришку!

Вскоре ему предоставилась возможность проявить себя во всей красе. Я отработал месяц без зарплаты, а Рукавицкому задолжали уже за три.

Однажды бархатным солнечным утром на исходе лета мой напарник метался по гаражу, как зверь в клетке. Первой из начальников в тот день приехала Твердохлебова в маленьком голубом «Пежо». Только она лениво вылезла из машины, щурясь красными от недосыпа глазами, как в ней тут же подскочил с челобитной Рукавицкий:

– Татьяна Михайловна! Мне деньги нужны!

– Саш! Мне они тоже нужны! – Твердохлебова дала понять, что не на ту попал.

– Мне семью кормить нечем! – рыдающим голосом убеждал Рукавицкий.

– Саш! А давай я тебя усыновлю! – насмешливо прыснула Михаловна. – Если ты неспособен решать свои проблемы – ты не мужчина! Нет, правда, давай я тебя усыновлю.

– Отдайте мне мои деньги!

– А что ты сделал, Саш? За что тебе платить? Ты забыл, как мы с Александром Васильевичем тебя всё лето на пляжах отлавливали?

– Это было один раз!

– Саш, не морочь мне голову! – скривилась директриса и посмотрела в сторону «Дому быта». – Денег у меня нет. Иди работай.

Через десять минут подъехали Васильич с Маришкой на «четвёрке». Маришка сразу побежала в офис, а директор зашёл в гараж поздороваться:

– Привет, Санёк!

– Саш, – понуро опустил голову Рукавицкий. – Тут такое дело...

Могилевский пятой точкой почувствовал, что сейчас речь пойдёт о деньгах. Он тоже опустил голову, сунул руки в карманы, как гопник, и хрипло выдавил из себя:

– Ну, говори...

– Саш, мне деньги очень нужны! У меня с женой нелады... – начал канючить Рукавицкий.

– Санё-ёк! - мрачно заревел Могилевский.

– Саш... - попытался вклиниться Рукавицкий.

– Санё-ёче-ек! - еще громче проревел директор. – Послушай родной! Все беды из - за баб!

– Саш, да я понимаю, но мне нужны... – попытался перевести разговор в конструктивное русло Рукавицкий.

– У меня у самого два таких как ты пацана подрастают! Как они будут жить, мне даже страшно подумать об этом, Саня! – закатил глаза вверх Могилевский, неравномерно хватая воздух, как астматик. – Все беды из-за баб!

– Саш да послушай! – чуть не плача, пытался достучаться до него Рукавицкий.

– Знаешь что, Санёк! – глаза директора весело заблестели. – А пойдём я тебя кофейком угощу в «Оранжевом острове»!

– Саш, у меня семья! – на грани истерики вскричал монтажник.

– Послушай, Санёк! - ободряюще тронул Могилевский Рукавицкого за плечо. – У всех нас есть проблемы. Если всё, что у меня в голове слить в твою голову, знаешь, что с тобой будет, Санёк?! Ты с ума сойдёшь! А я живу с этим! Вот так-то! Пойдём кофеёк пить!

Директор захватил обезволенного монтажника за шею сгибом локтя, пригнул вниз и потащил, как лиса курёнка за собой к ларьку.

В гараж Рукавицкий вернулся совсем расстроенный и сказал, что на деньги можно не рассчитывать. Могилевский объяснил ему, что Твердохлебова собирается в Таиланд, но муж дал ей денег в обрез, чтобы она не позволила себе ничего лишнего. Тогда Михаловна попросила Могилевского занять денег у её мужа якобы на нужды фирмы, а потом эти

деньги тайком передать ей. А на днях Рукавицкий сам стал свидетелем сцены в офисе, устроенной бывшей сотрудницей, которую сменила Маришка. Беременная девушка, уволившаяся полгода назад, требовала расчёта и грозила судом. Могилевский побежал в ломбард и заложил ноутбук, чтобы погасить долг по зарплате.

– Ну вот! – сказал я. – Нашёл же он выход из положения! Пусть возьмёт кредит и заплатит нам положенное! Мы честно работали и не виноваты, что эти сволочи живут не по средствам.

– Как же, возьмёт он! – криво усмехнулся Рукавицкий.

– Ты же сам говорил, что надо с ними пожётче! – не отступал я.

– Ну?

– И что надо их на колени ставить!

– Ну?

– Давай завтра не выйдем на работу!

– А если уволят?

– Так твоё положение хуже безработного! Тот дома сидит без денег, а ты мало того, что без денег, так ещё и работаешь задарма.

– Ну да, ты прав! – согласился напарник.

Утром в десять утра, когда я выспался и не торопясь завтракал, мне позвонил радостный Рукавицкий:

– Приезжай на работу! Васильич нам зарплату выдаст!

Через полчаса я был на месте. Могилевский сидел в углу, боком к мерцающему в полумгле монитору, вытянув ноги перед собой. Правая рука его лежала на столе вдоль клавиатуры, а ладонью левой он упёрся в колено. Голова директора была наклонена вниз, а лицо искривилось так, что можно было подумать, будто у него сердце расшалилось. Поза называлась - «довели человека».

А Рукавицкий тем временем беспокорно расхаживал по гаражу, как курица, в ожидании корма. Заметив меня, он раскудахтался, замахав руками, как крыльями:

– Ну, наконец-то, мы тут уже заждались...

Могилевский выпрямился, смахнул пальцами чёлку со лба и вынул из кармана шорт свёрнутую пополам стопку зелёных купюр.

– Ну, приступим, – страдальчески вздохнул директор. – Только сразу предупреждаю! Тебе, Санёк, пока за один месяц могу отдать.

– Ну хоть так, – охотно согласился Рукавицкий.

Могилевский снова опустил голову и чёлка опять упала ему на глаза, что нисколько не мешало подсчёту. Директор с закрытыми глазами тщательно мусолил двумя пальцами каждую купюру, а его пухлые губы еле слышно шептали:

– Пять, шесть, семь...

Мне казалось, что легче из камня выжать воду, чем добиться денег от Могилевского. Но нам удалось это и настроение было приподнятое, несмотря на то, что зарплата Рукавицкого была похожа на пенсию, а моя на стипендию.

– Ну что? Вы будете работать дальше? – неуверенно спросил директор.

Мне хотелось сказать: «Ты бы деньги платил людям нормальные, и не возникало бы у тебя глупых вопросов».

– Да, сейчас начнём, Саш, - заверил Рукавицкий.

– Санёк! – поморщился Могилевский. – Я не про сейчас, а вообще.

Тут мы оба промолчали. Этот вопрос был ещё глупее первого. Вроде пресловутого стандартного вопроса на первом собеседовании: «Кем вы видите себя в нашей компании через пять лет?»

– Ясно! – с кряхтением поднялся, держась за поясницу, директор.

Когда он вышел, я спросил напарника:

– Почему твой Васильич не пострижётся нормально? Вечно волосы на глаза лезут.

– Он такой же мой, как и твой, – немного обиделся Рукавицкий. – А ты не в курсе, что он фанат «Мумий Тролля»? Это он под Лагутенко косит и носит длинную чёлку.

– Никогда не видел фанатов «Мумий Тролля». Я думал таких идиотов не существует в природе.

– Один из них только что вышел отсюда, – хохотнул напарник. – Хорошо, хоть деньгами подогрел. До сих пор не верится.

Михаловны в этот день уже не было с нами. Она улетела в Таиланд и эти две недели без неё были самыми светлыми за всё время моей работы в этом рекламном агентстве. Я, конечно, не согласен с Васильичем, будто «все беды из-за баб». Обычно так говорят думающие, что «бабы ещё нарожают», но то, что все беды «Арлекина» связаны с Михаловной, для меня было очевидно.

После её возвращения каждую зарплату приходилось выбивать с боем. Твердохлебова истерила и костерила нас на чём свет стоит. Меня попрекала, что они с Васильичем, добрые души, повысили мне оклад с четырёх до пяти тысяч. Тошно было слушать такое, когда средняя зарплата по городу была десять тысяч.

Сущность Михаловны была такова, что если она зажала в кулаке нашу трудовую копейку, то разжать ей пальцы, фигурально выражаясь, можно было только гвоздодёром. Каждый такой «разговор о важном» заканчивался отвратительной нервотрёпкой и у меня крепло желание поскорее уйти оттуда. Но в конце года случилось чрезвычайное происшествие, из-за которого мне пришлось немного задержаться.

Однажды в начале декабря мы с Рукавицким сидели в натопленном гараже и потихоньку клеили таблички для прокуратуры. Покойный Круг ублажал напарнику слух: «А сечку жрите, мусора, сами...» И тут к нам влетел взбудораженный Могилевский, весь красный, со вздувшимися жилами на шее:

– Собирай манатки, Санёк! На зону поедешь!

– Ты чего, Саш?! – не поверил, но испугался «сглаза» Рукавицкий.

– Помнишь ты в мае козырёк со световым коробом в автомагазине на Волчанской вешал? – учащённо сопел директор.

– Помню, – ничего не понимая, широко раскрыл глаза Рукавицкий.

– Мне сейчас директор магазина звонил! – пылал гневом Могилевский, безуспешно пытаясь смахнуть прилипшую ко лбу чёлку. – Ты девочку чуть не убил!

– Какую девочку?! – одеревеневшим ртом промямлил Рукавицкий.

– Менеджера! Девочка после перекура едва заскочила в магазин, даже дверь за собой не успела закрыть, а у неё за спиной козырёк наземь рухнул, а на козырьке вот такая глыба льда! – Могилевский насколько мог широко развёл в стороны руки, которые у него тряслись. – Девочку всю трясёт! Она до сих пор в себя прийти не может! Директор рвёт и мечет! Я пообщался со своим адвокатом, хана тебе, Санёк!

В гараж зашла Михаловна и глумливо усмехнулась:

– Я же говорила тебе, Саш, давай я тебя усыновлю. Ты ведь ещё и не жил, а уже вышел весь. А ты подумал, как твоя дочь без отца теперь будет расти.

– Да вы чего, Татьяна Михайловна! – фальцетом закричал Рукавицкий и вскочил со стула.

– Да ты сядь, Санёк! – подхватил тональность Михаловны Могилевский. – Тебе теперь долго придётся жить в положении сидя. Не зря ты всё это время блатные песенки слушал, весь их жаргон выучил, не зачмыришься на зоне.

– Саш, да ты чего, – поплыл Рукавицкий.

– Хотя постой, Санёк! – как громом поражённый с ужасом на лице застыл Могилевский, театрально обхватив голову руками. – Ты же у нас красючка! Не свезло тебе братан! Не родись красивой, а родись счастливой! Не ходить тебе на зоне в блатных! Знаешь, что там с тобой сделают?

Рукавицкий безмолвно смотрел на своего мучителя выпученными глазами полными слёз. А Могилевский, набрав в лёгкие побольше воздуха, взялся кончиками пальцев за концы невидимой юбки, слегка поклонился, приподнял руки повыше, а потом поскакал и запел:

– Александра! Александра!

– Саш, да харэ! – взвизгнул насмерть перепуганный монтажник.

– Что, Санёк, не нравится?! А ты подумал о деловой репутации нашей фирмы. Если по городу пойдут слухи, кто потом ещё хоть раз из наших клиентов обратится в «Арлекин», узнав, что здесь орудуют монтажники-убийцы!

– Саш, да ты скажи, что делать надо! – в отчаянии вскричал Рукавицкий, ослепший от слёз он пытался ухватиться за директора, чтобы обрести точку опоры.

– Отстань! – увернулся Могилевский. – И слушай! Директора магазина я уболтал, мы всё переделаем за наш счёт, но чтобы больше без косяков у меня!

– За свой счёт переделывать будешь, – прошипела Рукавицкому Твердохлебова с красными глазами, высунувшись из-за спины Васильича, как змея из корзины факира.

– Но только быстро, Санёк, пока он не передумал. Сейчас едешь на Волчанскую, забираешь козырёк с коробом, заметаешь следы преступления, а завтра утром новый козырёк должен уже висеть на месте! – напутствовал Могилевский. – Хоть всю ночь сегодня в гараже ночуй, а сделай! Даю тебе шанс!

Не теряя лишнего времени, мы с Рукавицким сели в «четвёрку» и выехали на место происшествия. Всю дорогу меня занимал вопрос – как на козырьке могла оказаться глыба льда? Напарник рулил на автопилоте в расстроенных чувствах и ничего не смог мне объяснить.

На месте всё выяснилось. Перед входом в Т-образное строение барачного типа, где находился автомагазин, на расколотой плитке лежал сварной козырёк изнутри обшитый оцинковкой и по стыкам запаянный герметиком, но без крышки для слива. Иными словами, это была «ванночка», в которую собиралась дождевая вода. Зимой вода обледенела и козырёк сорвался вниз с джокерных труб, на которых он держался только за счёт хлипких саморезов. Это действительно была глыба льда, способная убить человека, и не одного.

Потрясённые каждый по-своему, мы с Рукавицким стояли молча у разбитого козырька. Только я снял шапку проветрить голову, как дверь магазина открылась и оттуда выглянула девушка, похожая на Маришку. В её глазах читалось: «Убивцы вы наши!» Наверное, это была та самая, потому что она отчаянно пискнула и убежала, хлопнув дверью.

– Как же ты до такой конструкции додумался? – спросил я Рукавицкого.

Он ответил, что хотел предоставить клиенту сервис по высшему разряду. Обычно с козырька вода стекает и заливает крыльцо, что очень мешает покупателям при входе в магазин. А вот если вода будет собираться в герметичной «ванночке», а потом испаряться под лучами

солнца, то люди не ощутят последствий погодных неудобств. О том, что вода на улице зимой превращается в лёд, Рукавицкий не подумал.

Мы отсоединили световой короб в виде гигантского макета дисплея автомагнитолы, а с обледеневшим изнутри козырьком предстояло повозиться.

– Нужен ледоруб, – сказал я напарнику.

Он молча перебрался через козырёк и открыл дверь. Прямо через небольшой коридор начинался автомагазин. Но мы повернули налево, где находились служебные помещения. Рукавицкий толкнул дверь с надписью «Бухгалтерия». В квадратной комнате сидела крупногабаритная дама с усиками, а за соседним столом приютилась наша перепуганная знакомая.

– У вас ледоруб не найдётся? – переводя мутный взгляд с одной женщины на другую, мрачно спросил Рукавицкий.

– Кха-кха, – ответила дама с усиками.

– Ясно! – хрипло выдохнул Рукавицкий и закрыл дверь.

– Э, орлы! – грозно окликнул нас кто-то сзади. – Вы чего тут шляетесь?!

Мы обернулись и увидели, быстро идущего к нам из другого крыла строения пожилого человека с военной выправкой. Короткие седые волосы на его голове топорщились ёжиком, на плечи был накинута зимняя армейская бушлат песочного цвета с синим воротником из искусственного меха.

– Нам ледоруб нужен, – объяснил Рукавицкий.

– Так вы те самые, которые... – морщины на лице старика стали ещё глубже, а в его васильковых глазах вспыхнули презрение и сарказм. – Где же вас таких понаделали?

– В СССР, – без дураков ответил я.

– Ты поговори мне ещё! Я здесь комендант! – сурово посмотрел на меня сердитый дед. – Что же вы только творите, олухи! Козырёк нормально сделать не смогли! Окажись вы в моей батарее, я бы вас к орудию на пушечный выстрел не подпустил бы! Вы бы у меня из сортира не вылазили бы с тряпками! Оба!

– Дадите нам ледоруб? – напомнил я о просьбе Рукавицкого.

– Э-э-э... – страдальчески скривился комендант. – Пойдёмте, чума и холера!

Мы направились за ним в противоположное крыло. Дойдя до середины, старик вытащил из кармана связку ключей и открыл дверь в каморку без окна. Свет включать он не стал, а осветил фонариком. Погромыхав каким-то железом внутри, комендант сказал:

– Ледоруба у меня нет. Он уже давно в Мексику уплыл. Берите лом. И смотрите, чтоб вернули и не погнули!

Потом Рукавицкий с тупым отчаянием на лице безуспешно долбил ломом лёд, видимо размышляя о быстротечности времени, которого ему к тому же катастрофически не хватало, а я думал, как поскорее с этим разделаться.

– Кто же так следы замечает?! – наконец надумал я.

– На, попробуй сам! – протянул мне лом взмокший напарник.

– Давай высверлим заклёпки, снимем каркас, а корыто со льдом спихнём в сторону, – посоветовал я.

Так мы и сделали. Облегчённый каркас козырька мы подняли над опорными трубами и отнесли к машине, привязав его верёвкой вместе с коробом к багажнику на крыше.

В гараже я помог Рукавицкому подлатать световой короб, пострадавший при падении.

– А с козырьком что делать? – спросил вконец одуревший от сегодняшних приключений напарник.

– Ты меня спрашиваешь, Санёк! – ехидно усмехнулся неожиданно вошедший Могилевский. – Ты у нас начальник цеха, а я директор!

Я сказал, что надо сначала разбить козырёк, подрезать перемычки, а потом заново сварить конструкцию таким образом, чтобы у крыши был наклон набок, и тогда вода всегда будет стекать и не попадать на крыльцо.

– Ну что, тебе ясна задача, балбесина?! – сказал директор таким тоном, будто это он сам придумал план действий.

– Да, – безжизненно отозвался Рукавицкий.

Он понимал, что работа предстоит немалая, а других вариантов не предвиделось и завтра всё должно быть сделано.

– Ну так шевели колготками, красючка! – прикрикнул Могилевский.

В шесть вечера я переоделся, и мы с Могилевским вышли из гаража. На улице кружил невесомый снежный пух. Почти все окна в пятиэтажке «Дома быта» были жёлты. Порой в них мелькали, как в театре теней, силуэты суетливых человечков, которые ковали железо, пока горячо. И мне казалось, что в этом доме уже не осталось живых людей, их проглотили собственные тени алчности.

Мы шли с Могилевским вместе до кофейного ларька и я знал, что он ещё будет сидеть в офисе часов до восьми. Нередко случайные клиенты забредали сюда и после окончания рабочего дня, а директору не хотелось упускать лишнюю копейку. Но пока наши пути ещё не разошлись, я решил высказать ему свои соображения:

– Может Саньку лучше уйти, от греха подальше.

– Как это уйти? – вытаращился на меня Могилевский, будто я обматюкал его.

– Он же работал раньше официантом. Там он, по крайней мере, никого не убьёт, а здесь ему опасно оставаться, – пояснил я свою мысль.

– Так он же никого не убил? – не соглашался директор.

– А если ещё по городу санькины козырьки начнут падать на головы людям? Как это отразится на имидже фирмы? – привёл я убойный аргумент.

– Да как же я его уволю? – запротестовал Могилевский. – Он может отказаться! Да и вообще, послать меня! Свободный человек, имеет право, что ты такое говоришь!

– Я могу сам с ним поговорить и убедить.

– Не надо! Ты не понимаешь! Санёк мне как сын! – и Могилевский посмотрел на меня такими пронзительно честными глазами, про которые говорят: «им всё божья роса».

Закончив ПТУ в 1992 году, Могилевский решил попытать счастья в малом бизнесе, пришедшем на смену советским кооперативам. Первым местом его работы была полиграфическая фирма «Графит». Ещё недавно будущий директор этой фирмы Липатов был фотографом в проектном институте. Большую часть рабочего дня он бездельничал и жаловался коллегам: «Как можно жить на 90 рублей?!» Но тут подоспело «время возможностей». Руководство института приватизировало свой объект и стало сдавать его в аренду. Липатов же, выгодно женившийся на дочери главбуха их организации, получил вместе с невестой полиграфический центр института.

Могилевский, наверное, так бы и остался простым работягой, если бы через три года в их фирме не нарисовался новый менеджер, а точнее – приёмщик заказов по фамилии Зайцев, в прошлом бухгалтер. Зайцев сгорал от зависти, наблюдая какие шальные деньги через его руки ежедневно текут в кассу «Графита». Ему хотелось открыть свою лавочку, но он не имел стартового капитала. Однако то были девяностые – «время возможностей».

Конечно, не каждому с неба в руки падала невеста с полиграфическим центром в придачу, но если присмотреться... И Зайцев присмотрелся к липатовским сотрудникам. Некоторых из них, в том числе юного Могилевского, ему удалось увлечь за собой сладкоголосыми речами: «У Липатова вы были рабами, а я приглашаю вас в компаньоны».

Три года Могилевский проработал у Зайцева на ручном кустарном станке, занимаясь трафаретной печатью. В отличие от Липатова, который платил своим «рабам» по тем временам приличные деньги – 300 долларов, Зайцев держал своих «компаньонов» в чёрном теле. Но он был очень добрым и душевным товарищем, особенно когда с щенячьими глазами просил Могилевского поработать сверхурочно «за того парня», ведь со

временем все остальные «компаньоны» не выдержали спартанских условий и сбежали от директора «Полиграфсервиса». А вот Могилевский дотерпел до обещанного светлого будущего, чтобы увидеть как Зайцев закупит промышленное оборудование, наберёт новых работников, а своего последнего и самого преданного «компаньона» пошлёт на вольные хлеба.

А затем обычному инженеру с завода лимонной кислоты Корнейчуку каким-то чудом перепало два стареньких чехословацких «Ромайора» и он, ошалев, не знал, что делать с таким, свалившимся на него богатством. Толковые люди посоветовали ему открыть типографию, а в компаньоны порекомендовали Могилевского. Через пять лет пути компаньонов разошлись, как в море корабли. Корнейчук пересел с «копейки» сначала на «Ниву Шевроле», а потом и на «Ленд Крузер». Могилевский получил развод от жены и должен был выплачивать алименты на двоих детей, но приобрёл опыт многостаночника. Закончилось дело тем, что Корнейчук послал Могилевского туда же, куда и Зайцев.

Не успел Могилевский прийти в себя, как на него через третьи лица вышел некий Твердохлебов, у которого жена-домохозяйка зудела и жаждала деятельности. И снова речь зашла о компаньонстве. Могилевский просил на печатный станок, но Твердохлебов дал на режущий плоттер, потому что он в сто раз дешевле. Пришлось вместо типографии открывать рекламное агентство, к которому у Могилевского душа не лежала. Но тут ему был послан свыше подарок судьбы в лице Рукавицкого, и директор «Арлекина» решил отыграться на нём за все свои неудачи, да ещё и нажиться.

Об этом я думал, вспоминая и домысливая откровения самого Могилевского, когда шёл домой после работы по оживлённой и шумной центральной улице. В глазах суетливо спешащих по своим делам людей, уже поблёскивали огоньки предновогоднего настроения.

Но я находился под впечатлением дня сегодняшнего и смотрел на всё вокруг под иным углом зрения. Вот, например, из магазина «Окна&Двери» с яркими витринными окнами, увитыми, как плющом, мигающими гирляндами, вышли на крыльцо под козырьком две молодые непуганые продавщицы. В накинутых на плечи болоньевых куртках, с комически важным выражением на лицах, будто у одной на голове свернулась колечком в виде шапки персидская кошка, а у другой на макушке горела кремлёвская звезда, они курили тонкие, как соломинки для сока, сигареты и запивали их ванильный дым химозным кофейком из пластиковых стаканчиков. А мне казалось, что этот козырёк тоже дело рук Рукавицкого, и что он сейчас дамочловым мечом навис над головами ничего не подозревающих продавщиц, готовый обрушиться в любой момент.

Когда я утром зашёл в гараж, то сразу в нос ударил тошнотворный запах протухшей рыбы. В воздухе витал едкий сизый дым, от которого сразу защищало глаза, а в уши вонзился пронзительный визг. Рукавицкий зачищал «болгаркой» сварные швы переделанного по моему проекту козырька.

– Привет, – поздоровался я.

Напарник выключил «болгарку», бросил её на стол и прихрамывая, как легендарный Гефест, поплёлся к компьютерному столу.

– Здорово, – хрипло отозвался Рукавицкий и тяжело опустился на стул.

– Ты всю ночь здесь был?

– До двенадцати ночи, – затуманенным взглядом посмотрел на меня напарник, будто не узнавая, – а в шесть уже снова тут был. Малая всю ночь кричала, голова раскалывается.

Его колбасило, как астронавта, лишившегося скафандра в открытом космосе.

– Может тебе кофейку? – предложил я убийце - мученику.

– Нет! – он мотнул головой. – Я от этого помойного кофейка уже кровью харкаю. Дай лучше сигареточку.

– Апч! – раздалось у меня за спиной.

Это в гараж вошла Михаловна, а за ней Васильич. Сначала, приняхавшись и поморщившись от дыма и вони, Могилевский осмотрелся. Удовлетворившись сделанной работой, он повеселел и запел:

– А тебя посадят, миленький Санёчек. А тебя посадят, сизый голубочек.

– Саш, да хватит уже! – одёрнула компаньона Михаловна. – Пусть отрабатывает!

– Ничего не хватит! – притворно - грозно рявкнул Могилевский и мрачно усмехнулся. – Пока из него человека не сделаю, я с него не слезу, Танюш! Ты понял меня, Санёк?! Чтоб не расслаблял булки!

– Саш, да ты заманал! – вскричал Рукавицкий.

– Я тебя ещё не манал! – заорал директор.

– Саш, пойдём чай пить! – в дверях появилась невыспанная Клюева с растрёпанными волосами.

Она вошла в гараж в чёрной болоньевой куртке Васильича, накинутой поверх плеч и прислонилась спиной к стене. Засунув руки в карманы куртки и склонив голову набок, она стояла на одной ноге, как цапля, подогнув вторую в колене и оперевшись подошвой в стену.

Твердохлебова, брезгливо фыркнув, сказала, что она будет в офисе и вышла, а Могилевский вразвалку направился к Маришке. Он осторожно

взял её за узкие плечи своими лапищами, похожими на ласты тюленя, и повёл к выходу:

– Не надо тебе тут стоять, Мариш! Здесь дует и воздух очень плохой!

– Саш, – окликнул директора Рукавицкий, – машина заправлена? А то нам на монтаж надо ехать.

– Садись в машину, Мариш, – вздохнул Могилевский, – придётся нам сначала до заправки прокатиться.

Клюева вышла, а Васильич еще раз критично осмотрел козырёк и спросил меня:

– Не упадёт?

– Мы его с тыльной стороны к стене на анкерные болты закрепим, чтобы он не на одних саморезах держался, – ответил я. – Надо было сразу так сделать.

Директор гневным взглядом потребовал от Рукавицкого объяснений.

– Саш, ну не было у меня тогда с собой анкерных болтов! – затравлено сжался монтажник.

– Я когда-нибудь тебя убью! – сделал страшное лицо Могилевский, а потом снова обратился ко мне. – Ты его проконтролируй, а то я ему больше не доверяю.

– Саш, да сделаем всё на совесть! – заверил Рукавицкий.

– Знаю я твою совесть, Санёк! От неё тюрьмой пахнет! Надёжно сделай! Понял?!

– Понял, Саш.

– Ну так давай, давай, давай, Санёк! – закричал директор, тесня Рукавицкого к монтажному столу своим арбузным пузом, выпирающим из-под серого турецкого свитера. – Я за твой бензин новыми пятихатками плачу!

Покуражившись, Могилевский вышел, прогрел машину и они с Маришкой укатили. А Рукавицкий расправил плечи и, хитро заглядывая мне в глаза и скалясь, как динозаврик, загадочно произнёс:

– Мне одному показалось, что Маришка беременна?

– С чего ты взял?

– А ты видел, как он с ней обращается? – и Рукавицкий стал кривляться, передразнивая директора. – Маришка, ты тут не стой, тут дует! Маришка, тут воздух плохой!

– Воздух здесь действительно плохой, – согласился я с Могилевским. – А может он любит Маришку?

– Ха! Видал я таких любителей! – зло рассмеялся Рукавицкий. – Вот неслучайно мне так показалось! Скоро узнаем!

Однако узнать нам этого тогда не довелось, потому что вскоре Могилевский втянул нас в свою последнюю авантюру.

Эта напасть случилась через пару дней после того как мы установили переделанный козырёк и окончательно закрыли вопрос с «посадкой» Рукавицкого. Дело было к обеду. Мы с напарником распускали при помощи метровой линейки и канцелярского ножа лист ПВХ на небольшие прямоугольники для дверных табличек.

Неожиданно дверь широко распахнулась и в лицо повеяло бодрящей свежестью, а глаза больно кольнуло от ослепительной белизны искрящегося под низким зимним солнцем снега. Могилевский перешагнул через порог и замер, оперевшись правой рукой в притолоку двери. Оглядев нас плутовато блестящими глазами, он запел гнусавым, мяукающим голосом, как его кумир Лагутенко.

– В подворотне их ждёт манья-як! – толстый директор попытался, насколько мог, по-кошачьи прогнуть спину. – Парочку простых и молодых ребят!

Потом Могилевский вошёл в гараж и, размахивая полупрозрачным пакетом с какими-то продуктами в левой руке, направился к Рукавицкому:

– Па-па-ра-па-ра-па-пам! Па-па-ра-па-ра-па-пам! Санёк, ты маньяков боишься?

– Никого я не боюсь! – хмуро отвернулся Рукавицкий.

– А чё ты тогда шарахаешься от меня?! А не по-ал?! – заорал директор, а потом резко сдал назад и перешёл на спокойный, благодушный тон. – Да шучу я, Санёк, ты же меня знаешь.

– Саш, не дёргай меня, – обозлился и отодвинулся монтажник, – а то я табличку криво отрежу!

– Табьицьку кыво отъезю! – передразнил, как маленького, Могилевский. – Санёк, если бы ты был бабой, я бы тебя спросил: «Зачем с больными руками замуж выходила?» Но ты же не баба, а, Санёк?!

– Саш, да хорош тебе!

– Санёк, а как ты смотришь на то, чтобы я до нового года рассчитался с вами полностью по зарплате?

– Серьёзно? – недоверчиво повернулся лицом к директору монтажник.

– А ты думаешь я шучу с тобой?! – наигранно возмутился Могилевский. – Санёк, мы живём в России! У нас не принято начинать новый год с долгами. И я намерен до конца года рассчитаться со всеми, кому должен.

– Саш, да я только за! – радостно воскликнул Рукавицкий.

Его уши покраснелись, попав под «обогрев», исходящий от посулов директора, а на лице от умиления расплылась глупая улыбка.

– Только надо ударно поработать перед новым годом, пацаны, – взял серьёзный тон Могилевский.

– А что надо делать, Саш?

– Заинтересовал?!

Директор почесал зад, и вытащил из кармана джинс сложенный вчетверо лист бумаги. На нём мы увидели цветное фото автозаправки где-то в чистом поле.

– Это хутор Редины дворы, – пояснил Могилевский.

– Так это двадцать кэмэ от города, – загрустил Рукавицкий.

– Санёк, я тебя не в Москву зову на заработки, – раздражённо повёл плечами директор. – Что такое двадцать кэмэ? Мы прямо сейчас туда смоаемся! Мне надо бумаги подписать у клиента, чтобы нам денежки упали, а вы посмотрите на фронт работ.

– А обед? – уныло спросил Рукавицкий.

– Где тут у тебя чистая подложка, Санёк? – Могилевский заозирался по сторонам и поставил пакет на стол.

Рукавицкий нагнулся и поднял с пола свернувшуюся в рулон метровой ширины бумагу, используемую как подложку для самоклеящейся плёнки «Оракал». Вдвоём с Могилевским они развернули рулон, держа бумагу за разные концы, и несколько раз встряхнули её, как ковровую дорожку, а потом положили на стол вощёной стороной кверху.

Могилевский достал нарезанный хлеб в кульке, упаковку «пальчиковых» сосисок и майонез в пакетике. Затем он вцепился зубами в пакетик, оторвал от него уголок и сплюнул себе под ноги. Директор выдал весь майонез на бумагу и, вооружившись хлебом и сосисками, вместе с Рукавицким они принялись за еду.

Они старательно, низко наклонив головы, собирали майонез с бумаги мягким, как поролон, хлебом и соевыми сосисками, а потом отправляли всё это себе в рот вместе с пальцами, которые смачно обмакывали. Мне вдруг стало не по себе от мысли, что сейчас раздастся характерный хруст и выяснится, что кто-то из них по неосторожности откусил себе фалангу или две.

Они быстро проглотили половину обеда, после чего расстаравшийся и покрасневший директор, смахнув со лба тыльной стороной ладони свою длинную, как хохолок чибиса, чёлку, приглашающе махнул мне рукой:

– А ты чего стоишь? Присоединяйся!

– Нет, спасибо, – отошёл я подальше от стола, и наблюдал как они, урча и сопя, приканчивают остаток обеда.

– Он рыбу любит, – пробурчал с набитым ртом Рукавицкий.

– Ясно, – усмехнулся Могилевский, а потом скомкал лист с распечаткой заправки в «снежок», обтёр ладони и бросил на пол. – Пойдём, Санёк, в ларёк по кофейку, я угощаю.

Через полчаса мы с Рукавицким сидели в офисе на стульях для клиентов, Твердохлебова суетилась с распечаткой документов, Клюева пряталась за ноутбуком, а Могилевский осторожно расхаживал по тесной каморке и гнусаво распевал, словно передразнивая своего кумира:

– Уходим, уходим, уходим...

Остановившись у Маришкиного стола, директор задвигался так, будто крутил невидимый обруч на талии. Выглядело это отвратительно, но ещё отвратней он запел:

– Бьётся родная, в экстазе пылая...

– Саш, вот счёт-договор! – Твердохлебова торжественно протянула Могилевскому бумаги в прозрачной папке.

– Отлично, Танюш! – обрадовался директор. – Тогда мы поехали. Пожелайте нам удачи, девчонки!

– Удач вам, ребят! – насколько могла теплее сказала Михаловна.

– Будь осторожен за рулём, Саш! – пискнула Маришка.

Когда мы сели в машину, я сзади, а Рукавицкий рядом с директором, Могилевский решил включить магнитолау:

– Что это мы без музыки?!

Я представил, что сейчас из магнитолы выползет, как рептилия, Лагутенко залезет в рот директору и тот окончательно лишится дара человеческой речи и будет изъясняться только текстами «Мумий тролля».

Но совершенно неожиданно для меня раздался дробный голос Цоя: «Белый снег, серый лёд, на растрескавшейся земле...»

И этот голос сопровождал нас весь путь, пока мы неслись по дороге, проложенной через овраги, отчего она местами напоминала американские горки.

– Санёк, план такой! – начал Могилевский, пристально глядя сквозь лобовое стекло. – За неделю вы разбираете стелу, срываете кассеты с навеса, вагонку с потолка, расширяете колонны...

– Саш, не гони, мы столько не успеем за неделю! – встрепенулся Рукавицкий, словно человек, заметивший как мухлюет напёрсточник.

– Санёк! За неделю я этот курятник один разберу! А вас двое! Не вешай мне лапшу, Сань. Я ведь тоже не лошок в этом деле, – пристыдил монтажника директор. – Вот, значит, как мы поступим... Сегодня у нас какое?

– Восьмое, – раскис Рукавицкий.

– Сейчас подпишем договор, получим предоплату, – барабанил пальцами по колену Могилевский, обнимая второй рукой руль, – я закуплю композит, ручной фрезер и буду всю неделю шуровать кассеты в гараже пока вы на заправке. А через неделю мы уже все вместе займёмся монтажом и числа двадцать пятого я с вами рассчитаюсь по полной, как и обещал.

– Саш, нам бы людей ещё, – канючил Рукавицкий.

– Сань, не нагоняй на меня тоску, – зевнул Могилевский, а потом резко воодушевился, – Знаешь, какая у меня идея, Санёк?! Мы купим кофемашину!

– Зачем? – тупо уставился на директора монтажник.

– Как зачем?! – удивленный апатией Рукавицкого воскликнул Могилевский. – Ты знаешь, сколько мы денег с тобой в ларёк отнесли?! Однорукие бандиты так не потрошат карманы, как эти кофейные ларьки! А когда у нас будет кофемашина, нам достаточно только закупить кофе, вода бесплатная... Представляешь, сколько мы сэкономим?!

А Цой тем временем продолжал изливать свои мрачные мысли: «Я не знаю, каков процент сумасшедших на данный час, но, если верить глазам и ушам, - больше в несколько раз».

Заправка действительно оказалась в чистом поле, занесённом снегом, как мы уже видели на распечатке у Могилевского. Когда мы втроём выбрались из машины, из людей нам встретился только один таджик с заправочным пистолетом в руке. Он недоверчиво и опасливо покосился на нас, а потом повесил пистолет на колонку и помчал, как сайгак, в операторскую.

Через пару минут оттуда вышел какой-то мужик лет сорока и направился к нам. Кепка, пальто, брюки и туфли на нём – всё было чёрное, как оперение ворона. Он шёл то и дело пригибаясь, словно у него над головой свистели пули. А за нашими спинами мужественно и решительно звучал голос Цоя: «Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне...»

Подойдя к нам, этот странный человек продолжал испытывать дискомфорт, беспокойно озираясь по сторонам и поёживаясь от каких-то своих нехороших предчувствий. Он явно боялся открытых пространств, и я подумал, что его тотчас бы отпустило, окажись он в бункере или хотя бы в блиндаже.

– Кто у вас старший? – спросил чёрный человек с несчастным и бледным лицом, настороженно прощупывая нас с головы до ног мутноватым взглядом серых глаз.

– Я директор, – с наигранной слащавой улыбкой на лице ответил Могилевский и дружески протянул свою лапищу.

Качнувшись, как маятник, сначала вперёд, а потом назад, незнакомец молниеносно пожал руку директору:

– Виктор Петрович.

Я успокаивающе улыбнулся нервному человеку, а Рукавицкий предостерегающе оскалился.

– Это моя заправка, – порывисто заговорил Виктор Петрович. – Я её продаю и уезжаю из России. Мне нужно, чтобы здесь всё сверкало. Справитесь до нового года?

– Да не вопрос! – Могилевский был сама уверенность.

– Тогда по рукам, – засуетился хозяин заправки, надевая очки. – Давайте подпишем договор и начинайте поскорее!

– Не так быстро, – развязно усмехнулся Могилевский. – Как деньги от вас поступят, так и начнём.

– Хорошо, хорошо, – быстро согласился Виктор Петрович.

Они подписали договор «на коленке», и чёрный человек, отличная мишень на белом снегу, пружинистым шагом направился к операторской, снова пригибая голову от свиста, одному ему только слышимых пуль.

С понедельника мы приступили к демонтажу старых рекламных конструкций. Сначала разобрали световую стелу, металлический каркас которой, стал похож на огромный скелет хемингуэвской рыбы-меч, съеденной акулами. Потом та же участь постигла навес заправки, бывший по площади размером с небольшой бассейн. Здесь пришлось повозиться подольше, потому что работы велись на высоте. Виктор Петрович предоставил нам трёхъярусные леса, а Могилевский нанял грузовик, чтобы вывезти битый композит, из которого собирался сделать халявных табличек.

Стиснув зубы, мы упорно двигали строительные леса по периметру навеса, высверливали и спускали вниз кассеты. Наверху порывы ледяного ветра порой бывали такими сильными, что мы ощущали себя моряками во время шторма. В такие моменты мы хватались за перемычки каркаса навеса и сидели неподвижно на корточках, накинув на головы капюшоны и уткнувшись лицами в колени. Работать в перчатках было неудобно, поэтому руки у нас горели от мороза, словно ошпаренные кипятком.

Однако у нас с Рукавицким было за плечами по два года школы выживания на русском севере, где мы учились стойко переносить тяготы солдатской службы. И хотя мой напарник поначалу дал слабину, сравнивая работу в тёплом гараже и на холоде в чистом поле, всё же мне удалось ободрить его личным примером и напутственными словами: «Шилом бреется солдат, дымом греется».

Тем более, у нас всё было не так уж и плохо. В складском помещении мы перекусывали бутербродами с ветчиной и пили крепкий чай из

термоса с рижским бальзамом. В первый же день во время обеда к нам из тёмного угла вышел знакомиться крупный серый сибирский кот с яркими жёлтыми глазами, обитавший на этом складе.

Шуба у него была царская, а вот лапы у бедняги мёрзли от холодного бетонного пола. Когда я сел на хлипкую скамейку, кот, как дрессированный, словно ждал этого момента, запрыгнул мне на колени. Рукавицкий сел напротив меня на другую скамейку. Между собой мы поставили низкие деревянные козлы, приспособив их под стол. Напарник с неодобрением наблюдал за тем, как я раскрошил толстый ломоть ветчины на мелкие кусочки и скормил их с ладони коту.

Бутерброды, чай и рижский бальзам брал в дорогу я. Рукавицкий же кормился непонятно как и раньше – то от моих щедрот жареным минтаем с украинским хлебом, то покупал в ларьке фаготтини с черносливом, от которого его пронесило, но чаще хлебал кофеёк из того же ларька и давился «курятиной», выкуривая по пачке за смену. А когда мы стали ездить на заправку, напарник брал с собой одни сигареты, что, если верить Цюю, не так уж плохо на сегодняшний день.

Во вторник утром я взял картонную коробку от монитора и своё старое детское шерстяное одеяло. Как только мы приехали, я сразу занялся обустройством жилища для нашего четвероногого товарища по несчастью.

– В этой стране люди хуже скота живут, а ты хочешь, чтобы коты жили по-человечески, – буркнул Рукавицкий, считая мой поступок блажью.

– И не только коты, – ответил я. – Бери бутерброды.

Напарник спорить не стал и принялся рвать молодыми зубами хлеб с ветчиной. Кот сидел у меня на коленях и внимательно следил за Рукавицким кричащим взглядом: «Оставь кусочек!» Чтобы успокоить его, я погладил пушистика по спине. Кот прищурил глаза и замурчал, будто говоря: «Зачем ты кормишь этого оболдуя? Лучше бы мне отдал его пайку». Свою он уже проглотил.

В пятницу к обеду мы закончили с демонтажом и сидели на складе, согреваясь чаем с бальзамом. Сытый кот дремал у меня на коленях. Я решил, что когда мы закончим с отделкой заправки, заберу кота к нам в гараж.

– Эх, если бы не семья, – вздохнул Рукавицкий, – взял бы кредит пожирнее, да свалил бы в Абхазию с концами.

– Почему в Абхазию? – удивился я, наслышанный об этой маленькой непризнанной захиревающей республике.

– У меня там отец живёт.

Рукавицкий рассказывал, что его мать работает в банке, а про отца до сих пор молчал.

И тут появился Могилевский, которого мы утром предупредили, что закончим сегодня раньше. Он снова нанял грузовик и приехал забрать остатки композита.

– Ну что, Санёк! – насмешливо глянул на Рукавицкого директор, держа руки в карманах джинс. – Посмотрел я на ваши геройства. Молодцы. Знаешь, что я думаю? Пора нам назначить нового бригадира!

– Кого? – тупо удивился монтажник, глядя как кот, свернувшийся колечком у меня на коленях, поднялся и выгнул спину. – Кота, что ли?

– Дурак ты, Санёк, – хохотнул Могилевский. – Давайте загрузим композит в машину, и домой!

Когда мы вернулись в гараж, то обнаружили, что там всю неделю конь не валялся. Не знаю, чем занимался Могилевский, но только не работой. Всё оставалось как прежде, только вдоль стен прибавилось снятых нами с заправки композитных панелей. Директор, пряча глаза под чёлкой, объяснил, что заказал материалы в Москве, так дешевле, и они придут на следующей неделе. С тем мы и разошлись по домам. Но сердцем я уловил, что Могилевский лжёт, добром это не кончится, и сердце заныло.

В понедельник ничего не изменилось. Мы с Рукавицким занимались в гараже мелкой работой вроде табличек да уголков покупателей. Могилевский стал тихим и задумчивым. Временами он заглядывал к нам, молча наблюдал за работой и прикидывал что-то в уме.

Во вторник утром директор снова зашёл к нам, тяжело дыша, с пунцовым лицом и горькой гримасой, будто его мучила боль в почках или печени. Бросив на стол телефон, он полез в карман куртки за сигаретами, но тут в окошке мобильного вспыхнул свет, телефон зажужжал и задёргался, как большой крылатый жук, перевернувшийся на спину лапками вверх.

– Почему к монтажу не приступаете?! – раздался строгий голос Виктора Петровича из динамика телефона.

– Материалы ждём, – ответил Могилевский.

– Ты из Китая их ждёшь?

– Из Москвы.

– Скажи честно, тебе денег дать?

– Ничего не надо, всё есть, – пришёл в себя Могилевский и на кураже продолжил своё привычное дело околпачивания заказчиков. – Завтра утром придёт машина с материалами, и я сразу становлюсь фрезеровать композит и гнуть неон, а в четверг ребята будут уже на заправке и займутся монтажом. К новому году всё будет, как и договаривались.

– Ну давайте, давайте, – опешил от такой импровизации собеседника Виктор Петрович. – Если всё сделаете в оговоренные сроки, я вам всем ещё премию накинута. Я козлом никогда не был!

– Я тоже им никогда не был! – патетично воскликнул директор, глаза его увлажнились, а лицо пылало такой подкупающей искренностью, что я инстинктивно отвёл от Могилевского взгляд, вспомнив миф об античном чудовище, которому нельзя смотреть в глаза, иначе превратишься в камень.

В среду никакой машины, разумеется, не было. Зато Рукавицкий, сходявший на разведку в офис, принёс такие новости, за которые в былые времена восточные сатрапы гонцу голову отрубали.

– Влипли мы с этой заправкой, – мрачно сообщил напарник, тяжело опустился на стул и по-стариковски сгорбился. – Васильич, сука, все деньги спустил.

– Куда? – удивился я.

– Слышал про «одноруких бандитов»?

– «Разбуди Вулкан удачи!»?

– Ну, типа того, – горько усмехнулся Рукавицкий. – Он давно на эти игровые автоматы облизывался, да денег не было, а тут такой куш свалился, хоть днями напролёт играй. Пока мы с тобой на морозе скрюченными пальцами композит отдирали от фриза, этот боров засел за игру и за неделю спустил все деньги.

– Как ты об этом узнал? – усомнился я, хотя такая версия сразу показалась мне правдоподобной.

– Я подслушал как они с Михаловной в офисе грызлись.

– И как это только хозяин заправки ему доверился? – недоумевал я.

– Эту заправку никто в городе меньше, чем за триста тысяч не взялся бы делать, а Васильич предложил за сто восемьдесят и вот этот битый композит забрал в придачу, – пояснил напарник.

– Да этот Васильич прямо змей-искуситель какой-то! Хотя деньги ослепляют того, у кого нет головы.

– Ещё и на сроки нереальные согласился, – буркнул Рукавицкий.

– Мы бы справились, только теперь говорить об этом без толку. Уходить надо.

– Да подожди ты! – испугался Рукавицкий. – Мы же так ничего не получим!

– А на что ты рассчитываешь?

– Ну я надеюсь, – плутовски улыбнулся напарник, – что Васильич ещё до нового года демпинганёт, перебьёт какой-нибудь крупный заказ и нам заплатит.

– А дальше что? АО «МММ»?

– Да пофигу, что дальше! – отчаянно убеждал Рукавицкий. – Нам бы своё до конца месяца получить! И сваливаем! А Васильич пусть сам выпутывается, это не наши проблемы.

– А ты не подумал, что он и новые деньги в игровой салон снесёт?

– Но он же не совсем больной! – обиделся на мой скептицизм Рукавицкий. – Васильич сука, конечно, но понимает, что если нас кинет, то останется без работников! А без ему, как без рук! И тогда никаких денег ему точно не заработать.

– Зря ты так думаешь, – печально улыбнулся я.

– Да послушай! У меня чуйка! – кипятился напарник. – Тут осталось полторы недели. До нового года уже работу не найдёшь, сейчас все бухают. Давай подождём немного!

– Хорошо, но потом пеняй на себя.

Утром в четверг Могилевский зашёл к нам, пошатываясь, с опухшим лицом и заплавленными глазами, словно его покусали осы. Это были последствия скандалов с Твердохлебовой, которая рассчитывала получить свою долю и вернуть мужу деньги за Таиланд, взятые у него в долг на фирму обманным путём через компаньона.

Директор сел на стул, упёрся локтем в крышку монтажного стола, а щеку положил на пухлую ладонь, как на подушку. Он муторно засопел, а потом и захрапел. От него жутко несло перегаром. Но тут его неожиданно разбудил мобильник: «А помнишь небо, помнишь сны о молчаньи, юное тело в голубом одеяле...» Могилевский дёрнулся и стал хлопать себя по карманам, будто ловил блох.

– Ты там уснул, что ли? – снова мы услышали негодующий голос Виктора Петровича из телефона.

– Я на работе, – дозировано выдавил из себя три слова Могилевский, как пасту из тюбика.

– На какой ещё работе?! – полыхнул VIP-клиент. – Я уже целый час на заправке! Где ты со своими архаровцами?!

– Мы не сможем сегодня приехать, – глухо отозвался Могилевский.

– А зачем вы туда полезли, если вы ничего не можете! – сорвался на визг заказчик. – Вы мне всю заправку раскурочили! Теперь люди думают, что она не рабочая и проезжают мимо!

– Послушайте! – Могилевский провёл ладонью, как полотенцем, сначала вдоль одной щеки, потом вдоль другой. – Мы правда не успеваем, но я с пацанами все выходные буду пахать в гараже и с понедельника мы займёмся монтажом.

– Я уже договор заключил с покупателем! – не унимался клиент. – Как я ему передам заправку в таком виде?!

– Не переживайте, – успокаивал Могилевский. – У нас ещё целая неделя в запасе. Мы всё сделаем, как договаривались.

– Ладно, – остыл Виктор Петрович. – Поверю тебе в последний раз.

Вскоре у Могилевского что-то перещёлкнулось в голове и он окончательно вжился в роль «голового короля». Подобно сказочному персонажу, который ничуть не стыдился своей наготы, а наоборот, гордился ею, директор «Арлекина» теперь не испытывал самонадеянности за своё паскудное поведение.

Когда в понедельник утром снова позвонил нетерпеливый владелец заправки, Могилевский, сидя рядом с нами в гараже за столом и неторопливо размешивая капучино в стаканчике кофейной палочкой, похожей на палочку для пуска мыльных пузырей, на голубом глазу ответил:

– Сейчас загружаем машину и выезжаем!

У Рукавицкого от таких слов отвисла челюсть, а глаза от ужаса выпучились, как у жабы. Могилевский спокойно слизал пенку с палочки, звучно отхлебнул жидкость из стаканчика и отрыгнул.

В тот момент мне хотелось, чтобы Рукавицкий увидел в Могилевском себя, когда он, сидя на пляже и зарывшись ногами в песок, врал по телефону директору, что висит на лестнице и долбит стену перфоратором. Но, к сожалению, лишь немногие избранные из рода человеческого способны посмотреть на себя со стороны.

Мы с напарником занялись работой, а Могилевский достал из кармана стилус для телефона и погрузился в интернет, тыкая палочкой на иконки сайтов и маленькие букочки экранной клавиатуры.

Через час мы снова услышали знакомую мелодию его звонка - «А помнишь...»

– Блин, как он меня достал, – директор глубоко зевнул, закрыл замыленные глаза и помассировал их двумя пальцами.

– Ну и где ты, козёл?! – услышали мы грозный рык Виктора Петровича.

– У нас машина сломалась, – уставшим голосом ответил Могилевский.
– Мы починим и завтра приедем.

– Слушай сюда! – остервенело заорал клиент. – Я сам к тебе приеду! Я знаю, где твой офис! Я приеду и сожгу вас всех! Ты услышал меня?!

– Услышал, – смиренно вздохнул директор.

– Я тебя ненавижу, мразь! – взвизгнул телефонный террорист и сбросил вызов.

– Пойду-ка я в офис, – встал, кряхтя, Могилевский и принялся растирать ладонью поясницу.

Когда он вышел, Рукавицкий обхватил голову и застонал так, будто у него начал мучительно резаться зуб мудрости.

– Зря я тебя тогда не послушал! Надо было сразу валить!

– Да подожди ты валить, – иронично улыбнулся я. – Неужели ты думаешь, что это он всерьёз?

– А ты думаешь, нет?!

– Бояться надо непуганых идиотов, а этот пуганый. Если бы он действительно был таким отмороженным, то сейчас не продавал бы заправки и не бежал из страны, а бился бы за свою территорию, пока ему башку не проломили бы.

– Ты правда так думаешь? А как же заправка? Вот так подарил Васильичу сто восемьдесят тысяч и забыл?!

– Да, считай, что подарил их жертве игровых автоматов. Он же хочет уехать из России, а не сесть в ней. Продаст заправку за минусом стоимости её отделки и уедет. Но Васильича он ещё долго будет вспоминать.

– Ну да, ну да, – немного успокоился Рукавицкий, – мы с тобой тоже его не скоро забудем.

Во вторник утром напарник первым делом наведалься в офис. Оттуда он вернулся радостным:

– Офис цел! Неужто и вправду он только пугал, что сожжёт нас?!

– Было бы чему удивляться, – принимая этот факт как должное, ответил я. – Офис – не Москва, а клиент наш не Наполеон.

– Санё-ёк! – неожиданно вошёл в гараж повеселевший Могилевский с нахальными масляными глазками. – Ты всё лясы точишь, как старый хрыч?!

– Саш, – заговорщически понизил голос Рукавицкий, – а куда Татьяна Михайловна пропала?

– Санё-ёк! – снисходительно ухмыльнулся директор. – У Татьяны Михайловны дети, они болеют, ей надо с ними дома сидеть.

– А-а-а... – притворно понимающе протянул Рукавицкий.

Я сразу понял, в чём тут дело. Когда вчера клиент с испепеляющей ненавистью озвучил Могилевскому свою пожароопасную угрозу, в голове Васильича созрел адский план. Он пошёл в офис и застращал Твердохлебову беспощадными карами, которые посулил им неадекватный клиент, пообещавший самолично произвести над компаньонами обряд аутодафе.

– Тут такая классная тема наклёвывается, пацаны! – закурил и глубоко затянулся Могилевский. – К нам обратился «Мир лекарств». Это крупная аптечная сеть в Черноземье. Если нам удастся за них зацепиться, то у нас постоянно будут заказы, потому что новых филиалов в нашем городе у них намечается до хрена.

Рукавицкий задрал подбородок и плутовски подмигнул мне бойким чёрным глазом, что означало: «Ну что я тебе говорил?!»

– Как только нам упадут деньги, – продолжал Могилевский, – я сразу смогаюсь в «Неон-Дизайн» за плёнкой, и мы забабахаем большую шестиметровую вывеску на фасаде старого «Виогема».

– А из чего вывеска будет, Саш? – уважительно спросил Рукавицкий непотопляемого директора.

– Санёк, разуй глаза! У нас халявного композита полный цех!

– А зарплату когда мы получим? – вмешался я.

– В пятницу, двадцать девятого, как и обещал, – пробормотал директор, пряча глаза, и сразу засобирился в офис.

В пятницу утром мы выехали на монтаж и провозились до трёх часов. Было холодно и шёл снег. Щёки горели, носы немели, пальцы коченели, перфоратор буксовал в стене, а у Рукавицкого разболелся зуб, видно застудил нерв. Но мы не могли явиться к Могилевскому за зарплатой, не выполнив свою работу. Напарник сказал, что за этот заказ перечислили тридцать тысяч.

Когда мы, наконец, закончили и сложили инструмент в машину, то решили зайти в кафешку на первом этаже. «Виогем» был чем-то вроде «Дома быта», только гораздо крупнее по площади. Раньше здесь находился исследовательский институт, а теперь в нём арендовали помещения различные сомнительные ИП и ООО.

В кафешке оказалось несколько высоких круглых столиков без стульев. В тепле нас попеременно бросало то в жар, то в холод. Пальцам больно было вынимать деньги из кармана и отсчитывать их. Мы с Рукавицким взяли по беляшу и по стакану чая. Напротив нас за столом ел человек похожий на Андропова, профессиональный побирушка, которого я летом видел в «Доме быта». На столе у «погорельца» была жареная картошка с рубленным шницелем, чашка кофе и два заварных пирожных на блюде.

– Может нам работу сменить? – стрельнул глазами в сторону нашего визави Рукавицкий, видно он тоже знал этого христарадника.

– Давай Васильичу звонить, – предложил я.

– Сейчас, – Рукавицкий достал мобильник и набрал Могилевского. – Алло, Саш! Ну мы как бы всё!

– Отлично, Санёк! Возвращайтесь на базу. Я уже всё подготовил, – тут же отозвался директор.

Через пятнадцать минут мы были в «Доме быта». Там всё ещё стояла привычная кутерьма. Народ носился по коридорам, хлопал дверями и постоянно с кем-то совещался по сотовому. Отличие от будничной суеты было в том, что порою из кабинета в кабинет перебегали раскрасневшиеся люди с тарелками полными закусочной еды, вроде оливье или бутербродов с ветчиной и сыром.

Мы поднялись на второй этаж в офис 229, но дверь оказалась заперта. Рукавицкий, словно не веря, подёргал за ручку ещё несколько раз, потом постучал, приложил ухо к двери и с ужасом посмотрев мне в глаза, готов был уже расплакаться.

– Надо позвонить, – посоветовал я.

Рукавицкий набрал номер директора и снова холодный душ: «Абонент временно недоступен...» Потом позвонил я ровно с таким же результатом.

– Я не понял! – Рукавицкий был близок к истерике. – Он, что, сука, кинуть нас решил?!

– Пойдём в гараж вещи собирать, – ответил я и слегка подтолкнул напарника к выходу.

По пути мне пришла мысль, как бы этот ненормальный ещё замок в гараже не поменял, но это было бы уже слишком. Замок оказался прежним. Войдя внутрь, мы увидели на компьютерном столе две бутылки «Советского» шампанского с мерцающими горловинами в серебристой фольге.

– Это что такое? – не понял я.

– А это, типа, он нас с новым годом поздравил, сука! – нервно хохотнул Рукавицкий.

– А деньги?

– Как видишь, – провёл ладонью по пыльному столу напарник. – Зарплату в конверте он нам не оставил.

Рукавицкий был так удручён, что у меня язык не повернулся сказать ему: «Ну, что я тебе говорил?» Да и самому мне от этого легче не стало бы. Уж чего-чего, а такого паскудного бегства от Могилевского я не ожидал.

– Как я с этим пойду к семье?! – напарник с ненавистью посмотрел на бутылки.

Теперь мне окончательно стало понятно, почему от Могилевского ушла жена с двумя детьми «в никуда». У меня до сих пор оставались небольшие деньги, накопленные с того времени, когда я работал на заводе, но идти домой под новый год с бутылкой шампанского было мучительно стыдно и больно. Дома ждала мать, она только вышла на пенсию с подорванным здоровьем. Узнав, как со мной поступили, она не подаст виду, а потом всю ночь, отвернувшись к стене, будет тихо страдать.

И мне в один миг представились все эти успешные, встроившиеся в рынок на русских костях, скалящиеся, подмигивающие, глумящиеся бесы, вселившиеся в бездушные человеческие оболочки всласть живущих. А впереди этого зомби-апокалипсиса полз на карачках Могилевский и, кривляясь и пародируя своего кумира, орал: «Уте-ка-ай!»

А потом перед моими глазами явственно встала чёрно - белая картина из давнего фильма «Аты-баты, шли солдаты», который я смотрел в детстве у бабушки, и жили мы тогда в совсем другой стране. Я видел, как в окопе притаились наши солдаты, а на них по снежной равнине надвигались чёрные вражеские танки. Я слышал нарастающий рокот моторов, лязг гусениц, а потом услышал бесстрашный голос любимого героя фильма Леонида Быкова, стоявшего рядом в обожжённой, распахнутой телогрее: «Ну, Хабанера, тащи патроны!»

Я схватил со стола бутылку за горловину и метнул её, как гранату. Она с оглушительным треском разбилась, оставив на кирпичной стене гаража мокрое пятно, а брызги и осколки разлетелись в разные стороны.

- Да, ты прав, - поддержал Рукавицкий и грохнул свою бутылку шампанского об стену.

- Ты говорил, у тебя мать в банке работает. Поезжай к ней. Займёшь денег, потом устроишься на работу, отдашь.

- Ничего другого не остаётся. Это у меня уже третья работа в наружке за последний год. Коммерсы к работникам относятся хуже, чем к скоту.

- Ничего, - ответил я, всё ещё находясь под впечатлением вспомнившегося мне фильма. - Русские не сдаются.

- Да тут русских уже почти не осталось! Одна мразь кругом!

- Знаешь, что в Писании Богом сказано? Там где двое соберутся во имя Моё, там третий буду Я.

- Что же ты за человек? Никогда таких не встречал, - с ехидцей всматривался в меня Рукавицкий глазами безалаберного бесёнка. - Ну да ладно. Давай вместе искать работу!

- Будем прорываться по одиночке, так больше шансов. Подвернётся что путное тебе или мне, созвонимся. А сейчас закрываем гараж, сдаём ключ на вахте, и с вещами на выход. Добро пожаловать в 2007-й год, дети страшных лет России.

- Осторожно! Здесь могут быть осколки, - предупредил Рукавицкий, светя под ноги телефонным фонариком, а потом, обернувшись, погрозил кому -то во тьму. - Ну, суки, пусть земля вам будет битым стеклом!

***

Пятнадцать лет спустя, когда я задумал навести справки о действующих лицах «Рекламщиков», то в который раз убедился в такой неприятной закономерности - значительная часть описываемых мною персонажей, как в этом, так и в предыдущих рассказах, словно в воду канули. Ни в соцсетях, ни где бы то ещё, они не засвечены. И только расходятся круги по воде от весла мрачного паромщика, плывущего по реке времени.

Так и в этот раз я не нашёл никаких сведений о Саньке Рукавицком и Маришке Ключевой. Хотя первые годы, после ликвидации «Арлекина» в мае 2007-го, я встречал их обоих в городе. При каждой встрече с Рукавицким оказывалось, что он снова сменил работу, а его затравленный вид внушал мне беспокойство за его дальнейшую судьбу.

Маришку я видел один только раз в ТРЦ «РИО» в кафе с пухлым мальчиком лет пяти, лицом, как две капли, похожим на её бывшего директора. Мальчик болтал ногами, сидя на высоком стуле, дёргал плечами, будто в танце и вымачивал кусочком пиццы остатки кетчупа на одноразовой тарелке.

А вот Могилевский с Твердохлебовой вернулись на круги своя. После банкротства «Арлекина» Михаловна открыла турагентство «Вояж», но прогорела в 2014-м году. Она снова стала домохозяйкой и теперь часто гуляет с внуками в парке Победы у Везёлки с таким же кислым, злым лицом и красными глазами.

Её бывший компаньон Васильич накуролесил в родном городе так, что почёл за благо стать внутренним гастарбайтером. Теперь он живёт в Москве и трудится в типографии простым рабочим. С чего начинал, к тому и пришёл. Вот только его безответственное путешествие во времени принесло много горя и страданий людям, связавшим с ним свою судьбу.

Сам я за это время сменил несколько работ. Ситуация, знакомая каждому молодому человеку. Ты веришь, что где-то есть и достойная зарплата, и человеческое отношение к сотрудникам. Однако со временем понимаешь, что это не про современную Россию. «Великая криминальная революция» подняла с мутного дна множество хабальщиков и хабалок, ставших неотёсанными коммерсантами. По законам любой цивилизованной страны, в том числе и часто поминаемого в последнее время СССР, деятельность российских предпринимателей подпадает под статью о спекуляции, потому что их нормы прибыли в десятки раз превышают общемировые. Но такое ненормальное положение дел, когда для спекулянтов создан рай, а для всех остальных ад, не может продолжаться долго, потому что «всякое царство разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

*ГРАНИ САМОЦВЕТОВ***Валерий ХАТЮШИН***ПРЕВЫШЕ ВСЕГО**«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»*

Мы были в Париже, мы были в Берлине.
Европа лежала у наших сапог.
Соскучился некто по русской дубине.
Пора нам напомнить про старый должок.

Грустит Пугачиха о башнях вчерашних.
В Израиль Собчачка летит на метле.
Германские танки с крестами на башнях
ползут, как когда-то, по русской земле.

Но слышу, но вижу — курлычащим клином
в Россию летят по весне журавли...
И где-то над скованным дымным Берлином
«Цирконы» рассветное небо прожгли.

«Прощанье славянки» Татьяны Петровой
звучит на вокзале для наших ребят...
Над сдавшимся Киевом — отблеск багровый...
И танки с крестами красиво горят...

* * *

Отцветая снежно,
в майский теплый день —
слышишь? — дышит нежно
белая сирень.

Помнишь, в буйстве цвета —
наш весенний сад?..
Словно было это
целый век назад...

А ведь было! Было...
Всё в душе цвело...
Только вот забыл я,
сколько лет прошло...

Ты глядишь устало
из-под тёмных век...
В этом сквере старом
снится прошлый век...

Чуть заметно тает
чудный майский день...
Слышишь? — опадает
белая сирень...

* * *

Солнца диск на закате — краснее,
ближе к устью — спокойней река.
Ближе к старости рифмы точнее,
ближе к мудрости проще строка.

На вечерней остывшей аллее
птиц уже не слышны голоса...
Ближе к вечности сердце светлее,
ближе к небу яснее глаза.

Но никто не подскажет, откуда
мы в земную приходим юдоль
(всех чудес невозможное чудо)
через муку любви, через боль...

Сколь ни радостно жизни начало, —
ждёт печаль в завершенье пути...
И зачем-то из родины малой
непрерменно должны мы уйти...

И бежим от родного порога,
беспокойно куда-то спеша...
Ближе к дому — прямее дорога.
Ближе к Богу — живее душа.

* * *

Оптиной обители колокольный звон
всё плывет над Родиной, как от бед заслон.

Век за веком в Оптине, в пустыне святой
молятся святители, встав за аналой.

День за днем, смиренною паствою любим,
о России молится старец Серафим.

Непрестанно молятся, Господи еси,
Оптины насельники и по всей Руси.

И в небесной пустыни их слышны слова.
Потому-то, верю я, Родина жива.

И молю я Господа, чтоб над Русью всей
не угаснул в вечности свет монастырей.

Чтобы глас молитвенный никогда не смолк,
Чтоб никто родимую одолеть не смог.

Чтобы плыл над Родиной всем векам вдогон
Оптиной обители колокольный звон.

* * *

Не страшно, словно хлопнув дверью,
кумира в сердце сокрушить
и впасть в тоскливое безверье...
Куда страшней с безверьем жить.

У каждого своя дорога.
Куда ведет она — как знать...
Наверно, можно жить без Бога.
Но как без Бога умирать?..

* * *

Семьдесят пять — это холод в крови,
дальние зори без краю...
Кто-то незримый дышал визави,
кто-то чуть слышно шепнул о любви...
Что это было? Не знаю.

Семьдесят пять — это свет из-за туч,
всплески притихшей надежды,
может, тот самый, спасительный луч,
но не в глаза, а на вежды.

Август иссяк и сентябрь, и октябрь...
Близится время итога.
Где-то маячит морозный декабрь —
долгая к свету дорога.

Семьдесят пять — это звёздная пыль,
вечность, блеснувшая в миге.
Жизнь — как застывшая давняя быль
в кем-то оставленной книге...

КРАСНЫЕ ПТИЦЫ

Пятый Ангел вострубил...

Откровение (8: 1)

Красные птицы под небом Донбасса,
красные птицы над Сектором Газа —
с режущим свистом летят и летят...
Падают в зарево красные птицы.
Бледно-усталые мертвые лица
вслед им застыло глядят и глядят.

Воют со свистом свирепые птицы...
Юные бледно-остылые лица...
Им бы смеяться, влюбляться и петь...
Дроны, снаряды, тяжелые «грады»...
Красные птицы не знают пощады,
весело им в черном небе лететь.

Век двадцать первый — как сцены из ада.
Мир человеческий — на грани распада.
Красные птицы со свистом летят.
Ангелы света уже протрубили.
Черные демоны солнце затмили.
В храме укропами пленный распят.

ОРХИДЕИ ДЛЯ ТАТЬЯНЫ

Владимир Маяковский в 1928 году, расставаясь в Париже с Татьяной Яковлевой, на гонорар от выступлений заключил договор с цветочной кампанией с условием, что каждую неделю курьер будет доставлять Т.Яковлевой самый красивый букет с орхидеями. Это продолжалось многие годы и после гибели поэта.

Годы сердце тоской заносят,
как последний концерт Чайковского...
Раз в неделю курьер приносит
орхидеи от Маяковского.

И течет безмятежным ходом
жизнь парижская у Татьяны.
После выстрела. Год за годом.
После давней на сердце раны...

Был он этаким сумасбродом,
от ее красоты немея...
Раз в неделю и год за годом:
«От Владимира орхидеи».

В годы смутные, роковые —
вспоминала мгновенья прошлые...
Чтобы выжить, в сороковые —
продавала цветы на площади.

И в стране, нам давно не близкой*,
русской щедростью память грея,
всё ей снился курьер с запиской:
«От Владимира орхидеи».

И не символ любви бессмертной —
этот жест бунтаря московского,
это слёзы тоски безмерной,
орхидеи от Маяковского.

---

* США.

ПАМЯТНИКИ

*...Да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Отче наш*

Мы запомним навек отныне
на земли и на небеси,
как на сгнувшей Украине
рушат памятники Руси.

Но они прорастают снова
в той земле и в ее крови...
Прыгунам недоступно Слово
высшей истины и любви.

В этом Слове бессмертна память,
как зарыть ее ни тужись.
Память — вечной Победы пламя.
Кровь погибших рождает жизнь.

Свет грядёт — подступают сроки —
и трепещут его врази.
Из крови и корней глубоких
встанут памятники Руси.

ЦАРЬ-ПУШКА

*У нас еще Царь-пушка не стреляла,
У нас еще Царь-колокол не бил!*
Феликс Чуев

За века — от начала —
нас никто не сломил.
А Царь-пушка — стреляла.
И Царь-колокол — бил.

Много здесь надломилось
и клыков, и штыков.
Много там истомилось
европейских щенков.

И лохматый зверинец
понаведался к нам.
Правда, русский гостинец
не был им по зубам.

По «Пантерам» и «Тиграм»
били залпы «Катюш» —
их озлобленным играм
отрезвляющий душ.

Для звериной природы
Русский свет — как снаряд.
...«Леопардные» шкуры
так же ярко горят.

Стал доступней и ближе
им наш звонкий металл.
Долетит до Парижа
нашей веры «Кинжал».

Солнце в небе — сияет.
Сад весною — цветёт.
А Царь-пушка — стреляет.
И Царь-колокол — бьёт.

ОТКРЫТИЕ РОДИНЫ

Ты кровью почувешь, когда
тебе открывается Родина,
коль в душу войдут навсегда
Дивеево, Сергиев, Оптина...

Сподобилось их уберечь...
Бездонно небес милосердие...
Сквозь веру и русскую речь
ты сам прорастаешь в бессмертие.

Запомни — весь путь свой земной
ты к встрече с собою готовишься
за той невозвратной чертой,
когда Человеком становишься.

Лишь вере страшишь изменять
в дороге, что сердцем не пройдена,
чтоб смочь в этой жизни понять,
КОГДА начинается Родина.

* * *

Ты сделал в жизни всё, что мог,
в душе храня свое призванье.
Когда о грешном вспомнит Бог —
настанет время испытанья.

И должен с этой высоты,
спасенный лишь Его любовью, —
отринуть сладость суеты
и тяготенье к празднословью.

Узреть, как всей судьбы венец,
дорогу взлётов и падений,
себя очистив наконец
от горделивых наслоений.

И ниц не опустив лица,
но покорившись высшей воле,
дойти до самого конца —
до тьмы в глазах — по нерву боли.

И этой муки никому
не выдать словом и слезами.
Лишь только Богу одному
с тоской о ней сказать глазами...

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Опять нас хотят избыть,
лелея и месть, и злобу...
Нам лучше всего забить
гвоздями окно в Европу.

Божественный мир круша, —
нас в липкие манят сети...
Главнее всего — душа,
и мать, и отец, и дети.

Европа идёт в разнос.
Нас дали влекут иные...
Превыше всего — Христос,
а после Него — Россия.

Такой вот святой вопрос
на все времена земные.
Превыше всего — Христос.
И после Него — Россия.

* * *

Мир земной — это дар изречённого Слова.
И блажен тот, кто Слову бессмертному внял.
Нет ни Рима второго, ни Храма второго.
Их руины давно полумесяц подмял.

Нас, неверных, конечно, смела бы стихия
за бесовский бедлам и за гендерный срам...
Но на грешной Земле существует Россия —
как единственный Рим и единственный Храм.

И еще предстоит нам великую драму
пережить как спасительную благодать...
Но Четвертому Риму и Третьему храму
на Земле человечьей уже не бывать.

* * *

Вот и вновь я дожил до весны,
до березовой ласки дожил...
А на южных дорогах войны
день за днем наши рвутся из жил.

Терпко дышит шальная весна,
под окном распустился каштан...
А на юге гуляет война,
горькой гарью пропитан туман.

К нам вернулись скворцы и дрозды,
скоро ласточки к нам прилетят...
И на крыльях усталой беды
возвращаются души солдат.

Остро чувствую этой весной
запах листьев и влажной земли...
И летят, и летят надо мной,
словно души солдат, журавли...

ВРЕМЯ ЧУДА

И опять расцветает сирень,
и опять приближается лето...
Что ж в глазах моих прячется тень
от весеннего яркого света?..

Этим дням просиять суждено
так сиренево, так белопенно!..
Время чуда... Но что же оно
так до слёз невозможно-мгновенно?!

Лишь успеть бы вдохнуть благодать
непостижной любви дуновенья...
Да, конечно же, стоило ждать
целый год этих дней упоенья.

И останется лишь — заглушить
все в глазах неминуемые тени,
лето, осень и зиму прожить,
чтоб увидеть цветенье сирени...

Галина СЛЁЗКИНА

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Болящая старуха Егоровна с раннего утра, едва только проснувшись, плакала, сокрушенная самыми горестными раздумьями. Совсем одолели её хвори да немощи. Кончается Масленица, а она за всю неделю даже блинов не могла испечь. Была, правда, невестка, напекла — сын живёт в соседнем селе, рядом, навещает. Но хотелось бы самой.... Наготовить, угостить, как раньше. А уж как в храм-то хочется! Господи! Прощеное воскресенье сегодня!

Прощёное воскресенье запало ей в душу ещё с детских лет. Семья большая, разное случалось. Ссорились, мирились. Хотя те ссоры можно ли сравнить с нынешними? Старших почитали, даже боялись.... И вот, бывало, вечером, перед тем как лечь спать, все прощения друг у друга просят! Целуются, плачут.... Теперь бы так!

Даже самой себе, измученная разными невзгодами, старуха не могла признаться в том, как жаждет её душа, чтоб сын, сынок попросил у неё прощения! Уж больно грубый он! Такое в запале скажет — сердце от боли заходится!

И совсем уж невыносимо стало, когда она так ослабла, что перестала ездить на рынок. Как только увидит список продуктов, которые мать попросит его купить, буквально бесится, сам не зная отчего. Зато доволен, когда деньги он покупок останутся: мать про них никогда не спрашивает. Любой пустяк выводит его из себя, он всегда находит повод излить на мать поток непристойной брани...

Что стало с ним? «Избалован! — внезапно подумалось матери. — Как же! В институт поступил, так чуть ли не молиться на него стали! Все копеечки на него тратили, одевали как барина, вот и стал хамом!» А ещё вспомнилось, как он напился, будучи на каникулах, как петушиться начал...

И тут-то она не выдержала, отозвав его в сторону, возмутилась:

— Это что же?! Благодарность отцу? Ты глянь-то, штаны на тебе вельветовые! Отец-то разве в таких разгуливает? Свинья ты неблагодарная!...

Ах, как давно это было! Вот тогда и надо было сынка на место ставить. Да вот так, не получилось. Как же... Виделись редко, тосковала по нём, а приезжал, так наглядеться на него не могла, простила все...

Внезапно старуха встрепенулась: «Ах, тетеря старая! Забыла! Именинник же сегодня Андрей-то!» Три тысячи в подарок, будто боясь, что не успеет, заранее отдала. А поздравить-то в самый раз! Листала» номера на простеньком мобильнике, а он буквально выскальзывал из её непослушных, дрожавших рук...

— С днём рождения тебя, сыночек!

В слова эти, произнесённые дрожащим голосом, вложила она всю любовь, всю боль, и всю надежду.

Но в ответ услышала хриплый, насмешливый голос Андрюхи:

— Мам, ты никак рехнулась?! Двадцать третьё только завтра!

Старуха даже голову назад откинула — будто ледяной водой в лицо ей плеснули. Сразу представила воочию сына — с презрительной ухмылкой, вечно недовольного на весь белый свет. Да разве такого обрадуешь чем? Удивишь чем? Эх...

Окончательно придя в себя, Егоровна вздохнула: «Вот тебе и Прощёное воскресенье!» Губы её задрожали, и, уткнувшись лицом в подушку в цветастой застиранной наволочке, трясаясь всем телом, она зарыдала. «Да что ж это за доля у меня такая, Господи! Чем же так-то прогневила тебя! Вот уж тринадцать годочков другое дитятко моё в земле покоится. А хозяин-то мой... и того больше. И кто же теперь пожалеет меня? Кто защитит?»

... Всего-то шестьдесят пять годков было моложавой, приятной лицом Егоровне, когда схоронила она мужа, не дожившего до семидесяти трёх лет. Хозяин, заступник. Характером крутоват был, но пьяным ни единого раза не видела. Со старшим сынком – катом уж никак не сравнить. И жену свою никому бы в обиду не дал. Чего уж.... Как все нормальные люди жили. Домину этот своими трудами строили. Сынов растили, внуков нянчили. Правнучке Алёнке полгода было, когда поднесли её, в одеяло завернутую, вот к этой кровати, на которой помирал её прадед. И он, глядя на младенца помутневшими глазами, тихо, из последних сил промолвил:

— Мы и тебя ещё, воробышек, понянчим. Так ведь, бабка?

Егоровна в ответ лишь кивнула мужу головой да зажала щепотью дрожащие губы.

Схоронив мужа, исходила глубокой скорбью раннего своего вдовства. Не думала, не гадала, что вот так нежданно, так несвоевременно одна останется. Всё не верилось ей... То и дело, натыкаясь то на одежду покойного, то на инструменты всякие хозяйские в сарае, страдала душой, плакала. Будто чужая, что за спиною её ходит беда.... Другая. Та, страшнее

которой не бывает. Особенно плакала, когда навещал её младший сынок Егорушка, сам уже к тому времени ставший дедом - в сорок-то лет.

Разные они у нее. Старший сын, Андрей, с малолетства рвался в город. Там и остался. После учёбы нашлась ему там хорошая работа. Обзавёлся семьёй. Раньше, пока не выросли его дочери-погодки, привозил их сюда на всё лето...

Егор же, напротив, любил село. Окончив сельскохозяйственный институт, работал главным зоотехником в соседнем колхозе. Сын его, тоже рано женившись, поселился недалеко от бабушки.

— Ну, что ты всё плачешь, мам? — гладил её по плечу Егор. Хотя и самому застилала глаза влажная пелена. — У тебя ж вон Денис мой с Танюхой рядом, Алёнка.

— Да уж без них бы совсем пропала, - утирая слёзы, вздыхала мать. — Только боязно мне, сынок. Как, на что я жить буду? Обузой тебе быть не хочу. Ведь пенсия — копейки!

На дворе была весна двухтысячного года. Нелёгкие времена. А сынок утешал её:

— Нашла о чём плакать! Огород тебе посадим. Картошки посадочной у меня на всех хватит. А хочешь, так у нас телёнка можно купить. С кормами помогу. Подержишь, сдашь - к весне и денежки. На том и решили. И как же быстро пролетели те два-три годочка! Забывалась Егоровна, возясь с правнучкой, которую любила без памяти, да в разных делах по хозяйству. Телёночка вырастила на продажу, а следом сынок другого во двор привёл... Так и потихоньку собралась денежка. Думала, и себе на похороны хватит, и хозяина в три года по-человечески помянуть... Знала бы она, бедная, на какие скорбные расходы пойдут эти сбережения! Врагу не пожелаешь...

Умер любимый сыночек! Будто сгорел за год от какой-то страшной болезни. Чернел лицом, худел, таял на глазах. Скитался по больницам. Они с невесткой покупали и заказывали разные целебные препараты, по большей части мифически целебные, отдавали за них несчитанные деньги. Да всё не впрок...

Уже перед концом, в областной больнице сказали, что, делая прививки, занесли ему по ошибке какую-то страшную инфекцию. Да как же это могло быть?!

Изведённый страшными муками, умирал сын на глазах матери. Она держала в своих его холодеющие руки... Да как только сердце её выдержало?! Да как на куски не разорвалось?!

Искричалась вся! На коленях вокруг сырой могилы ползала... Надо же такому быть: сыну сороковины, а отцу три года, почти день в день выпало. Кого поминать? Кого оплакивать? Обоих сразу!..

Теперь только внук остался последней опорой и утешением. Он да детки его — Алёнка и крошечный Антошка, родившийся через полгода после смерти своего дедушки. Видно, эти крохи и помогли ей пересилить боль утраты, выжить...

А от Андрюхи-то радости было мало! Красавец писанный, так он и проболтался по чужим бабам да по гаражам с друзьями пропьянствовал. Правда, надо признать, на работе ценили его. Но в семье был истый кат! О детях не заботился, над женой измывался. Жил исключительно для себя. Любил хорошо одеться, выпить да погулять.

Последний раз невестушку видела на похоронах Егоровых. И даже сквозь пелену горя своего неутешного, заметила, как изменилась некогда белолицая красавица Нина.

— Что же ты, голубушка, так-то постарела! — воскликнула свекровь, в ответ, Нина лишь рукой махнула:

— А то вы, мама, не знаете? Всю кровь он из меня выпил! Было бы куда уйти - минуты бы с ним не осталась...

После смерти брата Андрей каждое лето приезжал в отпуск к матери. Если не пил, был нормальный, помогал в огороде. Возился на кухне, умел хорошо готовить. Но если начинал пить... В доме наступал ад! Превращался сынок в зверя, не щадя в пьяном безумии ни своих, ни чужих...

А лет десять назад перебрался сюда насовсем — с новой женой. Вот тогда-то и закончилась хоть и скорбная, но тихая жизнь Егоровны. Памятны теперь ей последние одинокие вечера, когда свет зажженной лампадки отеплял святой угол, а молитва, обращённая к Богородице, успокаивала, утишала боль её души...

Новая жена Андрюхи была из местных, но жила в райцентре. Сын, однако, рвался переехать к стареющей матери. Да и его подруге приглянулся большой и добротный дом свекрови... Давно разведённая и бездетная, Валентина мечтала начать новую жизнь. Надоело ей бабье одиночество, мечтала она поскорее доработать в школе «с этими дебилами», которым она преподавала иностранный язык, и уйти на пенсию. «Год до пятидесяти доработаю — дня не останусь. Уж лучше в огороде копать»...

Продав своё жильё, Валентина купила мужу крутую иномарку. Жить перебрались к больной теще, ее матери, но она вскоре умерла. За это время, Андрей успел показать себя во всей красе. Оскорблял жену беспричинной ревностью и самыми грязными оскорблениями. И всё же надеялась она на что-то, наверное, любила его. А еще не давала ей покоя навязчивая идея:

— Из вашего дома конфетку можно сделать, — говорила она мужу. — Если мой продать, то этих денег на евроремонт хватит. Хоть бы на старости лет в красоте да удобствах пожить...

— В чужом доме собралась евроремонт затевать? — похохатывал Андрей.

Жена возражала:

— Разве он нашим не станет?..

Вскоре, не дожидаясь особого приглашения, продав городской дом, они перебрались-таки сюда, якобы «доглядывать» старуху. Сынок сразу же и подкатил к матери: заводя речь о её старости, о необходимости всякого рода удобств. Хотя в доме всё имелось, и газовая колонка, и отопление.

— Всё есть, чего же мне ещё не хватает? — возражала Егоровна. — Вот помру, тогда и хозяйствуйте.

— Так вот и сделай дарственную на Валентину, — вдруг выдал ей сынок. — Нам-то с нею и доглядывать тебя, если что...

— Сынок!.. Ты сам-то соображаешь, что говоришь? Вон у тебя самого дети-внуки. У Егора сироты остались. Что ж я, умалишённая, что ли: чужой бабе всё отписывать? А если что не так — так она и тебя выгонит. Про себя уж не говорю.

Андрюха аж побурел лицом от гнева. Иномарка, на которой он теперь разъезжал, явно застила ему свет.

— Вижу я, что у тебя Денис на первом плане. Больше тебе никто не нужен! И пошли после этого в доме жестокие скандалы. Все трое, изматывая друг друга, стали непримиримыми врагами. Мать думала о том, что будь жив Егор, никогда бы такого не случилось! Уж он-то семью свою, мать свою никогда бы не кинул! И поганцу этому не позволил бы в родительском доме хозяйничать да над матерью издеваться.

«Хозяина нету, — жаловалась Егоровна соседке, — сыночка младшенького тоже нету, вот и некому заступиться. А этот... Чужой он мне вместе со своей прохиндейкой! Да он и сам теперь по семье своей сохнет... Всё дочкам названивает. Но не нужен им. Вот он и сгоняет зло на мне да на зазнобе своей...»

Валентина, не дождавшись решения, купила на оставшиеся деньги дом в ближайшем селе и подала на развод с Андреем, всё чаще и сильнее напивавшимся.

Спустя год, оставшись прописанным у матери, он все-таки вернулся к ней: супруги помирились... Они теперь вместе опекали, как получалось, всё больше дряхлеющую старуху. Летом работали в её огороде, заготавливали овощи и консервацию в её же подвале. Поливка была на электричестве, и за электричество платила мать из своей пенсии. Хлебнувшая от «любимого» мужа море обид, Валентина льнула теперь к свекрови, не имея

никого ближе. Помогала ей по дому, даже ночевать оставалась, когда, Егоровне было совсем уж худо.

Нередко в благодарность совала ей старуха тысячные купюры, приказывая:

— Ироду своему не показывай. Купи себе чего... Вон шапчонка у тебя никудышная... аль помады какой. Я, пока мой дед не умер, губы красила... когда на базар там иду или еще куда. Потом уж не до того стало.

— Вот и мне, мама, ничего уже немило, - отвечала Валентина, испытывая невольные угрызения совести. Ведь эта несчастная старуха приняла её в свой дом и в своё сердце. А ей-то этого мало! Очень она хочет быть здесь полноправной хозяйкой.

Если честно, то она частенько просто прикидывалась овечкой, а при случае умела сына против матери настроить...

А вот Андрюху умаслить да разжалобить никак невозможно. Хоть душу свою вынь да положи. Всё его бесило. Бесился он оттого, что семью свою бросил. Всё бросил, чем жил раньше. Прежний образ жизни.

Забился в эту нору крысиную, которую всё больше и больше ненавидел. Нестерпимо тянуло его обратно, домой! К семье, к детям, к внукам, без него народившимся. Ой как хотелось ему туда! В свою утраченную семью! Всё сильнее! Злился и добивал ни в чем не повинную мать, вымещал на ней зло...

Наконец-то, всё обдумав и немного успокоившись, Егоровна поднялась с постели. Оделась, тщательно умылась холодной водой. Отыскала в шкафу нарядный праздничный платок, сняла с вешалки пальто. Надумала она в магазин сходить. Купить печенья да конфет. Раздать соседкам: пусть Егорушку помянут. Недавно он опять ей приснился. Маленький, лет десяти, как сейчас правнук её, Антоша. Звала-звала его, покормить хотела, да где уж! Убежал! Но к чему-то приснился...

Тут Андрюха не ко времени явился! Увидела в окно, как с собакой возится. Кормит. С матерью бы так! Да уж Бог ему судья!.. Оделась она и вышла на крыльцо. Сын неприветливо объяснил, что ездил в аптеку за лекарствами. Жена, мол, заболела, видно грипп.

— Ты в магазин меня не подбросишь? — несмело, испугавшись своих собственных слов, спросила мать. Лицо Андрея даже побелело от гнева:

— В магазин сама поплетёшься?! Ты мне не могла сразу сказать, что купить? Сколько ж ты позорить меня будешь, сволота старая!

В ответ на оскорбление мать промолчала, покотившиеся из глаз её слёзы незаметно смахнула косяком большого платка. Постукивая палкой, сгорбившись, пошла со двора.

На полпути к магазину он вдруг почувствовала острую боль в груди и присела на лавочку у чужого дома. Увидела, что мимо неё на бешеной скорости промчалась Андрюхина иномарка. На мать он и не посмотрел.

Оцепенение, охватившее Егоровну, нарушил знакомый детский голосок:

— Бабуль, ты чего? В магазин? – Перед нею стоял десятилетний правнук Антошка. — Помочь тебе?

— Помоги, родненький! Помоги! Кто же ещё-то бабке поможет.

И у Егоровны потеплело в груди, боль отпустила. Стало легче, она словно очнулась от тяжкого кошмарного сновидения.

И, теперь уже они вдвоём с Антошкой направились она к магазину.

Владимир СКВОРЦОВ

«МНЕ В РОССИИ РУСИ НЕ ХВАТАЕТ!»

МНЕ В РОССИИ РУСИ НЕ ХВАТАЕТ

Я в дорогах страны, как в верёвке,
так запутался – кости трещат!
Я пожизненно... «в командировке»
без надежды вернуться назад.

Всякий раз, возвращаясь упрямо,
попадаю опять в никуда...
То ли денег на транспорт мне мало?
То ль билеты дают не туда?

Помню, пенились брагою кружки...
Оставляя мирские дела,
ах! как пели в деревне старушки
и гармоника в пляску звала!

Отзывались родимые дали,
месяц рябью играл на пруду...
Больше идолов там почитали
трудолюбие и доброту.

Мне в России Руси не хватает!
Я в столицах стал глухонемой!
Я – чужой в каждой алчущей стае,
потому-то и тянет домой!

Не хватает черёмухи русой
и заботливых маминых рук,
возле печки, побеленной русской,
задушевной беседы старух...

Квас и веник – вот символ субботы!
Я в парилке избавлюсь от бед
и пойму: здесь семья и работа,
а деревни и матери – нет...

Нет в округе ни школы, ни церкви.
Люди есть, но души нет живой,
все плутают без веры и цели
и не ведают жизни иной.

Бьются в дикой траве у развалин
колокольчики, будто сердца...
Мы деревни свои мордовали –
стали сами почти без лица.

Мне всё снятся стрекозы у речки...
И как там ни крути, ни верти,
возле русской натопленной печки
я мечтаю покой обрести.

Не случайно терзает истомы,
и свербит в голове: Боже мой!
Ведь была же дорога из дома,
значит, где-то должна быть домой...

СКВОЗЬ ТОЛЩУ ГОДОВ

Из бездны ошибок смотрю на себя:
я был и упрям, и отчаянно смел,
и всякий раз думал, затылок скребя:
кто сделает завтра, что я не сумел?

Я к славе и смерти всегда был готов,
Подумать, помедлить – меня не моли!
Теперь наблюдаю сквозь толщу годов,
Как юноши множат ошибки мои...

СТОЛИЦА МУЗ И КРАСОТЫ

*Я этим городом храним,
И провиниться перед ним
Не дай мне Бог, не дай мне Бог вовеки!*
Б. Ахмадулина

Идёт по Невскому курчавый
Приезжий парень, в чувствах весь!
Красивый город, величавый,
Но... Пушкина убили здесь.

Забудет парень тот едва ли
Величие каналов, рек...
Какие люди здесь бывали!
Здесь даже сплунуть – страшный грех!

Всё благородно, чинно вроде...
Не обижая никого,
Писал Есенин о природе,
Да вот... повесили его.

Наш город били и гнобили –
Он не замёрз и не спалён!
Но Гумилёва... здесь убили,
Борис Корнилов... тут казнён...

Здесь даже ветер правду ищет,
Деревья стонут и мосты...
Здесь больше лоска или нищих?
Уродства или красоты?

Правдиво, честно и толково
Нам под гитару пел Поэт!
В слезах мы слушали Талькова,
Но и Талькова больше нет...

Не канут праведники в Лету,
Им суждено светить и греть!
И честь для каждого поэта –
Здесь жить, творить и умереть...

ЛЮБИТЬ РОССИЮ СТАЛО РЕМЕСЛОМ!

Который раз: всё прошлое – на слом!
Глаза слезятся от словесной пыли.
Любить Отчизну стало ремеслом,
политики Россию «полюбили»!

Сугробами духовность занесло,
тусуются таланты на пирушках...
«Любить Россию» – это ремесло
всех лицемеров, рвущихся к кормушкам.

Но как снискать у Бога благодать?
Скукожившись в смиренную улитку,
политик должен в храме побывать,
возжечь свечу, изобразить молитву...

Коммерция в стране, как бурелом,
утрачены любовь и состраданье...
«Служить России» стало ремеслом
тех, для кого прислуживать – призванье.

* * *

Отчаянья во мне клубится крик,
когда я вижу, как над баком ржавым,
звения медалями, склоняется старик –
солдат спасённой гибнущей державы.

Опять страна в беспамятства грязи...
В наследство нам, как шапка Мономаха:
будь трижды свят и светел на Руси,
за праведность – помойка или плаха...

КАК МНОГО ВЛАСОВЦЕВ В РОССИИ!

Как много власовцев в России!
Какой предателям простор!
Они народ наш подкосили
и обрекают на позор!

От инженеров до кухарок –
все примечают невзначай:
чем больше наглых иномарок,
тем реже ползает трамвай.

Народ безмолвствует устало.
Он потому ещё поник,
что в песнях русских слов не стало,
но рёв, как бес, вселился в них.

Не для того ли и «реформы»,
чтоб, наводя в России шмон,
грузить берёзы на платформы
и гнать, как девушек, в полон...

Забвеньё в нас, что конь для Трои...
И на глазах Отчизны всей
награды праведных героев
текут в кубышки торгашей!

Они – духовные кастраты,
кто на толкучках мог носить
«Куплю советские награды».
Их надо кровью заслужить!

Не купишь доблести и славы
и не займёшь их у людей!
Всё больше рыночной отравы,
всё меньше очередь в музей...

Как много слов произносили
фальшивых, лживых и гнилых!..
Как много власовцев в России,
когда нет Сталина на них...

ЛЖЕ-СВОБОДА

Мне «свободы» не понять!
Людям, вырвавшись из стойла,
надо что-то продавать,
чтобы выглядеть достойно.

Нищетой пропах доцент,
офицер горит от срама...
Обещали нам концерт,
а грохочет фонограмма!

Где чужие? Где свои?
Я давно б утратил веру,
если б в роще соловьи
тоже пели под «фанеру».

ПОМНИШЬ ЛЕТО?

Ночью звёзды ледяные
зябко ёжились во сне.
Помнишь, берега парные
в предрассветной тишине?

Тихо речка вдаль скользила
у деревни на краю.
Помнишь, как ты обронила
слово жаркое – люблю!

Помнишь, волосы по ветру
распустила в лунный час
и сказала: «В мире нету
никого счастливей нас!»?

Помнишь, солнышко струилось
робким светом сквозь кусты?
Но прошу, скажи на милость,
как меня забыла ты?

ВЫСШИЙ ТИТУЛ

*Мои старые знакомые порой дают мне визитки,
в которых написано: то князь, то граф, то барон...*

Из вчерашней мелкой дряни
наплодилось «мудрецы»:
самозванные дворяне,
вороватые купцы...

Мне уже то царь приснится,
то боярская семья...
У меня одна царица –
это Русская Земля!

Ваша публика чванлива,
уходите со двора!
Я не вашего разлива,
я крестьянский был с утра!

Пусть не в маршальском мундире,
ни барон и ни абрек...
Самый высший титул в мире –
это честный человек.

* * *

В столицах загазованность и смог,
но больше от бездушья – наши беды.
Я и представить в юности не мог,
что миром управляют... людоеды.

У них костюм, улыбочка и статья,
они творцы указов и запретов...
О, долго будут земляки гадать,
как смог я выжить... в джунглях людоедов?!

АНТИТАТУ 2022

*Один из признаков последних времён –
нормализация психической патологии.*

Татуировщик пьян и ловок,
павлина сделает из вас!
Я не хочу татуировок,
я – русский, а не папуас!

Не потому, что недотрога,
а оттого, что мне уже
с рождения даны от Бога
свои отметины – в душе.

Я не желаю оголтело
За модой гнаться, подражать!
Зачем уродовать мне тело,
творенье Бога исказить?!

КОГДА МЫ ДУРНО ПОСТУПАЕМ

Когда мы дурно поступаем,
судьбой играя, как в лото,
мы самых близких убиваем
полушутя и ни за что.

Давно ли волосы у мамы
не отличались от моих?
Но как мы дерзки и упрямы
во всех желаниях своих!

Хочу – и всё! Мне мало дела,
всё остальное – трын-трава!
Не от того ли поседела
так рано мамы голова?

* * *

Плачут русский и татарин:
– Над страной навис туман!
Раньше был герой – Гагарин,
а сегодня – наркоман!?

Люди были крепче стали,
дух людей – ещё сильней!
Раньше мудрых почитали,
а сегодня – кто глупей...

Казино – богаче храмов,
балом правят фраера...
Раньше был Звездой – Харламов,
а теперь «звезда» – Шура!?

Жалкий лепет – вместо песен...
Только радуется одно:
высыхает скоро плесень,
выдыхается... оно.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Какой восторг! Я жил в России дважды:
мне в первой жизни было всё нельзя,
а во второй я осознал однажды:
теперь всё можно! Но не для меня...

* * *

Говорили: духовно! А теперь: эротично!
Раньше были стихи, а теперь в песнях – текст...
Образованным быть стало вдруг неприлично,
даже слово «любовь» заменили на «sex»...

* * *

В море книг не видно брода,
Улыбаются таланты:
Полстраны – «поэты года»,
Остальные – «номинанты» ...

* * *

Застолье, презентация, пикник...
За праздностью поэты не поймут:
Важней не сколько написал ты книг,
а сколько строк... тебя переживут.

* * *

Пусть творческая радость
проблем разгонит глушь,
и не догонит старость
бессмертных наших душ!

* * *

Графоман сказал с эстрады
Убедительно вполне:
– Аплодировать не надо,
Лучше дайте денег мне.

ГОРОДА И ВЕСИ

Сергей ЛИТЯЖИНСКИЙ

СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Эпоха перемен в зените.

— Гражданин Забелин?

В ответ растерянное:

— Да?

* * *

Большой город в европейской части России в конце девяностых. Асфальт на городских тротуарах, положенный десяток лет назад, непоправимо стёрся. Ночного уличного освещения почти нет. Троллейбусов и трамваев, старых и грязных, так мало, что большинство горожан предпочитают ходить пешком. В недостатке прохожих улицы старого города нужды не испытывали даже тогда. Бесплодная суета. Завтрашнего дня боялись все. С сегодняшним все мирились.

Кроме суеты, а бизнес тоже был суетой, мало у кого были другие рецепты избежать висельной депрессии. Митинги отшумели, рок-н-ролл мёртв. Ни хлеба, ни зрелищ. Край треснувшего духовного корыта. Как обрести под ногами почву? Наш герой искал её в церкви. Он всё ещё инженерил на оборонном предприятии, худо-бедно, но сводил концы с концами и совсем не собирался окончательно расставаться с реальностью. Только чуть от неё отстранился. И только-только стал обретать новый смысл...

Как вдруг гром среди ясного неба:

— Вы задержаны по подозрению в двойном убийстве.

Так несколько замкнутого, но в целом адекватного человека, чуть старше тридцати лет, с широким кругозором и мировоззрением христианина неопита, арестовали. Убиты его жена и её любовник. Мотив явный, алиби шаткое. После показаний нового свидетеля, который видел его в день убийства недалеко от места преступления, Сергея Забелина сажают. На суде даже адвокат был уверен, что он играет в несознанку.

Никто не обратил серьёзного внимания на его категорический отказ писать явку с повинной.

* * *

Строгая зона для отморозков, на которых не хватило доказательной базы до пожизненного заключения. Минимальный срок здесь двадцать лет. По УДО отсюда пока ещё никто не уходил. Наш герой здесь уже долгие годы. Христианские склонности давно стали убеждениями и продолжают крепнуть. Апелляций и ходатайств о помиловании он никогда не писал, с администрацией не сотрудничал. С сокамерниками также он почти не общается. В своём положении видит Божий промысел и даже находит своего рода гармонию.

В начале своего срока прилежнее других выкладывался на постройке часовни, переосвящённой впоследствии в храм. Следить в нём за чистотой и порядком – его дополнительная обязанность. По большим праздникам в храме служит литургии отец Игорь. Другие священнослужители в зоне не появляются. Батюшка суров, знает цену раскаянья урок. Никогда не улыбается. Одни сидельцы говорят, что он сам сидел по малолетству, другие – что служил во внутренних войсках, ещё в советские времена. И что после срочной службы ещё на несколько лет оставался охранять зону. У самого священника почти о каждом заключённом была точная информация из личных дел: за что, который раз, на сколько и сколько уже.

Подкупал свою паству отец Игорь яркими, захватывающими проповедями. На исповеди же он очень редко вступал в разговоры с заключёнными. Старался выслушать их рефлексивную молчу. Ограничивался фразами: «Зачем врешь?» и «Бог судья». Тем удивительнее было его обращение к нашему герою на восьмом уже году его заключения: «Долго будешь молчать о главном, Сергей?»

Сергий сразу понял, о чём спрашивает священник, и лютающая неприязнь тронула его сердце. Он не искал сочувствия, но всё-таки был уязвлён. «Каюсь, - сказал он, - в неверии, в кромешном отчаянии и в ненависти к вам, сейчас нахлынуло».

Отец Игорь вздохнул и после фразы «Бог судья» прочитал над ним разрешительную молитву. Однако в следующий раз, спустя почти три месяца, задал Сергию тот же вопрос. В ответе теперь осталось только два пункта. В ненависти никто уже не каялся.

Суровый батюшка посуровел ещё больше.

— Были вы венчаны с супругой?

Не ожидая такого вопроса, Сергий молчал. Оба молчали. В итоге отец Игорь не допустил Сергия до причастия. Он ещё накануне решающей

исповеди, после долгих молитвенных размышлений, положил себе сделать так: «Пока не раскаешься в главном, к чаше не подпущу».

Сергий раздавлен. Молящиеся вокруг ухмыляются. У большей части заключённых (конечно, не у блатных), отец Игорь в большом авторитете. В камере Сергия ждут непростые разговоры.

* * *

Примерно в то же время, в другой зоне режима менее строгого, к другому священнику после службы обращается администрация с просьбой исповедать умирающего в «кресте» (в «санчасти» на человеческом языке) зека.

— Это его право.

Медработник поставил диагноз «прободная язва». Может, и до полуночи не дотянет. Отец Вячеслав соглашается. Начальник зоны даёт этому урке самую нелестную характеристику и советует много времени на него не тратить. Рецидивист шестидесяти лет. Циничная гнида, ничего святого, чтит понятия, но, если его скотская натура потребует, перешагнёт и через них. Сидит за разбойное ограбление с пристрастием. У дряхлой пенсионерки утюгом выпытал, где она похоронные сбережения прячет. Если бы старушка скончалась, сидел бы в «Белом лебеде».

Умиравший урка страдал неподдельно. Периодически впадал в забытье. Синие пакши тряслись, из глаз катились крупные слёзы. После молитвы священник склонил ухо к лицу кающегося.

— Веришь ли?

— Теперь верю...

Преодолевая брезгливость, отец Вячеслав старался следить за нитью исповеди. Параллельно старался молиться за прощение вора и, как оказалось, насильника, растлителя и убийцы.

— Ещё одно, — шептал умирающий, — страдает за меня безвинный мужичок. Девять с лишком лет назад взял я квартиру богатую. Взял легко и чисто и веселый шёл уже по подъезду вниз, как слышу - кто-то поднимается, быстро так. Вот-вот столкнёмся взглядами. А вдруг хозяин взятой квартиры? Убивать не хотел, но шабер вынул. И машинально так, возьми и дёрни ближайшую к себе дверь. И она поддалась...

Пару минут зек скулил от боли.

— Внутри музыка, пыхтенье за стенкой, пьяный женский смех... Потом вышел голый мужик, помладше меня, близорукий, с залысиной и поддатый. Я его тихо так на лезвие надел, он не пикнул. Потом и бабу. От одной крови ушёл с лестничной площадки, другую нашёл. Красивая была баба, еле сдержался... Такая была красивая, что и мёртвую можно было бы... Будь времени побольше.

— Это не раскаянье!

— Знаю, отец... Прости... — И опять зек скрежетал зубами и сгибал в коленях худющие ноги.

— Не приняли меня тогда ни за квартиру, ни за трупы. Похоже, и не искали. Знаю, что мужа той бабы посадили. Она с любовником была на съёмной квартире. Вот и впяли ему, недолго разбираясь... Каюсь... Отпусти грехи, отец! Сдохну скоро.... А лоха того жалко, из шибко верующих он был, я так понял.

Отец Вячеслав был потрясён, хотел спросить: где сидит тот лох, как зовут? Но сдержался. Порывав ещё с минуту, рецидивист добавил:

— В жизнь бы так никому не сознался. А теперь не боюсь. Ты же не вложишь. Ты же адвокат мой перед вышним прокурором. Отпусти грехи, отец!

Еле справляясь с собой, священник прочёл молитву, дал разбойнику святых даров, соборовал и оставил его умирать.

Тайна исповеди мешала отцу Вячеславу активно приступить к выяснению деталей. И хотя эта история не выходила из его головы, он только через месяц, пятого июля, позвонил начальнику зоны поздравить его с днём ангела и невзначай поинтересовался, как отошёл к Господу тот зек, которого он исповедовал в кресте.

— Вы, отец Вячеслав, наверное, чудотворец. Зек тот никуда не отошёл, а на поправку после ваших молитв пошёл. Два дня он у нас зубами скрипел и бредил. Потом мы в область его отправили. Ждём, но оттуда пока не звонят. Значит, оклемалась, гнида.

Священник понял, что выяснять детали исповеди в ближайшее время нельзя...

Скоро жена начальника зоны позвонила отцу Вячеславу. Подобострастно она рассыпалась уверениями в своей вере, в своей преданности Христу и в своём восхищении тем чудом, которое было совершено над умирающим разбойником. Врачи в области просто шокированы. Первоначальный диагноз подтвердился сразу, но язва зарубцевалась! Отец Вячеслав чуть не обругал эту женщину, так неприятны были ему её льстивые комплименты и неуместное восхищение сомнительным чудом. В конце концов она попросила освятить их жилище, ну и помолиться за внуков близнецов. Священник дал слово выполнить её просьбу.

После телефонного разговора в душе отца Вячеслава сами собой подбирались слова новой молитвы, и ему стоило больших усилий не произносить их. Если бы урка, как сказал бы Булгаков, «с такой страшной фамилией» Голокость сдох, священник без особенного труда, как ему казалось, смог бы прояснить обстоятельства двойного убийства, за которое сидит уже долгие годы невинный. И вдруг - чудо. Зачем, Господи?

Пока рецидивист жив, тайна исповеди будет руководить поступками отца Вячеслава.

* * *

Три года провёл Сергей Забелин без причастия. Даже не пытался подойти к исповеди. И общественность, и администрация заметили конфликт с отцом Игорем. На вопросы оперативного работника Василия Васильевича священник отвечал уклончиво, метафорами, цитатами из писания. Кум сделал вывод – какой-то богословский спор. Сергей же вообще ничего не отвечал. Никому.

На святую Пасху 2010-го года, приняв исповедь у одного из зеков, отец Игорь попросил того позвать к себе Сергея Забелина.

— Стань в очередь, Сергей, — сказал священник примирительным тоном и благословил его.

Когда очередь подошла, Сергей повернулся, чтобы поклониться другим верующим, но позади себя никого не увидел. Только у самых дверей стоял кум с ещё одним подполковником, и оба с интересом смотрели в его сторону. Сергей поклонился им.

Закончив исповедь, Сергей ждал вопроса о главном. Но вместо этого услышал: «Бог судья». Колени сами подогнулись, и вот епитрахиль покрыла его голову, и потекли слова разрешительной молитвы.

* * *

Уже три года отец Вячеслав мучился неразрешимой дилеммой. И мысль о далёком безвинном сидельце читалась в его лице, и незыблемость тайны исповеди ни на минуту не ставилась им под сомнение. Между тем, чудесно выздоровевший рецидивист вернулся в места заключения. Отец Вячеслав пару раз издали видел взгляд этой смертельно раненой ехидны, злой и трусливый. Сказать про него «отталкивающий» — значит, ничего не сказать. Урка явно был нездоров. Передвигался с усилием. Поймав взгляд отца Вячеслава, жалко так ухмыльнулся.

— Господи! – пронеслось в голове отца Вячеслава. — Ты один знаешь, что такое настоящая милость. Буди милостив к нам, грешным!

— Аминь, – неслышно добавил ангел.

После освящения дома начальника зоны отец Вячеслав стал другом всего семейства Геннадия Николаевича, хотя сначала и тяготился этим. Сам товарищ полковник с глазу на глаз зачастую переходил с ним «на ты». Он оставался атеистом, но любил послушать о духовном. По воскресеньям Геннадий Николаевич лично привозил в тот городской храм, где служил отец Вячеслав, жену и внуков близнецов. Всё располагало задать ему мучивший священника вопрос, но батюшка не спешил, точнее, не смел.

Бывало, после службы ехали перекусить к отцу Вячеславу в его маленький домик. Внуки начальника зоны играли с внучками священника, взрослые вели пасторальные разговоры за чаем. Поздней осенью отец Вячеслав обвенчал этих немолодых людей, которые давно уже сыграли серебряную свадьбу.

Зимой, спустя несколько дней после Рождества, Геннадий Николаевич встретил выходявшего из городского храма после вечерни отца Вячеслава. Мороз был крепкий.

— Что-то случилось?

— Да как сказать, у нас ничего, а вот в «Сухом Острого» случилось. Сядем в машину.

«Сухой Острог» это известный лагерь на Урале. После рождественской службы там помешавшийся заключённый захватил в заложники местного батюшку. Детали пока неизвестны, но батюшка в реанимации, зек ликвидирован. Пятно на всю систему исправительных учреждений. Приказ министерства - ограничить, усилить, обеспечить, сократить и прочее. Негласный приказ: не допускать контактов священнослужителей и заключённых без разделительного ограждения.

— Будем решётки ставить в храме. Не выполнить приказ не могу. Вот посоветоваться приехал. Без вас не разберёмся, что ограждать.

— Ну, знаете, Геннадий Николаевич! Кто же вам позволит? Где это видано? Как же епитрахиль на голову исповедника класть? Как святые дары через решётку давать?

— Как гиенам в зоопарке мясо дают? – взревел Геннадий Николаевич. — Давайте думать! Что сможем улучшить - улучшим, обещаю. По-другому никак. Хотели вообще мораторий на пару лет ввести. Ограничились решётками. Министр с патриархом встречался, соглашение достигнуто, и на днях будет обращение синода к тюремному клиру. Так вот.

Отец Вячеслав горестно стих.

Расставаясь, Геннадий Николаевич неожиданно сказал:

— Голокость вам искреннее почтение передавал. Но очень просил с ним встреч не искать, опасается, что приличное камерное общество его не поймёт и за встречу с вами осудит. Я же говорил, гнида. Вы над ним такое чудо совершили, а он...

— Бред. Если и было чудо, то без меня, – отец Вячеслав перекрестился вспотевшими пальцами. — От меня ему ничего не передавайте.

— Как-то не по-христиански...

Начальник зоны смотрел в глаза священника и, загадочно улыбаясь, чего-то ждал.

— Передайте моё благословение супруге. Над планом ограждения я подумаю. Полтора метра высоты хватит?

— Два с половиной.

На следующий день отец Вячеслав действительно прочитал во внутрицерковной сети обтекаемое обращение священного синода к пастырям тюремных храмов с разъяснениями. Церковь не хотела рисковать жизнями своих служителей и душами несчастных заключённых, подверженных отчаянию и способных на неисправимые новые преступления. Поэтому священный синод рекомендовал священству проявлять осторожность и бдительность и в тех тюремных приходах, где процент безрассудных заключённых особенно велик, прибегать к крайним мерам, то есть к установке разделительных конструкций. При этом ни один храм не должен закрыться. Окончательное решение вопроса - быть или не быть ограждениям - синод оставляет за настоятелями. Любому решению осуждённы не будет.

— Осуждённы не будет, — говорил в телефон Геннадий Николаевич, — если новых захватов не будет. А наш контингент вы знаете не хуже меня. В четвёртом отряде - слышали? - сатанист, убивший в Казани муллу, появился. А в первом недоказанный людоед. Нечего думать, надо ставить. Сделаем красивые кованые решётки с соответствующим месту орнаментом. Только скажите, куда лучше поставить.

* * *

— Два с половиной года решёточки в запасном пределе простояли! Теперь кум своей теще на дачу спишет, ха-ха-ха....

Забелин слушал сокамерника вполуха и думал только, как не поцарапать разбойника Дисмаса не пригодились решётками.

— Тяжёлые.

— Под ноги смотри, ступени.

— Вот отец Игорь не устрасился нас. Насколько я знаю, почти во всех лагерях в храмах решётки поставили после убийства батюшки на Урале. А он не дал. Вот человек, вот сила. И болезни своей не боится, и, дай Бог, победит и её.

Забелин не подал вида, но вспомнил, что ещё на Пасху отец Игорь показался ему утомлённым сверх меры. А на рождество Иоанна Предтечи, когда он прервал проповедь, буквально показался больным.

— Похоже, что он сильно болен.

— Профессор, который с кумом чай пьёт, уверен, это онкология. Точно не знает, кум на расспросы не повёлся, но по внешнему виду похоже, что курс химиотерапии в самой середине. Тебе отец Игорь ничего не говорил?

— Не-ет...

— Примирились вы с ним? Покаялся в главном?

— Откуда знаешь?

— Ха, я два года тоже хвостом крутил. Каялся в том, что курить бросить не могу, что по фени матерюсь, в карты играю, украсть могу, в онанизме, как в самом тяжком грехе, каялся... А он однажды спросил о главном: о том, как я дочку утопил с подружкой её. «Да вы что, - кричу ему, - не я, не я! Вымудрили доказательства! Улики косвенные! Зазря я тут». А он, как святой с иконы, глянул мне внутрь и говорит: «Богу не нужны улики». Хотел я отшатнуться и почувствовал, что он мне на ногу наступил. Крепко так. «От кого бежать хочешь, Александр?» Смешно сейчас вспоминать. Ха...

— Раскаялся?

— Ну да. Как он следующий раз приехал служить, коленопреклоненно, со слезьми и стенаньями во всём покаялся! Как все.

— Что значит «как все»?

— Так все упорствуют, никто в своём зле быстро не кается. Кто год, кто два, кто больше, как ты. Не хотят люди себя признавать теми, кто они есть, или просто боятся. И я боялся, как все. Боялся, что он куму сдаст, а тот постарается срок добавить на всю катушку. Но не таков отец Игорь. Ему в таких грехах каялись, два ПЖ (пожизненных срока) можно было бы получить, а он никого не вложил.

Непонятное пограничное чувство копилось в Забелине. То ли разочарование, то ли восхищение.

— Были и такие, что ваньку перед ним валяли. Для забавы выдумывали страсти кровавые и на исповеди лили перед ним крокодильи слёзы. Так отец Игорь одного такого скомороха взашей от аналоя гнал, вертухаи насилу его спасли от праведного гнева, ха...

— Это я видел и в прострации был, не понимал, что происходит!

— Духовное у отца Игоря зрение! Скорее всего, он святой! Так что не выёживайся, брат, облегчи душу. Вот увидишь, насколько свободней станет дышать, насколько время потечёт быстрее. Много там ещё решёток?

* * *

Отец Вячеслав ликовал. Наконец-то из храма выносили ограждения, которые он спроектировал два с половиной года назад. За это время у него заметно прибавилось в бороде седины. Многие заключённые увидели в решётках лишнее над собой глумление и перестали посещать храм. В глазах оставшихся погасло доверие, погасла надежда. Отец Вячеслав не узнавал никого, почти все недавно осуждённые. Полтора десятка

бессмысленных, голодных, озлобленных взглядов исподлобья следили за его движениями и внушали ему тревогу. Он стыдился своего малодушия, стыдился видеть их такими, какими они были на самом деле, и болезненно переживал каждую службу. В доверительной беседе с уезжающим на повышение Геннадием Николаевичем отец Вячеслав увлёкся описанием этих взглядов, а он возьми и добавь:

— И в каждом из них вам мерещится Костиков взгляд.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Костик — это «кличка поганая» заключённого по фамилии Голокость.

— Ой, да. И правда, мерещится.

— Трудно представить себе что-то более мерзкое.

Отец Вячеслав спорить не стал.

— Теперь вы с этим типом вряд ли встретитесь.

Священник продолжал молчать, но весь обратился в еле скрываемое внимание. Естественно, начальник это заметил. Улыбаясь, товарищ полковник рассказал, что эта гнида поехала в «санаторий». В особую зону для смертельно больных. Отец Вячеслав уже видел эту улыбку.

— Туберкулёз позвоночника. Если вы молиться за него не будете, то до конца срока он точно не доживёт. Хотя, по медицинскому заключению протянуть он ещё может лет пять, а то и семь. Смотря чем кормить будут.

— Семь лет? – ужаснулся шёпотом священник.

— Отче Вячеславе, — Геннадий Николаевич решил оставить недомолвки и заговорить открыто, — сдаётся мне, что я мог бы быть вам полезен, если бы вы объяснили мне, в чём дело. Я давно заметил...

— И очень прискорбно, что заметили. – Голос отца Вячеслава стал твёрдым, не терпящим возражений. — Я не могу, и не будем продолжать.

— Тайна исповеди?

В это время отъехали в сторону ворота КПП, и в их проёме показалась большая чёрная машина.

— А вот и ваш преемник. Пойдёмте, познакомите.

— Пойдёмте, пойдёмте, — и через несколько шагов добавил, — как Костик ласты склеит, я вам сообщу.

И вот уже полковник обнимается с меняющим его сослуживцем, дружба с которым началась ещё в окрестностях Грозного весной 1996-го года.

***

После того, как вынесли из неиспользуемого придела ограды, одну только службу отслужил отец Игорь в храме святых апостолов Петра и Павла. Болезнь его бросалась в глаза всем присутствующим, шила в мешке

не утаишь. Острым лезвием она стояла в нём от горла до желудка и делала мучительным даже глубокий вздох. Но служба на всём протяжении оставалась торжественной и неспешной, и каждое слово в тесных приделах звучало отчётливо и возвышенно. Глаза отца Игоря сверлили приступавших к исповеди. И те без слов понимали, какие мелочи пытаются выдать за что-то важное, за что-то значимое. Сергию он не сказал в тот день «Бог судья». Он сказал ему: «Бог простит» и после молитвы добавил, что долго не верил в его невиновность, за что просит теперь прощение. «Награда не минует тебя, чадо. Потерпи».

Нет таких слов, которыми можно было бы описать состояние Сергия. Он готов был терпеть. И понимал, за что он терпит и для чего. Никто из причастников в тот день не слышал того прекрасного хора ангелов, что слышал Сергей.

Потом долго не было служб в этом храме. На Рождество у царских врат его стоял иеромонах отец Донат из ближайшего монастыря. После службы в проповеди он объявил, что отец Игорь после сложной операции идёт на поправку и просит ваших молитв.

Отслужили молебен, и только после этого молебна православные мужики, тужившие об отце Игоре, прониклись доверием к отцу Донату.

Не понятно как, но он сумел договориться с администрацией, и службы стали проходить гораздо чаще. Подобрал новых певчих и к осени научил их петь на греческий манер. Кум заслушивался и хвалил отца Доната. Удивительно, но в число певчих вошли несколько голосов из администрации. Жизнь верующих сидельцев потекла быстрее и легче. Сергей и не заметил, как пролетели ещё одна весна и ещё одно лето. Как-то в сентябре, после обеденного принятия пищи, конвоир выкрикнул его имя.

— Кум хочет с Исусиком поболтать, — сострил один из блатных.

— Кум уже не кум, — добавил другой, — он теперь хозяин. Батя. Повысили.

Забелин ничего не знал об этих изменениях и неожиданно для себя заволновался. В доступной немногим комнате для свиданий, к великой радости, его ждал отец Игорь, изрядно бледный, но улыбающийся. Расцеловались и после благословения уселись друг против друга. Поговорив о здоровье, погоде, родственниках и бытовых условиях, отец Игорь заговорил о важном.

— Я сумел получить из архива твоё уголовное дело, Василий Васильевич помог. Он теперь начальник и многое может. Сто процентов, если бы ты в своё время написал апелляцию, дело бы отправили на следствие. За результат не поручусь, но то, что оно притянута за уши, факт. Сейчас время не очень удачное, слишком много его утекло. Но шанс есть. В день убийства в том же подъезде было совершено ещё одно

преступление, квартирная кража на значительную сумму. Мне кажется, какому-то домушнику просто свезло. Он забрался в квартиру отчима одного предпринимателя вашего города. И вместо нескольких тысяч нашёл там несколько миллионов. Предпринимателя прессовала местная ОПГ. В 98-м году, после дефолта, он сделал вид, что всё потерял, а сам прятал деньги в квартире приёмного отца и от бандитов, и от налоговиков, и от компаньонов. Может и прокатило бы, если бы не блатной вор-домушник. Решив, что кража дело рук ОПГ и что вслед за ней последует его устранение, коммерсант, ни о чём не заявляя в милицию, скрылся. Братва нашла его спустя пару лет, когда ты уже отбывал срок. Тогда он и обратился к силовикам, тогда-то и всплыла квартирная кража в том злосчастном подъезде, которую никому и в голову не пришло связать с убийством твоей жены. Ты мне так и не ответил, были вы с ней венчаны?

— Да.

— Молись за неё, каждый день молись. Как её имя?

— Анастасия.

Отец Игорь перекрестился и продолжил:

— Трудно сказать как, но как-то несчастные любовники оказались на пути того рецидивиста, что совершил кражу. Думаю, не желая потерять баснословные для него деньги, он и порешил случайных свидетелей. И как назло, тебя кто-то видел в тот день в том районе. Дьявол изобретателен. И вот ты здесь шестнадцатый год.

Сергий молчал, свесив голову, не радуясь и не печальясь. «Что дальше?» — думал он.

— Я скопировал и сшил какие смог документы. Сейчас их смотрит Василий Васильевич, очень рассчитываю на его совет. Останавливаться нельзя, только бы здоровье не подкачало.

— Всё это, — махнул рукой Забелин, — умозрительная версия. Не стоит вам заниматься этим, отче. Я буду ждать сколько потребуется. Осталось-то всего семь лет.

— Я лучше знаю, что мне стоит делать. А ты молись и жди. Если понадобится, Василий Васильевич прийдёт за тобой. Пора прощаться.

Отец Игорь благословил Забелина и хотел уже нажать кнопку вызова конвоира, как Сергей спросил его:

— Вы в армии во внутренних войсках служили?

Улыбнувшись, священник ответил:

— Ну да, служил. В Москве. В пожарной части рядом с метро Динамо.

***

Семидесятилетний, всегда благодушный и неподдельно светлый епископ Аркадий заговорил неожиданно сдержанно и местами даже сухо.

Рассказ отца Вячеслава и его прошение назвал безумием. Одно то, что кто-то заметил, что ты после исповеди этого разбойника потерял равновесие, уже есть нарушение тайны исповеди. Никто не осудит епископа, если он лишит отца Вячеслава сана и выведет за штат.

- В юности много детективов читал?
- Совсем не читал.
- Сколько же ты носишь в себе эту историю?
- Уже одиннадцатый год мучаюсь.

— Вот и не оставляй мучения своего! Молись за далёкого безвинного страдальца. Не ты его, а он твой спасательный круг. Не ищи боле справедливости для него, проси для него милости у Бога. Не сомневайся, не во вред ему сие испытание, и не зря. В храме своём, принимая покаяние, ни улыбкой, ни бровью своего личного отношения к сказанному не обнажай. Как седовласому, но семинаристу, напоминаю тебе: так же, как осуждение, и оправдание в руках Бога, не в наших.

Отчего заболело сердце у отца Вячеслава? Тротуарная плитка рисовала в его глазах замысловатые геометрические фигуры. Рано в этом году сошёл снег. Он и не заметил, как дошёл до своей автобусной остановки. Только здесь отец Вячеслав вернулся к реальности, вынул из кармана и включил телефон. Один пропущенный вызов: Геннадий Николаевич, 14:10. Они не виделись больше двух недель, две воскресные службы пропустила его семья. «Сейчас узнаем, почему?» – подумал отец Вячеслав. И действительно, телефон завибрировал, экран засветился, и в его центре была надпись: «Геннадий Николаевич».

- Доброго дня, отец Вячеслав! Как здоровье?
- Слава Богу, жаловаться грех.
- У вас вечером служба?
- Сегодня нет.
- Тогда ждите в гости, есть что рассказать.
- Сделайте милость, буду ждать с нетерпением.

***

После обнадёживающего разговора с отцом Игорем Сергей Забелин стал, как самому ему казалось, слишком часто думать о жизни на свободе. И даже мечтать о ней. Он слышал, что на воле за шестнадцать лет всё сильно изменилось. Что у каждой семьи по две машины, что у каждого, даже у детей, мобильный телефон. И в каждом телефоне телевизор. И все плятятся в них, и молодые, и старые, и на улице, и в транспорте, и на работе, везде. Все в наушниках. Все разговаривают с невидимыми собеседниками, как будто сами с собой. До того, как забрезжил свет освобождения, Забелин слышал такие рассказы, но не внимал им, не придавал значения. Теперь

стал бояться: а найдётся ли ему место на этих улицах? Ведь у него ни прав, ни телефона. И всё равно его тянуло к мыслям о них. И как результат - обмелела тайная умственная молитва, испортился сон, минуты стали тянуться, как дни, а дни – как недели. Пальцы стали опять попадать под иглы швейной машинки, один раз на переключке не отозвался.

Легко сказать - возьми себя в руки. Легко сказать - не думай об этом. Опасные мысли, как недуг, который приходит откуда не знаем. Главное, согласиться в себе с тем, что это недуг, что это надо лечить. Забелин всё осознал и, как лекарства, приносящего облегчение, стал ждать очередную службу.

Отец Донат старался, но уступал всё же отцу Игорю в торжественности. Многие православные заключённые с упоением вспоминали его дикцию, его тембр. По их слову, строже была служба, пробирала и жгла, стыдила. А у отца Доната проникновеннее и душевнее. Но ведь не женская у нас зона! И покаяние у своих прихожан отец Донат принимал по-другому. Никого от аналая не гнал, почти с каждым беседовал, давал советы. Разве с нами так можно? Распояшемся. Выслушав Сергия, отец Донат скороговоркой прочитал какую-то молитву, перекрестился и сказал:

— Не бойся думать о долгожданной свободе. Свобода наше естественное состояние. Только думай о ней как об объятиях матери, а не как о свидании с любовницей.

Вообще, отец Донат сначала хотел сравнить свободу с объятиями законной супруги. Но, вспомнив, как все уголовники чтут образ матери, вовремя перестроил свою фразу. По отношению к Забелину это было, конечно же, милосердно.

***

В шесть вечера автомобиль Геннадия Николаевича припарковался у дома отца Вячеслава. После приветствия обнялись, уселись за стол. Матушка приготовила чай, варенье, баранки и оставила их один на один. Батюшка сразу поинтересовался, где домашние Геннадия Николаевича прячутся, две воскресных службы прогуляли.

— Не болеют?

— Упаси Бог! Ещё не хватало. Поэтому и не приезжали к вам в воскресенье, что боялись заболеть. Новый грипп гуляет в городе. Не слышали? То ли свиной, то ли говяжий. Полгорода слегло. Очень заразный.

— Про птичий слышал...

— Птичий в позапрошлом году был, в этом новый – свиной. Моя супруга паникёрша и трусиха в таких делах, сама из дома ни на шаг и детей никуда, ни ногой. Вот и всё объяснение.

— Может и правильно насчёт школы и рынка, но не насчёт храма.

— Я слышал, у ладана бактерицидные свойства сильные. Вы уж его сейчас не экономьте. В следующее воскресенье всех привезу.

— Договорились.

Геннадий Николаевич громко вздохнул, как будто сказал: «...а теперь самое интересное».

— Я вам кое-что обещал.

Отец Вячеслав сразу понял, о чём пойдёт речь.

— Скончался?

— Представьте себе! Семи лет не потребовалось. Подложили к нему в санаторий совершенно случайно такую же свинью, как он сам, — товарищ полковник жадно сделал большой глоток душистого крепкого чая, — которой он задолжал ещё со второй своей ходки. То есть подельника его, которого он в своё время сдал с потрохами на двенадцать лет. А сам отделался тогда четырьмя. Всю жизнь Голокость этой встречи боялся. В их среде с этим строго. Поэтому и гастролитировал по всему СССР и потом по всей России. Но от судьбы не ушёл. Настигла его заточка единомышленника.

Геннадий Николаевич от своего рассказа явно получал большое удовольствие.

— Вы свободны, отец Вячеслав, — закончил он победно и совершенно серьёзно.

Священник поднял глаза. В дальней комнате старшая внучка пыталась наиграть на пианино старинный романс. Бабушка помогала ей. Отцу Вячеславу в такой обстановке было трудно сосредоточиться, но он решил не откладывать. С первых же слов Геннадий Николаевич помрачнел. Потом в его лице появилось что-то ироничное. Потом опять помрачнел.

— Что же вы натворили, отец Вячеслав...

Холодок прошёл по спине священника от этих слов.

— Вы хоть в каком году это произошло знаете точно? Имя оклеветанного стечением обстоятельств? Какой срок ему дали? В каком городе хоть было убийство? Кому вы собирались помочь? И как? Ни письменных показаний, ни свидетелей вашей беседы. Ничего. Кто вам, кроме меня, поверит? Может, вы выдумали всё.

— Я мог бы всё подтвердить под присягой.

— Много кто чего мог бы подтвердить под присягой. Суд не богадельня. Вовремя надо было сообщить, пока эта Гнидокость жива была. Всё бы из него вытрясли. Теперь поздно.

— Я ехала домой, — доносился голос матушки Софьи и немного фальшивые звуки пианино.

Скоро негодование Геннадия Николаевича исчерпалось. Он успокоился, и разговор вернулся в спокойное русло. Отец Вячеслав не мог поверить, что ничего нельзя сделать. Постарался ещё раз, более детально пересказать давно отзвучавшую исповедь уголовного.

— Не за что уцепиться. Совсем не за что.

— Поднять старые дела не получится?

— По всей стране? Я вас умоляю.

— Может, интернет?

Чем дальше они вели разговор, тем отчётливее Геннадий Николаевич понимал, что перспектив нет. Что душевное томление, съедавшее отца Вячеслава столько лет, не исцелить. И напрасно он надеялся исправить судьбу далёкого, безвинного лоха. Кстати, может, тот уж давно отсидел, сколько лет-то прошло.

— Встретимся в воскресенье, — говорил Геннадий Николаевич при расставании, — я ещё подумаю. Но вряд ли что-то можно сделать. Не мне давать вам советы, но вам надо смириться. Знаете, как у нас говорят: наказания без вины не бывает.

— У нас тоже так говорят.

— Вот! Может чем-то ещё этот страдалец Бога прогневил. А мы с вами, что могли для него сделали.

Никогда раньше полковник не просил благословения у отца Вячеслава, а сегодня, сложив перед ним ладони, сильно его удивил.

Священник радостно улыбнулся.

И уже на пороге он спросил:

— Геннадий Николаевич, вы сказали совершенно случайно?

— Абсолютно! — ответил тот, даже не уточнив, про что был вопрос.

***

Василий Васильевич очень долго не вызывал к себе Забелина. Сомневался. Но не в том, что Забелин невиновен, а в том, как его собственные действия будут выглядеть со стороны. С доводами отца Игоря спорить не хотелось, хотелось им довериться. Но ведь все они чистая лирика, железных аргументов нет. И пусть ярославские коллеги частично признали, что упрятали Забелина за решётку без весомых доказательств. Но в том же письме они намекнули, что и освободить его без весомых доказательств не стоит. Что сделано, то сделано. Опять же свидетельница Иванова, кондуктор трамвая, дала показания, как нервно в тот день Забелин отсчитывал мелочь, войдя в салон с остановки в квартале от места преступления.

— Нужен хороший адвокат, — говорил Василий Васильевич отцу Игорю, который второй раз уже выписался из больницы, — я об УДО ходатайствовать не буду, не в наших традициях. Да и сами вы говорили, что надо добиваться полного оправдания, что надо добиваться пересмотра дела, нового суда. И поговорите с Забелиным о свидетельнице Ивановой. Как на неё следствие вышло? Почему она его запомнила? Странно.

Найти хорошего адвоката оказалось делом непростым. Многие умышленно не понимали, чего от них хотят. Учитывая, что решительную часть срока Забелин отбыл примерно, без единого конфликта с администрацией, вытащить его из застенков не представляло труда. Но речь шла о восстановлении его доброго имени. О признании неправомерным решение суда. И, естественно, все, к кому обращались и Василий Васильевич, и отец Игорь, под благовидными предложениями увиливали. Отец Игорь уже просил в молитвах какого-нибудь, какого угодно, как вдруг с ним связался молодой человек с одиозной фамилией.

— Максим Новодворский, — представился он при встрече.

Василий Васильевич предположил, что этот юнец хочет попасть в хроники радио «Свобода». Общаться с ним отказался наотрез и предупредил отца Игоря:

— Замечу хоть намёк в его действиях на дискредитацию строя, отправлю Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ! Мне мои погоны не жмут.

Между тем тридцатитрёхлетний Максим Вениаминович признавался отцу Игорю, что его фамилия – его проклятие. Кроме неё не было других причин выживать его из прокуратуры. Жил как все, платил ипотеку как все, работал как все. Но никто не хотел видеть его своим заместителем. Вот и свободное плавание. Отец Игорь поговорил с ним о религиозных предпочтениях, и опять всё как у всех. Крещён в православии, венчанный, пару раз в год в храме бывает. Отец Игорь колебался, но решил благословить Максима Вениаминовича, чем тот был очень воодушевлён.

Ознакомившись со скудными материалами дела, имеющимися в его распоряжении, не приуныл, а заказал встречу с заключённым Забелиным. В ходе которой адвокат был очень удивлён тем, что виновник разбирательства вовсе и не настаивает на возвращении ему доброго имени. Загадочно прозвучала его фраза:

— Ничего доброго в моём имени нет.

В отведённой для их встречи камере было плохое освещение. Что-то адвокат записывал в ежедневник, что-то на диктофон в смартфоне. Забелин догадался, что это и есть тот самый телефон с телевизором и ещё с магнитофоном.

— Чего же вы хотите от возобновления дела?

— Правильнее будет сказать, чего не хочу. Не хочу отца Игоря расстраивать. Святой человек, такое участие принял в моей судьбе. Я просто обязан выбраться отсюда.

— Сергей Витальевич, — немного помолчав, опять заговорил адвокат, — вы были знакомы со свидетельницей Ивановой?

— Нет, но, кажется, я догадываюсь, кто это был.

Адвокат не пытался скрыть своего интереса.

Забелин рассказал, что ещё на суде пытался оспорить слова свидетельницы. Он был в том районе днём раньше и в трамвае рассыпал мелочь днём раньше. Но Иванова настаивала, и суд внял ей. Приезжал он в тот район по просьбе старой знакомой, с которой у него за пять лет до свадьбы была краткосрочная связь.

— Какое гадкое слово: «связь».

Звали знакомую Надя Иванова. Студентка университета, красавица с претензией на исключительность, интеллектуалка, рвалась в Москву, мечтала о богемном обществе. Уже на первом свидании были близкие отношения.

— Секс?

Забелин тяжело вздохнул, читай: «да».

На третьем свидании она сказала ему, что ни к кому не проникалась таким глубоким чувством, и это её пугает. Четвёртого свидания не было. Забелин уже в заключении вспомнил, как в перерыве между утехами Надя рассказывала ему о своём отце, несостоявшемся писателе. От него осталась одна толстая рукопись, и Надя обязана её опубликовать, чего бы это ни стоило. А о маме упомянула вскользь, обычная домохозяйка, пенсионерка, работает ещё кондуктором.

— Так зачем Надя позвала вас спустя восемь лет?

Забелин продолжил. Он не догадывался, о чём пойдёт речь при встрече. В телефонном звонке на работу она просила помочь, но не уточняла, в чём. Возобновления связи он не хотел и боялся. Он же обвенчан. Надя тепло и радостно встретила Забелина, между слов сквозило раскаянье, в словах надежда. В Надиной комнате Сергея ошаршили два его достаточно больших фотопортрета. Он и она. Она и он.

— Зачем тебе это? — Сергей засомневался в её здравомыслии.

— Это не мне. Дочь должна знать своего отца.

В браке у него третий год нет детей, а здесь растёт его дочь. Забелин был в ступоре. Надя не просила вернуться, просто плакала. Она понимала, что падшие женщины не достойны таких, как он. таких безупречных. Ещё много чего комплиментарного говорила, а в итоге попросила дать дочери

свою фамилию. Вот и вся её просьба. Она упала на колени. Ребёнок должен знать. Посмотри, как она на тебя похожа. И тому подобное.

— Вы ей отказали?

— Безмолвно я слушал её минут десять. Вычислял. Всё сходилось. О, как тяжело мне было оттолкнуть её и уйти. В ушах ещё долго стояли её плач и мои шаги.

— Вы боялись, что она врёт и это не ваш ребёнок? Не хотели неизвестно кому платить алименты?

— Мне стыдно её очернять, но поводов так думать было достаточно.

— Сколько после этого вы оставались на свободе?

— Двадцать три часа.

— Мне придётся слетать в Ярославль, уточнить всё на месте. Главное, как следствие на свидетельницу вышло?

— У меня было много времени подумать об этом. Ничего сложного, скорее всего. Оперативники искали свидетелей, показывали мои фото в близлежащих ларьках, палатках, в транспорте. Она же видела мои фотопортреты у дочери в комнате. Наверно и нафантазировала себе несчастную мелодраму, где я в роли похитителя девственности и счастья её дочки.

— И вдруг представился такой случай отомстить, – продолжил Новодворский. — Логично. А почему вы на суде не предположили, что это мать Нади?

— И в голову не приходило! Мало ли на Руси Ивановых!

* * *

Незадолго до смерти отец Игорь принял монашеский постриг с именем Георгий. Вечером того же дня в его палате с ним разговаривали Василий Васильевич и Максим Вениаминович.

— Заклинаю вас, возлюбленные братья мои, оставьте препирательства и доведите начатое дело до конца.

Новодворского коробил такой пафос. Слышал он много о православных, но такого средневековья и представить себе не мог.

— Целуйте крест.

— Мы же неверующие! – взмолился Василий Васильевич.

— Это вам кажется. Сделайте шаг к правде, и пребудет на вас благодать.

Они переглянулись и сделали шаг.

Из больницы ехали вместе, в одной машине. Василий Васильевич перестал чураться Новодворского.

— Шаг сделан и что теперь? Есть у нас шанс выполнить обещание?

— Шанс есть, не знаю только, одобрил бы такое решение проблемы отец Георгий. Забелин же одобряет. Намаялся он у вас.

— Это комплимент?

Огни большого города трассировали очередями за стёклами автомобиля, как будто отстреливались от мыслей обоих пассажиров.

— Утро вечера мудренее. Давайте встретимся завтра, и я вам всё расскажу.

— По мне зона плачет, не может долго без меня. Я должен к шести утра туда нагряться.

— Завидное чувство юмора у вас, Василий Васильевич! – Новодворский от души засмеялся.

— Выкладывай.

— Как-то вы пугали отца Георгия, что переведёте Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ. Было? Ну, так переведите.

— Зачем?

— Там же нет традиции не отпускать по УДО. Конечно, Забелин поедет домой не с парадного входа, а, скорее, с чёрного выхода, но, знаете, он своим добрым именем не так уж и дорожит, будет рад и этой лазейке.

Василий Васильевич лихорадочно соображал, как спасти честь мундира. И сказал, наконец:

— Я сам про такой расклад думал, но ведь отец Игорь хотел полного оправдания.

— Отец Георгий идеалист. Нельзя оставлять волков в дураках. Надо и овцу спасти, и их оставить сытыми. И покончим с этим.

— Вы, часом, не тайный агент Ордена Иезуитов?

С того вечера Василий Васильевич и Максим Вениаминович стали друзьями, и их дружба уже не прерывалась никогда. Следующий раз они встретились через неделю, на скромных похоронах инокка Георгия, у кирпичной стены городского кафедрального собора. Литию пел отец Донат. Новодворский тогда первый раз в жизни осознанно и искренне осенил себя крестным знаменем. Прощаясь после поминок, Василий Васильевич сказал, что к этапированию Забелина всё готово, с тамошним начальником, давнишним знакомцем, всё обговорено. Забелин скоро поедет за полярный круг и максимум через год - домой. И, помявшись, добавил:

— С твоим гонораром, Максим, не знаю, что делать. Подождёшь?

— Да ты что, товарищ подполковник? Отец Георгий, ещё будучи отцом Игорем, всё мне перечислил, — не задумываясь, соврал Новодворский. – Не парься.

— Да? – неподдельно изумился Василий Васильевич, — Что ж он мне ничего не сказал?

* * *

Однажды отец Вячеслав оцепенел от страшной догадки. Больше года потом он просыпался в поту почти каждую ночь. Истово молился за раба Геннадия, готов был своей бессмертной душой пожертвовать ради его спасения. Епископ Аркадий, выслушав ещё одну исповедь, отставил его от службы в тюремном храме, но сан сохранил. И даже сделал его благочинным в окрестностях областного центра, надеясь новыми заботами отвлечь от окончательного сокрушения. Геннадий Николаевич заметил в отце Вячеславе какое-то изменение, но незначительное. Внуки близнецы росли, и к тому дню, когда Геннадий Николаевич стал генералом, в церковь с бабушкой уже не ездили. Новоиспечённый генерал любил их и гордился ими. И всю свою большую семью. И в заботах о ней даже не вспоминал о том, что так терзало отца Вячеслава. Дружить они продолжали.

Неласково встретила малая родина Сергея Забелина. Росгвардейцы в медицинских масках остановили его на привокзальной площади и, разглядывая его справку об освобождении, долго решали, отправлять его в карантин или нет. Как прибывшего из другого региона, отправили. В неотопливаемом загородном профилактории он промёрз и проголодал две недели. Вернувшись в город, долго не мог сообразить, что делать дальше. Ноги сами вели его куда-то по пустынным улицам какого-то постапокалиптического знакомого и незнакомого города.

Вечером он спросил у дебелой и грузной женщины с кожей цвета пшеничного теста:

— Тебе удалось опубликовать рукопись?

— Нет, — горько усмехнувшись, ответила она, — когда было совсем плохо, мама сдала её в макулатуру.

Мария ЗНОБИЦЕВА

ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ

ТОК

Бывает так: какой-то пойман ток –
И чувствуешь, себя не замечая,
Как дышит степь, как тёпел лепесток
Задетого случайно Иван-чая.

Томительно зальётся коростель.
Спроси его: «Зачем живёшь на свете?
Ждать новой жатвы и рожать детей?»
– Жить! Жить! – как будто споря, он ответит.

И летним солнцем выжженная высь
(На деревенских загорелых лицах
Так светятся глаза: смотри, молись,
А не умеешь – научись молиться) –

Сквозная высь! – так яростно светла,
Так вся насквозь иссечена стрижами,
Что ты не понимаешь, как могла
Так долго жить чужими миражами.

Растёт ли стебель, плачет ли дитя,
Старик ли тихий выйдет за калитку –
Случайно пойман ток, и ты в сетях,
Как будто кто сквозь сердце тянет нитку.

...И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом –
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом – по сумасшедшим шпалам.

ПИСЬМО

Получили письмо. Но никто распечатать конверт
Не решился с порога. Искали пинцет и перчатки.
Куличами и хлоркой повеяло в двери с площадки.
За две тысячи лет это был самый Чистый четверг.

Смысл в послании был. А иначе бы в каждый чертог
Не принёс почтальон-невидимка нездешние вести,
Не вручил бы перо – расписаться в положенном месте:
Вот под этой витой, золотой узловатой чертой.

И пока за окном, засыпая в обнимку с весной,
Затихали, как дети, мохнатые демоны страха,
Резче птичьего крика, светлей и внезапнее взмаха,
Лист бумаги сиял и слезился, сквозя белизной.

Развернули, увидели: каждая строчка – пуста.
Четверговыми свечками теплились тонкие липы,
Сонно сглатывал город прошедшего дождика всхлипы –
Как микстуру, с серебряной ложечки, краешком рта.

ГЛИНА

Здесь у речных продолговатых мысов,
Где молочай на жёлтом солнце чах,
Месили глину для глубоких мисок,
Для крутобёдрых крынок и корчаг.
Суглинок собирался смуглым комом
И становился – волей ловких рук –
Горшком в печи, самую печью, домом,
Случайным слепком со всего вокруг.
По локоть погружённые в глубины,
Работали. Лишь мальчик у реки
Лепил свистульки из остатков глины:
Головки, клювы, крылышки, глазки.
...Слепить – и навсегда с землёю слиться,
Коль скуден этот край и воздух скуп...
Но мальчик позже всех к огню садится.

Он дышит, чтобы заново родиться
И оживают глиняные птицы,
Согретые прикосновеньем губ!

ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ

Остаться здесь - тяжёлой и живой
Лесной землёй, зернистым рыхлым снегом,
Корой багряной, прелою листвой,
Разбрызганным по всем канавкам небом.

По всем каналам сердца – хвойный хор,
Сосновый сонм... Дышать одним дыханьем
С морской звездой и эхом дальних гор,
Предощущеньем и воспоминаньем.

Гудит оркестр пожаром медных труб,
К зелёным кронам подступают соки.
Мы не умрём, как сосны не умрут
Под этим гулким куполом высоким.

И гул корней, и солнечную взвесь
Лови и дли в пространстве невесомом,
Чтобы обнять весенний воздух - весь,
Как этот март, у горла вставший комом.

ПОДСОЛНУХИ

Почернели подсолнухи,
Вислоухие, с шеей смешной...
Опрокинули головы -
Ряд за рядом, волна за волной.

Так, как были: доверчиво,
Указующий луч возлюбя,
Дорастая до вечности,
Забывая себя...

- А что юность обронена -
Всё невечно...- о них не жалея...
Я подумала: родина
Начинается с этих полей.

ЧЕЛОВЕК

Листья падают, дождь ли, снег, –
После странствий своих недалних
На земле лежит человек –
Тих, как шёпот в исповедальне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек,
Каждый день, каждую минуту.

* * *

Первым снегом будь благословен.
Всё ушло, но две руки, две музыки...
Божий странник - странный человек -
Увязал слова в дорожный узел.

Было слово первое как гром,
Собственной не рассчитавший силы,
А второе слово, в горле ком,
Зрело тайной непроизносимой.

Третье синим вихрем пронеслось
И ещё звенит в опавших кронах.
Первый снег не отряхнёшь с волос,
Небом в новый путь благословлённый.

Жизнь повисла порванной струной,
Лучшей песней, брошенной на ветер...
Странный, ранний, раненый, родной,
Как тебе не холодно на свете?

* * *

В деревнях, занесённых то листьями, то снегами,
Чёрным маслом лоснясь, вздымается чернозём.
Перейдёшь через реку с кисельными берегами,
И увидишь у края хату - там и живём.

До неё через рощу - тропинкой - всё прямо, прямо.
А за хатой нашей кладбище да пустырь.
- Гуси-лебеди? Пролетали... Куды – не знамо.
Печка знала, но этой печки и след простыл.

Облетевшим пеплом в травах змеится проседь,
Зеленей не станут - сколько воды ни лей...
Разве яблоня помнит?.. Ветви поднять попросит,-
А они Креста Голгофского тяжелей.

И река не укроет. Она и сама как рана.
Нынче лебеди низко - чую: не быть добру.
Так что ты не надейся, Марья. Ищи Ивана
За горой, во сыром бору, на крутом яру.

А найдёшь - не узнаешь. Он уж не тот, сестрица,
Так что ты погоди чуток, не смай платка.
Стал он зол и велик, ему уж, поди, за тридцать,
А в глазах заозёрной хмарью стоит тоска.

Заросли все дороги... Куда вам обоим деться?
Как живую водой, умойтесь своей виной.
Унесли гуси-лебеди синее ваше детство
Прямо в кущи небесные, за море, в мир иной.

СПЯТ

Искустителю нет нужды искушать,
Отрицателю добычи не осталось.
Наше время словно шум стоит в ушах.
Наша вера именуется - усталость.

Спят «гражданские свободы» мирным сном,
«Совесть нации» спокойно задремала.
Будто палец уколов веретеном,
Спит Россия от велика и до мала.

Возвращаясь поздно вечером с работ,
Спят в машинах независимые мамы,
Мирно, сладко засыпают каждый год
Дети в школах, убаюканы программой.

Спит в палате медицинская сестра,
Спят врачи, не зная славы и почёта,
За компьютерами спят профессора,
Набирая текст научного отчёта.

В дыме фабрик, за станками, на станках
Спят рабочие, уставшие от рабства.
Спят пилоты на высоких облаках -
Так быстрее до Царства Божьего добраться.

Дремлют скульпторы, а рядом лепки спят,
Спят художники среди своих набросков,
Композиторы мелодии сопят,
Спят поэты - им, наверно, снится Бродский.

На футбольном поле дремлют вратари,
И бродяги спят, и псы под небом вольным,
И царицы, о Марина, и цари,
Убаюканные звоном колокольным.

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразной и пронзительный крик человеческий?
ЯЗачем эта нежность? Зачем этот воздух кудрявый?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает трубя
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда - помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

Иван КАТКОВ

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

На улице шумели дети. Крикливые старушки, развесив ковры на турниках, отчаянно колотили выбивалками. Небольшой уютный дворик трусливо вздрагивал от разнокалиберных выстрелов старушечьего батальона.

Илья Кузьмин поправил лямку рюкзака и вытянул из кармана мобильный. До электрички оставалось полчаса.

Коротко звякнул колокольчик, Илья вошел в минимаркет.

– «Балтику тройку», будьте любезны.

Молоденькая продавщица в несвежем фартуке взяла деньги и выставила на прилавок пиво.

– Из холодильника можно? – спросил Илья, интимно коснувшись бутылки.

– Они там ещё теплее! – пролаяла девица, – у нас холодильники сломанные! Умные все, я валяюсь...

Первый день отпуска. На две недели можно забыть о книжном магазине, которому Илья отдал пять лет своей жизни. Послать к чертям менеджера с его фетишем нюхать пахнущие типографской краской страницы, а заодно и близорукого напарника, всерьез планирующего ограбление инкассатора. Выбраться из трясины городского безумия и отправиться на дачу.

В полупустом вагоне Илья занял место у окна и раскрыл недочитанный «Почтамт» Буковски. Справа ехали студенты. Они гулко переговаривались, заглядывая друг другу в конспекты.

Юноша с матерчатой сумкой-портупеей усердно кромсал огрызок стекла, презентуя пассажирам «стеклорез нового поколения».

– Это революционно новая модель, – успел трижды повторить он.

Лысоватый мужчина, подперев мясистый подбородок ладонью, самозабвенно слушал и часто кивал. В следующее мгновение он уже прятал «революционную модель» в карман, а довольный продавец спешно скрылся в другом вагоне.

Безжизненный голос объявил станцию. Вошли две пожилые дачницы. Уселись рядом с выходом. Задвинули в угол мотыги и грабли. Картонные коробки с драгоценной рассадой бережно усадили на колени.

Электричка набирала скорость. Быстрые лучи солнца загуляли по окнам.

Здоровенный парень, двигаясь по узкому проходу, остановился около Кузьмина.

– Извиняюсь, – пробасил детина.

Задев колено Ильи, толстяк рухнул напротив. Отчаянно пахло костром и застарелым потом.

Машинально отряхнув штанину, Илья вновь уткнулся в книгу.

– Ну привет, Кузь, – неожиданно буркнул попутчик, – сигаретами не богат?

Илья поднял глаза. Длинные сальные волосы лежали на плечах потертой джинсовой куртки. Майка «Гражданская оборона» с оттянутой горловиной. Во включенной рыжей бородке путались хлебные крошки. Серое от грязи лицо было усеяно мелкими царапинами.

– Не узнаёшь? – негромко спросил он, подавшись вперед, словно секретный агент, встретивший своего связного.

– Шуня? – нахмурил брови Илья, – ты?

– Ага, собственной персоной. Ну так как насчет сигарет?

С Шуней они познакомились на «ассамблее», в народе – «аська». Площадка с фонтаном у кинотеатра «Юпитер», одна из достопримечательностей Нижнего Новгорода. Место тусовки неформалов. В то время Илья учился в пединституте и, прогуливая пары, часто навевался к фонтану. Пил пиво и болтал с соратниками по рок-движухе.

Шуня запомнился добрым малым, рубахой-парнем, но абсолютно без башки. Настоящий панк. Быстрее всех напивался, чаще других его принимали менты. С полицией он общался фамильярно: «Витек, Димон, народ отдыхает, кончай бузить! Кончай бузить, оборотни в погонах!»... Его грузили в «бобик», и за наглость колотили дубинками. До отдела толстяка не довозили, выбрасывали в одном из дворов.

Однажды, раздевшись догола, Шуня взобрался на фонарный столб. Обвив его ногами и двигая розовым, точно у молодого пороса задом, он имитировал половой акт.

Несколько раз герой «ассамблеи» лежал в «дурке». Сначала косил от армии, потом его лечили от белой горячки (вообразив себя Тарзаном, на бельевой веревке пытался преодолеть расстояние до соседнего балкона), а после закрыли на три месяца за попытку суицида. По пьяни он исполосовал себе руки украденным из строймаркета полотном от ножовки.

Шуню Кузьмин не видел больше трёх лет, с тех пор как закончил институт. Одни говорили, что он женился на медсестре психдиспансера, другие — постригся в монахи. И в то и в другое верилось слабо.

Илья выудил из рюкзака пачку сигарет. Шуня уже поджидал его в пропахшем жжёной резиной тамбуре, придерживая дверь ботинком.

– Куда едешь-то? – жадно затянувшись, на выдохе спросил он.

– В отпуск, на фазенду к себе, – отозвался Кузьмин. – А ты?

– Куда глаза глядят. Только бы подальше.

Вагон трянуло. Балансируя, словно калифорнийский сёрфер, Шуня едва удержался на ногах.

– Слушай, старый, – немного помолчав, сказал он, – может, накатим за встречу? Расскажешь что да как. Две тыщи лет же не виделись...

Это совсем не входило в планы Ильи, но он согласился. В который раз Кузьмин обругал свою проклятую интеллигентскую уступчивость. Илья отвел глаза к надписи «не прислоняться!» на мутном стекле. Мечты о спокойном отдыхе исчезали как заброшенные, одинокие станции за окном.

– Тебе где выходить? – Шуня вдавил окурок в красную мишень на коробочке стоп-крана.

– В Чулкове, – ответил Кузьмин.

– Тогда пузырек возьмем – и в лес, партизанить? – предложил попутчик.

– Ты лучше расскажи, как живешь, партизан.

– Да по-всякому живу, – отмахнулся Шуня.

Вернулись на свои места. Кузьмин открыл пиво, приложился к горлышку и передал другу. Вмиг разделавшись с бутылкой, Шуня убрал тару под скамью.

Бабули-дачницы синхронно покачали головами и брезгливо отвернулись.

Дверь с шумом откатилась. По салону промаршировали двое парней в синей униформе. Шуня резко опустил голову на колени и притворился спящим. Его волосы свесились почти до пола.

– Ушли? – через минуту спросил он, не меняя положения.

– Да ушли-ушли, вставай уже, – усмехнулся Кузьмин.

– Уфр, – поднялся Шуня, выплюнув прядь волос. – Ты чего перестремал-то? Не контроль же, а поездная бригада...

– Я думал, мусора.

– И с каких это пор ты от них гасишься?

– Бережёного бог бережет, – сказал Шуня, осторожно поглядывая вслед ушедшим железнодорожникам.

Ребята шагнули из электрички. Было солнечно, но прохладно. Колючие ветви деревьев цеплялись за высокое ограждение платформы. От свежего, загородного воздуха кружилась голова.

На прощание фыркнув, электропоезд тронулся.

– Ну что, есть тут лабаз где-нибудь поблизости? – осматриваясь, спросил Шуня.

– Ну а как же, в центре, – Илья повесил на плечо рюкзак, – в десяти минутах отсюда.

– Там вообще как? Тихо?

Кузьмин с удивлением посмотрел на приятеля, но промолчал.

Вышли со станции и двинулись по запыленному проселку в сторону деревни.

Аборигены настороженно осматривали приезжих, побросав свои садово-огородные дела. Кузьмин успевал здороваться с каждым из местных жителей. Кое-кто кивал в ответ.

Около магазина с бледной, едва различимой вывеской «Сельмаг» был оставлен мотоцикл с коляской. Вокруг него кружилась чумазая ребятня. «Дети республики ШКИД», – пошутил Илья.

– Какой динозавр, – сказал Шуня, кивнув на объект любопытства мелюзги, – «Ижак пятый». У моего бати такой же был.

Зайти в «Сельмаг» Шуня наотрез отказался. Когда Илья закупал все необходимое, приятель отсиживался на бетонном приступке у служебного входа. Рядом ворковали голуби. От скуки Шуня метал в них камешки, целясь в подрагивающие, суетливые головы.

Сели на поляне в лесу. По крохотному, заросшему осокой и камышом озерцу скользили флегматичные утки.

Кузьмин достал из пакета водку, закуску, упаковку пластиковой посуды. Все это разложил на расстеленной в траве ветровке. Словно киношный отец Федор из «Двенадцати стульев», Шуня вцепился зубами в рожок краковской колбасы.

– Второй день толком ничего не жрал, – зачавкал толстяк, сидя на коленях.

– Бомжевал, что ли? – Илья налил по вступительной и сорвал фольгу с плавленого сырка.

– Чё сразу «бомжевал-то»? – обиделся Шуня.

– Да видок у тебя своеобразный. Тут два варианта: либо ты с «Нашествия», а до него еще больше месяца, либо ты бомж.

– Ты, слышь!

– Ладно, держи стакан. Без обид.

Кузьмин проснулся. Из кухни доносился запах дыма. Затопив печь, бабушка Ильи возилась с закоптившимися чугунками. Зевая, Кузьмин

потянулся в кровати. С похмелья шумело в голове и страшно пересохло во рту, но подниматься с нагретой перины совсем не хотелось.

В по-деревенски тщательно прибранной комнате было светло и уютно. На приоткрытом окне шевелились занавески в цветочек. Почтенного возраста телевизор на комодке был покрыт кружевной вязаной салфеткой. Со стен смотрели пожелтевшие фотографии военных лет в строгих, пролаченных рамках. Ниже располагалось детское фото Ильи. В оранжевой бейсболке набок, он жмурится от солнца, оседлав новенькую, еще в заводской пленке, «Каму». Складной велосипед с ручным тормозом (на зависть местным пацанам) ему только что подарили на день рождения.

Нетвердым шагом Илья добрался до кухни. Зачерпнув ковшом из алюминиевого бачка, он вволю напился холодной воды.

– Что, пить хочца после алкоголя-то? – съязвила бабушка, подцепив ухватом чугунок из печи.

Старушка была маленького роста. Отнюдь не исполину Илье она едва ли дотягивалась до плеча. Строгий взгляд, не менее строгий нрав. Всегда ухоженная и опрятная. Пепельно-седые волосы старательно забраны в пучок, карамельного цвета бусы... На фоне односельчанок в застиранных сарафанах, галошах на босу ногу и бесформенных мужских пиджаках Кузьмина выглядела аристократкой.

– Да, баб Люд, что-то перебрали мы вчера, – выдохнув, утер губы внук, – ты уж нас извини.

– Извини, – передразнила Людмила Сергеевна, – пойди к столу, завтракай там. И чёрта своего грязного буди, я ему в чулане постелила.

Бабушка сняла с полки крынку молока и разлила по бокалам. В печи потрескивали березовые поленья.

– Чьих он хоть будет-то?

– Да знакомый, ба. Учились вместе, – соврал Илья.

– Учились они. Вино лопать вы учились...

Поплескав на лицо из умывальника, Кузьмин вытерся полотенцем.

За столом Шуня чувствовал себя неудобно. Не отличавшаяся тактичностью Людмила Сергеевна сидела напротив гостя и внимательно его изучала.

– Как зовут? – требовательно спросила она.

Шуня покраснел и едва не подавился гренкой.

– Саша, – еще больше заливаясь краской, ответил толстяк, – Александр.

– И надолго вы к нам, Александр? – с издёвкой поинтересовалась бабушка.

Шуня что – то промямлил и беспомощно глянул на Илью.

– Ба, ну чё ты к человеку пристала? – заступился Кузьмин, – дай поесть спокойно.

– Да ешьте, что я вам, – поднялась Людмила Сергеевна, – только учтите, шамберничать я вам не дам, на огороде вон полно работы.

– Ну это само собой, бабуль. Мы только на реку сгоняем, а после обеда поможем. Да, Санёк? – Кузьмин хлопнул его по плечу.

Позавтракав, друзья направились к сараю за рыболовными снастями. И пока Илья занимался с удочкой, равнодушный к рыбалке Шуня отыскал в куче хлама потрепанную книгу. Сдвиг с неё пыль, он присел на верстак. Книга оказалась сборником албанской прозы.

– Кичо Блюши «Зонтик», Зийя Челя «Башмаки мертвеца», Бетим Мучо «Дом у моря», – посмеивался он, перелистывая серые, волнистые от сырости страницы.

– Ну всё, готово, – сообщил Илья.

Выходя из сарая, толстяк звонко ударился головой о ржавую корабельную рынду, висевшую на крюке сверху. В сердцах матюгнувшись, он почесал «репу».

– Ё-моё, чего только у вас здесь нет.

Накопав в огороде червей, они зашагали узкой, крутой тропинкой к «Ярилиной горе». Шуня ныл как дитя, обжигая крапивой руки.

– Зря воды не взяли, – тяжело дышал он, – сушит — край.

– Спустимся, там родник будет, – успокоил Кузьмин.

С высоты горы, нареченной славянским богом солнца и весны, открывался живописный вид на реку Оку. Илья провёл в этих местах все свое детство. Он помнил ветхий, облупившийся краской дебаркадер, бородатого начальника пристани, похожего на пирата из романа Стивенсона. Мчашиеся под сотню километров «Ракеты» и «Метеоры». Здорово было понырять с берега в пенистые волны, вздымаемые едва ли не со дна мощными двигателями. Детскому восторгу не было предела, когда они с ребятами издали замечали этих речных хищников. Тут же вскакивали с горячего песка и устремлялись в воду – дожидаться бушующих, накатывающих друг на дружку волн.

Илья чутко следил за поплавком, свободной рукой отгоняя назойливую мошкарку. Закатав штаны, Шуня пробовал ещё не успевшую прогреться воду.

– А, фиг с ним! – махнул рукой он, сбросил с себя одежду и, разбежавшись, плюхнулся в воду. Раздался хлесткий шлепок. Шуня упал «на плаху».

– Урррод! – вскричал Кузьмин, – всю рыбу распугаешь, тюлень!

Хрюкая, Шуня выбежал из реки. Похлопал по отвисшему брюху и натянул майку.

– Окупись, Кузь, похмелье как рукой снимет.

– Отвали, – огрызнулся Илья, проверил на крючке червя и забросил вновь.

Поодаль, у рыбацких домиков, с шоколадным загаром мужик спускал на воду лодку.

Поскрипывая вёслами, он проплыл мимо ребят. Надменно глянув на них, рыбак взял курс на подпуска с пенопластовыми буюми, которые маячили вдалеке. На борту лодки, заметил Шуня, белой краской было выведено: «Титаник».

– Видал мужичка? – спросил Кузьмин, со свистом размахнувшись удилищем.

– Ну.

– Бароном кличут. С нами по соседству живёт. Поехавший дядька, напрочь. Прикинь, считает, что все люди – клоны. Что правительство в семьдесят втором году, в год его рождения, заменило всех людей на клонов. А его, видите ли, не поменяли. Чуть ли не каждый день он строчит в администрацию заявления с требованием признать его человеком Настоящим и до кучи монархом всея Руси.

– Нормально, чё, – усмехнулся Шуня, – я, когда в «Ляхово», в дурке, лежал, и не таких видел. Кстати, а разгуливает он почему? Клиника же...

– Забыл, в какой стране ты живешь? Да у нас половину депутатов можно по жёлтым домам расселить, или по тюрьмам, а они, тем не менее, всё «разгуливают»... Всем на всё наплевать, Сань. Не мочканул пока никого – и то хорошо. Хотя, он, вроде, безобидный.

– Ну а «Барон» - то почему?

– Да чёрт его знает, вроде как из цыган, говорят.

«Титаник» покачивался на волнах. Мелодично напевая, будущий монарх проверял подпуска.

Утопая по щиколотки в песке, к берегу спускались две фигуры. Худой, длинный как рельса, Суслик и Диман Жирков, или попросту Жирик, плотный, круглолицый, в веснушках. На обоих были закатанные до колен спортивные, связанные шнурками кроссовки болтались на шеях.

Местные гопники. В свободное от пьянок время промышляли сдачей цветного металла и другой не вполне законной халтурой. Шуня напрягся. Принялся судорожно искать штаны, представляя, как нелепо будет смотреться в растянутых семейниках со Спанч Бобом, случись драка.

– Кузьма! – весело крикнул Жирик, – ё-моё, ты шо ль?! Когда приехал-то?

Предвкушая скорую выпивку, Шуня потер ладони.

Встретиться договорились вечером.

Жирик спер у отчима литр самогонки, Суслик насшибал в огороде незрелых яблок на закуску.

Выпивали по традиции на Ярилиной горе.

– А ты че, типа рокер, да? – поплёвывал семечной шелухой Жирков, – не, ты ничё не подумай там, я без наездов. Так, интересуюсь.

– Не, я, типа, дзен-буддист, – ответил Шуня, – слыхал о таких?

– Да чё-то слышал, – пробурчал Жирик, шумно сморкнувшись в сторону. – Все равно, замороченные вы все какие-то...

– Ну а вы не замороченные?

– Неа, у нас просто все.

– Ну да. Украл, выпил – в тюрьму.

– Да чё уж так-то? – шмыгнул носом гопник, – просто не беспределить, пацанов не ссучивать, крысой не быть, мать уважать. Короче, все по совести, быть правильным пацаном.

– Усёк, Шунь? – вмешался Кузьмин, до хруста разминая яблоко в кулаке, – кодекс чулковских самураев.

Тронув Кузю за рукав, Суслик отвел его в сторону. Воровато оглянувшись, он совершил странный футбольный выпад, так, что правая голень оказалась на уровне его лица. И быстро вытащил небольшой перочинный ножик, спрятанный в дырявом носке.

– Во, видал?! – азартно выкрикнул он, топчась на месте, точно приспичило по малой нужде.

– Это все? – спросил Илья.

– Оп! Оп! Оп! – подскакивая, фехтовал Суслик, – круто? Нравится?

– Да угомонись ты уже. Д,Артаньян недоделанный, – рассмеялся Кузьмин.

– Зря щемисься, – помрачнел Суслик, – дело серьезное. За себя и за братву постоять надо уметь. Понял?

Он опустил на колено и спрятал нож в кожаный чехольчик на щиколотке.

– Между прочим, сам сделал, – похвастался он, поправляя носок.

– Пойдем лучше, выпьем, – улыбнулся Кузьмин, – а то там наши дзен-буддисты уже совсем заскучали.

Стал накрапывать дождик. Жирков предложил пойти в центр и продолжить банкет под навесом автобусной остановки. Шуня запротестовал. Недолго посоветавшись, решили отправиться в баню к Кузьмину.

– А что, – сказал Жирик, – у нас Залипуга, помнишь, Кузь, такого? С «майских» в бане живёт и ничего. Его маманька выгнала. Он как набухается – она его в баню. А то жаловалась: он бухой по ночам дома музыку врубал и на двор ходил, отрабатывать удары на свиньях. Говорил, у

них, мол, кожа толстая им все равно, хоть кувалдой долби. А визг поросячий на весь посёлок стоял.

– О, господи, – вздохнул Кузьмин.

По дороге взяли еще два флакона мутного пойла.

Заметив из окна компанию, Монарх вышел на крыльцо. Облокотившись на перила, он стал снимать их на телефон. При этом что-то бормоча и хитро посмеиваясь.

– Здорова, Барон, – крикнул Жирик, – есть чё пожрать?

Монарх воинственно поднял кулак над головой. На запястье звякнули массивные командирские часы.

– Парни, давайте потише, – волновался Илья, – как бы бабушка не запалила. Вон у неё еще свет в окнах.

К бане пробрались бесшумно, как диверсанты. Электричество подведено не было, поэтому пришлось повозиться с керосиновой лампой. Немного покоптив, она, наконец, разгорелась, освещая приземистую баньку тусклым светом.

Шуня устроился на верхней скамье. Выпивая стопку, он моментально занюхивал чуть подсохшим берёзовым веником. При этом неизменно повторяя: «каааайф».

Курили прямо в парной, не выходя в предбанник. По бугристым деревянным половицам катались яблоки.

– Пацаны, а может в клуб? – предложил Жирков, стряхивая пепел в эмалированный тазик, – а то сидим тут как лошки какие-то. Даже стремно.

– Да не, – поморщился Суслик.

– Да пойдём, сходим, – согласился Илья, – хоть кости поразомнём.

– Нет, мужики, я пас, – сказал Шуня.

– Чё так? – спросил Жирик, прищурившись.

– Мне рожу свою светить ни к чему.

– Ой, да ладно! Чё, в розыске, что ли? У нас здесь ментов нет. Участковый один, да и тот синяк, появляется раз в год, дай бог.

– Идем, – всё же поддался на провокации Шуня.

Допивая на ходу остатки «самопляса», медленным шагом, робким зигзагом прибыли к чулковскому клубу.

– Вэлкам ту зе найт клаб «Чулкаго-сити», – издевался Кузьмин.

Дверь в клуб была распахнута настежь. «Ну, где же ручки?! Ну, где же ваши ручки?!» – нещадно дребезжали колонки, исторгая хит незабвенных «нулевых». В унисон раздавалось девичье бляенье и гадкий мужской хохот. Шайка местных угрюмо восседала на корточках у входа. Пластиковые бутылки с разведённым спиртом и ядовито-розовым лимонадом «Барбарис» ходили по кругу.

Неподалеку, ревя моторами, крутили «финты» двое мотоциклистов. На асфальте оставались черные круги от стёртых покрышек.

– Чудное место, – сказал Шуня, косясь на гопоту, – ностальгическое.

– Раньше здесь бабули лбами об пол стучали, – сказал Жирик, – а теперь вот – культурное место.

– В смысле? – не понял Шуня.

– Да церковь это была до революции, – подсказал Кузьмин, прикурив сигарету. – Тут даже легенда своя есть. Когда большевики церковь громили, они иконы прямо на улицу выбрасывали. И на этих иконах станцевала местная комсомолка. Поранила ногу о раму и вскоре отшумела от заражения крови. Вроде как провидение господне. Не знаю, слухи ли...

– Нельзя, – вдруг побледнел Шуня, – нельзя туда. Грех!

– Так это ж когда было-то, – сказал Суслик.

– Не важно. Все равно – грех, – у толстяка задрожали губы.

– Даааа, – осклабился Жирков, – все понятно с тобой.

– Да пошел ты!

Входя в клуб, Шуня трижды перекрестился. Гопники у входа заржали. Жирик подбежал к ним и угодливо пожал руку каждому.

– Это «черёмухинские», – вернувшись, объяснил Жирик, – лучше подальше от них держись. Целее будешь. Был бы без нас – уже бы ушатали. Они чужаков не любят. Тем более, таких, как ты, – волосатых.

Внутри было душно. Длинные скамьи вытянулись вдоль стен, милицейская мигалка заменяла светомузыку, из публики – десятка два плохо одетого молодняка. Кто-то понуро сидел на скамейках, а кто-то дёргался под музыку на проваливающихся деревянных половицах. Диджей за ободранной школьной партой в углу пялился в старенький мерцающий монитор.

Ближе к полуночи народу прибавилось. В клуб ввалилась громкая пьяная компания. Парень в военной форме с аксельбантом и заломленной на затылок фуражке вышел в центр и выставил два полных, плещущихся через край ведра. В одном оказался самогон, в другом вода. Крашеная блондинка в джинсовой юбке достала из целлофанового мешка банный ковшик. Диджей убавил музыку и торжественно объявил:

– Поздравляем с прибытием из армейки нашего друга Лёву Харитонову! Лёвыч, эта песня для тебя!

– Спасибо, братааан! – заорал Харитонов и потряс над головой сцепленными в замок руками. Потом грубо схватил блондинку ниже поясицы. Девушка театрально вскрикнула, он поцеловал ее в засос.

Заиграла «Демобилизация» Сектора Газа. Танцующая молодежь стянулась в круг. По одному подходили к ведрам и выпивали из ковша за здоровье Лёвыча.

Пока друзья тусовались, Шуня устроился на скамье, свесив голову вниз. Его могучие плечи дергались, он рыдал.

– Перебрал мальчика паренёк, – сказал Жирков, останавливая Кузю, – с кем не бывает. Не трогай его.

В два часа ночи клуб закрылся. Пьяный шалман вывалился на улицу. Кого-то стошнило на угол здания. Две малолетние валькирии, не поделив парня, матерясь, впились друг дружке в волосы. Подруги валькирий, ярко накрашенные, выглядящие старше своего возраста, прокуренными голосами вопили:

– Клюева, вломи ты этой шлюхе, она на Борьку сама залезла. Все видали!

Кузьмин и сотоварищи нетвердо шли по центральной улице в сторону дома. На остановке были слышны голоса.

– Эй, пацаны, тормозните, – донеслось из темноты.

– Шаминь, – в ужасе произнес Суслик и рванул чьим-то огородом, лихо перемахнув через высокую изгородь. Звякая цепью, на него залаял сторожевой пес.

– Д, Артаньян, куда же ты? – прокричал вслед Кузю.

– Ну все, встряли, – обреченно вздохнул Жирик, – черёмухинцы.

Одинокий уличный фонарь осветил их атамана. Он был сухопарый, высокий, с хищным скуластым лицом азиатского завоевателя.

– Курить есть чё? – с акцентом спросил Шаминь.

Из-за его спины выплыло еще человек пять.

– Какие-то проблемы, ребята? – Кузьмин угостил его синим «бондом».

– У нас нет. А у вас? – Атаман усмехнулся, достал свою пачку и втиснул в нее протянутую сигарету.

– Стреляешь зачем? – с вызовом спросил Кузю, – у самого вон полпачки.

– Чёёё? – сплюнул Шаминь.

– Пацаны, пацаны, – заскулил Жирик, – разойдемся с миром. Мы своей дорогой, вы – своей.

Самый мелкий из черёмухинцев ударил Кузьмина снизу, апперкотом в челюсть. Голова Ильи запрокинулась, он прикусил язык, отшатнулся, едва устояв на ногах. На Шуню набросились сразу трое. Двоих он стряхнул с себя, как щенят, а третий повис у него на шее. Толстяк крутанулся волчком, гопник повалился на асфальт и заорал благим матом. Шаминь, не вынимая сигареты изо рта, отвесил Жирику несколько горячих пощечин. Тот стерпел унижительные побои молча.

– Эй, стопэ! – вдруг крикнул кто-то.

Мелькнул белый аксельбант.

– Шама, осади, – слегка покачиваясь, проговорил дембель, – харэ шакалить.

– В чужой базар не лезь, – прошипел Шаминь.

– А то чё? – дембель широко расставил ноги и скрестил руки на груди.

У него тоже была своя бригада. Крепкие парни в спортивных костюмах.

Шаминь выстрелил окурком в сторону и, уходя, процедил:

– Ещё ответишь. Пошли, пацаны.

Остальные уныло побрели за атаманом. Отступали они в свой район – «Черёмушки».

– Урод, – злобно цыкнул дембель. – Пойдемте, парни, бухнем, – развернувшись, обратился он к ребятам.

– Нет, спасибо, – шепелявя, сплюнул кровью Илья, – как-нибудь в другой раз.

– Ты чё, – толкнул его в бок краснощекий Жирик, – так нельзя, не пацански.

– Пойдемте, не ломайтесь, – со смехом сказал один из бригады, – там по полведра еще осталось.

Расселись на остановке. Ковшик бережно передавали по кругу, как священный Грааль.

– Вы пацаны нормальные, – отхлебнув, сказал дембель, – а шакалов этих не стремайтесь, они ничего вам не сделают, это черти. Я отвечаю.

Потом Шуне всучили гитару и сказали:

– Играй!

Брякая по струнам, он коряво исполнил хоровую «все идет по плану». Дембель до боли сжал ему руку и хлопнул по плечу, словно они были закадычными корешами.

Едва волоча ноги, Шуня и Кузьмин возвращались домой. Только-только показался оранжевый восход. Где-то вдали гудел поезд. Соседские петухи начинали вялую переключку. Под горой на заливных лугах щелкал кнутом и посвистывал пастух.

– На крыльце разуемся, чтоб не шуметь, – осторожничал Илья, стаскивая мокрые от утренней росы кеды.

В коридоре Шуня наткнулся на мешок с комбикормом. Толстяка мотнуло в сторону, он угодил пяткой в кошачью миску, и, вышибая плечом хлипкую фанерную дверцу, провалился в чулан.

Из комнаты выбежала заспанная Людмила Сергеевна. На ней была сорочка до пят, в руке она сжимала увесистую чугунную сковороду.

– Что тут творится?! – вскричала бабушка.

– Извините... пожалуйста, – хватаясь за дверной косяк, поднимался Шуня.

– Вон, алкашня! Пошел вон! Илья, марш спать, а ты – на первую же электричку! Сейчас же!

Шуня стоял, разинув рот и хлопая глазами.

– Иди в сарай, – шепнул Кузьмин, – днем все решим.

Шуня неуклюже, точно медведь-шатун пошел по коридору.

В обед, заглянув в сарай, Илья обнаружил Шуню спящим на верстаке.

Он похрапывал на расстеленной фуфайке, по-детски заложив руки под голову.

Кузьмин позвонил в рынду. Шуня вскочил и замахал руками.

– Дурак, что ли, совсем! – толстяк потер глаза и закашлялся. – До инфаркта так доведешь! – Он присел на верстак, – ё-мое, башка трещит – не могу. Слушай, – немного помолчав, продолжил он, – бабушка твоя сильно расстроилась из-за вчерашнего?

– Ну а ты как думаешь, – сказал Илья, – прошли бы тихо, ничего бы не было. Кажется, она настроена решительно. Я так и не смог ее уломать насчет тебя.

– Чувак, мне сейчас в город никак нельзя, понимаешь? Выручай, а?

– О, кей, но при одном условии.

– Ну? – поднял глаза Шуня.

– Сейчас ты мне все рассказываешь, а уж потом будем думать, как поступим.

– Ладно. Только прошу – водички.

С Людой Шуня встречался еще со школы. Они учились в параллельных классах. Рассудительная, спокойная, она была полной его противоположностью. После школы поступила в Сельхозакадемию на ветеринара и работала волонтером в питомнике. Шуню за прогулы выгнали со второго курса ПТУ. Целыми днями он околачивался на «ассамблее» и с гитарой попрошайничал в переходах. Когда их отношения оказывались на грани разрыва, Шуня завязывал пить, шастать на «аську», и устраивался на работу. Люда, скрепя сердце, прощала его. Он срывался опять. А она снова прощала. Любила.

Прошло время, они поженились. Сняли «однушку» в приличном районе, недалеко от центра. Люда работала в ветлечебнице, Шуня – помощником токаря на заводе «Гидромаш». Все было хорошо, пока Шуня не провалился в очередной запой. Две недели он пьянствовал у друзей в соседнем Дзержинске, а когда вернулся домой, жену не застал. Она переехала к родителям. Как не пытался Шуня вымолить прощение, все было тщетно. Отчаявшись, он уехал во Владимир и стал трудником при монастыре. Работал на кухне и прибирал трапезную.

Понемногу Шуня втянулся в монастырский быт, забывая о мирской жизни. Отрастил волосы и отпустил жидкую бородку, как у дьячка.

Подолгу общался с монахами, пробовал читать Священное писание. Слушал проповеди настоятеля монастыря игумена Иллариона. Игумен был статный, строгий. Прихожане и служители храма относились к нему с почтением трепетом. Бывший военный, политрук. Поговаривали даже, что он прошел Афган. Меж тем по-житейски мудрый и глубоко эрудированный. Для трудника Шунешова было неожиданностью, когда в разговоре Илларион процитировал строчки из Егора Летова.

«Это мой наставник, мой духовный учитель», – понял тогда Шуня.

Ходил за ним буквально по пятам. Сам завязывал разговор и слушал, слушал, слушал... Жадно, самозабвенно. Настоятелю храма Шуня был тоже симпатичен. Честный, вздорный и как ребенок наивный. Возможно, Илларион видел в нем прежнего себя. Молодого, бескомпромиссного бунтаря, воспринимающего в штыки всё и вся.

Шунина книжная полка в келье обновилась сочинениями Николая Бердяева и Льва Шестова – Илларион посоветовал. Шуня пытался прочесть, правда, не осилил. Труды философов оказались для него неподъемными.

– Я даже не думал, что бывают такие священники, – однажды признался Шуня.

– Какие «такие»? – улыбаясь, погладил пышную с легкой проседью бороду Илларион.

– Ну, интересные, что ли. Я думал, что вы ограничены, дальше церкви своей и не видите ничего...извините.

Игумен еле сдержался, чтобы не потрепать его по волосам, точно бестолкового юнца.

– В каждом человеке, сын мой, есть целый мир. Более того, в каждом из нас есть то, что останавливает этот мир, – был ответ.

– Ну хорошо, – не унимался трудник, – а как же быть с ворами, убийцами, насильниками? В них тоже «целый мир»? Или что, ждать, когда их Бог накажет, и они в ад попадут?

– Господь не наказывает, господь милует. Люди сами себя наказывают. А те, о ком ты говоришь, не попадут ни в рай, и ни в ад. Ад в них самих. Это уже не люди, это пустые оболочки. Мертвецы...

Единственной связью с внешним миром для Шуни был его сотовый телефон. Перед тем как отправится во Владимир, он сменил сим-карту. На всякий случай оставил номер родителям, хотя был уверен, что они ни за что не позвонят. Так достал свою маму и папу непутевый отпрыск. Затем настроил послание жене.

«Любимая, я уехал переосмыслить свою жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь ты меня простишь. С любовью, Саша».

Ниже он записал свой номер телефона. Письмо запечатал в конверт и бросил в почтовый ящик её родителей.

И вот, после четырех месяцев молчания сотовый зазвонил. Поколебавшись, Шуня с опаской взял трубку. Это была Люда. Она требовала развода.

В тот же вечер трудник сбежал из монастыря. Легко разыскал местных неформалов. Те выслушали его историю и налили водки. Выпив залпом стакан, Шуня попросил еще. Потом он затянулся «спайсом» и потерялся. Пришла идея непременно вернуться в монастырь, забрать свои вещи и ехать к жене Нижний Новгород.

– Куда ты в таком состоянии? – пытался вразумить Илларион, – подожди до утра, и на свежую голову решишь, что тебе делать.

– Пропусти, сволочь! – кричал Шуня, – я все равно её придушу, суку! Эта тварь предала меня! Предала!

... Шуня прервал свой рассказ и расплакался. Кузьмин сел рядом на верстак и обнял его за плечо:

– Держись, братан. Возьми себя в руки.

– Потом мы с ним подрались, с игуменом, – утирая слёзы, продолжил Шуня, – вернее, как подрались, я его бил. Он в ответ даже ни разу не ударил меня. Я ничего тогда не соображал, голову затуманило. Я сбежал, ночь потусил у нефоров, а на утро один мне сказал, что меня менты разыскивают. Иллариона мертвым нашли. Двенадцать ножевых. По местному каналу рожу мою показали.

– Нифига себе, ну и дела, – качнул головой Илья, выбил из пачки сигарету, закурил. – Это ты его?

– Да нет же! – Шуня резко встал, заходил по сараю взад-вперед. – Я просто ударил его и всё! Меня кто-то подставил.

– Кто? Кому это надо? Сам же говорил – в голове помутнело.

– Не убивал я! Не убивал! – снова разревелся Шуня, сползая на корточки.

– Да что ты ноешь-то?! – не выдержал Кузьмин, – проблему надо как-то решать, а не слёзы лить. У самого-то есть какие мысли?

– В бега, – отдышавшись, ответил он, – другого выхода нет. На ноже отпечатки мои. Конечно, я ведь им на кухне работал. Опять же, драка была, после – мой побег. Короче, всё против меня. Я хрен чё докажу. Впаяют по полной...

Шуня закурил:

– Я из Владимира на попутках добирался, с дальнобойщиками в основном, до куда подбросят. Ночевал в лесу. Потом надоело как крысе шкериться, думаю – будь, что будет, поймают, так поймают. На «собаку» прыгнул, тебя вот встретил.

– В голове не укладывается, – сказал Кузя, – ты в розыске, фейс твой по ящику засвечен, а ты преспокойно на электричке доехал, а потом еще и на дискотеку поперся.

– Не знаю, – пожал плечами Шуня, – может, они фотку со скана паспорта взяли. А там я худой еще и лысый...

– Ну ты понимаешь, что рано или поздно тебя примут. Сколько ты еще так пробегаешь?

– Да все понимаю, но что мне остается.

– Тссс, тихо ты, – Кузьмин поднял вверх указательный палец, прислушался.

Снаружи были слышны сдавленные голоса.

– Сиди тут, я пойду, гляну, кто там.

Кузьмин вышел из сарая, плотно закрыв дверь. Но через минуту вернулся:

– Все нормально, это дурачки наши, выползай.

Жмурясь от солнца, Шуня выбрался на улицу.

– Ну как вы? – протянул руку Жирик.

– Нормально – сказал Шуня, – дай-ка закурить.

Суслик молчал в сторонке, уткнувшись в телефон.

– А ты чё там приуныл? – обратился Кузьмин к Д,Артаньяну, – вчера вечером ты порезвей был.

– Я за подмогой бегал, – понуро ответил Суслик, не отвлекаясь от телефона, – много их слишком было.

– Парни, тут такое дело, – серьезным тоном сказал Жирик, – сегодня вечером у Лёвы-дембеля с Шамином стрела насчет вас. Вам бы поприсутствовать.

– Ага, этого еще не хватало, – буркнул Кузьмин.

– Лёвыч за вас впрягся, так-то.

– Ладно, пацаны, гуляйте. Нам сейчас не до этого.

– Ну как знаете.

Жирков ушёл. Суслик постоял еще минуты две, водя пальцем по экрану телефона, и отправился вслед за ним.

Кузьмин забежал в дом и быстро прошмыгнул на кухню. Бабушка мыла полы в коридоре.

– Илья, – крикнула она, звеня ведром, – иди траву скоси за баней, а то всё бурьяном поросло.

– Хорошо, ба, – ответил внук, наспех сооружая бутерброды.

В зале работал телевизор. Выходя из кухни, Илья поймал взглядом до боли знакомую картинку, остановился.

«Всем, кому что-либо известно о нахождении Шунева Александра Андреевича просьба сообщить по указанным ниже телефонам», - вещало «Рен ТВ».

Кузьмин выключил телевизор и быстро направился к выходу. Но его остановила бабушка.

- Дружку, что ли, своему понес? – кивнула она на бутерброды. – Ладно, зови его в дом, что он там у тебя в сарае как скотина сидит.

- Он уехал, бабуль. Еще утром. Тебе показалось, наверное.

- Ну конечно, уехал он. За дуру меня держишь?

- Ну че, поздравляю, – сказал Кузьмин, зайдя в сарай, – ты теперь звезда экрана. Только что репортаж в твою честь видел, – Илья протянул пакет с бутербродами.

- Как стемнеет, - сказал Шуня, шелестя целлофаном, – на трассу, и на попутках куда подальше. Только мне деньги будут нужны. Поможешь, а? Мне больше не на кого надеяться, кроме тебя.

- Ладно, придумаем, что-нибудь. А пока из сарая – ни шагу. Понял?

Шуня закивал.

В огороде, свесившись через ограду, Кузьмина подманил рукой Барон. На нём была панاما и круглые солнечные очки, как у Базилио.

- Я узнал твоего друга, – чуть слышно произнес он, – но я его не выдам. Потому что, всех попов под суд. И легавых тоже под суд. Но моя якобы мать, Коротква Нина Семеновна, – клон. Она, если увидит, сразу настучит легавым – клонам. Осторожней!

- Спасибо, Барон. Родина тебя не забудет.

Монарх козырнул и зашагал по заросшему травой саду, высоко поднимая колени.

К вечеру нужно было собираться.

Кузьмин отдал другу остатки своих отпускных. Вышло около четырех тысяч рублей. Опустошив бабушкин холодильник, набил рюкзак продуктами.

- Спасибо, дружище, век не забуду, – расчувствовавшись, полез обниматься Шуня.

Кузя шагнул из сарая, но тут же ввалился обратно, осторожно прикрывая дверь.

- Там на крыльце какие-то типы. С бабушкой разговаривают.

Шуню мелко затрясло.

Кузьмин приложился к дверной щели.

- Нет у нас никого! Никого у нас нет! – кричала Людмила Сергеевна. Делала она это для того, чтобы услышали её внук и Шуня. – Не верите? Проходите и ищите, сколько вам влезет!

Четверо мужчин зашли в дом. Трое были в гражданке, а один в полицейской форме.

– Шуня, менты! Сейчас вали огородом, потом «задами» до «жэдэшки», перебежишь её, и будешь у трассы. Ну, ни пуха!

– К черту! – друзья хлопнули по рукам и Шуня, схватив рюкзак, выскочил из сарая.

Беглец пробирался через огород гуськом. На любой посторонний шум он припадал к земле и замирал, как перепуганный домашний кот.

Наконец он добрался до металлической изгороди. Оглянувшись по сторонам, перелез. Понял, что от волнения оставил рюкзак на той стороне. Обругав себя, стал карабкаться обратно.

С рюкзаком за спиной Шуня передвигался короткими перебежками. Слева располагались дома, справа – редкий березовый пролесок, в центре – заброшенная дорога с глубокими рвами. Беглец старался держаться ближе к лесу, но и не упускать из виду просёлочную дорогу, чтобы не сбиться с курса.

До железнодорожных путей оставалось всего ничего. У Шуни бешено колотилось сердце, мокрая от пота майка липла к телу. Толстяк тяжело дышал, и старался сдерживать некстати накотивший кашель.

Совсем рядом затарахтел мотоцикл. Свет от фары выхватил рахитичные стволы молодого березняка. Шуня упал в траву. Ему хотелось провалиться глубоко в недра земли, чтобы все это поскорей бы закончилось. Виляя по неровной, ухабистой дороге, мотоцикл медленно проехал мимо. Еще некоторое время Шуня лежал, не поднимая головы. Когда звук мотора стих, он встал и осторожно двинулся дальше.

Вскоре он увидел хорошо освещенную платформу с красной кирпичной будкой. «Еще немного, поднажми», – подбадривал он себя. До железнодорожного переезда со сломанным шлагбаумом было метров двести.

– Опаньки! На ловца и зверь бежит!

Шуня с ужасом обернулся. Это были Шаминь, Лёва-дембель и целая толпа разношерстного деревенского люда. Шуня рванул с места, на ходу сбрасывая рюкзак.

– Убийца! Убийца! Лови убийцу! – вопили тетки.

Шуню сбили с ног. На него посыпался град ударов. Кто-то в резиновых сапогах нарочито метил в голову. Полная женщина схватила его за волосы. Шуня взвыл от боли. Подросток лет четырнадцати пинал его по ребрам носками тяжёлых ботинок. В разъяренной толпе Шуня успел заметить Суслика и Жиркова. Они тоже отчаянно дубасили его ногами.

Как только Шунев стал терять сознание, раздалось два хлопка. Едко запахло порохом, в небо взвилось облачко дыма.

– Отставить самосуд! – выкрикнул мужчина в сером пиджаке и спрятал «макарова» в кобуру.

Деревенские жители неохотно расступались.

– Расстрелять гада! Без суда и следствия! – грозя кулаком, блажил нетрезвый мужик в тельняшке.

– Угомонись, сейчас не тридцать седьмой, – ответили ему из толпы.

– Как таких только земля носит, – кудахтали кривоногая тетка рядом.

– Да сатанист, сатанист это проклятый, – вторила ей сухонькая старушка, жамкая беззубой челюстью.

Избитый, он валялся посреди дороги. Рваная одежда свисала клочьями. На оголенных местах кровоточили раны. Смешанная с кровью пыль налипла на лицо, шею и руки. Полицейским с трудом удалось поднять его с земли. Когда его перехватили подмышками, Шуня страшно завыл. У него оказались сломаны ребра. Бабушки охнули и перекрестились.

Его аккуратно усадили на заднее сидение серого «хёндая» и увезли. Брошенный в пыли рюкзак прихватил с собой один из местных.

Два месяца Шуня провел в больнице. Его пристегивали наручниками к металлическому поручню кровати и посменно охраняли двое полицейских.

– Видали, личная охрана, как у Киркорова, – шутил в палате Шунешов.

– Что натворил-то хоть, парень? – спрашивал его заросший щетиной мужик, лежащий на вытяжке с загипсованной ногой.

– Да в том-то и дело, что ничего. Просто государство наше чересчур дорожит мной. Охраняет и оберегает.

В СИЗО Шуне было уже не до смеха. В переполненной камере с матерыми уголовниками он дожидаться суда. Было неизвестно, сколько он там просидит. Спал Шуня под шконкой. В первый же день с него сняли кроссовки, дав взамен растоптанные башмаки, которые, к тому же, оказались на два размера меньше. Ему пришлось смять задники и ходить в них как в шлепках, с голыми пятками.

Прозвали его Хряком. Он убирал парашу и мыл в хате полы. Если кого-то мучила бессонница, Шуню будили и заставляли рассказывать фильмы или читать стихи. Когда он, полусонный, начинал декламировать вяло и без выражения, его лупцевали ладонями по щекам, пока из глаз не брызгали слезы. Но жестоко его избивал только один сокамерник. Самый религиозный. Гена Метис. Обвиняли его по сто шестьдесят первой статье – грабеж. Бывший боксер, он умело наносил удары только по тем местам, где не оставалось синяков. Бил по печени и почкам. Через несколько дней Шуня стал мочиться кровью. Его радовало только одно – у Метиса вот-вот

должен был состояться суд. А после суда его отправят по этапу на зону и Шуня больше никогда его не увидит.

Когда Шунешов получил от родителей единственную передачку, ее разделили между собой подследственные. Шуне перепало лишь несколько сигарет. Жена к нему не пришла ни разу.

От сырости в камере у него страшно зудела кожа. Лицо покрылось незаживающими язвами и прыщами. Он похудел и осунулся.

Сходить на допрос к следователю для Шуни было счастьем. За это время ему хоть немного удавалось отдохнуть от бесконечных унижений и побоев. У следака Шуня шел в «несознанку». Конфликт был, драка была, но не убивал.

Потом в камере завелась «наседка». Парень лет двадцати пяти. Подозрительно приветливый и непомерно болтливый. Он угощал Шуню сигаретами, чаем, печеньем. Действовал хитро. Сначала подробно рассказал о себе. О том, как они с подельником, вооружившись травматическими пистолетами, грабили пункты «быстрозаймов». А потом, будто невзначай, спрашивал Шуню о его деле. Мол, я с тобой откровенен, расскажи и ты. Шунешов твердил все то же, что и следователю. Через три дня «наседку» перевели в другую камеру.

Кузьмин всё никак не решался сходить на «свиданку» к Шуне. Само здание следственного изолятора наводило на него оторопь. Несколько раз он приближался к высокому бетонному забору с кольцами колючей проволоки, смотрел на тёмные окна за решетками, и возвращался домой.

Однажды раздался звонок на мобильный. Девушка представилась репортёром газеты МК «Нижний Новгород». Спросила, давно ли они знакомы с Шуневым и предложила встретиться. Кузя отказался.

На следующий день, собрав другу передачку, он стоял у КПП изолятора. «Свиданку» не разрешили.

– Только близким родственникам, – отрезал усатый сержант.

– Возьмите передачку хоть, – попросил Илья.

– Не положено, – усач захлопнул забрало двери.

Шуня вышел из СИЗО через полгода. На суде его оправдали за недостатком улик.

Однажды осенью Кузьмин встретил его на Московском вокзале. В кампании с бомжем Шуня сидел в переходе и запивал флакон «Трояра» водой из грязной пластиковой бутылки. Стоял убийственный запах нечистот. Прохожие прятали носы под шарфами или воротниками курток. На Шуне был драный пуховик и замызганные спортивные штаны с темными разводами в промежности. Отёкшее, одутловатое лицо с пожелтевшим синяком на скуле повернулось в сторону Ильи. Мутные,

воспаленные глаза не выражали ничего. Он был настолько пьян, что, кажется, не узнавал Кузьмина. Проходя мимо, Илья ускорил шаг.

Спустя время он снова повстречал Шуню. На этот раз он был одет приличней, но выглядел сильно исхудавшим, высохшим едва ли не до костей. Он не мог устоять на месте. Дёргался, словно его било разрядом тока, притопывал, приплясывал, нижняя челюсть дрожала, скрипели зубы. Было ясно, что он сидел на «солях» или других психостимуляторах.

– Сотыгой не выручишь? – облизнув пересохшие губы, причмокнул он. – Вот так вот надо, – Шуня провел по горлу ребром ладони. – Я тебе, вроде, денег должен, но я отдам, не парься.

– Пойдем, в кафеху, что ли, зайдем, расскажешь, как ты, – вздохнув, предложил Кузьмин.

– Ну, ладно, – махнул рукой он, – пойдем.

Свернули с Покровской, прошли дворами и оказались у кафе «Наливай-ка!».

Там в лучших традициях советских забегаловок практиковались только стоячие места с высокими по грудь столами. Собирались здесь в основном пролетарии и местные «кузьмичи». Идти с Шуней в более цивильное место было бы моветоном.

От выпивки и закуски Шуня отказался, а попросил купить ему полтора литра минералки. Когда Илья принес воду, Шуня отвернул крышку и с жадностью прилип к горлышку. Напившись, он по-собачьи облизнулся и забил под столом чечетку.

Разговор не клеился. Глотая минералку, Шуня не мог внятно произнести и предложения. Сопровождался этот сумбур бесконечными усмешками и кривляньями. Кузьмин молчал. Наливал, выпивал и молчал. Общаться с ним было бесполезно. Кузьмин уже стал поглядывать в сторону выхода. А Шуня все продолжал свои шизонаркотические откровения.

Вдруг он замолчал. На изуродованном гримасами лице мелькнуло какое-то подобие задумчивости:

– А ведь это я тогда его, а меня отпустили. Я не живу теперь, я труп, ха!

– Совсем мозги пронюхал? Что ты несешь?

Глупо хихикая, он схватил со стола ополовиненную бутылку минеральной и вышел из кафе. Невысокий мужичок за соседним столиком подмигнул Илье и дружелюбно приподнял четверть «Путинки» над головой:

– Ну что, братюнь, как оно?

– Как? Да лучше всех.

И махнул стаканом в ответ.

Владимир ЗЮСЬКИН

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Весенний день выдался солнечным. И хоть снег на земле и лед в водоёмах еще лежали, было не холодно. Всего-то минус пять градусов по Цельсию. И Градов решил, наконец, реализовать свою задумку: добежать в одних шортах из дому до проруби на озере, искупаться и вернуться назад.

Нырять в прорубь он начал довольно давно. И голым, то бишь в одних шортах, без футболки, бегал при температуре ниже нуля (один раз даже при – 30 градусах). Но этого ему казалось мало.

До проруби – 15 минут бега. Окунуться и, не вытираясь, бежать еще 15 минут до квартиры – это не шутка. Но у Градова была своя теория. Суть ее заключалась в следующем: чтобы оставаться мужчиной в полном понимании этого слова необходимо постоянно оправдывать данное звание не так перед другими, как перед самим собой. А это значит – совершать рискованные, экстремальные поступки.

До проруби на озере он добежал довольно легко, не особо ощущая холод. Там как всегда, толпились зеваки, которые с интересом наблюдали за «моржами», ежась и дивясь. На этот раз здесь были пять мужчин, один из которых раздевался. Значит, «морж». И одна молодая женщина в мутоновой шубке и белой вязаной шапочке. Готовящийся окунуться снял с себя все, вплоть до трусов. Спустился по лесенке в прорубь. Перекрестился и три раза окунувшись, вышел, сунув ноги в сланцы. Тут же растерся махровым полотенцем и стал одеваться.

В общем-то, здесь было принято купаться голыми. Тем паче, что женщины к проруби подходили редко. Но, если, и забредали сюда, «моржей» это не смущало. И Градов решил не нарушать традицию. Он разделся догола, краем глаза следя за реакцией дамы. Она зыркнула на него серыми миндалевидными глазами и тут же отвела их в сторону. Однако во взгляде ее Градов уловил интерес.

Подойдя к краю проруби, он тоже осенил себя крестом и прыгнул в ледяную купель, погрузившись с головой. Сидя под водой, досчитал до двадцати, прежде чем вынырнул. И увидел страх, беспокойство на лицах зевак. Решили, видно, что утонул. Женщина смотрела на него восхищенно, уже не отводя взгляд. И он продолжил демонстрацию мужества. Босой и

голый отжался на снегу тридцать раз, чуть ли не касаясь лицом снежного наста. Холода, после проруби, как всегда, не ощущал. Напротив, чувствовал прилив тепла.

Не спеша надевал он плавки, шорты, носки и кроссовки. Женщина все посматривала на него. И Градов, закончив свое скудное одевание, подошел к ней:

– Здравствуйте. Интересуетесь моржеванием?

– Да вот хочу сама попробовать, но боюсь. Никак не решусь, – ответила, улыбаясь, незнакомка, дотронувшись рукой в цветастой варежке до щеки.

– Понятно. Нужна определенная психическая подготовка. Я мог бы помочь в этом вопросе.

Женщина согласно кивнула и назвала свой телефон.

Они начали встречаться. Уже на втором свидании учитель повел свою ученицу в гостиницу. Там психологическая подготовка как-то само собой переросла в секс. В этом деле дама оказалась весьма подготовленной. В постели она вела себя раскованно, проявляя инициативу в ультраинтимных ласках.

Все это в подробностях вспомнилось Градову сейчас, тридцать лет спустя. Он лежал в отдельной палате онкологического отделения клиники (сын оплатил), старый, седой, исхудавший. С тоской думал, что судьбой или Богом вынесен ему суровый приговор и жизни осталось совсем чуть-чуть. Да и какая это жизнь, если валяешься без сил в ожидании приступа боли! Вот и сейчас она проклюнулась как бы издалека, вроде робко, но начала быстро нарастать, чтобы стать невыносимой. Он нажал кнопку звонка. Через минуту в палату вошла молодая медсестра с сочными розовыми губами.

– Что, уже пора? – спросила, с жалостью глядя на больного.

– Да, милая. Иначе ад ощущу здесь, на земле, – ответил, Градов, невольно скривясь от боли.

Девушка поставила ему укол. И не уходила, наблюдая за пациентом. А тот преображался на глазах. Лицо разгладилось, потухшие глаза просветлели, губы сложились в едва заметную улыбку.

– Вам легче? – спросила медсестра, словно не знала действие укола.

Глаза больного лукаво блеснули:

– Наклонись-ка ко мне, что я тебе скажу на ушко.

Девушка склонилась к лицу Градова и тут он, крепко обхватив ее голову, впился губами в ее губы. Девушка дернулась, но руки больного держал ее голову крепко. Поцелуй получился затяжным, причем с проникновением языка. Настоящий любовный поцелуй.

Когда девушка, наконец, вырвалась, она замахнулась, чтоб влепить нахалу пощечину, но рука ее остановилась, не дойдя до лица Градова. Видимо, опомнилась, что перед ней смертельно больной человек.

– Как вам не стыдно! Маньяк!

– Не сердись, милая. Прости. Считаю, что милостыню подала нищему. Тебе за этот прощальный поцелуй добром воздастся.... Эх, встретил бы я тебя, хотя б лет десять назад! – выдохнул Градов, не сводя глаз с покрасневшей от стыда и обиды девушки.

– Старый, а ведете себя по-хулигански, – упрекнула медсестра уже менее сердито.

Она вышла из палаты, хлопнув дверь. Не очень громко, но сильнее, чем обычно. Придя в комнату медсестер, застала там подругу – медсестру, пьющую чай с сушками.

Будешь? – предложила ей напарница.

– Налей. Мне сейчас очень кстати.

Прихлебывая из чашки и похрустывая сушкой, девушка рассказала о нападении больного.

– Ты погляди! – поразилась подруга. На ладан дышит, а туда же! Сколько ему осталось?

– Врач сказал, что на днях...

– Ну, ты гляди! – еще раз высказала удивление медсестра, - Еще изнасилует, чего доброго.

– Чем?

Девушки рассмеялись. Они работали в таком заведении, где смерть – событие частое, заурядное и потому разучились воспринимать ее как трагедию.

А Градов, оставшись в палате один, облизнул губы, пытаясь ощутить вкус девических губ, но почувствовал только едва уловимый аромат духов... Украденный поцелуй навел его на воспоминания о любовных романах. Их было не мало, ибо с женой он прожил недолго. Да и, живя с ней, нередко умудрялся сходить налево, о чем сейчас жалел. Ведь жена его искренне любила. Верила, пока не застала на горячем.

Как-то раз, когда он дома был один, к нему зашла соседка, тридцатилетняя блондинка с распущенными волосами и глазами цвета морской воды. Она была в халате и тапочках на босу ногу.

– Соли не одолжите? Кончилась, а в магазин за такой малостью бежать не хочется.

– Конечно. Сколько вам? Килограмм, два? – пошутил Градов и, услышав в ответ смех, ушел на кухню. Вернулся с баночкой из-под майонеза вместо солонки.

– А сахару не надо? Я, вот лично, больше сладкое люблю, – сказал он, многозначительно глядя.

Женщина, усмехаясь, протянула руку к баночке и тут ее запахнутый, но не завязанный халат распахнулся. Белья на ней не было. Глазам Градова открылись полные груди с агрессивно торчащими сосками и густой куст волос. Кровь ударила ему в голову и не только. Он схватил женщину в охапку. Не говоря ни слова, отнес в спальню, бросив с размаху на кровать. Быстро, по-армейски, разделся догола и рухнул на внезапную добычу, как коршун на куропатку. Именно в этот момент в незакрытую дверь спальни вошла жена (начальник по случаю своего дня рождения отпустил коллектив раньше). Увидев картину измены, она на какое-то мгновение застыла, глядя широко раскрытыми глазами. Затем, молча, повернулась и пошла к входной двери.

– Лида, подожди! Я все объясню, вскричал Градов опомнившись. Он также быстро, как разделся, оделся и ринулся за женой. Но, когда выбежал на улицу, ее и след простыл. Убитый случившимся, пошагал домой. Соседки в квартире уже не было. Градов обреченно осел на стул. Но тут же вскочил и, схватив будильник, со всего размаху грохнул его о пол.

Из-за мимолетной интрижки он потерял преданную ему женщину. Она, когда он заболел воспалением легких, ходила за ним как за маленьким ребенком. Кормила с ложечки, вытирала ему губы салфеткой, утешала, говоря: «Потерпи. Еще немножко и температура спадет. Все будет хорошо».

Как ни старался Градов загладить вину перед женой, говоря: затмение нашло, бес попутал – она ему не простила. Ушла, и не осталась одинокой. Вышла замуж. А с Градовым категорически отказалась общаться.

Их брак распался двадцать лет назад. Как живет сейчас Лида, Градов не знал. Но вспоминал её часто и сердце его тоскливо ныло.

Дверь палаты открылась.

– К вам посетитель, сказала стоящая на пороге незнакомая медсестра.

Вошла женщина, в которой к своему удивлению, Градов узнал бывшую жену. Близка на помине!

– Каким ветром, Лида?

– Здравствуй, Юра. Не ожидал? Вот решила поведать. Как ты тут?

– Лида, нет слов. Как ты надумала? У тебя все нормально?

– Да, слава Богу! – ответила, доставая из пакета мандарины. – Ешь, поправляйся.

– Твои бы слова да Богу в уши. Но обо мне он, похоже, уже забыл... Да не будем о грустном. Как муж, дети?

Градов во все глаза смотрел на бывшую жену. Постарела, но не очень. Пополнела, однако, толстушкой не стала. Все тот же мягкий, доброжелательный взгляд, все та же чуть смущенная улыбка.

– Спасибо. У меня все хорошо.

Лида пробыла в палате с полчаса. Они говорили обо всем, но в основном вспоминали приятные эпизоды совместной жизни. Женщина старалась держаться бодро, будто пришла не к онкобольному, дни которого, сочтены, а к здоровому знакомому, с кем давно не виделась. Но это ей удавалось плохо. Речь ее звучала жалостливо.

Однако Градов не замечал этого. Он все еще пребывал от полученного укола в эйфории и говорил, говорил без умолку, будто боясь не успеть высказать что-то очень важное.

Когда Лида ушла, поцеловав на прощанье его в щеку, будто сказав этим, что все прощает ему, Градов какое-то время лежал, закрыв глаза. Он думал о том, как быстротечна жизнь, как безрассудно он вел себя, топчась по живому. Начать бы снова. Исправить ошибки. Да не дается человеку такая возможность. Остается только кусать локти на пороге бытия...

Он лежал, уже не ощущая эйфорию, и думал: как все нелепо сложилось. Да чего там нелепо – просто глупо. Всю жизнь повторял строки Есенина: «Счастье – это ловкость ума и рук. Все неловкие всегда за несчастных известны». Говорил это всегда с ощущением, что уж кого-кого, а его неловким не назовешь. И действительно, не мало везло ему в жизни. Сколько раз мог отдать богу душу. Переплывал широченное озеро, один, без страховки. Ни один знакомый не соглашался плыть с ним вместе. На Кавказе перешел на другую сторону ущелья по трубе. А ведь мог споткнуться, поскользнуться. Костей бы не собрали. Там же, на Кавказе, плавал в сильный шторм. Прыгнул с причала в бушующую воду, а потом долго не мог выбраться на берег: волна выбрасывала, но тут же, откатываясь, забирала обратно. Его бросило на валун. Ударился коленом так, что затошнило. Наглотался воды. Вполне мог захлебнуться. Но все же, сумел выбраться на берег.

Кто Ты, мысленно вопрошал он, создавший этот мир и человека, который может умереть от любого столкновения с действительностью. Жизнь может оборвать мелочь, даже какая-то ничтожная тифозная вошь. Зачем Ты сохранял меня? Чтоб потом бросить на койку со смертельным диагнозом и мучить болью оставшиеся дни?

Работница столовой принесла ужин. Градов машинально жевал сосиску, не ощущая ее вкуса. Запил холодным компотом и повернулся на бок, закрыв глаза.

Незаметно наступил вечер, а затем и ночь плеснула на окна темной тушью. И опять пришла боль, но уже не исподволь, а резко, сходу. Рак,

далеко протянувший свои железные клещи, сжал их с неумолимой силой. Градов, застонав, пытался дотянуться до кнопки, но боль сковала его и продолжала мучить с адской силой.

Кнопку ему удалось нажать, когда было уже далеко за полночь. Он с трудом удерживал ее утопленной, но никто в палату так и не пришел. Дежурная медсестра уснула крепким молодым сном, и звонок не слышала. Обессиленный, он откинулся на подушку и замер с перекошенным от боли лицом.

На утро уборщица, мужеподобная, квадратная баба с большой черной бородавкой на щеке, пришедшая чуть свет в палату Градова со шваброй и ведром, обнаружила, что пациент мертв. Она немного постояла в нерешительности. Затем, сказав: «Отмучился бедолага», – взяла с тумбочки нетронутые мандарины, сунула их под халат и пошла за медсестрой.

Валентин НЕРВИН

КИТЕЖАНЕ

* * *

...а когда часы уснули,
оглашенные во мне,
чьи-то жизни промелькнули
на зеркальной глубине.

На вселенской амальгаме
время ходит по кривой –
только звезды под ногами,
да Земля над головой.

Я шагнул в миры иные,
но пока не расплескал
отражения земные
галактических зеркал.

МАРИЯ

Выше города – небо весны –
надо всеми домами, дымами...
Но какие заветные сны
пролегли между небом и нами!

Накануне живого тепла,
по традиции патриархальной,
просыпаются колокола
на ликующей ноте пасхальной.

Возле храма толпится народ:
кто венчается, кто поминает,
а Мария сидит у ворот
и младенца в тряпье пеленает.

КИТЕЖАНЕ

1

Жить у обрыва – плохая привычка,
но, со времен допотопной Орды,
Китеж-Воронеж – слышна перекличка
слов и веков, облаков и воды.

В каждом из нас и в любую погоду,
каждые двадцать четыре часа –
город, который уходит под воду
или возносится на небеса.

2

...а Китеж не в раю и не в аду –
по этой жизни он и тут, и там.
Мы движемся на собственном ходу
по самым неожиданным местам.

Не говори, что небо не про нас –
оно сегодня ближе во сто крат,
а демоны и ангелы сейчас
между собой по-русски говорят.

* * *

Не помню, какого числа,
по воле какого синдрома
дорога меня привела
на место родимого дома.

Тут жили когда-то вдали
от смутного гула эпохи,
и вот – в придорожной пыли
красуются чертополохи.

Пока мы кому-то назло
по этой земле колесили,
как много воды утекло,
как много домов поносили!

Над нами плывут облака
и в них отражается детство.
Конечно, земля велика,
и всё-таки – некуда деться...

ПИЛИГРИМ

Всегда не хватает любви и тепла:
последний поэт коктебельской эпохи
живет на какие-то жалкие крохи,
живет на подачки с чужого стола.

Что гений? — убыточное ремесло:
немного бомжует и много бичует,
с оказии в теплоцентрали ночует
и хочет уехать туда, где тепло.

Среди вавилонских и русских земель
петляет во мраке тропа пилигрима,
который мечтает добраться до Крыма,
где ждет, не дождется его Коктебель.

В РЮМОЧНОЙ

Вот и встретились напоследок,
после порции беляшей,
двое, мудростью пятилеток
утомившихся алкашей.

Окончательно и бесспорно
обеспечены за труды
заварившие чай из корня
человеческой лебеды.

Говори же о чем угодно:
про нелепую жизнь свою,
про тяжелые сны в холодном,
детонирующем раю.

Как мы, Господи, постарели,
разглагольствуя на предмет.
Неужели, на самом деле,
даже времени больше нет?..

* * *

Как странно устроено в мире –
повсюду подъем и полет,
а прямо в соседней квартире
душевнобольная живет.

Я многого не понимаю
и воспринимаю с трудом,
что эта душевнобольная
легка на полет и подъем.

Душа в темноте колобродит
и каждую ночь напролет
безумная женщина бродит
и стремные песни поет.

ПЕСНЯ

Помнишь, пьяная женщина пела
на исходе июньского дня:
— Каравеллы мои, каравеллы,
почему вы ушли без меня?

Оклемается мало-помалу,
помолчит и опять за свое.
И такая тоска набегала
от бесхитростной песни ее...

СТАРИК

На последней ноте снегопада
сердце виновато без вины —
никакого праздника не надо,
всё не в жилу, кроме тишины.

Хвори да печали одолели,
не осталось музыки в груди;
но под капельницами капли
есть одна отрада впереди:

скоро Пасха и кому-то надо,
чтобы с одинокой высоты
на четыре стороны заката
осыпала яблоня цветы.

КРУГИ

Кого мечты, кого долги
удерживали в этом мире,
но только по воде круги
расходятся на все четыре.

Остановись и оглянись;
по грозовому небосводу
круги земные разошлись —
а мы пеняли на погоду.

Всё переменится, когда,
захолонувшие от света,
сойдутся небо и вода
на круге Вечного завета.

* * *

Наш климат по натуре скуп,
растительность неприхотлива:
тут баобаб — обычный дуб,
а наша пальма — та же ива.

Здесь освещение не то,
снега хронически не тают,
но в этом климате, зато
мои стихи произрастают.

И понимаю наперед,
что, в окончательном итоге,
я тоже стану, в свой черед,
обычным кленом у дороги.

ЗА ПАРУ ДНЕЙ ДО РОЖДЕСТВА

За пару дней до Рождества,
прогуливаясь возле дома,
я встретил русского волхва,
бегущего из гастронома.

Какие звездные миры
ему провидятся в тумане,
какие чудные дары
лежат во внутреннем кармане?

Он остановится, когда
пересечемс^я временами,
и Вифлеемская звезда
закупорится над нами.

РОДИНА

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.

Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! —
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.

Но, какого-то лешего ради,
представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.

У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

Евгений МИРМОВИЧ

«КАЗУС»

Живёт в нашем посёлке мужик. Лет пятидесяти. Роста двухметрового, в плечах — косая сажень. Неженатый. Слегка пьющий. В райцентре сварщиком работает. Ездит на старой "Волге", полусгнившей. Подваривает её постоянно, да всё понапрасну: прошлого века машина. По характеру мягкодушный, приветливый. Немного глуповат и наивен. С детства с ним всё какие-то истории приключались нелепые. Да ещё фамилия ему досталась Казунин. Поэтому со школы ещё какой-то остряк ему кличку Казус прилепил. Так и приклеилось на всю жизнь – Казус.

В посёлке не все толком и понимали, что означает слово "казус". Поскольку родителей Казунина никто не видел, то некоторые даже думали, что Казус – это его настоящая фамилия и что сам он родом, наверное, из Прибалтики.

Бывает, встретишь Казунина по дороге, поздороваешься на ходу, а он стоит и вслед всё улыбается. То ли рад, что поздоровались с ним приветливо, то ли ласточку в небе увидел, то ли солнцу радуется. Смотрит своими голубыми глазами куда-то вдаль и улыбается. Одно слово – Казус.

Руки у Казуса сильные и много чему за жизнь научились. А вот мысли в голове чудные бродят. Однажды не понравилось Казусу, что в наш посёлок частенько посторонние приезжают.

То проходимцы какие-то металлолом ищут, то цыгане навозом торгуют, а то молодёжь из райцентра на мотоциклах носится. Решил Казус, ни с кем не посоветовавшись, на въезде в посёлок ворота поставить. Приволок откуда-то трубы металлические, листы железа и сварил глухие ворота. Мощные, как в тюрьме, на совесть сделал. А народ ездит мимо и ругается только. Что, мол, ты тут устроил, идиот? Кому эти страшные ворота нужны? Кто их закрывать будет? Зачем нам здесь убожество такое?

Расстроился Казус. Понял, что людям, наверное, хотелось красивые ворота, а он сделал прочные. Решил Казус ошибку свою исправить. Купил краску и раскрасил ворота по своему вкусу. Целый день возился. Снизу траву зелёную нарисовал. Вверху облака белые на голубом небе. А посередине — солнце розовое и птиц с глазами синими.

Такого наш народ уже стерпеть не мог. Больше всех возмущалась старуха Филиппова. Мать главы поселковой администрации. На дух она не переносила самостоятельность Казуса и нажаловалась сыну. На следующий день, по решению властей, срезали ворота и бросили в канаву придорожную, в самую грязь. Больно стало Казусу от такого непонимания. Три дня ходил он по посёлку выпившим и рассказывал всем, какие это хорошие ворота были. На удивление, все с ним соглашались. А что с чудачком спорить?

Как-то в конце лета приехали в посёлок энергетики. Под линией электропередач деревья выпилить. Спилили небрежно. Оставили пеньки метра по полтора. И дерево уже расти не будет, и пенёк на пенёк не похож. Решил наш Казус внести в это дело свою эстетику. Два дня, высунув язык от усердия, вырезал бензопилой из этих пеньков фигуры грибов. Ну и, конечно же, напоследок, не забыл раскрасить их краской в своём стиле. Ярко и броско, как на детских площадках или в книжках для малышей.

Но так уж выходило, что представления Казуса о красоте с общественным мнением не совпадали. Его новое творение постигла та же участь. Конечно же, и тут не обошлось без инициативы старухи Филипповой. Женщины злобной, любившей везде по-своему переиначить, чтобы только власть свою над людьми показать. Казус снова пил. И даже по пьянке плакал от обиды, сидя на скамеечке у своего дома.

Но главным чудачеством Казуса был красноармеец. Точнее, странная любовь Казуса к бетонному изваянию будёновца на коне, что стоял некогда при въезде в район, возле шоссе. Ещё в девяностые на волне нелюбви ко всему советскому, монумент свалили. Да так и оставили лежать в поле на долгое время. Куда эту железобетонную глыбу деть? Да и ломать хлопотно. Потом землёй слегка закидали, так и оставили.

А спустя год, глядь — стоит конь на всех четырёх ногах на прежнем месте, и будёновец на нём гордо восседает. Стали разбираться, кто давал распоряжение восстановить монумент? Дознались быстро. Казус наш будёновца откопал, на части раздолбил и по кускам на место водрузил. И арматуру сварил, и на раствор всё поставил — прочнее, чем было при советах. Только ноги у лошади чуть короче стали.

Поначалу заподозрили, конечно, Казуса в связях с какой-нибудь ячейкой коммунистической. Вызвали в полицию. Кто, мол, тебя надоумил? Кто работу оплатил? А Казус стоит, глазами хлопает и улыбается. Что с дурака взять? Он же не по умственным соображениям, не с прицелом на эффект. Просто по велению сердца. Да и коммунисты районные — ни сном, ни духом. Сами в шоке. Народная инициатива, говорят. Вмешался тут в дело поселковый глава. Тот, что сын старухи Филипповой.

– Зачем же ты, балда, этого будёновца на прежнее место воткнул? Это же пережиток прошлого. Тебя что, в школе не учили?

– Меня учили, что я на героев гражданской войны равняться должен. И в пионеры возле этого памятника принимали. Я там клялся всю жизнь честным быть и трудиться как следует. Да и вообще нельзя же так, чтобы всё ломать.

– Ой, дурак! Ты вокруг себя посмотри. Время-то другое уже. Ты не заметил? Рыночная экономика. Частная собственность.

– Заметил. Всё устраивает. А чем мой будёновец частной собственности мешает? Я на машине в район въезжаю — он меня приветствует. Я детство сразу вспоминаю. Чувствую, что Родина моя здесь. Вот будёновец – значит, я в родной район въехал.

– Что с тобой, идиотом, толковать. Иди отсюда. Монумент уберём. И чтобы больше не занимался самоуправством. Тем более, что мозгов не нажил.

Казус обиделся, конечно, на такие слова. Ох, уж как хотелось по щам этому умнику залепить. Но подумал, что от рукоприкладства только хуже будет. Пожал плечами да ушёл. А монумент ещё пару лет простоял спокойно. Ведь чтобы сломать да вывезти, тоже деньги нужны. Никто из своего кармана платить не будет. А в бюджете на это лишних средств не прописано.

А Казус и не тужит. Весной всадника красочкой серебряной подкрасит. Летом траву вокруг выкосит. Людям до фонаря. У администрации денег нет. А Казусу на душе тепло. Всё на своих местах, как в детстве. И поле, и река, и всадник.

Проезжает мимо, остановится, выйдет из машины, присядет на траву. Соломинку в зубах вертит, смотрит вдаль. Думает о чём-то своём. Кто знает, что у чудака в голове?

А за рекою лошади в поле бредут. Медленно так переступают. Головы склонили. И ветер гривы их слегка шевелит. За одной жеребёнок поспекает. Ножки тонкие. Издалека совсем махонький кажется. Между ними и Казусом река изгибается в излучине. Неспешно, величаво течёт. Что ей лошади? Что ей будёновец? Она тысячи лет текла и течь будет. Её вспять не повернёшь. Это только людям всё вспять хочется разворачивать. Сегодня перевозноят, завтра проклянут.

Тот берег, где лошади ходят, пологий, низкий. А тот, где будёновец стоит, высокий, обрывистый. Хорошо с него вдаль смотреть. И видится Казусу, будто лошадь будёновца – это как бы его собственный конь поодаль пасётся. А на коне он сам... Освободил свою землю от всяких недругов. От старухи Филипповой, матери главы поселкового,

милиционеров. И живётся теперь спокойно и привольно, как в раннем детстве.

Реку вспять не повернёшь и никуда не денешь. А творение рук человеческих стереть с лица земли – это пожалуйста. Стала старуха Филиппова по научению сына подписи односельчан собирать. Чтобы с письмом в район обратиться. Запросить деньги на снос идеологически вредного монумента, пропагандирующего красный террор и большевистскую диктатуру. Так и написала, как сын продиктовал.

Все подписались. Только дед Григорий не подписал. Сказал, чтобы шла к лешему со своим письмом. Сидит Григорий целый день у своей калитки на деревянном ящике, трубкой пыхтит и не подписывает.

– Ты что, Григорий? Коммунист, что ли? Раньше не был ведь.

– Никакой я не коммунист.

– Так подпиши.

– Не подпишу.

– Почему?

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу и всё.

– Глянь-ка, видать, в компартию вступил на старости лет.

– А ты сходи, проверь.

Правда, подпись Григория всё равно ничего не меняла. Но и старик при своём остался. Правило у него было. Чуешь, дерьмом запахло – не лезь. Вот он и не лез. Сидел на своём ящике, крепко сбитом, вросшем в землю, и всем телом своим и нутром землю эту чувствовал. Вся боль этой земли с годами на душу Григория перешла и скрутила её, сжала, до сверхплотной звезды. А вслед за душой и тело Григория сгорбилось и высохло. Так сам Григорий думал. Некоторые говорили ему, что это просто от старости, а он всё своё в ответ:

– А ты сходи, мол, проверь.

На будущий год запрошенные деньги были выделены в графе районного бюджета — "благоустройство территорий". Конкурс на оказание услуг по этому "благоустройству" выиграло ИП Филипповой. Но не самой старухи, конечно, а невестки её, на которую поселковый глава все свои мелкие коммерческие делишки вешал.

Работу выполнили на славу. Размолотили всадника отбойными молотками в крошево. Получившийся из будёновца бетонный бой в раскисшее место второстепенной грунтовой дороги уложили, а сверху машину щебёнки высыпали. Вторую же машину щебёнки, предназначенную на это благоустройство, поселковый глава себе на участок свёз. Площадку под строительство нового гаража подготовить.

Только не довёз. Самосвал по дороге на сырую мягкую обочину заехал и набок повалился. Самосвал потом вытащили, а щебень так в канаве и лежит. Надо ли говорить, что творилось на сердце Казуса, когда, проезжая мимо того места, где стоял всадник, он увидел лишь следы трактора? В этот день и лошади за рекою не паслись. Как будто их вместе со всадником убрали. И небо серым стало. А из развороченной земли на месте монумента выполз жирный дождевой червь. Он гадко извивался, и Казусу чудилось, что не в земле этот червь извивается, а в груди у него бережит душу телом своим червяным. Разделяется он там, на мелкие части, и поедают они всё нутро его. Гадко стало Казусу от бессилия своего и стыдно от злобы, наполнившей душу. Всегда стыдился он злых мыслей, прогонял их, а тут потерял над ними всякую власть и отдался злобе своей безраздельно.

Три дня Казус пьяным по посёлку ходил и ни с кем не разговаривал. На четвёртый протрезвился, поехал на место, где будёновец стоял. Кирпичей взял с собой и цемент. Сложил на этом месте что-то вроде стелы в виде будёновки. Сначала на муравейник было больше похоже. Но потом Казус отошёл в сторону, посмотрел издали и шпателем сделал контур, напоминающий большую будёновку, лежащую на земле. Через пару дней, когда раствор высох, он покрасил будёновку в зелёный цвет и нарисовал на ней красную звезду. А ещё через два дня положил к подножью своего монумента букет алых гвоздик.

Это уже окончательно вывело из себя Филиппову. Через неделю Казус опять стоял на ковре в полиции. Только на этот раз уже в райцентре.

– Опять жалоба на тебя Казунин. Тебе что заняться больше нечем? Или ты идейный борец? – спросил тучный майор, расхаживая по кабинету.

– Никакой я не идейный. Не мешает ведь никому будёновка моя.

– Ты если доброе дело хочешь сделать, так иди, поработай добровольно на благоустройство посёлка. А в идеологию не лезь, – полный майор попытался застегнуть верхнюю пуговицу на кителе, чтобы придать себе более официальный вид. Пуговица оторвалась и укатилась под стол. Майор попытался нагнуться за ней, но понял, что не достанет, и растерянно замялся.

– У вас вон в районе, я слышал, один мужик памятник генералу Краснову слепил, – ответил Казус, – тому, что за фашистов воевал. Что, ему можно?

– Вот ты баран! А ещё говоришь — не идейный. Тот мужик на своей земле соорудил. Это его право. Ты у себя в огороде хоть чёрту можешь памятник поставить. А на общественных землях не смей.

– Зачем же чёрту? Я же в память о погибших. Что они не люди, что ли?

– Люди не люди, какое твоё дело? Чтобы до понедельника за свой счёт снес, и штраф в сберкассе заплатил. А нет, так пятнадцать суток ареста.

– Не могу я, майор. Лучше пятнадцать суток. Нельзя же так, чтобы всё ломать.

Через две недели вернулся Казус домой осунувшимся, помрачневшим и злым. Не пошёл смотреть, что там с его монументом учинили. Больно. А на следующий день загорелся новый гараж поселкового главы. Да так полыхнул, что в двадцать минут одни угли остались. И новый катер пластиковый в гараже расплавился в огромный бесформенный блин.

Одни поговаривали, что это дело рук Казуса. Другие говорили, что глава в райцентре каким-то людям сильно задолжал. Приезжали, мол, на днях на двух внедорожниках, угрожали.

Но все больше на Казуса думали. Вон опять пьяный ходит. Молчит, не здоровается. Злой, как собака. Один дед Григорий на Казуса не думал.

Вокруг Григория всё ребятишки вьются. То ли правнуки, то ли соседские. А он сидит на ящике, седой весь. Усики коротенькие совсем, тоже седые. Глаза большие, добрые и уши чуть оттопырены. Трубкой пыхтит.

– Деда, а правда, что Казус дяде Филиппову гараж поджжёт?

– Нет, ребятки, не он это.

– А что Казус всё пьяный ходит? Говорят, он.

– Пускай и выпивший. А за спиной — два крыла у него под фуфайкой.

– Разве у людей крылья бывают? Да ещё у пьяниц. Ты что, деда?

– А ты сходи, проверь, – слегка прищурился Григорий и выпустил дым.

На следующий вечер загорелся дом старухи Филипповой. Пылал, как факел. Во дворе в полной растерянности стояли несколько полураздетых соседей, с огнетушителями и ведрами в руках. К дому было не подойти. Лопались стёкла. Несчастливая дочь Филипповой металась в истерике по участку. Она тщетно звала на помощь, выла звериным голосом, падала на колени, поднималась и снова стонала долгое "Ма-а-а", протягивая руки к пожарищу. В доме осталась её старенькая мать, которая не успела выскочить.

Порывы ветра разносили в стороны снопы сверкающих искр. Через минуту занялся соседский дровяник, за ним пошла гореть изгородь. Народ кинулся заливать водой стены соседних домов. Никто уже не обращал внимания на метавшуюся в слезах женщину.

– Будь они прокляты, эти бандиты, – стонала дочь Филипповой, – будь прокляты их деньги!

В этот момент, ломая с треском кусты и заборы, подобно раненому лосю, во двор ввалился Казус. Окатив себя из ведра водой, он с матерным криком прыгнул в пламя. Через минуту он вынес на руках потерявшую сознание и почерневшую от копоти женщину. Кто-то принёс одеяло.

Несчастную положили на скамейку и укутали. Вдали показались синие огни пожарных и скорой. Одни поспешили им навстречу, другие продолжали тушить дровяник и лишь Казус в мокрой рубашке, с опалёнными спутанными волосами, нежно укрывал одеялом тяжело дышавшую старуху. Осенний ветер метался из стороны в сторону, озаряя тёмное небо роем зловещих огненных искр, падающих на крыши соседних домов.

Когда всё закончилось и последний пожарник, смотав шланги, запрыгнул в кабину старенького «Урала», народ начал расходиться. От огромной груды шипящих углей на месте дома Филипповой поднимался густой пар. Улица обезлюдела. В полумраке возле пахнущего гарью пепелища ещё долго стоял Казус. Он смотрел в одну точку, находившуюся где-то в руинах пожарища, и его измазанный сажей лоб морщился в тягостном раздумье.

Поселковый глава вскоре куда-то пропал. Говорят, посадили. А может, просто переехал. Старуха Филиппова живёт в райцентре, у зятя. Казус покрасил свою "Волгу" в голубой цвет и нарисовал на капоте ромашку. А на ящике, у калитки, сидит дед Григорий и трубку курит.

- Деда, а правда, что Казус опять памятник будёновцам поставил?

- Правда.

- А кто такие будёновцы?

- Это наши хлопцы, что в гражданскую войну за новую жизнь воевали.

- И что? Получилась у них новая жизнь?

- Да уж новей некуда вышло — прости, Господи!

- А когда гражданская война началась? - липнут к Григорию любопытные правнуки.

- Так уж сто с небольшим лет назад, вроде как.

- А когда закончилась?

Дед Григорий пыхнул трубкой и поднял глаза к небу.

- Не закончилась.

- Быть не может.

- А ты сходи, проверь...

Станислав ЧЕРНЯК*ПРЕДНОВОГОДНЯЯ МОЛИТВА***БЕЛГОРОД**

Там, где Везёлка с Северским Донцом
Встречаются, чтобы струиться к Дону,
Возник вдруг Белый город молодцом,
Держащим круговую оборону.

Татарам и ногайцам нет числа,
Здесь каждый камень кровью был политый.
Казаки выжгли город весь дотла,
Натравленные Речью Посполитой.

Но, победив бесчисленных врагов,
Он птицей Феникс возродился снова
Трудами белгородских мужиков,
Молитвою и верою Христовой.

В Полтавской битве белгородский полк
Так воевал, что многим и не снилось.
В военном деле предки знали толк,
Пусть знает враг – ничто не изменилось!

Лев золотой с червлёным языком,
Над ним орёл серебряный недаром –
Мы выстоим в борьбе с любым врагом,
Преодолев бомбёжки и пожары.

Вновь Белый город погружён в войну –
Безвинные внезапно гибнут люди.
Наш Белгород вновь защитит страну,
Был крепостью и вечно ею будет!

Свечами переполненный канун,
Сирены глушат запахи сирени,
Звучит набатом колокольный звон,
Перед врагом не преклоним колени!

* * *

Дым драконом над Белым городом,
Вспышки, грохот и крики раненых,
Небо всё на клочки распорото,
Тонет праздник в людских страданиях.

Пятна алые, стёкла брызгами,
Рёв пожаров и слёзы детские.
Земли полнятся обелисками -
Белгородские и Донецкие...

А война, как слепое чудище,
Поедает, не спросит имени...
Что же ждёт нас в ближайшем будущем,
И кого смерть из дома выманит?

Белый город в вуали траурной.
И цветы на асфальте свежие...
Неизвестность над тротуарами,
Как всегда - пополам с надеждою...

* * *

Моим родственникам в Мариуполе посвящается

Мёртвый город, выбитые окна,
Чёрные сгоревшие дома.
Роком ты огню и смерти отдан.
Страшная холодная зима.

Здесь навеки голоса затихли
Тех, кто был закопан во дворах,
А могилы так свежи и рыхлы.
Целый город, превращённый в прах.

Кажется, что жизнь не возродится,
Что она сгорела здесь дотла...
Но весной возвратились птицы...
И сирень внезапно расцвела.

Город оживает понемножку,
Хоть войной разрушен он и смят.
Рыжая, изодранная кошка
На прогулку повела котят.

Я уверен – город снова будет!
Жизни пробивается росток.
Первые испуганные люди,
И с цементом первый помазок.

Город постепенно оживает.
Стройки, свадьбы, планы и мечты.
Жизнь кипит, бурлит и исполняет
Вечный гимн любви и красоты!

ПРЕДНОВОГОДНЯЯ МОЛИТВА

В шикарном ресторане бланманже
Мажоры доедали и брюзжали,
А в этот миг на фронте, в блиндаже,
Пластмассовую ёлку наряжали.

Пусть маленькая, старая она,
Конфеты вместо ёлочных игрушек...
Не отменяет Новый Год война,
Хоть вместо фейерверков залпы пушек.

И было так уютно и тепло,
Мечталось – вот домой опять приедем –
Потерям, бедам и смертям назло!
И думалось о детях и победе.

А в километре в схожем блиндаже
Лилась горилка и кромсали сало,
И, перейдя на русский мат уже,
Вопили хлопцы, что их всё достало.

Кошмар, как в беспробудном страшном сне, –
Вой дронов, гул снарядов, визг картечи.
Ценней простые радости вдвойне,
Когда со смертью только шаг до встречи.

За океаном дед «страны чудес»,
Что невидимкам пожимает руки,
В тумане уговаривал Конгресс
Дать средства на страдания и муки.

Вопили в Польше, вторили в Литве,
За всем следили пристально в Китае...
А в бесконечной неба синеве
Лишь вечность, что глазами звёзд мерцает.

Дай мира людям, предстоящий год,
Отцам и матерям вернуться к детям,
В семейный круг занятий и забот.
И пусть любовь и мир царят на свете.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАМБОВ

Деревянный Тамбов,
такой старенький, дряхлый и хрупкий,
Ты глядишь из кустов,
Вызывая любовь и печаль.
И с букетом цветов
Деревянные добрые руки
Нежно кутаешь в шаль
Из дымка догорающих дров.

Жизнь, возможно, в Москве
Состоятельней, ярче, вальяжней.
Но мой тихий Тамбов,
Как стареющий преданный пёс.
Я пройду по листве
Тихих улочек одноэтажных
В тщетных поисках слов,
Чтобы выразить чувства всерьёз.

Пахнет свежей травой,
Самогоном и корочкой хлеба,
Лай собак во дворах
И метания чёрных котов.
И навеки со мной
Наше ясное русское небо,
Наяву и в стихах –
Деревянный и вечный Тамбов!

* * *

Шарик с гелием, модная стрижка,
Теплота материнской руки.
Наш мальчишка шагает вприпрыжку,
И шаги бесконечно легки.

Детство было весёлым и длинным,
Открывал, обретал и терял,
Оставался простым и невинным.
(Он тогда ещё всем доверял).

Наступая на грабли с разбега,
Никому не показывал слёз.
Ангелочек с душой печенег.
Отказаться от грёз? Не вопрос!

Жизнь – мозаика тени и света,
Смесь бесценного и шелухи...
Математик с душою поэта,
Славный мальчик, писавший стихи.

Время мчится, меняются лица.
Мальчик взрослый, немного седой.
Он и власти вкусил, и столицы.
Мальчик сложный, лишь с виду простой...

Он другим уже точно не будет,
Но среди всех дорог и грехов
Сохранил уважение к людям,
Доброту и тетрадки стихов!

Жизнь конечна. Уйдёт и мальчишка,
Не разжав материнской руки...
Новый мальчик, прочтя его книжки,
Ещё лучше напишет стихи!

Дмитрий ЕРМАКОВ

НА СТАНЦИИ ДИКОЙ

Откуда такое название — не знаю, но именно так и называется эта крохотная станция где-то в России — Дикая... Может, и не одна есть с таким названием, так что, прямых совпадений искать, пожалуй, не стоит...

Вот и светлоголовая Настенька, окончившая третий класс и привезённая родителями на каникулы к прадеду, спрашивает:

– Дедушка, а почему твоя станция так называется?

Матвей Степанович Жильцов усмехается, выдувает папиросный дым в сторону от девочки. Они сидят на крыльце небольшого дома, обнесённого палисадником с кустами смородины и крыжовника. Рядом с крыльцом — высокая, старая уже рябина с зелёными завязями ягод в гроздьях среди узорной листвы...

– Деревня так называлась. Потом уж станция...

– А деревня почему?

– Жили, говорят, дикие люди...

– Как это – дикие?

– Ну, в лесу, одни... – пытается объяснить то, что и сам не знает Матвей Степанович.

Выручает его Поля Симонова. Идёт в жёлтой жилетке, надетой поверх синей форменной одежды, мимо них от своего дома к станционному зданию...

– Здравствуй, Матвей, – кричит она, приостановившись у калитки. – Здравствуй, Настя...

– Здорово, Поля, здорово, – бодро откликается старик.

– Здравсьте, тётя Поля, – неуверенно говорит Настя.

– Забыла меня, прошлый-то год не была. Ну, к нам приходи. Витьке будет хоть с кем погулять сей год, – говорит Поля и торопливо идёт, почти бежит, к железной дороге, к станции, которой она и является начальником, после ухода на пенсию Матвея Степановича.

Деревни уже очень давно никакой нет. Есть три, построенные вместе со станцией дома. Один — тот в котором живёт старик Жильцов, второй сразу за ним — пустой, полуразвалившийся, обросший лопухами, крапивой, с кривыми, выродившимися яблонями за огородом и в

палисаднике. Третий дом — Симоновых. В прошлом году впервые, к радости и волнению одиноко живущей Поли Симоновой, привезла дочка из города Витьку, внука, только гулять ему не с кем было...

– Привет, – сказала первой Настя. И добавила: – Не стесняйся. Меня Настя зовут.

Она сразу, как только услышала про приехавшего к тётке Поле мальчишку, отпросилась у деда (прадед не возражал, махнул ей иссохшей большой ладонью и ушел в дом, прилёг на веранде на старый диван – всегда тут отдыхал, после того как пообедает и покурит). Настя пошла по тропке мимо пустого дома, и во дворе следующего, за калиткой, и увидела этого мальчишку в синих джинсах, синей футболке и джинсовой же кепке... Он что-то делал, присев на карточки. Девочку в жёлтом платье, заметил, когда она уже подошла к калитке, опустил на место поднятую старую доску (такие доски лежали на земле дорожкой от калитки к крыльцу дома) и посмотрел на неё недовольно.

Когда она сказала «привет» и назвала имя, он не сразу ответил. И она продолжила, улыбаясь:

– Какой-то дикий... А я знаю, что тебя Витя зовут.

Тут он поднялся и резко ответил:

– Сама ты дикая, и станция у вас дикая. И я знаю, что тебя Настя зовут, думаешь, бабушка не сказала...

– О, а ты, оказывается, умеешь разговаривать, – засмеялась Настя и толкнув калитку шагнула во двор. – А я знаю, что ты делаешь – червей ищешь. – И верно – рядом в траве стояла старая консервная банка с отогнутой крышкой.

– Ну, ищу, а ты вот помешала. Там такой жирный убежал...

А Настя опять засмеялась.

– Да что ты всё смеешься-то? – возмутился Витя.

– Че-че-червяк убежал, – сквозь смех выговорила девчонка.

И мальчик тоже улыбнулся и сказал:

– Ну, уполз... Надо снова искать...

И они уже вместе стали поднимать одну за одной доски, хватать за розовые хвосты червей и складывать в банку.

– Ты меня, Витькой зови, – сказал мальчишка.

– Ага... - ответила Настя. – А у тебя удочка есть?

– Конечно, – гордо ответил Витька.

– У дедушки тоже есть, только он мне не разрешает одной на реку ходить.

– У меня две...

– А рыбу ведь утром ловят, дедушка всегда по утрам ходит.

– Ничего, может и клюнет, – ответил Витька. Ушёл в дом и вскоре вернулся с двумя удочками – чёрными, пластмассовыми, с красными поплавками.

Прогрохотал, не останавливаясь, пассажирский поезд, ему на встречу прогремел грузовой... Солнце стояло в зените, жарко поливало траву, деревья, грядки...

– А, вы уже и познакомились, – раздался голос Витькиной бабушки тёти Поли. – Ну и молодцы. На рыбалку, никак, собрались. В такую-то жару... А у меня для вас квасок есть холодненький, только и вы мне поможете... Договорились?..

Витька спрятал банку с червями под крыльцо, в нежаркий сумрак. Потом Витка и Настя пили холодный и кислый домашний квас, поливали, набирая тёплую воду в лейку из большой железной бочки грядки с луком, редисом, с кустами земляники, в которых уже появились первые белые цветы... Потом из длинного чёрного шланга поливали и огород Настиного прадедушки.

– Вот помощники-то у меня какие... Да по грядкам-то не топчись!.. – сквозь кашель от папиросного дыма кричит дедушка.

А как не прыгать Насте прямо через грядку, если Витька, конечно же случайно, направил на неё шланг, да ещё так прикрыл отверстие пальцем, что вода вылетает из него тугим радужным веером...

Они уже и вымокли до нитки, и, разойдясь по домам, переоделись в сухое и поели... И снова встретились у заброшенного дома. Было уже не так жарко, но ещё далеко до вечера.

– Ну, пошли на рыбалку?

– Пошли...

– Только в воду не лезьте и не допоздна. Как питерский пройдёт – собирайтесь домой, – сказала бабушка Витьке, который, как и она, помнил все проходящие мимо поезда дальнего следования...

Бежали к речке луговой тропой.

Речка спокойная и неширокая, в зарослях ивы и ольхи, но есть и чистый без кустов берег. В таком месте и подошли к воде. Витька сунулся в банку за червём... А червей не было, ни одного...

– Уползли! – аж притопнул ногой Витька.

– Убежали! – сказала Настя, но на этот раз не засмеялась.

Конечно, через неплотно закрытую крышку они и выползли ещё там, под крыльцом.

Витька попытался найти хоть какого-нибудь червячонка прямо тут, на берегу. Сдвинул корягу у берега, приподнял камень... Червей не было... И будто, чтобы посмеяться над ними, вдруг выпрыгнула и громко плюхнулась обратно в воду какая-то рыба.

Прогрохотал за их спинами, за лугом и домами, поезд, и стало тихо-тихо и только слышно, как куют где-то в траве непрерывно кузнечики.

– Говорят, на кузнечика можно ловить, – вспомнил Витька.

– Нет, не надо на кузнечика, – ответила Настя. Пойдём, вон там поищем, махнула рукой и первая пошла по тропе в сторону недалёкого островка леса...

Они не сразу поняли где оказались. Оба бывали тут: Настя с прадедушкой, а Витька с бабушкой, но с другой стороны, от станции...

Это было старое и не страшное кладбище. Тропка вела прямо через него между высоких деревьев (были тут в основном сосны) и кустов. И вся тропа, и пространство между стволов было просвечено косыми столбами света, и пахло хвоей и травами... Вот у самой тропы могилка, к которой приходил дедушка, и Настя бывала с ним, и скромный надмогильный памятник с надписью, и скамеечка... Прадед сидит здесь, курит, поднимается, каждый раз говорит: «Не встала, ничего не сказала». И в этих словах тоже нет ничего страшного, просто подтверждение факта... А вот там, чуть дальше, могилы, к которым ходит Витькина бабушка...

– А там, наверное, гнездо, – указала Настя в сторону куста, из которого вылетела какая-то серая птичка. – Посмотрим?

И они сошли с тропы, между двумя едва заметными уж холмиками подошли к кустику раздвинули ветки.

Четыре желторотых птенца отчаянно пищали в гнезде, широко и раскрывая клювы... Настя и Витька глядели на них и не сразу увидели двух птичек, тревожно летавших над кустом... Витька первым увидел:

– Пошли, родители волнуются...

– Какие родители? – засмеялась было Настя, но тоже увидела птиц и поспешно отшагнула от куста. Обе птички сразу нырнули к гнезду. А дети увидели вдруг за кустом небольшую деревянную пирамидку с красной фанерной звездочкой сверху и прибитым чуть ниже фанерным же крестиком, а под ним уже дощечка с надписью... И звёздочка была явно недавно покрашена красным, а вся тумбочка — синим, и надпись подновлена белым по чёрному... И трава перед холмиком и на нём выкошена и выдергана...

– Коля Смирнов, Витя Ганевский, Света Лебедева и ещё трое, – прочитал Витя.

Настя стояла молча, потом дёрнула Витьку за руку:

– Пошли.

Они выбрались на тропу и сначала быстро пошли, а потом побежали. Им казалось, что прикоснулись они к какой-то страшной тайне...

Матвей Степанович, выслушал их, покивал седой головой, рассказал... Он рассказывал и будто сам уходил в те давние времена. В тот март сорок второго.

Эшелон встал на их станции. Он видел, как Сергей Петрович Сорокин, начальник станции, о чём-то говорит, потом уже кричит, спорит с человеком в военной форме, потом берёт бумагу единственной своей рукой, кричит и машет этой рукой с бумагой:

– Матвейка, живо сюда!

И Матвей, четырнадцатилетний помощник начальника станции, подбежал...

– Быстрее, быстрее! – кричал из приоткрытого вагона высокий, в шинели перепоясанной портупеей и зимней шапке, военный, уже подтаскивая что-то к самым дверям.

Сорокин сунул бумагу под фуфайку и первым, одной рукой подхватил, то что пихали ему из вагона, чуть не выронил и с матом заорал на Матвея:

– Чего рот разинул, держи, клади на платформу.

И Матвей схватил — это была голова, Сорокин держал за ногу, казалось, что это сухая, лёгкая кукла, чуть прикрытая какой-то рваниной... И ещё пять трупиков, лёгких и страшных уложил Матвей на перрон... Краем глаза он видел нары в вагоне, красное пламя огня в железной печке, глаза...

– Так, станция Дикая, - записывал военный химическим карандашом положив клочок бумаги на планшет. – Фамилии как?.. Сорокин, Жильцов... Данные я передам. Родители их найдутся – найдут и вас... Так, бумага-то где? – Сорокин вынул из-за пазухи мятый листок. И военный вслух зачитал шесть имён и фамилий. И снова отдал Сорокину. – Давай, служивый, – хлопнул начальника станции по плечу, и дверь вагона-теплушки покатила и захлопнулась...

Всех шестерых и положили на небольшие самодельные санки. Везти было не тяжело. А вот закапывать... Сорокин помог разжечь костёр, ушёл, вернулся со станции на кладбище уже изрядно пьяный, притащил заступ и совковую лопату. И снова ушёл на станцию, а Матвей рыл. Шёл снег и прикрывал почти голые иссохшие тела... Он понял, что Сорокин не придёт больше (да и какая помощь от однорукого, контуженного, пьяного мужика), и всё делал сам.

Не глядя, с ненавистью, он скидал их в яму... Но потом остановился, спустился к ним, уложил аккуратно... Засыпал мёрзлой землёй...

Сорокин умер в апреле, а в мае, поправляя могилу, подсыпая холмик над ней, Матвей хватился искать бумагу с именами. Не нашёл. Вспомнил, как зачитывал военный список, и напрягая память всё-таки вытащил из

неё имена и фамилии троих... Думал: «Везли их всех из Ленинграда, если тот военный передал данные, может, найдутся родные, приедут... Станцию-то нашу не забудешь — Дикая...»

Но шли годы, и годы, и годы... Никто их не искал... То ли, не кому было, то ли не знали где искать...

– Вот такие дела, ребята. Хорошо, что нашли-то вы их... Я не хотел рассказывать-то пока, думал – маловата ещё Настя у меня, да и ты, – тронул ладонью Витькины волосы...

– Нам уже десять лет, дедушка...

– Мы большие уже, – сказал Витька...

– Ну-ну, – ответил серьёзно, без усмешки Матвей Степанович.

Недели через две родители увезли их со станции Дикой, каждого в свою сторону. И что там было дальше – Бог знает...

Владимир МАКАРЕНКОВ

СИНИЙ ДЕНЬ

ДОМ

На поле, по которому бежал,
сминая рожь, мой дед от мессершмитта,
а много раньше на телеге с житом,
насыпанном в мешки, как пьедестал,
по полевой просёлочной дороге
на свадьбу ехал прадед одноногий,
к груди цимбалы крепко прижимал.

А веком раньше вёл Наполеон
свои войска на взятие Смоленска,
и, может, из того вон перелеска,
ныряя сердцем в канонадный гром,
в подзорную трубу смотрел на город
и улыбался, что падёт он скоро...
На этом поле я построил дом.

В живых уж нет, кто мог бы рассказать,
какими удалыми были свадьбы,
как лихо отганцёвывали сваты,
а пышная невестина коса
у незамужних пестовала зависть,
и васильками во поле казались
у жениха с невестою глаза.

И тех уж нет, кто мог бы показать
оружие и царские медали
прапрадедов, что славно побеждали
французов; уж смолкают голоса
героев битв с фашистскою ордою,

и не отлита каждому герою
погибшему народная слеза.

А дом стоит; на плаче и крови
родной земли; а звонкие цимбалы
рвут звуками вселенские порталы,
и чувства, отпылавшие однажды,
для утоления духовной жажды
несут мирам в мелодиях любви.

И окна дома светят по ночам
в ночную мглу потусторонним светом,
как будто дом заговорён заветом,
известным тайно этим лишь местам,
чтоб землякам здесь жившим и живущим
Хватило места, словно в райских кущах,
Бродить по бесконечным этажам.

МОЛИТВА МОНОМАХА

Денёк, одетый в белую рубаху,
Под гусли солнца пел о синеве.
У памятника князю Мономаху
Я приютился нотой на скамье.

Колокола Успенского собора
Не нарушали главной темы дня.
Земля и небеса, друг другу вторя,
Благих звучаний ждали от меня.

И я запел, не вслух – душой, как птаха
В стремленье песней взмыть за облака.
Мне бронзовой улыбкой Мономаха
Вдруг улыбнулись древние века.

Вдруг в княжеских руках раскрылась книга.
Затрепетало солнце, как свеча,
Лучом коснувшись вспрянувшего лика.
И голос Мономаха зазвучал:

«Премудрости наставник и податель
Благого смысла, научи пути,
Дай нищему спасение от знати,
И в разуме мне сердце утверди.

Даруй моим устам познание слова,
Не запрещай, упав, взывать к Тебе.
Всемиловитый, дай надежду крова
Господнего мне – падшему – в мольбе.

Помилуй, Боже, за дела земные!
Суди, не осудив на ад за грех.
Поверь молитвам пресвятой Марии,
И ангелов, и мучеников всех».

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ *

На углу перекрёстка, где улицы
разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын*
в сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
а в боях закалённый огнём,
ведь военной была амуниция,
и шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи,
доверяя милиции тыл;
остывали в руинах пожарищи;
полыхали сердца у могил.

В город жители шли – деревенские,
возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
и хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
отдых короток был и не част –
намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случалось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
и грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
возражал, а бумажечку брал,
улыбался – мол, нечего хмурится,
на работе, наверно, аврал.

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришивными карманами
милицейская чудо-шинель.

Проходя «Под часами», хоть мысленно
повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной,
делом, в общем-то, очень простым.

Мир основан на людях отзывчивых,
подпоясанных строго ремнём,
в нужный час – непременно улыбчивых,
закалённых жестоким огнём.

И об этом, как важном предании
для потомков – не только для нас –
вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

*29 сентября 2023 г. в Смоленске на ул. Ленина под старинными городскими часами открыт памятник милиционеру Викторину Курицыну, в подножии которого отлиты строки первой строфы баллады, написанной в 2016 г.

СМЯДЫНЬ

- I -

В густом тумане над Днепром
всплывает древнее преданье:
меж двух колод в лесу глухом
из-под земли идёт сиянье.

Перекрестись, осилив страх,
на чудо, явленное с неба;
здесь закопали второпях,
надеясь скрыть убийство, Глеба.

Здесь в голубом сиянье ввысь
растёт воздушный Вышегород,
где Глеба в вечность ждёт Борис,
который раньше был заколот.

А в ясный день придёшь сюда, –
не сыщешь устья и причала;
река Смядынь, как со стыда,
от глаз под землю убежала.

Лишь камень да церковный свет,
заливший святостью округу;
плывёт ладья; в ней принял Глеб
братоубийственную муку.

- II -

Там, между Чехией и Польшей,
где черти смотрят на Восток,
под масками скрывая рожи,
зарыт бесславно Святополк.

Истлели кости, с яркой злобой
не успокоившийся дух
братоубийцы над Европой
кричит, как ядерный петух.

Сулит богатства и свободы
«здесь и сейчас» любой стране,
и призывает все народы
к братоубийственной войне.

* * *

В пешеходном переходе
На «Колхозке»* день-деньской
Гармонист на трезвой ноте
Просит милости людской.

Вновь к сюжету ностальгии
Обращается перо.
Плачет музыка в России
В переходах и метро.

По какой стерне забытой
Грусть проводит лемеха?
Музыкант незначительный
На гармошке рвёт меха.

Городок провинциальный.
Пятьдесят таких в Москве.
А подобной наковальни
Не отыщется тоске.

Видно, где-то в Поднебесье
Над Россией кузня есть,
Где куются эти песни –
Вековой печали весть.

Дождевые песни леса –
Русской праведной души –
Не ржавеют, как железо,
Не теряются в глуши.

* «Колхозка» – Колхозная площадь в Смоленске, где расположен самый крупный рынок города, исторические корни которого уходят в XVI век и глубже.

СИНИЙ ДЕНЬ

У Мономаха вновь приветил
меня большой Соборный двор.
Прохладно, ветрено, но светел
день, позолотой куполов

играет солнышко, туристов
ведёт в собор экскурсовод,
и на душе так чисто-чисто,
как будто ясный небосвод

окутал сердце синевою;
так пеленает мать дитя,
так путник бархатной листвою
в тени оазиса объят.

Ходил бы так кругами вечность,
глядел на небо и собор,
на богомольцев, с каждым встречным
вступая в мирный разговор,

о том, что вот, какой сегодня
на удивленье синий день,
как будто Господом приподнят
край горизонта. Так блажен

сегодня я, так тайна зрима,
благих эмоций через край
в мечтах земного пилигрима:
за горизонтом – Божий Рай.

НАШ СМОЛЕНСК

От восторга замри и воскресни,
взвейся с вьюгой на снежных санях.
Древний город парит в поднебесье,
воплощая мечты на холмах.

Слышишь, колокол в облачной выси
бьётся на колокольне времён?
Это пульс нескончаемой жизни
древнерусских днепровских племён.

Мы не пришлые, мы не варяги,
Мы древляне, мы кривичи, мы
те, кто выжил и вышел из саги
о величье Смоленской стены.

Видишь, стелется звёздная скатерть,
окормляя всех светом живым?
На Соборной горе Божья Матерь
охраняет нас ликом святым.

Русский дух от несчастий не вымер,
новый век, значит – новый расцвет.
Мономах и креститель Владимир
С нами вместе уж тысячу лет.

Наш Смоленск, о тебе наши песни,
за тебя наша радость в сердцах,
вещей птицей паришь в поднебесье,
воплощая мечты на холмах.

Александр КРАМЕР

ТАРАКАН

За окном стояла крошечная зимняя тьма и куражилась вьюга. А в маленькой, жарко натопленной комнатке, где за столом, при двух неярких свечах, сидели тесным кружком старые одинокие люди, царили уют и покой. Сидели молча, только изредка переглядывались, поглядывая на новичка — худого лысеющего мужчину с седой эспаньолкой. А тот отрешенно глядел за спины сидевших в черный проем окна, и если изредка и взглядывал на окружающих, то как-то так вскользь, никого на самом деле не видя, не замечая. Только тогда, когда уже громко и многозначительно покашливать начали, новенький перестал, наконец, глядеть в темноту и какое-то время, пытаюсь сосредоточиться, внимательно всматривался в лица сидящих, в лица тех, с кем ему, вероятно, предстояло прожить в этом доме множество, множество дней. Он ведь в жизни не думал, что может здесь оказаться, что когда-нибудь станет вдруг одним из этих брошенных всеми, забытых всеми людей... Да кто ж, когда и зачем о таком думать способен(?)

Наконец, будто вынырнув из какой-то невероятной бездны, старик несильно помотал головой, медленно, крепко потер лицо большими ладонями... и только тогда заговорил — негромко, спокойно, отстраненно несколько, так, будто и не было в комнате никого, будто это он сам с собой разговаривал:

- Мне сказали, что здесь как бы обычай есть: каждый новоприбывший должен немного о себе рассказать, о том, что его в конце концов в это виталище привело, чтобы лишних вопросов потом не задавали. Ну что ж, обычай — значит обычай, не мне нарушать.

Меня Александром Павловичем зовут. Раньше я жил далеко отсюда, в огромном провинциальном городе. Величина и провинциальность ведь не исключают друг друга. Да, так родственников у меня давно уже нет никаких, поэтому, когда на пенсию вышел и жизнь мегаполиса — шумная, суетливая — раздражать, угнетать стала, решил перебраться в провинцию поменьше и поспокойнее: купил несколько лет назад на окраине вашего тихого городка крошечный домик с садом и переселился; а последнее

время сдавать начал быстро, прибаливать часто, да и одиночество отчего-то крепко стало давить... Вот и попросился сюда.

Но только это все внешняя, несущественная сторона, потому что на самом-то деле дорога в приют началась пятьдесят два года назад, вот в такой же снежный и ветреный день.

Ну да, не улыбайтесь. Вроде как до седых волос и болезней еще было далековато, но только кто ж знает, из какого события-встречи что вытечет...

Совершенно точно этот день и час помню, потому что я здесь оказался... из-за таракана. Да-да, из-за обыкновенного черного, мерзопакостного таракана. Полвека прошло, а мне и до сих пор непонятно и странно, как один какой-то пустяк, ерунда дикая может полностью изменить, сломать, растоптать твою жизнь. И бесповоротно...

1

Я за три зимы до события этого влюбился ужасно. Первый и последний раз в жизни просто голову потерял; даже и не объяснить толком, что со мной происходило. С ума, наверно, сошел.

Мы познакомились перед самыми новогодними праздниками, после студенческой вечеринки. Я её почти сразу заметил, и не потому, что она была какой-то необычайно красивой и броской — наверное, ослепительной красавицей назвать ее было нельзя, — но хоровод мужской она ловко крутить умела, подавала всегда себя так — устоять невозможно. Вот и в тот вечер такое удивительное кружение вокруг неё происходило. Только на самом этом вечере я к ней подойти не решился. Даже потанцевать ни разу не пригласил, постеснялся, хоть до этого никакой такой особенной робости по отношению к девушкам за собою не замечал — знакомился запросто.

Ну, так вроде бы и не должно было случиться это знакомство, потому что она на совершенно другом факультете училась. Вроде бы не должно... Но только мы после вечера странным образом рядом в автобусе оказались, локоть к локтю (я еще тогда удивился сильно, что она без провожатого домой едет), ну и разговорились, вернее, она меня тогда в разговор втянула.

— Я видела, вы на меня весь вечер смотрели... Меня Милой зовут или Милочкой, если хотите...

Говорила она тихо, почти шепотом, но дерзкая колкость и сквозь шепот явственно пробивалась, вполне явственно, а насмешливый взгляд очень красивых золотистых глаз интонацию эту только усиливал. Я от такой открытой бесцеремонности растерялся даже — не то чтобы слишком, но вполне достаточно, чтобы Милочка смущение мое разглядеть

смогла. А она, увидав, что стрела точно в цель угодила, стала дальше насмешничать:

– Я в Песчаном переулке живу, в общежитии. Если у вас есть немного времени, вы могли бы меня проводить, а то там темно и страшно. Вы, наверное, темноты не боитесь? Я ведь на вас рассчитывала: видите, одна еду. Ваши сказали, что нам по дороге. Правда?

Еще спрашивала, провожаю ли девушек, если уже очень поздно; когда из автобуса вышли, стала заботливо узнавать тепло ли одет, не замерзну ли по дороге, потому что идти далеко; перед самым подъездом вежливо поинтересовалась хорошо ли запомнил дорогу, а то вдруг заблужусь в незнакомом месте... И уже возле самой двери всего на секунду остановилась, подставила было щеку для поцелуя, но тут же отпрянула, приснула:

– Загляни как-нибудь, – и хлопнула дверью.

Так у меня с Милочкой Глазенапой знакомство и завязалось. Только имя ее ей совершенно не подходило, никакая милочка в ней даже и не ночевала. Во всем проглядывали эгоизм, гордыня, жестокость, холодная трезвость... Женщины, как мне кажется, вообще прагматичней мужчин, а уж Милочка — любой могла бы дать фору. Впрочем, гибкий ум, изящество, чудесная женственность, обольстительность, чувственность, страстность... все скверные качества сглаживали, усыпляли, притупляли мужскую бдительность: скорпион в меду. Нет, неправильно. Правильно – мед в скорпионе. И меда этого ой как сладко, и ой как не просто было отведать.

А вот фамилия Глазенапа шла ей необычайно, потому что глаза у нее были восхитительные: немного выпуклые, огромные, золотые, а ресницы — темные, длинные, будто две ночных бабочки. Изумительные были глаза! Из-за них для меня чудесная эта фамилия навсегда превратилась в имя, и я иначе, как Глазенапой, ее и не называл никогда. Даже когда мы ссорились. Даже потом, когда уже насовсем расстались, мысленно называл ее только так. Она и сегодня, через полвека, остается для меня — Глазенапой. Жива ли — не знаю.

2

Я домосед и книжник, мало где был, мало что видел, да и «охоты к перемене мест» никогда особенно не было, оттого, наверное, и в людях всегда разбирался неважно, особенно в женщинах. А она мне в тот вечер так в душу запала, что и разбираться ни в чем не стал бы, даже если б умел...

Я, конечно, на следующий же день не пришел, прилетел, примчался, принесся... еле дожил до вечера. Мы долго гуляли, говорили про все на свете — знакомились. Глазенапа, невозможно представить, за этот короткий срок изменилась до неузнаваемости: вела себя тихо, серьезно,

даже ласково, ни единой насмешки или колкости — узнать невозможно. К сожалению, после, через совсем короткое время, немного совсем часов таких выпало – мирных, добрых... А я привязывался, прикипал к ней все больше и больше. Если вдруг что-то мешало прийти, места не находил, дожидаться не мог, когда можно будет увидеть, в глаза чудесные заглянуть. И все время мне почему-то казались отношения наши слегка нереальными: вроде, как и на самом деле, а вроде как сон – и не очнуться, никак.

3

Так тихо и мирно, как я уже и сказал, продолжалось совсем недолго. Стоило Глазенапе в один прекрасный момент посчитать, что рыбка с крючка не сорвется, как она стала аккуратно менять отношения. Потихоньку образовала, между нами, небольшой коридорчик-дистанцию; и то пекло в коридорчике этом стояло — невыносимое, то гулял ледяной безжалостный ветер, все вымораживая, то тишь и благодать царили, давая душе передышку, то, все живое уничтожая, ураган безумный ревел. И держала она дистанцию эту необычайно умело — не мягко — не жестко, так чтобы надежда на доброе будущее всегда оставалась, но и в уверенность никогда не перерастала.

Но, видимо, она что-то не так просчитала, где-то переборщила и месяца через три-четыре после знакомства отношения наши дали легкую, чуть заметную трещинку, ведь совсем немного времени миновало, не успел я еще окончательно на крючок насадиться.

Впрочем, она эту трещинку первой почувствовала, а когда трещинка стала и для меня довольно заметной, вдруг объявила, что хочет от меня отдохнуть. Нет, никаких расставаний, ни боже мой, просто экзамены скоро, дел масса... И все в том же духе. Я пару раз после этого попытался с ней встретиться, но такой отпор получил... Расстались. Может из-за того, что она внезапно и резко так все оборвала, мне муторно было — невыносимо, увидеть хотелось – ужасно... Как вдруг, в середине лета, получаю письмо: «Приезжай, если можешь», – и адрес.

Я на перекладных чуть не сутки к ней добирался – их фольклорную экспедицию в такую Тмутаракань послали... едва отыскал.

Глазенапа на шее моей повисла, все всхлипывала, всхлипывала, просила прощения, целовала, ласкала, не могла оторваться. И такой тогда на меня водопад счастья обрушился, такой ливень чудесной, удивительной нежности!.. Мы два дня выходных ни на миг не расставались. Ушли из поселка. Бродили по лесу, целовались не переставая, купались в лесных озерах, даже ночевали в чащобе лесной у костра, чтобы никому-никому на глаза не показываться — не хотел я, не мог никаких людей видеть, чтобы

они даже взглядом к нам не прикоснулись, даже малую капельку счастья отнять, украсть не смогли.

А через месяц всего Глазенапа вернулась в город — равнодушнее камня. Будто и не было ничего совершенно, будто я в какой черной измене повинен, будто... Да бог с ним. Все давно уже без остатка растворилось во времени и пространстве, развеялось по ветру.

Потом (мне девчонки нашептывали время от времени всякие глупости) Кочубей какой-то у нее появился — пропал. Еще что-то... Так мы с нею сходились и расходились все время. Сходились и расходились. Стоило только ей позвать меня понастойчивей, как я готов был забыть, простить все на свете. А потом вдруг сель ледяной с горы падал — и все и вся погребал под собой, все и вся...

Как-то осенью, когда отношения были почти что нормальными, купили мы с Глазенапой на неделю путевки в пригородный дом отдыха. Приехали рано утром. Не успели домик занять и распаковаться, как Глазенапа исчезла и появилась только в столовой, за ужином. Она вся была возбужденная необычайно, покрасневшая: «Так здорово, так интересно!.. Я потом, потом тебе все расскажу», — и снова исчезла, до ночи. Так и продолжалось: она с утра раннего убегала куда-то, и встречались мы только в столовой и в домике поздно ночью: «Ой, спать хочу страшно, завтра все, завтра, не обижайся...». А я все это время слонялся один по окрестностям, как дурак неприкаянный, понимал, что что-то еще при покупке путевок было задумано, но даже представить не мог, с кем, почему и зачем. На третий день вечером я вещи собрал и уехал. После этой выходки дикой я довольно долго Глазенапу не видел, и вроде бы даже остывать стал, на других девчонок засматриваться... Только мы совершенно случайно(?) встретились в букинистическом, разумеется, разговорились и карусель эта чертова завертелась по новой.

4

Три года длилось такое невыносимое счастье, и конец отношениям — даже и представить было нельзя. Будто цепко трясына держала, будто и вправду существует приворотное зелье и меня опоили. Никакие, ничьи доводы не помогали, не действовали... Да и не хотел я ничьих доводов слышать. За одно доброе слово, прикосновение ласковое — душу готов был продать.

Однажды, в одно из редких добрых мгновений, я сделал Глазенапе предложение. Она долго молчала, как-то нахохлилась, съёжилась вся, а потом вдруг расплакалась горько-прегорько, навзрыд просто, и убежала. Несколько дней после этого отыскать ее нигде не удавалось. Потом внезапно сама позвонила и была какое-то время, что называется, тише

воды и ниже травы, но вернуться к разговору о свадьбе больше не позволяла. Видно, не так я, не вовремя что-то сделал, не тот выбрал случай... Так и повисло тогда это в воздухе, а после и вовсе растаяло.

5

Да, так вот не спеша мы к концу почти и подобрались. Как я уже и сказал, закончилась эта история, как и началась, почти перед новым годом. Глазенапа в тот день позвонила мне рано утром и попросила заехать:

– Ну, на часик всего, ну, может, на полтора — подарки купить, ну, самое большее — на два. Мы быстро-быстро, а потом, соседка уехала, у меня посидим... Ну вот и чудесно, вот и ладушки.

Мы весь день до бесконечности по универсам, магазинам, лавочкам, лавкам, лавчонкам, базарам торговым рядам и центрам бродили, бродили, бродили... Искали подарки, наряды, бижутерию, косметику – всякие и разнообразные глупости. К вечеру от усталости, холода, голода, мокрых ног – я осатанел просто. Если б не груды пакетов, коробок, коробочек, свертков... которыми я был нагружен, – бросил бы все давно к чертовой матери. Настроение у меня при этом все время менялось: я то приходил в щенячий восторг от изящества и чудесной женственности Глазенапы, то впадал в угрюмое ожесточение от бесконечности и занудности происходящего.

К тому времени, когда все, наконец, подошло к концу мы, будто сильно друг другу поднадоевшая супружеская чета, бранились не переставая, в голос, пугая и возмущая прохожих, но больше ни на кого не обращая внимания, и когда наконец, уже в сумерках, сели в трамвай, чтобы ехать домой, я был уже просто на грани, накален до абсолютного бешенства... А тут еще чертов трамвай набитый битком! Меня с моей дикой гирляндой (держаться мне было, разумеется, нечем) пинали, крутили, дергали... Наконец, на мое несказанное счастье, прямо перед Глазенапой какая-то бабка вдруг поднялась и стала к выходу продираться. Глазенапа тут же плюхнулась на свободное место, я немедленно ей на колени свалил все покупки и встал позади за ее креслом, чтоб она не могла меня видеть, а она в темноту за окном уставилась, и мы оба демонстративно молчали.

На ней в тот день было светло-серое кашемировое пальто с большим песцовым воротником и песцовая шапка-башня — все очень красивое, светлое, серебристое, прямо искрящееся.

А момент, когда все началось, я пропустил. И откуда он взялся — зимой, в трамвае, в лютый мороз – просто непредставимо. Может, из сумки чьей-нибудь выполз. Скорее всего. Только я таракана увидел, когда он уже

выше локтя Глазенапиного забрался. Таракан был огромный, откормленный, отвратительно-черный, и взбирался он не спеша, останавливаясь, оглядываясь, наслаждаясь, видимо, замечательным приключением, пока не добрался до воротника и не уселся на серебре песцовом, над левым плечом, преспокойно и важно шевеля отвратительными усами и лапами перебирая. Мне б стряхнуть его, сбить, а на меня будто ступор нашел, будто парализовало и такое вдруг отвращение, омерзение внутри поднялось, почему-то на Глазенапу перенесенное — и передать не могу... Так аж до тех пор продолжалось, пока майор-артиллерист молча не сбросил его щелчком на пол. А я в ту же минуту протиснулся к задней двери, вышел... И все.

6

Больше я никогда Глазенапу не видел.

Поначалу так и не смог себя перебороть. Во мне, точно шип, таракан проклятый торчал. Будто он у нее изнутри откуда-то вылез. Она даже звонила как-то, да я трубку бросил. Отвращение — непереносимое, непреодолимое просто — тогда во мне поселилось.

Потом я из города, где жил и учился, уехал надолго. А когда назад через много лет возвратился, так мне ужасно снова увидеть ее захотелось!.. Даже таракан этот мерзкий как-то забылся. Да она к тому времени тоже уехала, и найти хоть кого-нибудь, кто бы знал о ней что-то, сколько я по старым знакомым своим не метался, — так и не удалось.

Со временем скверное выцвело, притупилось, только искры счастья в душе остались, и чем дальше, тем ярче они становились, пока память не превратила все в ослепительный, незабываемый фейерверк...

Нет, были после, через время, какие-то встречи, какие-то женщины... Иногда даже далеко довольно отношения заходили. А потом я вдруг, посреди отношений этих, вспоминал Глазенапу... На этом всё и заканчивалось, потому что все пресными по сравнению с нею казались, абсолютно безвкусными, как трава.

Вся остальная жизнь тоже не очень удачно сложилась. В ней будто во всем провал без Глазенапы образовался, ледяной, бездонный, ничем и никем не заполняемый провал. Все в судьбе поперек пошло, и вот, наконец, здесь, среди совершенно чужих мне людей, завершится!

Мне кажется, что постепенно могло бы у нас все наладиться, образоваться и, вероятно, теперь не здесь бы, не так заканчивалось... Дался же мне тогда... этот трижды проклятый таракан.

Ольга БОРИСОВА

ДЕВЯНОСТЫЕ

Вечерами, Ада Семёновна любила сидя в стареньком кресле посмотреть телевизор, помечтать, утонуть в воспоминаниях. Но в последнее время ящик всё менее радовал, а насилие, пошлость, реклама и обещания кандидатов в чиновники с экрана, просто раздражали её. Теперь она всё чаще забывала про телевизор и стала задумываться о жизни, а в памяти невольно зашевелились позабытые картины ушедших лет.

Она хорошо помнила пустые полки магазинов в девяносто первом и страх перед грядущим. Тогда ей, матери двоих детей, жене офицера и в голову не приходило, что может произойти в дальнейшем со страной, с её семьёй. Ада Семёновна наблюдала как жизнь, словно мясорубка, перемалывала людей, разделяла их на сильных и слабых.

В эту пору жила она на грани выживаемости, в небольшом военном городке на юге страны. Ада находилась в декретном отпуске с младшим сынишкой. Ему только что исполнилось два годика. Старший сын ходил во второй класс. Перед глазами Ады Семёновны, словно в немом кино, крутились картинки её жизни: пустой холодильник, вследствие отсутствия нескольких зарплат, голодные глаза детей, доедавшие последние четыре картошки, грустный взгляд мужа, прилетевшего с очередной командировки и икона на стене. Перед ней Ада молилась, вернее, рассказывала, что завтра утром ей нечем накормить детей и что ей, врачу, придётся идти на паперть и просить подаяния, потому что все в их городке бедствуют. Также она рассказала об отчаявшемся молодом лётчике, жившем в соседнем доме, покончившим с жизнью из-за того, что у жены от голода исчезло молоко, и кормить новорождённого ребенка стало не чем. Ада стояла перед иконой, заливаясь слезами, всё говорила и говорила. Спать легла далеко за полночь.

Ада Семёновна, встала с кресла и подошла к окну. Отодвинула тюль и посмотрела куда-то вдаль. «М-да... Еле выжили», – вздохнув, снова погрузилась в воспоминания. Но то, что случилось на следующий день, можно назвать только чудом. «Сама Заступница наша, Матерь Божия помогла», – улыбнувшись, посмотрела на небо. В семь часов утра раздался телефонный звонок. Звонил бывший сослуживец мужа. Он съездил на

ночную рыбалку, поймал много рыбы и решил поделиться. «Как тогда я обрадовалась, – подумала Ада Семёновна. – Есть чем деток накормить!» Почистив сазана, поставила его варить. Но сюрпризы на этом не закончились. Раздался очередной звонок. Звонила подруга. Ей прислали посылку из деревни, и она, разделив продукты поровну, просила срочно прийти. Потом зашла соседка и принесла ведро картошки, невесть откуда взявшейся. Телефон дребезжал весь день. Ближе к ночи, холодильник уже не зиял пустыми полками. На них лежали: масло, сыр, сосиски, стояла в баночке сметана, и красовался в целлофановом пакете бородинский хлеб. Его привёз муж подруги, вернувшись из столицы. Отцу генералу дали часть задолженности по зарплате. Это весточка вселила надежду, что скоро в гарнизон тоже придут деньги...

Ада Семёновна отошла от окна и направилась на кухню. Поставила чайник на плиту, села на табурет и с благодарностью посмотрела на икону, висящую над столом. И снова нахлынули воспоминания...

Первая и вторая чеченские войны. Гарнизон тогда находился на военном положении. Она вспомнила, как ночами жители городка по очереди охраняли подъезды, а в это время их мужья, в полном вооружении сидели в окопах в холодной осенней, продуваемой всеми ветрами, степи. Она хорошо помнит эти ночи, когда с маленькой собачкой Линдой, выходила на пост...

Закипел чайник. Налив в любимую голубую кружку, подаренную Аминой, горячий напиток, снова задумалась. Амина... Красавица Амина, где ты? После её отъезда, они ещё долго перезванивались, но в последние годы от неё нет никаких вестей.

Амина попала к ним в госпиталь в девяносто девятом. Тяжёлое ранение в грудь. С большим трудом девушку удалось спасти. Её семью расстреляли боевики, она чудом осталась жива. Кто-то донёс бандитам, что Закаевы у себя дома прячут троих раненых русских солдат. Девушка первой увидела приближающихся к их дому вооружённых людей и успела спрятать парней. Боевики ворвались в дом и потребовали отдать им неверных. Отец, по чеченским традициям, предложил им сесть за стол, но бандиты и слушать не хотели старика.

– Не отдашь, заберём с собой дочь, – заявил один из них.

– Аш бехк ма билла. Къинт1ерадовла¹ – у нас нет и не было никаких русских.

Но не успел он закончить, как раздался первый выстрел. Старик медленно стал оседать на пол. Амина подскочила к отцу. Он из последних

---

¹ Аш бехк ма билла. Къинт1ерадовла, - Извините (к двум или нескольким людям)

сил закрыл собой дочь, и это спасло её от неминуемой гибели. Следующим выстрелом они убили мать. Но тут, как по команде, с перекошенными от злости лицами, они стали падать на пол. Всех пятерых уложили те, которых семья Закаевых спасла от смерти. Последним свалился бородач, застреливший отца. Амина ринулась к ребятам, но в это время недобитый бандит успел выстрелить ей в грудь.

После выписки девушку Ада Семёновна забрала к себе. «Она стала мне дочерью. Как ты, моя девочка?» – опечаленно вздохнула. Как не уговаривала её, после завершения войны она засобиравалась домой. «Не могу остаться. Там земля моих предков и в ней лежат мои родители. Я должна быть там», – обняв Аду Семёновну, сказала на прощание Амина и уехала. Через год она вышла замуж за местного учителя Алана Омаева. Вскоре у них родились две дочки...

Вдруг раздался легкий стук в окно. «Странно, – удивилась Ада Семёновна, – седьмой этаж. Почудилось что ли?» Она осторожно подошла и в темноте на подоконнике разглядела белого голубя. Тот, увидев отражение в стекле, вспорхнул и улетел. «Это весточка! Внезапная радость наполнила сердце женщины. Она подошла к зеркальному шкафу и поправила прическу. В отражении увидела себя: ещё не старую, но уже с рифлёными носогубными складками у рта, выдающими её возраст. Ухмыльнувшись и скорчив гримасу, Ада отправилась в спальню, разбирать постель. Но переступив порог комнаты, услышала назойливый звонок. Открыв дверь, увидела Стёпку:

– Бабуль, ещё не спишь? А я не один.

За его спиной, потупив взгляд, стояла девушка.

– Познакомься. Это Мила Омаева, моя невеста.

Из-за спины внука вышла юная красавица, как две капли воды, похожая на Амину.

МЕДВЯНЫЙ ЗВОН

О I ВСЕРОССИЙСКОМ ОТКРЫТОМ МОЛОДЁЖНОМ КОНКУРСЕ ИМ. В. М. ШАПОВАЛОВА «МЕДВЯНЫЙ ЗВОН»

В России существует немало литературных премий и конкурсов, названных в честь писателей. И за каждым великим и знаменитым именем стоит его малая родина, где родился, жил и творил, которую воспевал и прославлял в своих стихах и прозе.

Село Константиново под Рязанью по праву гордится тем, что дало миру и русской поэзии Сергея Есенина. По сложившейся традиции каждой осенью сюда съезжаются поэты и проходят награждения лучших.

В городе Полевской Свердловской области, где происходило действие почти всех уральских сказов Павла Бажова, уже четверть века вручается Общественная литературная премия имени писателя.

Белгородская земля не так щедра на литературные таланты, как, скажем Орловщина, ставшая родиной многих наших классиков и которой присвоен статус литературной столицы России. Но в историю Белгородского региона вписаны имена, известные читающему миру: Николай Страхов, Василий Ерошенко, Адриан Топоров, Арнольд Гессен и многие другие.

Одной из знаковых фигур в истории белгородской литературы двадцатого века является писатель-фронтовик, член Союза писателей СССР, почётный гражданин Белгородской области, Владислав Мефодьевич Шаповалов. Его творческий и жизненный путь вызывает глубокое уважение и яркий пример для формирования активной жизненной позиции гражданина-патриота.

В 17 лет он добровольцем ушел на фронт, был ранен, награжден орденами и медалями, прошел боевой путь от рядового до офицера. После войны около 30 лет посвятил педагогической работе. С 1982 года жил и работал в Белгороде.

В 1991 году В.М. Шаповалов одним из первых в России основал частное издательство – «Издательский дом В. Шаповалова», которое выпустило более 100 книг белгородских авторов. Владислав Мефодьевич

был главным редактором общественно-политического и литературно-художественного журнала «Звонница».

За свою жизнь написал более 40 книг, которые были переведены на многие языки мира и неоднократно представлялись на международных выставках-ярмарках.

В. М. Шаповалов лауреат многих журнальных и литературных премий, награждён знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре» и медалью «За заслуги перед Землей Белгородской» I степени.

Воссоздавая в художественной форме эпоху, рассказывая свою правду о войне и мире, писатель поднялся до подлинных высот гуманизма – ответственности человека за мир в библейском его понимании: заботе о земле, природе, милости к «братьям нашим меньшим».

В преддверии юбилея нашего славного земляка БРООЛТ «Мир писателя» и редакция литературного журнала «Дрон» учредили и провели Первый Всероссийский конкурс, имени белгородского писателя, названный в честь его одноименной поэмы в прозе «Медвяный звон», которая в 1982 году на Всероссийском конкурсе была признана лучшим художественным произведением для детей и юношества. Она была выставлена во Дворце Наций ООН в Женеве.

В нынешнем году это масштабное литературное событие мы решили посвятить молодёжи, образованием и воспитанием которой В. М. Шаповалов занимался всю свою жизнь и на педагогической работе, и за писательским столом. Это есть первостепенная задача каждого времени и тех, кто печётся и действительно участвует в формировании будущего нашего Отечества.

Цели и задачи нашего конкурса выполнены полностью. Мы можем отметить отчётливо выраженное повышение читательской и творческой активности среди населения. Конкурс обеспечил активное вовлечение молодых русскоязычных писателей в современный литературный процесс.

Чтобы наше утверждение было воспринято более зримо, приведём общую статистику эффективности нашего проекта.

В конкурсе приняли участие 453 автора в возрасте от 14 до 35 лет, пишущих на русском языке, проживающих, как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

86% заявок поступили из Российской Федерации.

64% заявок подано в номинации «Поэзия» и 36% в номинации «Проза».

Гендерное соотношение авторов прекрасного и сильного пола составило 59% к 41%.

От работающей молодёжи пришло 72% заявок и 28% от учащейся.

Из произведений, прошедших предварительный отбор, составлены «длинный список» (лонг-лист) из 24 авторов, «короткий список» (шорт-лист) из 12 лучших авторов и определены шесть победителей конкурса, по три лауреата в каждой номинации.

В целях развития и поддержки литературного творчества в среде молодёжи и продвижения лучших литературных произведений организованы публикации победителей на страницах нашего журнала.

Некоторые произведения из короткого и длинного списков вошли в редакционный портфель для будущих номеров «Дрона».

Мы благодарим нашу творческую команду за интенсивную и кропотливую работу, объективность и профессионализм.

Все, без исключения участники конкурса, люди творческие, инициативные, смелые. Вы получили самых лучших и вдумчивых читателей в лице жюри и читателей журнала. Эта уникальная возможность укрепить свое имя на литературной арене.

Если вы не вошли в число победителей и не попали в лонг- и шорт-листы, не сдавайтесь, не опускайте руки, стремитесь к самосовершенствованию. Осуществляйте свои мечты. Участие в конкурсах прекрасный инфоповод рассказать о себе, мотивация для дальнейшей работы, стимул создавать новые ценности, обладающие общественным значением. Как сказал Оноре де Бальзак «Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно. Идти».

Впереди новый юбилейный, расширенный конкурс им. В. М. Шаповалова, который, мы надеемся, станет постоянным, новые открытия и новая высота, которую нам задаёт литературное наследие выдающегося белгородского писателя-фронтовика, его мудрое и верное слово, проникнутое любовью к Родине.

Оргкомитет

Екатерина ГОДВЕР

НЕОПАЛИМАЯ РОССИЯ

***

Войну легко не замечать,
Когда живёшь вдали от фронта.
Старик Мазай спасет зайчат
За счёт какого-нибудь фонда,

Где пять копеек есть твои:
А больше нет – и не просили.
Живи в тепле, гоняй чай.
Неопалимая Россия

Не терпит мелкой суеты,
Но любит оды и акафист.
И где ты был, и с кем был ты -
Есть, кому спрашивать, покамест,

А значит можно не спеша
Брести во тьме микрорайона,
Где птичья теплится душа
В синицах, галках и воронах,

Где штырь фонарного столба
Отбросил тень, газон не раня,
И недостроя короба,
И огонек на башне крана -

Случайным сходством в полумгле
Смущают разум на минуту:
Но мир объявлен на Земле
По третьеримскому статуту.

«Здесь вам не тут», вороний грай,
Шумит проспект, гуляет фронда...
Ведёт буханку дед Мазай
Среди невидимого фронта.

***

У мира час до полночи
И пуговицы в ряд.
В лесу родилась ёлочка.
Ее скосил снаряд.

Дурная аллегория,
Задумка не сложна.
Закончиться история
На этом не должна.

Но мне добавить нечего:
Щепа летит к щепе...
Сидят в траве кузнечики
У ржавой БМП.

А мир звенит бокалами,
Подарков дети ждут....
Господь гирляндой алою
Накладывает жгут.

***

Хороша нарядная столица,
Примеряет модные приبلуды.
Но все чаще, вглядываясь в лица,
Думаю: «Туда?» Или: «Оттуда?»

Общество живёт, не чуя тряски,
Только изнутри, бывает, гложет.
Вот в метро мужчина на коляске.
Может быть, авария. А может?..

Ветеран он или работяга?
От раздумий тошно и неловко:
Мы с ним без шевронов и без флага
Едем до конечной остановки.

Взгляд не отвожу, слегка киваю.
Он молчит, судьбою вдавлен в кресло.
А Москва, неспящая, живая,
Мирная Москва вокруг исчезла:

Русский лес горит, остатки хутора,
Добела расцветшие «Акации»...
Только Левитан из репродуктора
Гласом трубным объявляет станции.

***

На лёд, присыпанный снежком,
Ступает голубь сизый.
Топорщит хвост, идёт пешком
По скользкому карнизу,

Глядит в окно на жёлтый свет,
На ходики с кукушкой,
На облетевший сухоцвет
И хлебную горбушку.

Пора ему сорваться вниз,
В метель, расправив крылья;
А он ступает на карниз,
Где в снежно-звездной пыли -

Цепочка маленьких следов,
От края и до края.
И лампы желтый ободок
Горит, но не сгорает.

Антон ЗАДОРЖНЫЙ

КРИК

1

История человечества — это пляска смерти под мелодию крика. Это не просто звуковая картина нашего опыта, но предельное его воплощение: от озорного возгласа на детской площадке до визга сумасшедшего.

Моя дочь кричала, когда появилась на свет. Кричал и я, стоя под окнами роддома, — звал жену, а затем от радости — когда увидел любимую в распахнутом окошке. Радость тут же сменилась тревогой — вдруг ей взбредёт потрясти новорожденной, усевшись на подоконник? Дело сделано, чего же мне стесняться. Я мужик или где? Забегу в палату, и пусть меня попробуют остановить.

Понимаю, мысль странная, но она застряла у меня в голове гвоздем, который удалось вырвать, как только я увидел удивительное розоватое существо, завернутое в полотенчику и мирно посапывающее, — в целостности и сохранности. Чудо мое, как же приятно ты пахнешь!

Ненормальность вызывает шок и болезненный трепет у ее свидетеля. Помню, как меня впечатлила картина, которую мне пришлось наблюдать давным-давно. Пообедав после школы (суп из бульонного кубика и картошки), мы с другом собрались в видеопрокат. Выскочили в подъезд, а на лестничной площадке застали Володю, местного дурачка. Володя кружился волчком на грязном прямоугольнике лестничной клетки, как потом никогда не кружился даже Плющенко, а из его рта мычанием лезло одно и то же слово: «Мама!»

В общем, сбежали от него вдоль перил, как два испуганных краба. Кричали, шепотом перебивая один другого: «Тише ты!»

Нужной видеокассеты не оказалось (хотели посмотреть «Марс атакует»), и мы, честно говоря, боялись вернуться домой. Были уверены, что он по-прежнему пляшет, повторяя четыре буквы по кругу, словно заклинание.

Занятия Володи были просты, а положение незавидно: со сверстниками он не играл, только и делал, что бегал по двору, размахивая пустым тряпичным пакетом. Отнимешь у него недоавоську, он замолчит,

покраснеет и расплчется. Увидев его слезы, я впервые почувствовал стыд и понял, почему обижать слабых нехорошо. Когда Володя пропал, мы поняли: его забрали в интернат. Наверное, так поступают родители, когда им хочется орать что есть сил, а сил не остается.

Мы кричим от радости и кричим от горя. Кричит яркое платье. Кричит любимая на пике сладострастия. Кричит все внутри нее, когда ее разлюбили. Так ли молчалива немая сцена? Тишина на кладбище не менее обманчива. Привет Эдварду Мунку.

2

Конец июня в Великом Новгороде. Сливки белых ночей превратились в густое пюре сумерек. Кремлевский парк. Темно, тепло и уютно. Летний простор, ты дышишь полной грудью. Хочется жить.

Свист железа. Велосипедист залетел под колеса автобуса неподалеку от остановки «Ул. Розважа». Пассажиры вышли из салона. Помимо остальных сотрудников и зевак, прибыли пожарные. Тушите свет — человек умер. На прощание его смерть засветилась в соцсети: на ночь глядя в сообществе «ЧП 53 Великий Новгород» появился пост с роликом об аварии и море комментариев под ним. Обстоятельства выясняются.

Любая жизнь хрупка. Мы ценим чаемое благополучие и рассчитываем обрести уверенность в завтрашнем дне, но, когда все в порядке, чья-то беда становится чернильным пятнышком на белой блузке — жаль, что придется перестирывать.

Назавтра мы с дочей возвращаемся с прогулки в Деревянницком парке (перспективный кусок леса на окраине — уже готовы велодорожки и качели). Встретили там мертвую стрекозу, ели баранки, играли в догонялки. Спустились к реке. Прошли мимо кладбища, на котором похоронен малыш, не проживший и полугодя. Наконец, спрятавшись под козырьком старенькой остановки, палочкой поиграли в крестики-нолики.

Сейчас забравший нас автобус битком, но я нашел, куда приземлить ребенка. Пусть котенька спит, я буду рядом. На улице жара. В салоне еще жарче. Люди зевают, обмахиваются газетами, смотрят по сторонам, строят планы. Одни из многих.

Мы двигаемся в общем потоке по мосту Александра Невского. Волхов блестит, искрясь под лучами новгородского солнышка. Проезжаем мимо места трагедии, и я понимаю: человека нет, но это никому не интересно — чья-то жизнь просвистела постом в соцсети, зато наша продолжается. Кремлевский парк хорош в любое время. Вижу, что сегодня велосипедисты живы-здоровы. Едем дальше.

«Курить вредно, пить противно, а умирать здоровым — жалко». По

статистике ВОЗ, врачебные ошибки — третья самая распространенная причина смерти, после заболеваний сердца и рака. До трех миллионов операций в год заканчиваются смертью пациентов. И что теперь, не лечиться?

В ленте новостей попала публикация про какие-то обстрелы, взрывы домов в Белгороде. Жители, погребенные под обломками, — кому слышны их стоны? Кричи не кричи, у меня все хорошо.

Не думайте, что я свинья, ладно? Я не чувствую, что должен нервничать о тех, кто от меня далеко. Не нравится — уезжай, так? Жена и дочка — вот мой символический капитал. В близких я реально готов вкладываться, а чужие проблемы отправляю к лешему. Лучше закажу суши и устрою праздник живота, кликнув на рекламу в паблике. Вкусно и тошно.

Дочка просыпается, потирает глазки. Сделав заказ онлайн, я прячу девайс в карман — банальная рифма жизни. Вижу, как вспотела лапонька. Протягиваю ей воду.

Сделав несколько глотков, она встает со своего места, аккуратно протискивается мимо старушки, сидевшей рядом, прижимается ко мне.

— Тепленький такой...

Глажу ее по головке, подбадривая:

— Скоро приедем, маленькая, уже выходим.

— Наконец-то, — говорит моя девочка, возвращая полупустую бутылку.

Глядя на нас, старушка улыбается, и морщинки на ее лице (нет, не разглаживаются) напоминают узоры льда на оконном стекле.

— Скорей бы зима, пап. Можно будет играть в снежки, кормить уточек у моста в Григорово.

— Кататься на ватрушке. — Я продолжаю список дочери, и мы выпрыгиваем на остановку в открытые двери.

До прихода курьера нужно успеть искупать свою девочку. Фух, ну и пекло.

3

Вечером лениво накрапывает дождик. Довольный тем, как прошел день, я устраиваюсь в кровати поудобнее. Открываю книгу в приятном предвкушении, однако оно обрывается криком. Женский вопль, протяжный, как жвачка. Звучащая боль подобна фаршу в мясорубке. Я вздрагиваю, но подойти к окну и что-то сделать нет желания. В одной песне пелось, что мир — это пластилин, и каждый лепит из него что захочет. Я думаю, что происходящее вокруг лепит из нас тот еще куличик из песка — мало не покажется.

Зимой сосед сверху избивал свою девушку, после чего запирали ненаглядную на балконе. Та билась в истерике, точно раненая птица: колотила руками по стенам, просила о помощи. Заступившись за несчастную, я получил по мозгам. Полицейские мне посочувствовали, намекнув, что не стоило становиться участником этой драмы. Классика жанра: дама под чем-то, да и сосед пьяненький:

— Мы этого самца заберем на пятнадцать суток максимум. Он вернется, а вам с ним жить дальше. Пока закона о насилии нет, не суйтесь — звоните.

Вот я и не суюсь (мало ли что в голове у ближнего моего), довольствуясь ролью созерцателя. Инициатива наказуема. Я не эгоист. Я философ.

Уличный крик разгоняется. Он летит в меня, обгоняя шум машин на мокрой дороге и минуя стеклопакет. Я вспоминаю мертвого велосипедиста. Где теперь водитель? Пронзив меня навывлет, будто пустоту, уличный вопль умолкает, лениво разбиваясь об стену. Дождь продолжает избивать каплями подоконник. Обычный книголюб, я возвращаюсь к чтению.

Ночью проснулся от грохота. Может, дрон? Нет, конечно, — гроза. Не помню, как я вырубился. Капли царапают стекло. Слава Богу, что на окнах решетки. Тени от фонаря раскачиваются, стекая по стене черными пятнами. Страшно. Сейчас бы закружиться в танце, но мне опять дали что-то успокоительное. Лекарство отпускает, и тогда, глуша раскаты грома, я вновь кричу самое главное слово в жизни каждого ребенка, повторяя его, пока меня не уgomонят санитарки:

— Мама. Мама! МАМА!

Екатерина ГРОМОВА

БЕЛИЧИЙ ОСТРОВ

***

Посмотри – это твой восхитительный дом,
Но тебя не осталось ни капельки в нём.
И прилизанный тщательно комнатный быт
О пустом и невнятном с тобой говорит.

И как будто не ты там, а бледный твой дух,
Из окна наблюдая снежиночных мух,
Ждёт такси, а не поезд, корабль, самолёт...
Все пройдёт. Это тоже, увидишь, пройдёт.

И себя ты опять вдруг отыщешь в лесах,
В разговорах с попутчиками в поездах...
И получишь хоть горы, хоть сельскую глушь!
А пока... вытри стол. И потёкшую тушь.

***

Девочка варит игрушкам бесхитростный суп,
Всех усадила: слонёнка, медведя, лису,
Глиняных зайцев. Игрушек у девочки тьма,
Часть их от скуки она смастерила сама.
Банки консервные вместо набора кастрюль.
Тёплой землёю и стружками пахнет июль,
Варится суп из травы, корешков лопуха,
Ягод рябины и горсти кудрявого мха.

Суп аккуратно был каждому в чашки налит.
Многим гостям ненароком попортили вид:
Мишке – дворяга, лоскутной лисице – мороз,
Папа забыл и на зиму домой не занёс.
Мальчик соседский по имени вроде Артём,

Ватного слоника тыкал сосновым копьём.
Еле отбили, но вата торчала сквозь швы, —
Слоник едва не лишился тогда головы...

Девочка – было тогда ей, наверное, шесть, –
Гладила дачным питомцам игрушечью шерсть.
В тюле оконном запутался рыжий закат,
Суп невзначай выливается в бабушкин сад.
Мама зовет – людям ужинать тоже пора!
...Годы прошли, только помнится всё, как вчера.
Девочка смотрит моими глазами во двор –
Детство на дачной веранде живет до сих пор.

КАРЕЛЬСКИЙ ЛЕС

Снова сюда возвращаюсь, как будто к причастью,
Чувствуя необъяснимый, а может, завещанный зов, –
В мир, где всегда становилась я малою частью
Мудрого таинства древних карельских лесов.

Россыпь морошки, полянки с игривой брусникой,
Ягель, покрывший холодные панцири скал...
С ними себе я казалась такую же дикой
И не желала, чтоб кто-то меня отыскал.

Ночь городская. Луна, словно белая кошка,
Мягким клубком на небесной подушке легла...
Вижу во сне, что иду по заросшей дорожке
В тот удивительный лес, где себя я нашла.

БЕЛИЧИЙ ОСТРОВ

В беличем парке морозно и хвойно,
Трели синиц еле слышны вдали...
Кажется всё акварельно спокойным,
Словно в картину с тобой мы зашли.

Бледное солнце касается кроны,
Ветер её не тревожит ничуть –
Разве что бродит внизу обречённо,
Нас порываясь в сугробы толкнуть.

В термосе кофе. Есть горстка орехов –
Белкам. Не встретили, жаль, ни одной, –
Только зимы ускользающей эхо,
Будто зовущее нас за собой.

Константин РЫЖОВ

ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИЧЕК

Как мало порой нужно человеку для счастья! И разве ж это плохо? Хорошо!

Лето, никакой школы – благослови, Боже, того, кто придумал каникулы! Торопливый завтрак, босые мозолистые ноги в сандалии, любимая кепка с черепашкой на белёсую макушку – до обеда не ждите! Крадучись поднявшись на последний этаж, аккуратно поддеваю защитную крышку, как годичные кольца покрытую слоями разноцветной краски, и, засунув в дырку в стене короткие пальцы, нащупываю спрятанный меж проводов небольшой перочинный ножичек. Главное вести себя тихо, а то глянет тетя Лариса в глазок, увидит, чем тут Витька занимается, и всё, пиши пропало. Сюю ножичек в карман и прыжками через три ступеньки в мгновение ока уже на улице.

Ножичек – главная мечта любого мальчишки. С ним ты самый нужный, самый важный человек во дворе. О сколько нам открытий чудных... как там дальше-то... сулит этот маленький кусок металла и пластика. С ним и самурайский меч можно из ветки выстругать, и послание потомкам на стене нашкобать, и пульт управления космическим кораблем из картонной коробки вырезать – в общем, вещь поистине незаменимая.

Вот слышали вы про круговорот ножичка в природе? Ну, в природе – это чересчур громко сказано, конечно. Во дворе. Раньше ножичком этим владел Никитка, да проиграл его в глупом споре Андрюхе, что сможет до высоты третьего этажа на царь-тополь наш забраться, – не смог, ясное дело, уже в трех метрах над землей поджилки затряслись, вцепился в ветку и ни туда ни сюда, ни вверх ни вниз – так бы и провисел до ночи, если б Коляна, старшего брата Ухана, не позвали снимать горе-хвастуна. А до Никитки, кажется, у Сереги ножичек был, а до него у Тёмыча. А тот его вроде как у старшеклассников на что-то выменял. Теперь же честь владеть сей драгоценностью выпала мне – как кубок, переходящий из рук в руки, был этот ножичек торжественно подарен мне на день рождения Андрюхой – вот же хитрый лис, нет чтобы новое что-нибудь, интересное, так просто отдал мне то, в чем я и без того знал каждую зазубрину на лезвии, каждую

вмятинку на рукоятке. Только тортика на халяву поел да газировки попил. Знал бы – не позвал его.

Да и как подарил – отмучился, можно сказать. Хранение ножичка – дело хоть и почетное, но небезопасное. Домой не принесешь: если найдут, у-ух – отец выпорет, мать причитать будет, мол, сын по скользкой дорожке пошел, он же будущий врач, светило, а не уголовник какой-нибудь. И всё, не видать больше ножичка – ни тебе, ни всему двору. Так что, да, на каждого хранителя ножичка испокон веков возлагалась великая ответственность. Страшно подумать, что сказали бы мальчишки, узнав одним теплым летним утром, что ножичек благополучно утерян – навсегда. Пожалуй, проще было бы переехать в другой район, а лучше сразу в другой город, чем пытаться собрать по кусочкам свою репутацию обратно после такого.

А потому каждый должен был непременно организовать для ножичка тайник, да так, чтобы другие не знали, – своруют ведь! И главное, своруют – а дальше что? С ним тогда уже во двор не выйдешь, другим не покажешь, а то заклемят же, изгонят из приличного общества. Но ножичек этот неизбежно манит, завладевает сознанием, и хоть понимаешь, что и без того можешь играть с ним каждый день, а всё же закрадывается в душу густой липкой массой черное желание обладать им единолично. Вот так попрощаться со всеми вечером, а самому не домой, а в свой схрон, и держать этот ножичек в руках, любоваться им и всё причитать еле слышно, неосознанно: «Моя пре-е-елесть!», готовый до последней капли крови защищать своё сокровище от любых посягательств. Нет, о местонахождении ножичка никому знать решительно было нельзя, и история до сих пор умалчивает, где прятал его каждый из мальчишек.

Кидали его как-то в дерево, да только ни у кого почему-то не получалось его воткнуть, как в фильмах. И понимали вроде, что в фильмах-то вовсе не перочинный ножичек... Да и что за название такое – перочинный? Им, что, перья чинят? То есть у каждого уважающего себя голубя или воробья имеется ножичек? Повредилось перо, так он этим ножичком раз! – и починил тут же. Да нет, бред какой-то. Напридумывают же названий, а ты сиди ломай голову. Так вот, кидали, значит, всем двором ножичек в дерево, а он возьми и отскочи куда-то. И нет его – испарился! Всю траву прошерстили, на четвереньках ползали, на «камень, ножницы, бумагу» Эдику досталось в кусты колючие лезть, там искать – нигде нет! А ведь до сумерек надо непременно отыскать, иначе домой всех загонят, а к завтрашнему дню ножичка явно уже не будет – утром дворник найдет или еще кто. За несколько часов успели и посмеяться, и позлиться, и обвинить Кривого, с чьей легкой руки ножичек был утерян, во всех грехах человеческих, и порасстраиваться, и теорий настроить разной степени

безумности, а Тёмыч даже пытался какие-то геометрически-математические вычисления производить, рассчитать, в какую сторону и как далеко ножичек мог отлететь. И вот, когда всякая надежда была уже потеряна, Кривой единогласным решением был признан врагом народа, а мама Никитки в третий раз зазывала того из окна ужинать и грозилась, что сейчас спустится за ним сама, – раздался счастливый визг: нашелся, родной! Погладив его десятком рук и пообещав, что никогда больше не будем кидать его в дерево, разбежались по домам, чтобы уже следующим утром вновь кидать его в дерево и угрожать Кривому, что открутим ему руки, если подобное повторится.

А вот в землю втыкать было гораздо проще. Но и тут своя наука – а как иначе! Почва не любая сгодится – в сухую и жесткую не войдет, а в рыхлой увязнет, как в болоте. Так что место для игры в «ножички» выбиралось тщательно, с проведением геологических исследований и созывом экспертной группы. Хотя почему «ножички», если ножичек-то всего один? А шут его знает. Может, по какому-нибудь ГОСТу играть надо было каждому своим ножичком, да только у нас он был один на всех. Чего не скажешь о методах и хитростях. Вот один утверждает, что владеет искусной техникой беспроигрышного метания ножичка, и охотно обучает этому других – святой человек! А вот и другой готов научить любого, да только делает это умышленно наоборот – зачем же конкурентов плодить, пусть вон лучше, напротив, бросают неправильно. Третий тоже знает уникальный метод, но поделится им только с тем, кто даст на велосипеде покататься или переводилку с динозавром подарит. А четвертый и вовсе настолько скрывает свою ультрасекретную технику, что просит всех отвернуться, когда метает. Да вот только ни разу за всё летоисчисление ни одному хваленому мастеру так и не удалось выиграть заветные пять раз подряд, а потому титул непревзойденного чемпиона двора так и остался никем не заслуженным.

Впрочем, доказать свое превосходство можно было и по-другому. Не иначе как вопросом чести было обозначить на каждом – каждом без исключения! – дереве во дворе покоренную тобою высоту. Вооружился ножичком, забрался так высоко, как смелости хватит, и выскребаешь на коре свое имя. Вот и всё, теперь подвиг твой увековечен, и поколения спустя мальчишки будут восхвалять таинственного героя прошлого и слагать о нем легенды. Гордо вздымаешь голову, и взгляд удрученно упирается в скромную надпись метром выше: «Валера». Когда он успел-то? Неужто пока я в деревне был? Вот же... Да я... да я его переплуну! Сейчас вот только... только... ой, а как он туда забрался-то? Тут же ни сучка, ни изгиба... опасно ж... Ну... я... я тогда на том дереве выше всех отмечусь! Там уж точно мне равных не будет!

Без ножичка не представлялось возможным добывать столь вожаделенные всеми значки. И отнюдь не постыдно было, верьте не верьте, лазать по мусорным бакам да урнам в поисках жестяных банок. Уж очень любили почему-то тогдашние производители напитков заключать названия и логотипы своих фирм в этикие овалы – вот эти овалы мы и вырезали ножичком, распрямляли, оставив между кирпичами на ночь, и пользовались получившимися значками как местной валютой. Эмблемы эти можно было обменять на что угодно: игрушку, конфету, увеличительное стекло, магнит, горсть сухариков или глоток лимонада... Курс таких значков периодически менялся в зависимости от степени редкости логотипа, и порой одну новую, никем ранее не виденную эмблему можно было обменять на десять старых – благо, спрос был всегда. А вы говорите, что это взрослые изобрели торгово-рыночные отношения. Ну-ну.

И самое интересное, что ни один владелец ножичка не упустил возможности оставить на нем свой след на века. Правда, Сереге это удалось хуже всех: решил он перекрасить рукоятку в черный, да вот только использовал обычный фломастер, так что оставил в итоге след не столько на ножичке, сколько на своих ладонях. Другие же были более изобретательны: кто дырку для шнура проделал раскаленным над зажигалкой гвоздиком, кто надпись крутую вырезал, кто придал рукоятке рельеф, сточив пластик о край бордюра. Другого такого ножичка не сыскать на всем белом свете.

Прошло столько лет, а я до сих пор храню этот ножичек. Вроде и дядька уже взрослый, и ножичков таких могу позволить себе мильон, да побольше и попрочнее – а всё же лежит он у меня на почетном месте рядом с коллекцией кэпсов и тетрадкой с наклейками от жвачек. Кто из ребят давно переехал, с кем потерялась связь, кого и вовсе уже нет в живых – а ножичек этот помнит каждого и сохранит память о них навсегда.

О сколько радости принес этот маленький туповатый предмет мне и моим друзьям в ту незабываемую, самую счастливую пору, имя которой – детство.

Иван ЕРЕМЕЕВ**В ТЕХ КРАЯХ, ОТКУДА РОДОМ Я**

***

Ты ждёшь, ты ждёшь, а боя нет,
И нет мучительнее чувства,
И кисло на губах, и пусто,
И час как два десятка лет.

Уже внутри живёт рывок,
Но выдох ты зажал зубами,
И там, в патроне, тоже, пламя
Ещё не породил курок.

Уже быстрее бы порешить
Сосущую живот минуту,
Но медлит время почему-то
Ответить, быть или не быть.

И, кажется, ты сердцем взмок –
Так тягостны минуты эти,
Пока в небесном кабинете
Подводят будущий итог.

В ТЕХ КРАЯХ, ОТКУДА РОДОМ Я

Из-за гор, не знающих о смерти,
Слаще и теплее янтаря
Солнце всходит, лучшее на свете,
В тех краях, откуда родом я.

Там увидишь, что дано немногим:
Белоснежным пламенем горя
Яблони в саду поют о Боге
В тех краях, откуда родом я.

Люди там простые и без лести,
И сосед, – пусть не семья, - родня:
Дай две жизни – две бы прожил вместе
В тех краях, откуда родом я.

Повелось из старины глубокой
Где ничто не делалось зазря:
Просто так не говорится слово
В тех краях, откуда родом я.

Будет всяко; примут руки вместе
Дерево сохи или цевья,
Дай лишь Бог не опорочить чести
Той земли, откуда родом я.

Жизнь идёт, скупа порой на радость,
Смерть идёт – слабее лишь себя.
Я уйду – и частью гор останусь
Той земли, откуда родом я.

***

Бесконечная лёгкость земная,
Бесконечная ласковость звёзд.
Чёрной вечности огненных слёз
Догорает пурга золотая.

За пургою счастливые двое –
Отчего только весело нам?
Я, читающий жизнь по складам,
Ты – смеющаяся надо мною.

Хорошо, что я смех для тебя.
Легче жить, понимая: когда-то
Отмечая февральскую дату,
Улыбнешься ты, вспомнив меня.

***

Я вижу по ночам с тобой,
Я с неба падаю
К порогу мягкой золой,
Седым-седая под травой,
О, ты, земля моя!

Ты, город, спящий у реки
В орехах греческих!
Я номеров твоих гудки,
Я голос, хриплый от зари,
Твоих диспетчерских.

Я – до рассвета пять секунд
С горами синими.
Я – комариных улиц зуд,
И тополей, цветущих тут,
Живые инеи.

Стучится снова ночь ко мне,
И без страдания
Лечу на месяце-коне,
Держа в протянутой руке
Воспоминания.

Евгений ТОЛМАЧЁВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОНЯ ЛЮТИКА

Лет, может, сорок назад в селе Ромашкино жил такой Гаврила Васильевич – колхозный ветеринар. И как-то раз из города приехала на служебной машине с шофёром корреспондентка газеты. Дождливая осень расквасила грунтовку, машина села на брюхо и беспомощно вращала колесами, увязая глубже. Молодая, энергичная корреспондентка, чем-то похожая на деятельных героинь советских кинолент, решила идти пешком. Она пробиралась сквозь осеннее марево, вдыхая густой воздух и втихомолку ругая советскую власть за бездорожье. Под ногами жадно чавкала грязь. Ругать советскую власть она могла только за глаза... Сейчас на склоне лет женщина с упоением вспоминает то время. Помнит, как до конторы довёз её на подводе разговорчивый, весёлый мужик в заношенном пальто. Память хранила, что спина возницы и круп коня были одной гнедой масти. И то, с каким теплом мужик относился к животному – ни словом матерным не понукал, ни даже кнутом не замахнулся – убедило корреспондентку в том, что и крестьянин может оказаться интеллигентным.... А ещё у коня было какое-то цветочное имя. Как у человека может быть лошадиная фамилия, так и у коня, может быть цветочное имя. То ли Георгин, то ли Нарцисс...

...В общем, до конторы доехали. В тёплом кабинете, где пахло жареными семечками, взволнованный председатель Анатолий Егорович Хобот с тихой гордостью, нараспев, рассказывал о перевыполненном плане и добросовестных колхозниках:

– Как говорится, трудится у нас работающая доярка Наталья Дубининкина-а, а есть очень хороший, непьющий механизатор Николай Фёдорович Поку-у-утний, ветврач Гаврила Васильевич Бу-у-гашев. Он, как говорится, вас к нам и довёз.

О ветеринаре корреспондентка вознамерилась написать небольшой очерк, но он засмутился. Только с конём его и сфотографировала.

...Этот самый Гаврила Васильевич был человеком доброго нрава. Хотя и ветеринар, а свиней и прочую живность резать отказывался. За это крепко посмеивались над ним. И конь, которого звали Лютиком, любил Гаврилу Васильевича. Как человек на селе нужный (скотину-то лечил), он

любил выпить и не испытывал в том недостатка. Говорят, что животные не переносят пьяных. Например, колхозный бык Герасим, гонялся за каждым, от кого разило самогоном, и даже одного пастуха покалечил. Как производитель Герасим был очень хорош, и руководство колхоза спустило ему это преступление. Скотина – что с неё взять... Но Лютик – это вам не Герасим! Конь был умён настолько, что, мог строить свои лошадиные умозаключения и смирился с пороком Гаврилы Васильевича. И хотя коня считали беспородным, тем не менее, он был высок и хорошо сложен.

Лютик запомнил и осознал много слов, даже такое, как «протрезветь». И каждый раз, проезжая с хозяином по колхозу, радовался тому, что от работы люди трезвеют, а значит, стремятся походить на него.

Гаврила Васильевич часто шабашил – то уколы делал, то роды у коров принимал, то поросят подрезал. Работы было много – в каждом дворе подсобное хозяйство.

- Ну, Василич, теперича кабанчик в рост пойдёт... Давай-кась налью.
- Если вонючий, я лучше перебьюсь...
- Обижаешь – как слеза!

Гаврила Васильевич настаивал на деньгах в исключительных случаях. Неловко себя он чувствовал, полагая, что если потребуе денег, то о нём будут думать, как о скупом человеке. Жена Гаврилы Васильевича, высокая, с большими хваткими руками Пелагея, часто бранила мужа за бесхитростность. И он, бывало, сделав над собой усилие, брал за работу деньги.

Под вечер Лютик привозил сморённого в телеге или в санях (если зима, конечно) хозяина ко двору. В душе коня теплилось чувство жалости. Лютик предвидел, что хозяина будут ругать. Он наверняка отвез бы его в другое место, если был бы твёрдо уверен, что там горит очаг, и пьяненького ветеринара примут как своего. У знакомых деревянных ворот Лютик начинал прядать ушами, бить копытом и ржать. Из избы выходили наспех одетые сыновья, а следом за ними, поправляя платок и бранясь, жена. Когда Гаврилу Васильевича вытаскивали, как сноп, из саней, он бормотал что-то бессвязное. Ослабевшими ногами ветеринар, утаскиваемый в избу, чертил по снегу. Лютик с тоской глядел на этот след, словно это было последнее, что оставалось на земле от его любимого Гаврилы Васильевича... Потом и его заводили в хлев, насыпали овса.

Тем временем в избе жена «угощала» проштрафившегося мужа скалкой по спине. Всесезонное пальто Гаврилы Васильевича лоснилось на лопатках и ниже.

– Вот короста такая! - приговаривала свирепая Пелагея, работая скалкой. – Сколько ты будешь горькую жрать!? В дому ни копейки...

Наверное, даже за двойными рамами можно было услышать гулкие хлопки, похожие на те, что раздаются, когда выбивают ковры. Гаврила Васильевич мычал и ворочался, словно полз куда-то в неведомые дали, и сквозь пелену хмельного полузабытья продиралась мысль, что будет он последней скотиной, если занесёт над гнедой спиной Лютика кнут. Сыновья молчаливо наблюдали картину отцовской казни, но внимательно следили, чтобы мать ненароком не «съездила» пьяненького по голове.

...Как-то на исходе лета у Гаврилы Васильевича прихватило сердце. И его отправили в поликлинику, в город. Лютик затосковал. От овса воротил морду, неохотно работал по хозяйству, с нетерпением ждал, когда крадучись волчицей придёт с востока ночь... По ночам ему снился горячо любимый Гаврила Васильевич. Будто едут они по залитым солнечным светом лугам в далёкий город лечить кому-то сердце своей добротой... В воздухе витал запах разнотравья. Лютику в дремоте чудилось, будто к хлеву, стуча сапогами, приближается покашливая Гаврила Васильевич. Конь сбрасывал дурман сновидений и храпел, носясь в тесном, пахнущем сеном пространстве.

Гаврила Васильевич, малость оправившись, с тоской вспоминал верного друга. Как с ладони хлебом кормил, как Лютик игриво толкал его в грудь головой.

«Господи, хоть ба его никто не обидел, – думал хворый ветеринар, ворочаясь бездонными ночами на топчане. – Не понимают же люди, какой он умный и чуткий...»

Пелагея навещала мужа раза два.

– Как там конь-то мой? – с тревогой спрашивал Гаврила Васильевич. Он не произносил имя коня в разговоре даже с близкими. Словно берёт это имя от чужого глаза...

– Да как... Упрямится, – раздраженно отвечала жена. Наверное, потому, что испытывала ревность – не о жене и детях печётся, а о скотине...

Гаврила Васильевич таинственно помолчал и вдруг стал стягивать рубаху:

– Польк, забери-кась ему понюхать, а? Она лекарствами-то воняет, но и потом моим тоже... А я в пижаме буду. Пижамы есть.

Пелагея с удивлением взяла в большие руки голубого цвета рубаху.

...Лютик возрадовался! Он смекнул, что хозяин где-то недалеко, и к нему нужно вырваться. Тогда хозяин обрадуется и быстрее пойдёт на поправку. Конь запомнил, что, когда говорили о Гавриле Васильевиче, то неизменно произносили слова – «город», «больница». Конь предполагал, что между ним и хозяином – заливной луг, река, лес... А там, если следовать по дороге, вот тебе и город. Лютик не страшился неведомых далей, и

бежать можно было в любой день. Тем более, его не стреноживали – знали, что никуда не уйдёт. Но вместе со светлым чувством скорой встречи, в сердце коня неведь откуда забрался тарантулом необъяснимый страх. Может, память крови подтолкнула на ум стальные крючья с нанизанными тушами, каких-то чумазных людей, говорящих на непонятном языке...

Лютик пересёк луг, переплыл глубокую реку. Огромный сом, растревоженный волнением воды, поднялся из своей ямы и длинным, холодным усом коснулся рассекающего тяжёлую воду копыта. Лютик продрался сквозь лесную чащу, в которой по его следу бежали три исхудавших волка, в бессильной злобе лязгая зубами. Но с пути его сбили цыганские кобылы...

Сыновья Гаврилы Васильевича всю округу исколесили верхом на колхозных лошадёнках, участковый на мотоцикле по дорогам пылил. Словно неведомая чёрная сила скрыла ото всех Лютика.

Печальная весть застала Гаврилу Васильевича в родной избе, свалилась на лысеющую голову стальным обухом.

– Дру-у-уг ты мо-о-ой, где жа ты тепе-е-ерь? – плакал он в хлеву. – Что за лиходе-е-ей тебя пойма-а-ал!?

Крупные, как горох, горячие слёзы катились на потёртый хомут.

И Гавриле Васильевичу вспомнилось, как учили с младшим сыном «Песнь о вещем Олеге». Слов, конечно, мужик не помнил, но остро чувствовал, что было у князя на душе. Снились мужику острые крючья, свистящие злобно плети, жалостливое ржание...

Горе горем, а жить нужно дальше... Вернулся Гаврила Васильевич на работу после недолгого больничного. Но на лошадей не мог глядеть без нутряной сосущей боли. Пелагея настаивала коня купить, чтобы в хозяйстве был.

Но Гаврила Васильевич почему-то не торопился с этим делом, не попадает, мол, подходящего – то зубы стёрлись, то спина провалена...

Едва ли ни каждая ночь приносила ему видения... Будто в предутренних сумерках стоит у ворот Лютик и храпит, и стучит копытом, и зовёт Гаврилу Васильевича.

– Иду, мой милай! – вскрикивал мужик, отринув сон, и бежал к воротам.

Пелагея тревожилась. Однажды ведунью привела, чтобы «пошептала» над замороченным мужем. Гаврила Васильевич такой скандал поднял, что Пелагея обомлела – никогда с ним подобного не бывало.

– Да чтоб тебя черти взяли-и-и с конём с эти-им! – разрыдалась жена. – Совсем ужо сдурел, наказание мой-о-о!

...Холодные туманы стояли над селом, осень золотом осыпала деревья. В гусином крике дрожало что-то щемящее, прощальное. И вновь под утро привиделось мужику, что призывно заржал его Лютик у ворот. Хотел было вскрикнуть, иду, мол, дорогой, но осёкся, взглянул на дремлющую Пелагею. Перекрестился. И опять почудилось, что конь его храпит за окном.

«Всё... Конец... Дошёл я до ручки, уже взаправду мерещится», – обречённо подумал Гаврила Васильевич.

Вдруг подхватился он и, как был в рубахе и кальсонах, так и ворвался из нутра избы в холодное осеннее утро, остро пахнущее небесной высью. Как в беспмятстве, отпирал Гаврила Васильевич ворота и бросался исхудавшему Лютику на шею, покрывая поцелуями её, расписанную шрамами от плетей, словно знаками злобы человеческой. Чувствовал Лютик, как ровно и мощно несла их с Гаврилой Васильевичем Земля...

КРЫМСКАЯ ГАВАНЬ

Ирина ЛИТОВЧЕНКО

КУКУШКА

Анна Ивановна Ерофеева мужа своего, Степана, похоронила еще в запрошлом году. Прожили они, что называется, в любви и согласии ровно тридцать лет и три года. Деток родили, воспитали. Внуки появились. Все хорошо было: дом, достаток...

Но вот простудился Степан Ерофеев. Стены стробил. Кто умеет, тому не надо рассказывать, что за пылица стоит в тесной комнатухе, когда перфоратором стены долбишь. Ни вздохнуть, ни охнуть. Чтобы малость проветрить, Степан приоткрыл окошечко. Тут-то подлый сквознячок его и подстерег. Кабы знал, где упадешь... И накрыло простого работягу воспаление легких. А доктора в глубинке – чуть не поголовно сосланные мединститутом двоечники. В общем, не повезло Степану, вылечили его на всю оставшуюся смерть. А потом по всем полагающимся обычаям обмыли, отпели и оплакали.

Анна Ивановна так и не смогла смириться с тем, что мужа уже нет. Ей все казалось, что он где-то здесь, совсем рядом, и слышит ее. Она даже разговаривала с ним, рассказывала ему новости про взрослых детей, про подрастающих внушек. Она могла часами говорить с мужем, сидя в одиночестве на клетчатом диване. Дети, услышав такие монологи, решили, что мать тронулась умом. Ее уговаривали, усовещивали, доказывали, что бред о бессмертии души – это поповские выдумки. Однажды отвели к доктору, сказав, что бабка с горя крышей поехала. Доктор тоже, по всей видимости, был в числе неуспевающих, прописал витамины, тем дело и кончилось.

С тех пор Анна Ивановна зачастила на кладбище, здесь никто не мешал ей общаться с мужем, не стыдил, не выговаривал. Здесь каждый занят был своим горем.

Сегодня женщина принесла с собой ведро и совочек. Могилка изрядно просела, следовало подсыпать землицы, подровнять холмик. Ходить за грунтом предполагалось в другой сектор. Пока туда, пока обратно, каждое ведро грунта обходилось минут в 30. Но женщина не

торопилась. Вернувшись из очередного «рейса», она высыпала землю и присела на скамеечку.

– Ой, Степушка, устала... посижу малость.

Она сняла косынку, поправила седую прядь волос и посмотрела вверх, в небо.

– А совсем уж весна, Степа. Смотри, как солнышко пригревает. Скоро уж и картошку сажать. Ой, а рассада в этом году какая хорошая у нас взошла! Помидоры прямо солдатики, крепенькие, ровненькие, один в один.

Она погладила портрет на сером могильном камне.

– А помнишь, как мы с тобой первый-то раз помидоры сажали? Ой, смехота... А их потом медведка поела. Как ты расстраивался-то, помнишь?

Она неслышно засмеялась.

– Ну, еще раз схожу, и потом уж буду тебе холмик поправлять. Лежи, лежи. Я скоро.

Она взяла ведро и совок и побрела в очередной раз набрать грунта. Обрато прибежала взволнованная и запыхавшаяся, платочек сбился, едва дыша.

– Ой, Степа, ой... Ой, сил моих нет, погоди... Ой, отдышусь, чего расскажу!

Она перевела дух, вывалив очередную порцию комьев крымского суглинка на могилу мужа.

– Степа, а ты Лену Ховрину помнишь? Девочку, я говорю, из третьего дома, Лену? Да ну, что ты мне рассказываешь! Помнишь ты! Ее Ховрины взяли, какая-то их родственница дочку родила, да отказалась, а они и взяли к себе. Вспомнил? Ну, вот... Так она тут недалеко от тебя, да. Ну что значит, как умерла, будто ты не помнишь! Я что, не рассказывала?

Анна Ивановна рассердилась и махнула в сторону памятника рукой:

– Ну, как это я не рассказывала! Ты мне еще скажи, что я сумасшедшая! А то деточки-то не постеснялись, того гляди, в дурдом отправят.

Она обиженно помолчала и продолжила.

– Ладно. Я чего сказать-то хотела... Иду я сейчас с ведром, а у могилки Леночки какая-то женщина стоит. Я сперва подумала, что это Татьяна Ховрина к ней приехала, уж было и рот открыла сказать: здравствуй, мол, Татьяна... А потом гляжу – да не она это. Татьяна и ростом пониже, и пошире будет, а эта высокая, в сером пальто, рукава широкие, что птичьи крылья. И в руках такие розы красивые! Красные, как кровь, да крупные – каждая как твой кулак. Стоит, словно к памятнику Неизвестному солдату пришла.

Анна Ивановна понизила голос до шепота.

– И вот я иду, а она стоит. Не всплакнет, ни пошевелится. Увидала меня, сделала такое лицо, словно я не человек, а земноводное. Ну я,

понятное дело, спрашивать ничего не стала. А вот сейчас все думаю, уж не та ли это кукушка, что Лену Ховриным подкинула? Ой, Степа... идет, идет! Ты посмотри на нее, а? Вырядилась! А каблуки-то, каблуки! Да порядочная женщина и не встанет на такие, сразу видно – спина ни разу не болела у нее. И очки черные, смотри ты, как в кино. Значит, легкую жизнь прожила. Идет, бесстыжая... Степа, да у нее тут и машина своя! Ну, прямо к машине и идет! Ну, правильно, мы с тобой все лучшее – детям, а у нее какие заботы? Вкусно кушать и красиво одеваться... Хахаль ей дверцу открыл. Руку целует. Ну, чисто сериал смотрю, Степа. Сначала дочка не нужна была, а теперь, значит, вспомнила. Ах, бессовестная...

Анна Ивановна проводила глазами дорогую иномарку, увозившую с кладбища неизвестную женщину в сером пальто, и вздохнула. Все было в этом вздохе: и многолетняя бабья усталость от бесконечной работы и быта, и горькое сожаление о судьбе брошенного ребенка, и нотки зависти, что уж ей-то никто рук целовать не будет и роз на могилку не принесет.

Она вытерла концом платочка слезинку в углу глаза и, еще раз вздохнув, принялась наводить красоту на последнее пристанище мужа. Управившись, положила на холмик принесенные с собой по традиции продукты: пару вареных яичек, карамельки, галетное печенье, и снова присела на ту же скамеечку:

– А я ведь, Степушка, сильно по тебе скучаю... Я ведь с тобой и наговориться даже не успела. Раненько ты меня одну оставил. Ну, да уж что теперь толковать, что было, то прошло. Кукушка-вековушка вот весь век одна живет, гнезда не вьет. Вот так и мне теперь без тебя, век одной куковать.

Она посидела еще, склонив по-птичьи голову в платочке. Помолчала.

– Пора мне, Степушка. Скоро уж последний автобус в город пойдет, не опоздать бы.

Собрала нехитрые свои инструменты, поцеловала портрет на могильном камне.

– Не скучай. Я через недельку опять...

Анна Ивановна вошла в салон последнего рейсового автобуса и села на свободное место. Вместе с ней с кладбища уезжали еще несколько женщин с сумками. В сгущающихся сумерках все они казались серыми тенями с птичьими лицами, а в глазах их читалась какая-то странная отчужденность и от этого мира, и друг от друга.

А когда в городе мертвых не осталось ни одного живого человека и шум автобуса стих вдали, в вечеряющем воздухе всхлипнуло звонкое и чистое:

– Ку-ку...

Вячеслав КИЛЕСА

ДЕВУШКА

Тот день торопился закончить собой август и было в нем, кроме летней теплоты солнца, чуткое ожидание осени, когда от трепета ветерка листья на деревьях приподнимаются и смотрят по сторонам, словно отыскивая укрытие от спешащих где-то вдалеке ноябрьских холодов, — и вновь понижают, провисая к земле — неизбежной своей обители. Старенький автобус, наполненный сквозняками из открытых окон и следами пребывания многочисленных пассажиров, позаботившимися увековечить свои имена на когда-то белой, а сейчас начинающей желтеть краске металлических стен, хрипел, взбираясь на очередной подъем дороги, и его становилось жалко, как старика, живущего на последнем этаже многоэтажного дома без лифта. Кроме меня и Ольги Ивановны, в салоне сидело еще пять человек, по каким-то своим причинам, ехавшим из города в село, а, может быть, просто возвращавшихся домой, к глинобитным и каменным домам под красной черепицей и сероватым шифером, ограждающих стенами от постороннего любопытства зеленеющие сады и чернеющие ямками от выкопанного картофеля огороды.

Я сидел на переднем сиденье, том самом, где табличка с надписью разрешала располагаться исключительно инвалидам и пассажирам с детьми, и чувствовал себя неловко, занимая это место в силу своего двадцатилетнего возраста и несомненного здоровья явно не по праву, и только настойчивость Ольги Ивановны и пустота большинства автобусных мест заставили меня опуститься на это широкое, удобное для моих длинных ног, сиденье, развернутое к салону лицом, что затрудняло созерцание проплывающего мимо пейзажа, зато позволяло изучать пассажиров, чей облик, впрочем, не страдал избытком оригинальности, — и это заинтриговывало меня, наталкивая на мысль, что бесцветность лиц — маска, скрывающая глубину их душевных переживаний. Последнюю неделю я перечитывал Экзюпери, выписывая в тетрадку его афоризмы, и был охвачен романтической идеей о неисчерпаемости духовного содержания каждого человека: нужно лишь в него всмотреться, что я и делал все свободное от хозяйственных дел и размышлений время.

Внезапно автобус начал замедлять движение. Приподнявшись, я посмотрел вперед, желая узнать о причине, заставившей водителя нажать на тормоз — и увидел девушку. Она стояла на обочине, слегка приподняв руку, и солнце, освещая ее стройную фигуру в короткой, выше колен, черной юбке и белой блузке, придавало ей нездешний вид, заставляя думать об инопланетянке, спустившейся по солнечному лучу на пыльную землю. Она стояла, не сомневаясь, что, приподняв руку, остановит рейсовый автобус, заставив водителя нарушить распорядок движения, запрещающего остановку в неположенных местах: так королева привычно применяет власть к своим трепещущим, радующимся подчиниться слугам.

Автобус замер; лязгнув, открылась дверца. Пассажиры приподняли головы, наблюдая, как девушка, легко взойдя по ступенькам, поздоровалась, поблагодарила водителя, одновременно положив в его раскрытую руку какую-то мелочь и, уверенно переставляя стройные, загорелые ноги в белых босоножках, направилась в заднюю часть салона. Захлопнулись дверцы; автобус дернулся, набирая скорость. Покачнувшись от толчка, девушка быстро миновала последнее сиденье и остановилась, схватившись рукой за поручень; окончательно устроившись, окинула внимательным взглядом сидевших к ней спиной пассажиров и с удивлением натолкнулась на мое взволнованное, не сводящее с нее глаз, лицо.

О любви я начал мечтать в седьмом классе, когда классный руководитель представила нам на одном из уроков новую ученицу по имени Надя, и я моментально в нее влюбился, хотя она не узнала об этом ни тогда, ни позже, потому что это была тайна, которую я скрывал от всех, в том числе и от нее, тем более что через год Надя уехала в другой город: ее отец служил военным и его перевели в другую часть. В девятом классе на школьном новогоднем вечере я рискнул пригласить на танец десятиклассницу Таню, жившую на одной улице со мной и тревожившую сердца многих мальчишек, — и был удивлен, когда понял, что Таня обрадовалась этому приглашению, а также тому, что я танцевал с ней все танцы подряд, объясняя подходившим кавалерам, что им пора обратить внимание на тоскующих у стен красавиц. Шутками и смешными историями я веселил Таню до упаду: наше хорошее настроение не нарушило даже сообщение моего друга Вовки, что после бала меня собираются бить, и очень серьезно, — мы просто сбежали, воспользовавшись открытым окном пустого класса, а потом долго стояли у Таниной калитки. Блаженство длилось полгода, заполненное мечтами, "гляделками" на школьных переменах, почти ежедневным приходом Тани ко мне домой в гости, где она решала мои задачи по математике, слушала мою декламацию стихов и никак не могла понять, почему я не решаюсь ее поцеловать, не

догадываясь, что я не знал, как это делается, — и когда однажды Таня не пришла на свидание и стала проходить мимо, лишь слегка кивая головой, я подумал, что причина ее ухода — моя наивность и неумелость, и лишь после объяснения, состоявшегося между нами двадцать три года спустя, я узнал, что Таню напугал мой ум и сложность характера, что ей оказалось трудно быть рядом и она предпочла отойти в сторону — к простоте, но не к счастью. А я еще долго любил ее: в школе, и потом, когда год работал на стройке, и на первых курсах Одесского университета, хотя и слышал о Танином замужестве и о том, что у нее родилась дочка, поэтому и вкладывал свою боль в сочинение стихов, — и искал девушку, в которую может влюбиться моя требовательная, начитавшаяся Александра Грина, натура, — и сейчас мне показалось, что в автобус вошла та, которую я искал, и я смотрел на нее, смутившуюся от моего пристального взгляда, и находил все больше черт в лице и фигуре, подтверждающих мое предположение.

Девушка была красива, но не той красотой, которая, отталкивая всех, спешит утвердить свое первенство, и не глянцевицей оттенков, характерной для расположившихся на страницах журнала светских львиц, а, скорее, мимолетностью душевного состояния, наполнившего ее лицо неприступно-задумчивой мечтательностью, а глаза — ожиданием чуда. Ее красота была подобна аромату распускающегося цветка: ее хотелось положить на ладонь и прижать к сердцу.

Мой взгляд смущал и тревожил девушку; она отворачивалась, глядела по сторонам убегающей назад дороги — и вновь поворачивала ко мне голову, и на ее лице, первоначально удивленном и сердитом, проступало явственное выражение вопроса: как у человека, неожиданно зашедшего в дом к знакомым и пытающимся понять, будут ли ему здесь рады.

Внезапно во мне возникло ощущение неловкости. Я представил себя со стороны: высокого, худого, с прищуренными, близорукими глазами, одетого в старенькую рубашку и выцветшие от частых стирок серые брюки — уродину, посмевающую обратить взор на растущую в чужом саду розу, — и покраснел от смущения. Сидевшая напротив Ольга Ивановна о чем-то заговорила, я односложно ответил; догадавшись, что я не хочу поддерживать беседу, Ольга Ивановна замолчала, погружившись в свои мысли: то ли о том, много ли кизила в лесу за селом Пролом, куда я и она ехали, то ли о своей матери, Анастасии Александровне, умершей месяц назад от рака желудка, то ли о чем-то другом, необходимом и насущном, и все же ни к чему, кроме суеты и старения души и тела, не приводящем.

Скользнув осторожным взглядом по пассажирам, я задержал его на руках девушки, цепко обхвативших поручень, потом перевел взгляд выше,

к лицу. Девушка смотрела на меня. Я сконфуженно отвернулся и вдруг понял: девушка глядела на меня с сочувствием, словно ощутив робость моей души, привыкшей отказываться не только от чужого, но и от своего, мою бедность, которую я делил только с собой, не вовлекая сюда посторонних, — и, как следствие, мою безумную гордость, обрекавшую меня на постоянное одиночество.

Наши взгляды встретились и остановились. Она смотрела на меня так, как смотрят на спящего ребенка; в ее взоре была доброта, нежность и что-то еще, непонятное и прекрасное.

Автобус остановился. «Пролом. Кому выходить?» — крикнул водитель. Схватив мое и свое ведро, Ольга Ивановна устремила к выходу. Я поднялся и замер, глядя на девушку. Она колебалась, словно размышляя, выходить ей или ехать в Васильевку, куда она брала билет, потом вопросительно взглянула на меня и я почувствовал ее невысказанную просьбу остаться.

— Быстрее, Славик! — стоя на тротуаре возле автобуса, закричала Ольга Ивановна. — Нам нужно кизил успеть собрать, чтобы не опоздать на автобус.

Я заметался глазами, переводя их с Ольги Ивановны и обратно, решая извечную проблему между возможным журавлем в небе и синицей в руках, между мечтой и действительностью — и шагнул к выходу.

Автобус, свернув налево, покатило в село Васильевка. Видневшийся в заднем стекле силуэт девушки уменьшался и терял резкость, как при неудачной фотосъемке; отвернувшись, я вслед за Ольгой Ивановной направился к ждавшему нас кизилу, стараясь уверить себя, что незамеченное никем происшествие в автобусе — сон и мираж, что я, как всегда, ошибаюсь, и моя попытка знакомства с девушкой была бы встречена насмешками и презрением, оставив щемящее чувство обиды, а ее у меня и так уже было достаточно.

Кизила в лесу оказалось много, и собрали его быстро. Спасаясь от разговоров Ольги Ивановны, я залез на скалу и долго сидел на краю обрыва, созерцая покрытые деревьями и кустами горы, долину, белевшие в отдалении маленькие, похожие на игрушечные, домики села Пролом и нависшее над нами огромное синее небо.

В двенадцать часов мы возвращались обратно. Автобус был переполнен и нам пришлось стоять; Ольга Ивановна сердилась и ругала не желавших уступить ей место подростков. Потом был дом, улыбающаяся, довольная моей поездкой, мама, тишина комнаты, настроение которой определялось расположившимся в углу книжным шкафом — моей главной, непреходящей ценностью.

Прошли годы. Умерла от рака желудка Ольга Ивановна. Постарела и осунулась мама. Барахтаясь в том, что называется жизнью, я все чаще обращаю взор в прошлое, пытаюсь понять причину неудач, превративших меня в плывущий по течению обломок. Я давно осознал, что у каждого человека есть звездные часы, определяющие, в какую сторону горизонта повернет его жизнь. Обычно это — встречи, странные и неожиданные.

Я влюблялся часто и мои чувства не всегда оставались безответными. Но мгновения, какие бы ни были счастливыми, так и оставались мгновениями, после которых неизбежно наступали дни, заполненные пустотой и разочарованием.

И сегодня, стоя на сложенной из неудач вершине, я опять вспоминаю летнее утро, спешащий в Васильевку старенький автобус и всматривающуюся в меня девушку. Я не знаю, был ли это мой, теперь уже пропущенный, звездный час любви, зато понимаю, что обстоятельства создали тогда удивительную, похожую на чудо, встречу, не состоявшуюся по моей вине. Не преодолев свою робость и нерешительность, отступив — в который раз — перед устоями морали и быта, я остался трусом навсегда — и получил ту жизнь, которой живу.

Ольга ШИПИЛОВА

МАМИНО СЕРДЦЕ

Пятничным утром Нина проснулась с тяжелым сердцем. Досада и тоска по дочери, которая была очень далеко с Ниниными родителями в глухой, богом забытой деревеньке, смешались с чувством нескончаемого беспокойства и тихой нежной грусти о маленькой девочке. «Дочка просила мандарины», – подумала Нина. А сейчас сезон: мороз, снег, предновогодняя суета. Девочка им так обрадуется! И снова ее пухлые щечки станут пурпурно-красными от нескончаемого диатеза. Нина вспомнила, как она несла свою кроху в ясельки, как девочка всю дорогу плакала и боялась оторвать от нее свои маленькие ручки. Вспомнила, как безучастная нянечка с равнодушным видом тянула на себя кричащий комочек и зло ругалась по поводу плохого воспитания ребенка. А после воспитательницы, криво улыбаясь, в один голос уверяли Нину, что девочка заторможена, отстает в развитии, все время молчит и смотрит в одну точку. «Не ясельный ребенок! – констатировали врачи. – Пусть с ней побудут дедушка и бабушка, если не хотите сломать психику девочке!» Потом Нине припомнилось, как везла она дочь в глухую деревню к своим родителям, как улыбался отец, и ломала на себе руки мать. Дочка осталась, Нина уехала. Работа, круговорот дел и безысходность, горечь от невозможности все время быть рядом.

В этот день Нине предстояло решить очень много задач: отстояв в очередях, позаботиться о гостинцах, сложить, упаковать, ничего не упустить из вида. Да еще целую смену провозиться со своими подопечными – будущим страны, начинающими огранщиками алмазов. Задержавшись у огромного заводского окна, Нина наблюдала, как белый снежок, что тихо порошил всю ночь, сменился метелью. «Трудная будет дорога, – подумала Нина, – а ехать придется, не поехать нельзя». Вокруг туда-сюда сновали люди, что-то говорили друг другу, о чем-то спрашивали, радовались предстоящим выходным. И только она одна должна была преодолеть тяжелый путь, чтобы тоже стать счастливой. Ибо не в теплой квартире ютилось ее тихое семейное счастье, а за много километров отсюда, где широкий Днепр, скованный льдами, опоясал всю ее родную деревню, где над родительским домом, над самой крышей,

должно быть, тихо стелется серый дымок, и где ждет ее маленькая дочь. В том, что дочка ждет, Нина даже не сомневалась. Еще полдень, а она уже, без сомнения, стоит повернутым кульком на заснеженной дороге и ждет. Ее щеки станут красными от мороза, снег заметет ее в сугроб, а она все равно будет стоять, сжимая в посиневших руках кусочек глины. Будет бубнить что-нибудь себе под нос, и вот уже из этого скромного кусочка родится замысловатая зверушка – подарок маме. А ночью разболются ее колени, мать станет растирать их отцовским «Шипром» и казнить сама себя, за то, что не увела ребенка с мороза.

Вспомнился Нине и ее родной отец, грудь которого давит неустанно сухой кашель. Он любит городскую колбасу, и Нина, зная это, бережно завернула ароматную палочку в старую газету еще вчера вечером. Давкой ком снова подступил к горлу. Как они там без нее? Отцу уже далеко за семьдесят, мать все время хворает и жалуется на сердце, хотя по-прежнему сохраняет свою бойцовскую удаль, а здесь еще и малолетний ребенок на руках. Нина стояла, охваченная тревожными воспоминаниями, и не могла оторвать глаз от окна, холодное стекло которого так залепило снегом, что в помещении сделалось темно. Надо ехать вопреки всему, вопреки снегу и морозу. За много километров от города ее ждут люди, ближе которых нет, и никогда не будет. Нина собиралась в дорогу, в свой нелегкий самоотверженный путь.

Закутанная в длинную шубу, теплый шерстяной шарф, с тяжелой сумкой в руках, Нина вышла из рейсового автобуса, который устало вздохнув, остановился в районной усадьбе. Пассажиров почти не было, лишь бравые рыбаки, нацеленные на богатый зимний улов, перекладывали из автобуса прямо в снег свои нехитрые пожитки. Река уже давно оказалась в плену крепкого льда, началась «придуха», а значит, рыбы действительно будет много. Рыбаки торопились занять свои позиции на снежном Днепре до темноты, поэтому наскоро собрав все свои рыбацкие принадлежности, они, весело болтая, двинулись в сторону реки. Нина топталась возле автобуса, рассматривая уходящих мужчин. Путь предстоял неблизкий. До родной деревеньки еще семь километров, а уже начало темнеть. Метель постепенно прекратилась, выяснилось небо, из-за седого леса медленно выползала убывающая луна.

Нина сделала шаг, другой – и ощутила тяжесть своей огромной сумки. В городе она казалась значительно легче. Да еще полы длинной шубы все время так и норовили сбить женщину с ног. Дорога по усадьбе была вполне приличная, но уже ближе к реке ее совсем не стало, впереди петляли и маячили лишь следы рыбаков. Снег становился все глубже, ноги постепенно начинали утопать в белой рыхлой каше. Возле Днепра Нина остановилась, перекинула сумку в другую руку и потеряла онемевшие

пальцы. Вдалеке показались фигурки рыбаков. Они уже успели принять на грудь для разогрева и приступить к особенностям зимней рыбалки.

– Ты куда, девушка? – удивился один из них. – Через реку нельзя, на той стороне дороги нет, все замело! Не дойдешь, замерзнешь!

– Дойду! – изо всех сил прокричала Нина. – Дойду, мне по-другому нельзя!

Мороз тем временем начал крепчать, небо усыпали мелкие звенящие звездочки. Луна ярко осветила бескрайние белые поля, снег искрился и переливался в ее сиянии. И все вокруг казалось каким-то нереально-сказочным. Нина перевела дыхание, опять перекинула свою сумку в другую руку и, махнув шарфом рыбакам, двинулась через необъятный Днепр на ту сторону. Дороги, правда, не было. Снег валил целых две недели. И только безумный человек мог отважиться на такой путь. Но в материнском сердце не было места страху, ведомое любовью, оно горячо стучало внутри и не теряло надежды. Когда снега стало по пояс, и полы длинной шубы начали волочиться по обе стороны от Нины где-то в районе живота, женщина ощутила, что ей непременно стоит избавиться от неудобной вещи: «Без шубы пропаду, а с ней совсем невозможно». Нина поднимала одну ногу, чтобы сделать хоть шаг, утопала в снегу и падала лицом в холодный пух, поднимала вторую ногу и снова падала. Так шаг за шагом, метр за метром женщина преодолела полпути. Ее руки стали бардовыми, по спине текли струйки пота, лицо охватил жар, и не было больше сил даже двигаться. Нина опустилась, обессиленная, прямо в густой снег: «Спать, как же хочется спать. А-а-а, вот значит, как они замерзали, люди-герои из известных романов!» Усталость начала растворяться, горячие руки наливались сладким свинцом, сделалось тихо-тихо. Нет тревоги, боли, нет этой тяжелой сумки. Лишь сказочный лес вокруг и тишина, такая нежная, как мамина песня возле твой колыбели. «Нет, о Боже, что я делаю?! – опомнилась Нина. – Я сошла с ума, неужели я имею право причинять столько горя своим родным? Когда меня отыщут здесь замерзшей... Нужно идти, непременно идти, изо всех сил, но только вперед! Я не имею право на такую смерть, я должна идти!»

Нина попробовала приподняться, ноги совсем ее не слушались. Женщина окинула взглядом свои черные высокие сапожки и порадовалась, что в узкое голенище не проникает снег. А вот сумка и шуба – совсем беда. Тянуть их на уровне своего живота по снегу неудобно. Нужно было избавиться от чего-нибудь одного. Бросить сумку? Но там фрукты, конфеты, селедка и колбаса! В лесу волки, их много, и они голодные. К утру от гостинцев ничего не останется. Бросить шубу? А как тогда показаться родителям на глаза, что они подумают? Нет, так не годится. Нина совсем расстегнула шубу – пусть тянется волоком сзади!

Сняла с пояса тугой ремешок и, привязав сумку к себе, как вьючное животное двинулась дальше. «Еще немного, еще чуть-чуть, еще немного, еще чуть-чуть», – шептала Нина. Делала шаг, падала и снова делала шаг. Вот уже вдалеке показались такие милые горящие окошки родной деревни. Нина надеялась, что по селу дорога все же будет прочищена, но и здесь ее не было. Старики совсем не выходили из своих домов, сидели на печках и гостей городских не ждали. Слезы подступили к глазам женщины. Как же так? Вот родная деревня, а сил больше не осталось. Не сидеть же в сугробе до утра!

Опустившись на колени, Нина с них уже не поднялась, а так и ползла до родительского дома с распластанной на снегу шубой и тяжелой сумкой сзади. Немного отдохнув у самого крыльца, женщина встала на ноги, отряхнулась, отвязала сумку, застегнулась. Посмотрела на желтые окошки и ступила на порог. Первой навстречу вышла мать, подняла глаза на дочку и, ойкнув, сползла по стене. «Что ж ты делаешь с собой, дочечка, зачем же ты в такую погоду?» – запричитала она. Нина обняла мать, и вместе они из сеней проковыляли в дом. Белым снеговиком Нина вошла в комнату, где отец качал ее маленькую дочку. Обернутая в старый материнский шерстяной платок девочка медленно повернулась к ней, и гримаса испуга застыла на ее заплаканном лице. Прождав маму целый день, дочка рыдала весь вечер, а теперь не могла никак поверить, что мама все-таки добралась, приехала в пору, когда в деревню никто не ездит. Расплакался отец, тревожно всматриваясь в обветренное лицо своей Нинки. Снова запричитала, заголосила мать: «Зачем же ты ехала, дочечка? А если бы не дошла, замерзла в поле?» Нина улыбнулась через слезы родителям, доставая усталыми руками колбасу и мандарины из задубевшей сумки: «Будет, что дочке рассказать, когда вырастет!»

В ТРИДЕСЯТОМ ЦАРСТВЕ

Марина СТРУКОВА

МОРОШКА СПАСАЕТ БОЛОТО

Повесть-сказка

Кто выглядывает из камышей на краю болота? Худенькая, маленькая, чумазая, волосы с водорослями перепутаны. Носишко курносый, глаза огромные, зелёные. Одета в платье из лопухов, травой сшитых. Это кикимора Морошка. Ей семь лет.

Много на болоте жителей: другие кикиморы, матушка Бродница и старый Болотник, выпы, цапли, бобры, лягушки, насекомых видимо-невидимо и кабаны забредают отдохнуть в грязи.

Болотник очень любил вечером влезть на старый пенёк среди трясины и речь говорить:

– Наше болото всех болот болотистее. Здесь лягушки самые горластые, камыши самые густые, грязь непролазная, комары кусачие, выпы унылые, а кикиморы самые хитрые!

Все болотные жители его слушали и в ладоши хлопали, а кто в лапы. Болото раскинулось среди леса. По краям – чахлый осинник, потом гряда камыша, потом грязь с моховыми кочками и озерцами омутов.

Сестер у Морошки было не счесть. Все кормились ягодами, кореньями трав, грибами. Сплетничали и вредничали. От Болотника кикиморы слышали, что надо каверзы людям строить. Но люди давно на болото не заходили. Поэтому кикиморы друг с другом ссорились.

Бродницу кикиморы матерью считали. Она большая, суровая сидела, укутавшись сетями, в шалаше из камыша. Заставляла для неё клюкву собирать и всё время хандрила: то комаров мало, то много, то птицы громко поют, то тихо.

Скучно Морошке на болоте и грязь не нравится. Хотя, казалось бы, чем кикиморе грязь не мила? Однажды присела она возле омута и стала умываться. Тут как тут Болотник и прикрикнул:

– Ты что творишь? Хочешь чище всех быть? На нашем болоте все чумазые, значит и ты не отделяйся от общества. Не то высеку... – и сделал вид, что хочет сломать хворостину.

Испугалась Морошка и размазала тину по лицу.

– Я только посмотреть хотела.

– Нечего смотреть. Кикиморам умываться не следует.

Так и жили. Ничего не менялось. Новостей мало, разве что весной, когда птицы прилетают из дальних стран и вьют гнезда на болоте. Одна принесла в клюве картинку с ярким рисунком, Морошка у неё выпросила. На картинке красовалась девушка, белолицая, с золотыми кудрями. Сидела она на камне и смотрела на голубые волны. Понесла Морошка картинку матушке Броднице. Та увидела и заволновалась:

– Это русалка. Они в чистой воде живут. А картинка – фантик от конфеты, сладость такая.

– Как бы я хотела плавать в чистой воде. – воскликнула Морошка. – И чтобы у меня были такие же золотые волосы. А конфеты вкусные? Лучше клюквы?

– Радуйтесь тому, что есть. Хватит мечтать впустую. – Проскрипел Болотник, который разговор подслушал. Вырвал картинку у Морошки, разорвал на мелкие кусочки.

Но настал день, когда Болотник не стал хвастаться своими владениями, а обратился к болотным жителям с тревожной речью.

– Сохнет наше болото. Исыякли роднички и ручейки, которые его поили. Скоро не станет здесь ни трясины, ни омутов, зарастёт болото лесом.

– На наш век ква-хва-хватит! – Заявили лягушки.

– Кря-кря-рядом рядом есть озеро. – Сообщили утки.

– Может, на высохшшем лучше. – Зашипела змея.

– Горе нам. Давайте оплачем наше болото. – Застонала выпь.

– А мы хотим, чтобы ничего не менялось. – Заныли кикиморы и только Бродница промолчала.

Задумалась Морошка: это что же получается? Болото высохнет, лягушки ускачут, птицы разлетятся, кикиморы разбредутся. Представить такое невозможно! Вот уже семья бобров молча собралась и ушла, гусыня куда-то повела птенцов. Каким бы ни было болото, здесь Морошка на свет белый появилась.

– Наверное, надо найти ручеёк и уговорить его течь в наше болото. – Робко проговорил белый Мотылёк, порхавший над осокой.

– Помолчал бы, – простонала выпь. – Мотылёк-одногодневка, ты же умрёшь на закате. Зачем тебе думать о будущем?

– Извините, – Мотылёк смутился и спрятался под широкий лист лопуха. Морошка подняла лист и сказала:

– Ты молодец! Мне кажется, замечательно придумал!

– Правда? – Обрадовался Мотылёк.

– Я найду такой ручеёк, приведу сюда воду! – Воодушевленно воскликнула Морошка. – Пойдёшь, то есть, полетишь со мной?

– Но я однодневка и навеки усну на закате.

Морошка огляделась вокруг: болотные жители спорили, плакали, а несколько взрослых кикимор, которые разошлись во мнении, даже подрались. Морошке стало очень одиноко.

– Я прошу тебя, – сказала она Мотыльку. – Давай отправимся вместе. Ты хотя бы увидишь больше, чем все твои родственники. Ведь они знают только болото, а есть другие края.

– Хорошо, – ответил Мотылёк и запорхал рядом с Морошкой.

Они миновали заросли прибрежного осинника и вышли на поляну. Морошка сказала:

– Весной я заметил здесь избушку на курьих ножках. Давай посмотрим, может быть, она и сейчас там. Правда, я боюсь Бабы Яги.

Но вокруг было пустынно, только в траве увидели большое гнездо. В гнезде лежали осколки скорлупы.

– Если здесь вывелся птенец, то где он? – Удивилась Морошка.

Трава закачалась и им навстречу выскочила маленькая избушка на курьих ножках. И правда, если у кур появляются цыплята, у уток утята, то и детёныш избушки на курьих ножках похож на свою маму.

Маленькая Избушка была совсем новенькой. Крыша под ярко-жёлтой соломой, стены белые, окно блестит. А за окном видна комната с лавкой, столом и печкой. Только всё очень маленькое.

Избушка запищала как цыплёнок. Она подбежала к Морошке и остановилась. Морошка погладила избушку по соломенной крыше.

– Но нам нужно идти, – сказал Мотылёк. – Скоро вечер и я боюсь уснуть навсегда.

– Вот что называется судьбой. – Вздохнула Морошка и они направились дальше.

Маленькая Избушка, запищала, как потерявшийся птенец, и бросилась вслед за ними на своих курьих лапках.

– Кажется, она признала тебя своей хозяйкой. – Заметил Мотылёк.

– Но я не собираюсь становиться Бабой Ягой. – Воскликнула Морошка. – Я кикимора самого замечательного болота.

– А разве ты видела другие болота, чтобы так хвалить наше?

– Я это чувствую. Только его надо немного улучшить. Но давай позаботимся о маленькой Избушке. Её нужно отвести к маме, то есть к большой избушке. Как думаешь, где она находится?

– В старом лесу, где живёт Баба Яга. Я слышал, как одна малиновка рассказывала другой, что лучше не летать в старом лесу. Потому что там живёт Яга со своим Филином, а тот ловит птиц.

– Придётся идти туда. Конечно, мы постараемся не попасться на глаза Яге, просто выпустим маленькую избушку на поляну, чтобы встретилась с большой избушкой. Может, та беспокоится о своём ребёнке.

Солнце уже садилось Морошка нарвала с куста красных ягод. Никогда не ела таких сладких, ведь болотные ягоды все с кислинкой, особенно клюква.

Она взобралась на дикую яблоню и улеглась на толстую ветку. Мотылёк опустился рядом.

Звёзды зажглись в фиолетовом небе над чёрными кронами. Заухал филин. Взвыли волки, собираясь на охоту. Внизу зашуршала листва – то мышь прошмыгнёт, то ёж протопает. Да мало ли в лесу зверей: и зайцы, и лисы, и косули, и лоси, и ласки. Некоторые, правда, ночью спят, и любят на заре еду искать. Утром Морошку разбудило хрюканье под яблоней. Там собралась стая кабанов, хрустя опавшими плодами. У кабанят шкура в полоску, за это их зовут полосатиками. А кабаны в чёрной или бурой щетине. Это не домашние безобидные свинки, а опасные дикари. Яблок оказалось мало, и кабаны быстро ушли. Морошка спрыгнула с ветки. Девочка вспомнила наказ деда Болотника – каждое утро мазать лицо грязью. Ведь настоящая кикимора обязана быть чумазой, демонстрируя единство с любимым болотом. Не очень-то хотелось сонной Морошке возиться в холодной грязи, но она всё-таки отыскала лужу на тропинке, зачерпнула в пригоршни грязи, размазала по лицу, а потом руки вытерла о волосы. Вдруг услышала:

– Ой, как страшно!

Морошка смахнула с ресниц чёрные капли и встретилась взглядом с Мотыльком.

– Ты жив! – Радостно воскликнула она.

– Это ты, Морошка? – Уточнил Мотылёк.

Кикимора закивала.

– Зачем ты мажешься грязью?

– Так принято на нашем болоте.

– Я видел сейчас рысь, она умывалась. Видел птиц, они чистили пёрышки. Утром все приводят себя в порядок, а ты пачкаешься.

– Это моё личное дело. – Надулась Морошка. – Я болотная и не буду подражать тем, кто живёт на суше.

– Личное? Тебя же заставляли это делать. – Усомнился Мотылёк.

– Но послушай, – сказала Морошка, – почему ты остался в живых? Это удивительно!

– Наверное, это случайно. И в следующую ночь... Но лучше не думать об этом.

В это время из-за деревьев донёлся хриплый голос:

– Гуси, гуси!

– Га-га-га! – Отвечал гусиный хор.

– Есть хотите?

– Да, да, да!

– Что ж, летите и ищите. Ну а я вам есть не дам!

Морошка выглянула из-за кустов. На поляне стояла Баба Яга и махала метлой на гусиное стадо. Голодные гуси, обиженно гогоча, захлопали крыльями и поднялись в воздух.

– Так-то! – Резюмировала Баба Яга. – Я должна быть плохой хозяйкой.

В это время из-за спины Морошки выбежала маленькая избушка и стремглав бросилась к большой избе, переступавшей с лапы на лапу.

– Это ещё что? – Рывкнула баба Яга.

Морошка вышла на поляну и произнесла:

– Здравствуйте, бабушка Яга.

Та настороженно повела длинным носом и, прищурившись из-под седых косм, неприязненно оглядела кикимору:

– Чего надобно?

– Наверное, эта маленькая избушка тоже ваша? Я привела её. – Вежливо пояснила Морошка. В глубине души она робела перед Ягой. Бабка была одета в залатанную одежду, но казалось, заплаты были пришиты не потому, что под ними прорехи, а потому что так положено. Ведь и Морошка пачкалась, потому что так принято. Если ты Яга – ходи в заплатках, если кикимора – будь чумазой.

– Зачем мне лишняя забота? – Раздражённо проскрипела Яга. – Я часто по лесу езжу на своей избе. Маленькая избушка за нами успевать не будет, начнёт уставать, останавливаться. Моя изба из жалости к своему дитю тоже будет останавливаться. Что же это получится? Не скатертью дорога, а сплошное мучение. Ну уж нет. Забирай-ка ты эту малявку себе. Выращивай. Тоже станешь Бабой Ягой. Только найди себе другой лес, в этом я хозяйничаю.

Морошка не ожидала таких слов. Маленькая избушка, покрутившись возле своей матери-избы, которая не шелохнулась, вернулась к Морошке и прижалась к ней тёплым боком из золотистых брёвнышек.

Баба Яга критически оглядела маленькую избушку и скомандовала:

– Повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка не шелохнулась.

– Шагом марш по кругу!

Избушка не послушалась.

– Она ещё неучёная. Её воспитывать и воспитывать. – Пояснила Баба Яга. – Мне этим недосуг заниматься.

– Я слышал, вы самая мудрая в лесу. – Обратился к Яге Мотылёк. Та впервые ощерилась в улыбке:

– Кто сказал?

– Болотник.

– Да уж поумнее него. – Приосанилась Яга.

– Объясните, почему я, Мотылёк-однодневка, живу уже второй день?

– Ты жив, потому что улетел с болота. Воздух там гнилой. Потому как трясина, нет проточной воды.

– Значит мы, мотыльки, вовсе не однодневки?

– Думаю, да. Но хватит языками молоть. Мне пора хлебы печь.

– А вы не подскажите... – Начала Морошка.

– Ступайте своей дорогой! – Яга влезла в избу и захлопнула дверь.

Морошка пересекла поляну и углубилась в чащу. Мотылёк порхал рядом. Избушка спешила за ними. Она стала выше – росла не по дням, а по часам. К полудню лес стал редеть. Морошка вышла в поле. С непривычки к открытым пространствам кикимора оробела, но поле казалось пустынным. Оно было не засеяно, только лебеда, репейник, чертополох. За полем виднелись дома. Морошка остановилась и произнесла:

– Кикиморам к людям нельзя.

– А кто такие люди? – Поинтересовался Мотылёк.

– Они похожи на кикимор, но умываются. А ещё любят шуметь и ссориться, как мы. Старик Болотник рассказывал, что раньше много людей ходили в лес за ягодами.

– Я проверю, что там происходит. – Мотылёк запорхал в сторону домов, но вскоре вернулся и сообщил, что там нет ни души.

Морошка осмелела и пошла по улице. Дома зияли выбитыми стёклами, заборы упали.

– Девочка, ты чья? – Вдруг спросил кто-то. Морошка вздрогнула и обернулась. На пороге одного из домов сидела старушка. Не такая, как Баба Яга, а с добрым лицом, в чистом платье и беленьком платочке.

– Я болотная. – Ответила Морошка.

– У нас никаких Болотных нет. – Старушка решила, что это фамилия девочки. – Ты из соседнего села?

– Нет, из леса. – Пояснила Морошка.

– Ты заблудилась? – Всплеснула руками старушка.

– Я живу там. – Морошка не могла себе представить, что в лесу можно заблудиться.

– С родителями? – Не отставала любопытная старушка.

– С матушкой Бродницей, с батюшкой Болотником и сёстрами.

– А я последняя жительница села. Все остальные в город уехали. И сынок мой уехал. – Вздохнула старушка.

– Скучно вам. – Посочувствовала Морошка.

– Одиноко.

Вдруг глаза старушки округлились от удивления. Он даже встала с порога. К Морошке подошла избушка на курьих ножках. Она совсем выросла, стала настоящим домом. Хлопала расписными ставнями, поворачивалась в разные стороны, чтобы всё разглядеть своими блестящими окошками.

– Это твоя игрушка? – Спросила старушка кикимору.

– Нет, обычная избушка на курьих ножках. Разве вы о таких не слышали?

– Слышала, но только в сказках. Всё это выдумки – Бабы Яги, кикиморы.

– Вовсе нет! Я настоящая кикимора, а не чья-нибудь выдумка. – Обиделась Морошка.

– Это антинаучно. Я пятьдесят лет учительницей проработала в учебниках о таком не читала. Меня зовут Марья Ивановна.

– А меня – Морошка.

– Нет такого имени! – Заявила старушка.

– Я сама себя назвала, – сообщила Морошка. – У нас на болоте, если сам себя не назовёшь, так безымянным и останешься.

– Я допускаю, что кикиморами себя могло назвать племя людей, в древности поселившихся на болоте. Они ни с кем не общались и, наконец сочли себя волшебными существами. – Рассуждала старая учительница. – Что интересно, Морошка, ты говоришь на русском языке и я тебя понимаю.

– И я говорю на русском языке! – Пискнул Мотылёк.

– Говорящая бабочка. – Старушка вскочила с порога, сбегала в дом за лупой и стала рассматривать Мотылька сквозь увеличительное стекло.

– В лесу много удивительного. – Сказала Морошка.

– Я как учительница природоведения должна увидеть все чудеса! – Засуетилась старушка.

– Приходите в гости, я всё покажу! – Воскликнула Морошка.

– Ноги болят. – Приуныла старая учительница.

– Так ведь у нас есть избушка! Вы могли бы ехать в избушке! – Предложила Морошка. – Вы вообще могли бы жить в ней!

– Я боюсь. Это так странно, непривычно. – Старушка обошла избушку вокруг. Та вдруг стала расшаркиваться, кланяться, словно хотела понравиться, показать, что она воспитанная и послушная.

– Марья Ивановна, если бы Вы согласились стать Бабой Ягой! – Сказала Морошка. – Доброй Бабой Ягой.

Кикимора не хотела, чтобы старушку обидело её предложение.

– Это же так интересно. Вы обрели бы способность колдовать. Научились бы летать в ступе, на ковре-самолёте. Знаете, сколько интересных вещей хранится в таких избушках? Шапка-невидимка, блюдо, которое весь мир показывает, сапоги-скороходы, волшебный клубочек. Вряд ли я могу перечислить всё. А здоровье у вас станет такое крепкое, что его хватит на сотни лет!

– Согласна! – Воскликнула старая учительница. – Я так ценю новые знания, что готова ради них стать Бабой Ягой. Сколько открытий меня ждёт! А ну избушка, повернись, дверь, отворись!

К удивлению Морошки, избушка послушалась команды.

– Я только возьму тетради и ручку. – Старушка сбегала в дом за письменными принадлежностями. Вскоре она ловко поднялась по лесенке. Дверь захлопнулась, зато открылось окно. Марья Ивановна весело выглянула из него в своём белом платочке. Она неуловимо изменилась, глаза задорно блестели.

– Бегом! – Крикнула старушка. Избушка лихо рванула с места. Она нашла себе хозяйку.

Морошке даже стало грустно. Но она всё равно не смогла бы стать Бабой Ягой. Избушке нечего делать на болоте – так увязнет, что не вытащишь.

Миновав деревню, Морошка вышла на бугор за околицу. Мотылёк снова не удержался, слетал на разведку.

– Там, в овраге ручеёк.

Морошка обрадовалась воде. Она спустилась вниз по склону, наклонилась и попила.

– Как ты думаешь, этот ручеёк согласится течь на наше болото? – Шёпотом спросила она мотылька.

– Между прочим, я всё слышу! – Прожурчал ручеёк. – Меня зовут Ольшанка.

– Ольшанка, ты не хочешь изменить русло и за деревней повернуть к лесу? – Поинтересовалась Морошка.

– Зачем? Мне и тут хорошо. Начинаюсь от родника, впадаю в озеро Чистое.

– Наше болото высыхает. Оно такое красивое. – Вздохнул Морошка. – Там густой камыш, обвитый повиликой с белыми цветами. Там зреет красная клюква. Там всегда шумно – там живут выдры, бобры, утки, гуси, лягушки, улитки, мотыльки, кикиморы.

– Я боюсь менять русло. Вдруг меня поглотит ваша трясина? – Ручей даже замедлил бег.

– О пожалуйста, хотя бы до зимы. А весной растает снег и болоту хватит воды.

– Думаешь, это так просто? Прокладывать новый путь. – Бормотала Ольшанка.

Морошка двинулась обратно, над ней порхал Мотылёк. Там, где заканчивался овраг и ручей тёк по равнине, его узкий, но быстрый поток повернул к лесу.

– Кажется, я здесь была. Знакомые места. – Рассуждала Ольшанка, пробираясь по траве. – Даже чувствую старое русло. Здесь песок и старые ракушки.

– Вечереет. – Заметила Морошка. – Придётся переночевать в лесу.

– Давай я понесу тебя. – Предложила Ольшанка. – Ты ведь не боишься воды? Она тёплая.

– Конечно. Ведь я кикимора. – Гордо ответила Морошка и бултыхнулась в ручей. Вода понесла её. Ручей был так глубок, что Морошка уже не доставала до дна ногами. Рядом на сухом листике балансировал Мотылёк.

– По пути я нашла родники! – Ликовала Ольшанка. – Теперь мне не страшны трясины!

Зато Морошка испугалась – воды прибавилось вдесятеро – не слишком ли для тихого болота?

– Ты можешь стать тише и не так широко разливаться? – Пропищала кикимора.

– Я не хочу! Я чувствую себя такой сильной! – Гордо заявила Ольшанка и вломила в лес. Морошка бултыхалась в бурлящих волнах.

Ольшанка хлынула на болотную трясину. Утки и гуси радостно расшумелись в гнездах на берегу – будет где учить плавать птенцов. Заквакали лягушки. Радостно нырнули в поток выдры. Болотник, Бродница и кикиморы высыпали из камышового домика и поток подхватил их.

Но он не остановился на болоте, а направился дальше в чащу.

– Вспомнила! Я уже была здесь речкой! – Звенела Ольшанка. – Дальше мой путь лежит в большую реку Дон, и вместе с ним в Азовское море.

Морошка выбралась на берег и села под старой ивой. Внизу струилась прозрачная вода Ольшанки. Морошка увидела в воде глазастую девчонку с длинными золотыми волосами. Вдруг поняла, что это её отражение. Вода смыла всю грязь с маленькой кикиморы. Она услышала звонкие голоса и смех – рядом плескались несколько светловолосых девочек. Это были её сёстры. А Бродница сбросила с себя ряску и под ней оказался серебристый рыбий хвост. Морошка вспомнила картинку на конфетном фантике и воскликнула:

– Оказывается, мы не кикиморы. Мы – речные русалки!

– Так и есть. – Кивнула Бродница. – А я русалка морская. Из моря Азова вышла замуж за Водяного. Но недолго счастье длилось, пересохла наша речка.

– Это я Водяной. – Признался Болотник.

Построили они новый дворец из камыша и стали жить-поживать в чистой воде.

Олег РОМЕНКО

ТИГРУНЕЧКИ

Недалеко от Белого города, в котором счастливо жили кошка Веснушка с мышкой Торопыжкой, на склоне холма под живописным хвойным лесом привольно раскинулся хутор Кривые Луки. Внизу, вдоль травянистых берегов, медленно текла речушка Тихая Сосна.

Дорога из хутора в город петляла и извивалась, как проворная змея. Ещё до революции разгульный ямщик проложил этот путь, а потом строители коммунизма одели кривую дорогу в асфальт и пустили по ней жёлтый автобус с чёрной гармошкой. После изнурительной тряски в пути хуторяне выписывали в городе такие вензеля, что полиция их по ошибке забирала в вытрезвитель.

В Кривых Луках жил один необычный старик. Когда он приезжал в город, то его всегда окружала толпа раздражённых людей. Они горячо спорили и размахивали руками. На расспросы удивлённых туристов старожилы отвечали: «Назанимали бы вы столько денег, и за вами бы так бегали».

Звали этого старика Владимир Устинович Криволуцкий. Был он лентяй и пьяница. И вовсе не старик, а дядька-выпивоха, который состарился раньше срока на тридцать лет.

Однажды утром, когда его подтянутый живот урчал, словно голодная собака, Криволуцкий решил навестить в город. Он подбелил бороду, надел старый костюм, обул шлёпанцы, надел очки и взял тросточку. Покрутившись перед зеркалом, Криволуцкий лукаво посмотрел на своё отражение поверх тёмных стёклышек, как это делал пройдоха Базилио, притворявшийся слепым котом.

В Белом городе в честь праздника Победы всех людей угощали солдатской кашей. Заняв место в хвосте очереди, Криволуцкий стал скромно ждать своей порции, опираясь на палочку. Но тут к нему подскочил юный волонтер и сунул в свободную трясущуюся руку хуторянина тарелку пшённой каши с тушёнкой.

— Кушайте на здоровье! — взволнованным голосом произнёс волонтер. — Захотите добавки — я рядом!

Тяжело кряхтя, Криволуцкий присел на лавочку и тут же получил тычок в бок:

— Устиныч! Ты корову купил?! Чего не здороваешься?!

Криволуцкий ахнул, узнав своего давнего приятеля дедушку Бабушкина, с которым они раньше трудились карусельщиками в парке. Но потом хуторянин бросил работу и стал жить подаяннем.

Владимир Иванович Бабушкин был настоящим дедушкой и получал пенсию. Выглядел он упитанным и солидным, в тёмном костюмчике, белых тапочках, с палочкой в руке. Обычно днём у него левый глаз бодрствовал, а правый спал, зато ночью всё было наоборот. Но сейчас дедушка Бабушкин, не щадя зрения, смотрел в оба глаза.

— Иваныч! — обрадовался Криволуцкий. — Слушай, займи пару тысяч!

Дедушка Бабушкин достал из кармана кошелек и спрятал под мышку, как градусник, плотно прижав рукой. Палочка ходила ходуном под его трясущейся ладонью, а сам дедушка покраснел, будто спелый помидор, от гнева:

— Устиныч, знаешь, почему тебе никто денег не занимает?!

— Почему, Иваныч? — прикинулся простаком старик.

— Потому что ты их никогда не отдаёшь! — возмущённо закричал Бабушкин.

— И не отдам, Иваныч! — подражая собеседнику, Криволуцкий тоже весь затрясся, опираясь на палочку.

— А не боишься, что кредиторы тебя того? — стращал Бабушкин.

— Я потому до сих пор и жив, Иваныч, что слишком многим должен!

— Ты бы пить бросил, да на работу устроился, — стыдил бывшего карусельщика дедушка Бабушкин.

— Работа... — Криволуцкий укоризненно посмотрел на Бабушкина поверх тёмных очков. — Ты бы мне что хорошее посоветовал.

— Ну так займись бизнесом, Устиныч!

— Да какой бизнес в наше тяжёлое время! — помрачнел хуторянин. — Круглый год фестивалим! То вареники бесплатно едим, то шашлыки, то блины, и всё вокруг в тюльпанах и гирляндах!

— А я вот вчера с внуком в зоопарке был! — Бабушкин ободряюще ткнул Криволуцкого плечом в плечо, отчего палочки в руках собеседников завибрировали, словно блендеры. — Там яблоку негде было упасть, а билеты раскупались, как горячие пирожки! Ты же хуторянин, Устиныч! У вас там разные звери бегают. Налови и открой в своей усадьбе зоопарк.

— А что! Это мысль! — просиял Криволуцкий.

— Так я и говорю! — обрадовался Бабушкин. — Дарю тебе бизнес-план бесплатно!

— Нет, Иваныч! — запротестовал Устиныч. — Бесплатно мне не надо!
Ты мне тысчонок десять дай!

— Зачем это?! — опешил Бабушкин.

— А мне надо подготовить территорию, нанять промоутера, заказать баннер, — загибал крючком тонкие жилистые пальцы Криволицкий. — Реклама — двигатель торговли, Иваныч! Без неё никак!

— А я тут причём?! — ошалел Бабушкин.

— Иваныч! Давай по чесноку! — Криволицкий вынул из кармана авторучку и лист бумаги. — Я тебеменной ваучер выпишу на десять тысяч, ты купишь на него акции моего зоопарка и будешь получать стабильный доход. Ну-ка, повернись спиной!

— Подожди, Устиныч! — разозлился Бабушкин. — Ты меня запутал, как моя бабушка из Хайфы! Какие акции, какие ваучеры?!

— Да ты не думай, Иваныч, ты деньги давай! Ты — инвестор! А думать я буду! — Криволицкий ловко вытащил у Бабушкина из-под мышки кошелёк. — Держи ваучер! С ним ты можешь хоть через сто лет прийти ко мне и получить всё до копейки, что тебе причитается!

Схватив деньги, Криволицкий вскочил и припустил так, словно он был в крылатых сандалиях. А дедушка Бабушкин подошёл к фонтану, намочил клетчатый платок и прикрыл им свою перегретую лысину.

— Ничего не понимаю! И кошелёк спрятал, и смотрел в оба, а всё равно остался без денег! Это не Криволицкий, а просто сволочь какая-то!

— Деда! Деда! — подбежал к Бабушкину внук. — Купи мороженое!

— Нет у меня денег, Игорёша! — растерянно ответил дедушка.

— Ты же пенсию получил!

— Я её инвестировал, — смущённо опустил глаза дедушка.

— Я всё бабушке расскажу!

— Погоди, деточка, — Бабушкин усадил внука на колени. — Я тебе сказку расскажу интересную!

— А про кого?

— Про Павлика Морозова! — сладко улыбнулся дедушка.

А Криволицкий, окрылённый новыми идеями, промчался через весь город и только у вокзала почувствовал, как он голоден. С горечью старик представил, как дедушка Бабушкин сейчас сидит на лавочке с его тарелкой и уписывает за обе щёки его порцию. Сглотнув слюну, Криволицкий унюхал поблизости японский ресторан и заскочил в него.

При неоновой освещении за столиками в полумраке сидели худощавые, лимонного цвета кожи, китайцы, упитанные бронзовые перуанцы, атлетичные кофейные африканцы. В руках они держали деревянные палочки и оживлённо галдели. А в самом укромном уголке на диване кошка Веснушка с мышкой Торпыжкой лакомились роллами.

Сначала Веснушка аккуратно слизывала розовым язычком кремовую шапочку мягкого сыра, затем Торопыжка хрумкала жареный рис, а подружке оставляла начинку — сочный лосось или королевскую креветку.

Криволуцкий не заметил трепетных комочков. Он не сводил глаз с иностранных студентов. «Какие диковинные люди! — удивлялся Устиныч. — Вот бы их в мой зоопарк, да сельчанам показывать за деньги!» Задумавшись, Криволуцкий стал поглощать роллы, и не заметил как проел всю пенсию дедушки Бабушкина в ресторане с приветливыми официантами и бешеными ценами.

Вернувшись на хутор, Устиныч заметил возле сельмага стайку ребят. Они сидели на корточках и рисовали на асфальте мелками. Подойдя поближе и опершись обеими руками на палку, Криволуцкий стал внимательно изучать рисунки.

— Деточки! — плаксиво пискнул Устиныч. — Помогите старенькому дедушке заборчик разукрасить! А я вам щеночка покажу!

Дети обрадовались, и старик объяснил им, что нужно рисовать. Вместе они добрались до самой бедной мазанки на краю хутора. Криволуцкий, охая, присел на завалинку, положил палочку на колени и задремал. А ребята достали из коробочек мелки и принялись за работу.

Совсем скоро серый дощатый забор был расцвечен всеми цветами радуги. На нём красовались усатые, мохнатые, клыкастые, рогатые, бородатые морды тигров, енотов, кабанов, антилоп, шимпанзе. Кого там только не было — жирафы, зебры, бегемоты, слоны, верблюды. Надпись сверху гласила: «Криволуцкий зоопарк». А чуть ниже приписка: «Вход — тысяча рублей».

Устиныч похвалил детей и провёл их через свой огород, заросший травой и колючками, а потом, интригуя глядя поверх тёмных очков, поманил детвору пальцем к дырке в заборе соседа:

— Идите сюда, вот щеночек!

Чёрный щенок лежал на траве под цветущей вишней, похожей на белое облако. Почуввав людей, он подскочил к забору, стал на задние лапы возле дырки, радостно залаял и завиллял хвостом.

— Дедушка Криволуцкий! — хором закричали дети. — Ты обманул! Как нам играть с щеночком, когда он там, а мы тут?!

— У волшебника Сулеймана всё по-честному, без обмана! — возразил старик. — Я обещал показать щеночка?! И показал! А больше я вам ничего не обещал!

К лету зоопарк был готов и несколько любопытных хуторян пришли на открытие. Криволуцкий выдал им билеты из окошка хаты и, задрнув шторку, прилёг на топчан.

Посреди огорода, заросшего бурьяном по пояс, гости увидели старый засохший абрикос, к которому старик прибил табличку: «Древо познания». На сучьях, как висельники на верёвках, болтались стеклянные банки с дырявыми крышками. В них копошились колорадские жуки, божьи коровки, медведки, сверчки, пара бесхвостых серых ящериц и земляные жабы. В одной из банок жужжал, как дрель — «Вззз...вззз...» — зелёный жук бронзовик. А в центре дерева был закреплён аквариум обвязанный сверху марлей, в котором порхали разноцветные бабочки.

Рассерженные посетители вернулись к мазанке и стали колотить в дверь. Криволицкий вышел, недовольно протирая глаза.

— Где тигры?! Где зебры?! Где жирафы?! — наперебой возмущались сельчане.

— А при чём здесь тигры? — Криволицкий надел тёмные очки, чтобы спрятать лживые глаза.

— У тебя на заборе нарисовано! — топали ногами посетители.

— Мало ли что на заборе нарисовано! — усмехнулся старик. — А чем вам жуки мои не нравятся?!

— Сам ты жук! — воскликнул самый здоровенный хуторянин, схватив валявшийся поблизости черенок от лопаты. — Сейчас ты у меня полетаешь!

— Ещё и майку полосатую надел! — поддержал товарища хилый хуторянин. — Дави, Петро, эту гниду колорадскую!

— Ой, не губите, соседки! — взвизгнул Криволицкий и кинулся гостям в ноги. — Сапоги ваши целовать буду!

Пока озадаченные хуторяне, не привыкшие к таким любезностям, чесали затылки, старик проскользнул ужом между ног одного из линчевателей и выскочил на дорогу.

Бежал он во все лопатки, сверкая голыми пятками, на другой конец хутора, где в большом кирпичном доме жила великанша Макаровна. Преследователи дышали беглецу в затылок. Но когда Криволицкий лёгкой пташкой перепорхнул через высокий железный забор Макаровны, хуторяне остолбенели:

— Как это мы, братцы, дряхлого старика догнать не смогли? Видно смертушка к нам уже крадётся.

А навстречу Криволицкому бежала маленькая болонка, заливаясь лаем, как соловей трелями. Устиныч весь скукожился и слабо завыл:

— Ну всё! Карачун мне пришёл!

Но тут широко распахнулась дверь, и на пороге появилась Макаровна в красном сарафане и белой косынке.

— Жучка! А ну брысь! — скомандовала она. — Заходи в хату Устиныч.

Криволицкий вполз в дом, как змея. Макаровна подняла его за шкуру и усадила за стол.

— Будем чай пить с баранками.

В руке гром-бабы чашка выглядела, как напёрсток. Старик, сидя на высоченном табурете, болтал ногами в воздухе и нанизывал про запас на свои запястья баранки, словно браслеты.

— Ты вот что, старый! — выслушав рассказ Криволицкого, начала Макаровна. — Если хочешь разбогатеть, поезжай в Белый город. Там в Лунном парке встретишь на лавочке у фонтана кошку с мышкой.

— А зачем они мне? — удивился старик.

— Вот дурень! — всплеснула руками Макаровна. — Они такие популярные! Их все продавцы знают и привечают. Там, где кошка с мышкой появятся, люди всё раскупают в магазинах подчистую. Вот эти трепетные комочки тебе и нужны в зоопарк!

— Чудно! — почесал лысину Криволицкий.

— Только ты их насильно не забирай, а пригласи.

— Почему?

— У меня напарница из Тарабаркино прошлым летом их похитила и в погреб посадила картошку сторожить. Так кошка с мышкой рассердились и разнесли всё в щепки! — воскликнула Макаровна, сделав страшные глаза. — Теперь она в «Магните» моет полы.

— Ой, не говори про работу, Макаровна! — всплакнул Криволицкий. — Бывает, вспомню, как мы с Иванычем карусельщиками пахали, так голова кругом идёт!

— Вот и думай! — наставительно сказала соседка. — Жуками не проживёшь!

— Слушай, Макаровна! — прыгнул с табуретки Криволицкий. — Помоги незаметно добраться до автобуса, озолочу!

— А чего же? Можно! — согласилась великанша.

Она сняла с подушки наволочку, положила на стол и запеленала в неё старика.

— Будешь кричать: уа-уа! — учила Макаровна.

Но меры предосторожности оказались излишни. Наевшись крошки с квасом, хуторяне разложили во дворах перины под яблонями и предались сieste.

Макаровна с Криволицким как раз успели к отправке автобуса. Соседка внесла в салон прижатый к груди свёрток с сорокалетним младенцем. А тот истошно орал:

— Уа! Уа! Уа!

— Угу! Угу! Угу! — успокаивала свёрток Макаровна.

Она положила его на сиденье, распеленала, забрала наволочку и пошла домой. Возмущённый водитель в бейсболке обернулся и грозно закричал:

— Так ты старик, а не младенец! А ну, плати за проезд!

— Как быстро мы растём, взрослеем и стареем! — печально вздохнул Криволицкий и полез в карман за мелочью, оставшейся от пенсии бабушки Бабушкина.

В городе ушлый старик сразу нашёл трепетных комочков в Лунном парке. Веснушка с Торопыжкой отдыхали на лавочке под старым клёном. Рядом из круглых отверстий били пенные струи сухого фонтана, то прячась, то снова выстреливая вверх. Дети с радостным визгом носились по железным решёткам между струй. Их родители сонно улыбались, а бабушки увлечённо беседовали по телефону.

Парк был узкий, но длинный. Вдоль центральной аллеи тянулись лавочки, клумбы и большие круглые фонари. Когда вечером их зажигали, то каждый фонарь был похож на луну, до которой легко дотянуться рукой.

Трепетные комочки разнеженно любовались друг дружкой, вытянув лапки. С дальней стороны парка зазвонили колокола. И тут на лавочку тихо присел Криволицкий с лукошком. Старый пройдоха воровато осмотрелся по сторонам сквозь тёмные очки и кашлянул.

— Молодые люди, — обратился он к трепетным комочкам, — можно тут присесть?

Веснушка с Торопыжкой отодвинулись на другой конец лавочки и нахмурились.

— Не бойтесь! — приторно улыбнулся Криволицкий. — Я в деревне живу, коровку держу, хочу вас маслицем угостить. Полезайте в лукошко, будете гулять у меня по травке на свежем воздухе, нюхать цветочки.

Веснушка укрыла Торопыжку хвостиком, выпустила когти и угрожающе зашипела.

— Ну, как знаете, — Криволицкий нехотя встал. — Надумаете, моя хата с краю села. А если не застанете меня, то ключ под ковриком у двери.

Старик ушёл, а трепетные комочки призадумались. Вскоре на небе появилась весёлая мигающая звёздочка, на которую они любили вместе смотреть перед сном. Незаметно Веснушка с Торопыжкой задремали и пригрезилось им, что на хуторе их встретил Криволицкий, посадил в лукошко, принёс домой и выпустил на лужайку. Посреди двора у него рос большой цветущий абрикос, вокруг которого жужжали шмели и пчёлы. А внизу прыгали кузнечики, шуршали ящерики и ползали бронзовики.

Пока трепетные комочки восхищались красотами, Криволицкий подоил коровку, взбил жёлтый шарик масла и подал его Веснушке с Торопыжкой. А они, словно заправские футболисты, перекачивали

лапками по лужайке, похожий на солнышко шарик, и понемногу слизывали его язычками. Потом уставшие и счастливые трепетные комочки лежали на шелковистой травке и любовались малиновым закатом.

Утром Веснушка с Торопыжкой проснулись от шума поливальных машин, медленно движущихся вдоль клумб. Умывшись, напившись и посоветовавшись, трепетные комочки помчали на автовокзал, вдохновлённые сном, который видели вместе, будто наяву.

На остановке у автобуса собралась очередь. Ехали до Кривых Лук не только хуторяне, но и дачники. Трепетные комочки проскочили между ног у людей и спрятались под сиденье.

— Алё, пассажиры! — возмущённо закричал водитель в бейсболке. — Кошка чья? Кто за кошку платить будет?

— Да разве за кошек платят? — удивилась крупная дачница с цинковым ведром. — Я свою Мусю бесплатно в троллейбусе вожу!

— Мадам! Я вас умоляю! — ехидно растянул лягушачий рот водитель. — Здесь вам не троллейбус, а междугородный авиалайнер! Платим за кошку или никуда не летим!

— Да подавись ты, бензиновый жлоб! — швырнул водителю синюю бумажку высокий огородник с тяпкой в руке. — Поехали уже!

— Успеешь ещё поработаться. Остынь, Петрович! — окликнула его хуторянка в красном сарафане.

— Вор у меня завёлся, Макаровна! — пожаловался Петрович. — Маленький такой, лысый и в тёмных очках. Юркий, как ящерица. Только петрушка взошла, так он её повыдергал, паразит! Поймаю, ноги ему выдерну!

Веснушка спряталась под сиденьем, укрыв хвостиком безбилетную Торопыжку. Автобус тронулся по кривой дороге зигзагами, и всё живое в салоне смешалось в кучу-малу. Пассажиры были похожи на футболистов, забивших гол, и от радости попадавших всей командой друг на друга. Когда они выбирались из автобуса на конечной остановке, водитель снова завопил:

— Так вы ещё и мышь бесплатно провезли! Бессовестные! То старик прикидывается младенцем, то мышь катается зайцем! В следующий раз буду у всех карманы на входе проверять!

Веснушка с Торопыжкой осмотрелись по сторонам. Травка вокруг серебрилась от росы. Над лугом стелился белый молочный туман. А ещё выше, в полупрозрачном мареве, пробивалось, словно яичный желток, солнышко. Этот пейзаж был похож на омлет, который по утрам готовят люди, и трепетные комочки, вкусно облизнувшись, отправились вверх по

тропинке к хутору. Найти чахлую развалюху старика им не составило труда.

— Криволуцкий уже и кошке с мышкой задолжал? — дивились сельчане, провозжая долгими взглядами из окон, бодро шагающих трепетных комочков.

Калитка старика была сорвана с петель и валялась на земле. Осторожно проникнув во двор, Торопыжка нырнула под половику за ключом, но нашла там только тонкий гранитный камушек. Веснушка встала на задние лапки, и попыталась засунуть камушек в замочную скважину. Но дверь не поддавалась, а окна были задраены ставнями.

Трепетные комочки забеспокоились. Они скреблись в двери, бегали вокруг дома, ища щёлочку, жалобно мяукали и пищали. А Криволуцкий всё это время лежал дома на топчане и скалился, высунув язык, как брехливая собака. Он решил не пускать кошечку с мышкой. «Пусть ночуют на улице! — думал он. — Потом покладистее будут». Веснушку Криволуцкий собирался посадить на цепь, а Торопыжка её не бросит, да и цепь железную не перегрызёт. И будут они вместе ходить вокруг дерева и плакать, а люди подумают, что они поют или сказки рассказывают. И деньги к старику потекут рекой.

Пока трепетные комочки искали вход, над хутором собралась большая чёрная туча. Сразу пахнуло холодом, поднялся ветер, загудели, зазвенели, раскачиваясь, банки с жуками, жабами и ящерицами на засохшем дереве, громыхнуло небо, полыхнула молния и обрушился сильный ливень с градом на огороды. Веснушка с Торопыжкой спрятались под крыльцом, забившись в самый угол, куда не долетали брызги, и дрожали, обнявшись всеми лапками и прижавшись животиками.

А утром, когда всё стихло и над хутором просияло умытое дождём солнце, трепетные комочки проснулись среди разломанного в щепки крыльца. Они потянулись и почувствовали в себе богатырскую силу. Их мордочки доставали до самых окон хаты. В большой луже Веснушка с Торопыжкой увидели отражения тигров, облизывающих пышные усы. У них были белые животы, оранжевые спины и бока с яркими чёрными полосами по всему телу, а кончики длинных хвостов загнулись колечками.

Осмотревшись по сторонам, тигры подошли, порывивая, с засохшему абрикосу, опоясанному железной цепью. Вокруг дерева валялись осколки битого стекла.

— Смотри, Торопыжка! — возмущённо сказала тигрица тигру. — Этот подлый обманщик хотел посадить нас на цепь, чтобы мы ходили по стеклу вокруг дерева, ранили себе лапки и плакали!

Сзади раздалось громкое бултыхание. Это Криволуцкий вышел на крыльцо, да сел в лужу. Он барахтался в воде и искал свои очки с тёмными стёклами.

— Криволуцкий! — сердито зарычали тигры. — Ты почему не впустил вчера в дом кошку с мышкой?! Ммммм?!!

— Господь с вами! — хуторянин нацепил очки и трижды перекрестился, как набожный вор перед кражей в церкви. — Я чуть свет вчера маслице взбил, каравай испёк, стол накрыл! Сижу в горенке дожидаясь, а трепетных комочков всё нет и нет! К Макаровне бегал, с чердака высматривал — не идут ли?! У соседей собачку Чапу одолжил! Мы с ней все овраги прочапали! А ночью, когда ураган поднялся, я дверку приоткрыл, свечку зажёл и молился за их спасение!

— Криволуцкий! — встали на дыбы тигры. — Ты подлый обманщик! Мы тебя сейчас на молекулы разберём!

— Дайте слово молвить! — зарыдал хуторянин.

Но как только тигры снова сели, старик показал им спину и, как проворная лягушка, сиганул из лужи обратно в свою мазанку. Запер дверь на засов и был таков.

Стены избышки у этого пройдохи были из глины, а крыша из камыша. Тигры покрутились вокруг дома, а потом тигр Торопыжка поднялся во весь рост и обхватил передними лапами трубу. Лачуга зашаталась и рухнула.

Над руинами поднялось облако едкой пыли. Тигры зажмурились и дружно чихнули. А Криволуцкий выбрался из погреба и рванул со всех ног к речке. Отчаянными воплями он переполошил всех соседей. Очки упали с носа старика на траву и тигрица Веснушка раздавила их, как яичную скорлупу. Соседи высыпали из домов и загалдели, размахивая руками.

— Видели? У Криволуцкого тигры из зоопарка сбежали!

— А говорили, там ничего, кроме жуков не было!

— Смотрите! Он бежит топиться в реку!

— Ещё бы! С тиграми шутки плохи!

В Телеграм всезнающие блогеры растрезвонили, что директора криволуцкого зоопарка съели тигры. Дедушка Бабушкин достал из шифоньера ваучер и оросил его обильными слезами:

— Плакали мои денежки!

А тигры тем временем загнали Криволуцкого в речку. Стоят на бережку и лапами к старику тянутся, воду разбрызгивают. А лысая голова у Криволуцкого, как поплавок, то нырнёт под воду, то вынырнет.

— Спасите! Тону! — орал Криволуцкий, стоя на четвереньках в воде.

Люди опасливо достали телефоны и раскричались на все голоса:

— Алё! Спасатели?!

- Срочно скорую!
- Полиция?! Высылайте спецназ!
- Пожарная?!

Привлечённая шумом, с холма к речке вихрем сбежала стайка ребяташек. Те самые, которые разрисовали забор Криволицкому. Дети сразу заметили, что в воде вместо тигров отражаются Веснушка с Торопыжкой, только очень рассерженные, воинственно машущие лапками.

— Куда вы, дети! А ну стойте! — закричали взрослые.

— Не надо полицию! — звонко ответили ребята. — Это же трепетные комочки! Тигрунечки!

Они радостно кинулись обнимать тигрунечек, и вместе с ними повалились на траву. Дети ласково гладили полосатых пушистиков, чесали за ушками, тёрлись об их щёчки, целовали в лобики, и тигрунечки млели от удовольствия. И были Веснушкой и Торопыжкой уже не сердитыми, а добрыми, весело мурчащими, непонятно говорящими.

Когда к детям подошли удивлённые взрослые, то поднялся такой гвалт, что трепетные комочки окончательно проснулись и услышали пронзительный женский крик:

— Человек тонет!

Со спасательной вышки человек в оранжевом жилете сиганул рыбкой в реку. Он высоко взмахивал руками и разбрызгивал воду у себя над головой, словно кит.

Трепетные комочки снова превратились в Лиду и Лёшу. Они отдыхали на белых лежаках, держась за руки. На безымянных пальцах у них сверкали обручальные кольца.

Спасатель вышел из воды, волоча за собой, словно санки, тощего старика. Острыми пятками утопленник чертил на песке колеи, будто обозначая путь, где следует проложить рельсы. В рыжей бороде у него запутались водоросли, похожие на ёлочную мишуру, а на лысине сидела, как приклеенная, синяя стрекоза.

Человек в оранжевом жилете уложил старика под вербой, склонился над ним и надавил скрещенными ладонями на впалую грудь. Сперва изо рта утопленника выскочил зелёный головастик, затем серебристый малёк, а потом и сам старик издал хриплый вздох.

— Ну, теперь порядок, — облегчённо сказал спасатель.

Он тяжело поднялся и устало пошёл к вышке. Лопатки у него выпирали, словно крылья у ангела-хранителя.

А воскресший старик первым делом глянул в свой телефон и возмущённо воскликнул:

— Восемнадцать пропущенных! Этот Бабушкин просто псих какой-то!

Он нажал вызов и включил громкую связь. Вместе с первым гудком раздался раскатистый голос Бабушкина:

— Криволуцкий, почему на звонки не отвечаешь? Миллион выиграл?

— Как погода в Хайфе, Иваныч? — уклончиво ответил старик.

— Райская тоска! Так и тянет в родную сторонку! — бодро рокотал Бабушкин. — Слушай, Устиныч, мы тут с бабушкой покумекали, а что если твою хату переделать в гостиницу для сельских туристов?!

— Нет у меня больше хаты, Иваныч! Впустил трепетных комочков, так они всё в дым разнесли! Это не кошка с мышкой, а просто звери какие-то! Теперь ючусь у Макаровны, удаляю грязь в труднодоступных местах.

— Понятно! Ты теперь у неё заместо ёршика! — засмеялся Бабушкин и осёкся. — Постой, а как же мой ваучер? Ты говорил, что я и через сто лет могу к тебе прийти и получить всё до копейки!

— Вот через сто лет и приходи, Иваныч! А сейчас у меня временные трудности и отрицательный рост! Давай, расти большой, не будь лапшой!

Хитрый старик оборвал вызов, потёр ладошки, вынул из рюкзака зеркальце да баллончик с белилами, и принялся перекрашивать бороду.

Лёша с Лидой сразу вскочили с лежаков, и — хрясь! — нечаянно раздавили тёмные очки старика. Тот взвизгнул, а молодые люди побежали купаться в речку, держась за руки, как дети.

Научившись перевоплощаться, волшебные трепетные комочки не помнили зла и легко отпускали прошлые обиды, которые, словно осы, жалят сердца людей, отнимая у них радость от жизни в настоящем.

ПОЛЁТ НАВИГАТОРА

Дмитрий ИГНАТОВ

РЯБИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ

Солнце только показалось из-за горизонта, а Никитична уже была на ногах. И хотя ноги всё чаще подводили — то зашоркают разб́м, то на ровном месте заплетухнутся, то колени разболят к перемене погоды или так — но поддаваться их прихотям Никитична не желала. Да и как тут поддаваться, когда делов-то кругом? Курей накорми, двор прибери, огород, какой-никакой, да есть — со всем управляться нужно. Хоть и не лето — середина октября — но всё же.

А тут на днях дёрнул её чёрт рябины набрать. И зачем бы она нужна была? Пусть бы птицы склевали, порадовались в холодное зимнее время. Но уж больно красивые крупные грозди свешивались с веток почти к самому морщинистому лицу Никитичны. Ни грибов и ничего другого ей в тот день так и не подвернулось. А рябина так манила своими ярко-красными ягодками. Набрала Никитична тогда целую корзину. Зачем? Она и сама не знала. Ещё не дойдя до дому, принялась себя ругать. «Куда пружу? Позарилась, как сорока. Мало мне всё вечно. А теперь что же? Тащить тяжело, а выкидать жалко. Ладно. Варенье сварю».

Вспомнила, что давно собиралась мешок с сахарным песком до путя довести. От долгого хранения содержимое его слиплось, склеилось большими сахарными комьями, почти что каменюками. Приходилось каждый раз с самого верху ложкой наскоблить. Ни чаю свободно не попить, ни печево присыпать. Давно бы весь его переколупать, да не с руки и повода не было. Так и откладывалось.

Провозившись до ночи с сахаром, Никитична окончательно приморилась. Не помнила даже, как стянула мужнины сапоги и улеглась на скрипучую кровать. Ночью пробудилась только ненадолго от какого-то шума. Кажись, громыхнуло, но, не поняв, что именно и где, сразу снова уснула. А утром перво-наперво принялась за варенье.

Перебрала ягоды. Намыла банки. Закипятила воды. И тут почудилось ей, будто кто за окошком прошёл. А потом ещё раз в ту же сторону. И ещё. Да, не почудилось. И кто бы это мог быть? Никитична и в прежние-то

времена на отшибе жила. А как все в города подались, тогда и вовсе. Со всей деревни один дом её обжитой. Никого кругом.

Вышла Никитична на крыльцо. Глядит — снова по дорожке человек идёт. Чуть сутулится, но вроде молодой. И одет по-военному, да не по погоде.

«Чего круги наматываешь? — окликнула его. — Мож, в дом зайдёшь? Замёрз, небось?»

Посмотрел он на Никитичну молча. И так, сквозь как бы. Словно и речи человеческой не понимает. А глаза такие... Голубые, что ли. Ясные. И как огнём электрическим светятся. Посмотрел он и дальше двинулся. «А куда? Тропинка-то эта на болота ведёт. По ней раньше все по грибы, по ягоды ходили. А этот не местный. Поди, ещё и юродивый. Сгинет по незнанию». Решила так Никитична и пошла следком.

Тропка узкая. Глубже в лес зашла и стала промеж деревьев петлять. Впереди спина чуждого незнакомца маячит. Никитична позади — подотстала — за молодым не утонишься. Да и осторожничают. Опасливо, но любопытно. Впрочем, неизвестный ни разу и не обернулся.

Вышли к воде. А он, не разбирая дороги, так в неё и пошёл. Мужнин сапог Никитичны в жижу чвякнул. А парень даже под ноги не смотрит.

«Эй! Куды ты прёсся?! Там же ж самая топь!» Нет. Не оборачивается. Не слышит.

Пригляделась Никитична и тут же обомлела. Перекрестилась аж. Незнакомец этот идёт, а воды не касается. Не то, что по колено не уходит, а даже ряби после него не расходится. Натурально, аки по суху. Чертовщина какая-то!

Дошёл он таким макаром до самой середины, куда и самый скаженный охотник не сунется, и тотчас пропал. Растворился в воздухе, как и не было. Тут Никитична уже во второй раз перекрестилась. И стоит в тишине и в одиночестве. Ждёт чего-то. Да только ничего странного больше не происходит. Тина на воде покачивается. Камыш чуть колышется. Лягушки квакают. Птицы в ветках изредка голос подают. Желтеющая листва шумит. Не на что смотреть, в общем. «И чего стою, как дура? Тьфу!» Плюнула Никитична. Пошла домой варенье доваривать. Только не до него уж...

Никак у неё странный случай из головы не идёт. Даже молитвенник старый нашла. Мать-покойница частенько его открывала, шептала под нос себе. А муж, когда жив был, не особо это дело приветствовал. «Ересь всё это!» — говорил. Может, так. А, может, и не так. Да только, что там читать, тоже знать надо. Не всё ж подряд — от корки до корки. А тут ещё и написано не по-человечьи. Язык сломать можно. «Ну её к шуту!» Закрыла Никитична книжицу. Полезла на чердак, где мужнино ружьишко

хранилось завёрнутое в промасленную рогожку. Ружьишко-то понадёжнее будет... Достала. Вот оно! Лежит, как новёхонькое. Муж к вещам трепетно относился: берёг, ухаживал. Хотя сейчас заряжай да на охоту. А чем заряжать-то? Крутнулась Никитична по хате, вытащила из трюмо надорватую картонку с патронами. Штук шесть и осталось-то... Зарядила два жекана, взвела курки, как муж показывал. Села с ружьишком в руках, задумалась. А оно стрельнёт ли вообще? Мож, от времени и порох-то негожий стал. Испытать бы... Пошла во двор. Наметила себе мишень — старое ведро с дыркой на полдна, пристроенное на заборе. Вскинула оружие. Приклад в круглое плечо упёрла. Прищурилась. Дыхание затаила... И не выстрелила. Заболела чего-то.

Стала по обыкновению с хозяйством управляться. Пока курям еды задала. Пока листья насорившиеся со двора смела. Пока то, да сё. Уже и день к вечеру. Темнеет. И сама устала. Так до варенья руки-то снова и не дошли. Ружьишко подле кровати в углу поставила. Дух перевела. Улеглась. Уснула.

А утром первым делом за ягоды. Что ж такое? Перебирала ж вчера вроде... А они не перебраны. Али слепая такая стала, что с ветками всё поскидала... Заново занялась. Ну, теперь уж точно сделала. Глядь, а банок нет! Ну, банки-то уж точно она вчерась намывала. Не могла же запомнить? Точно намывала. Как раз и этот странный за окном маячил... Поставила воды. Взясась банки по-новой подготавливать. Глянула в окно. И точно — по дороге вчерашний парень идёт. И прямо к дому.

Оглянулась Никитична, хотела припасённое ружьишко взять. А нету ружья-то! Куда девалось? А незнакомец уж на крыльце. Уже в дом входит. И спокойно. Как к себе. Сел на табурет у кухонного стола, и смотрит своими глазюками светящимися внимательно и задумчиво так.

«Ты чего пришёл-то?» — спрашивает Никитична. Только потом сообразила, что как-то шибко грубо это у неё получилось. Но парень и ухом не повёл. Привычный, видать.

«Приглашали же» — отвечает.

«Так то вчера было».

«Вчера? — переспросил, а сам будто не понимает. — А... Ну, да... Наверное».

Разглядывает гостя Никитична. И правда военный, что ли? Кителёк с глухим воротом по самую шею. Брючки в цвет, явно форменные. Но не галифе, а как штатские. Парадные, что ли? Судя по обуви — так да. Не сапоги, а почти туфли лаковые. Само то по болоту расхаживать! Станный вид, в общем. И ткань-то у одежды сама блекло-серая. Кто в такой ходит? И ни тебе погон, ни лычек... На плече только... то ли квадратики, то ли

ромбики нашиты в форме птички, якоря или чего-то такого. Моряк али лётчик? Не поймёшь.

«Ты, что ли, в звании каком?» — уточнила Никитична уже мягше.

«Капитан» — говорит.

«Подводник, штоле?» — решила угадать хозяйка.

«Наверное... Уже да...»

Ну, вот как такого понять? Решила ещё спросить.

«И откуда же ты сюда свалился?»

Гость ничего не ответил. Молча пальцем вверх указал. Ну, точно — контуженный. Выпрыгнул с самолёта, а парашют не раскрылся. Вот он, видать, головой об землю и шандарахнулся. Но вроде не буйный. Сидит спокойно. По сторонам оглядывается. Интересуется вроде как.

Совсем потеплела Никитична. Жалко парня-то.

«Давай тогда хоть чаем тебя напою. Варенье у меня только не сварено ещё... Ну ничо. можно с сахаром. Хлеб маслом намажу. Поешь?»

Незнакомец головой замотал.

«Спасибо. Но мне пора». Встаёт и к выходу. Хозяйка следом. Проводить же нужно.

«Ну, завтра заходи, что ли...»

«Завтра?» — обернулся. Опять не понял чего-то. «Да. Зайду».

«Недалеко живёшь-то?» — полюбопытствовала Никитична.

«Там», — махнул в сторону.

«На болотах?»

Кивнул парень в ответ, и так же не торопясь по тропинке зашагал.

«Странный он всё-таки, — рассуждала Никитична, пока с вареньем возилась. — И зачем сказала, чтобы завтра заходил? Кто таков? Откуда? Ходит кругами... Нужен он тут больно! Зачем сказала?... Как чёрт дёрнул!»

Вспомнилось, что давеча видала, как незнакомец по болоту шёл. Всё же, думала, привиделось! Отгоняла от себя. Да какой там! Она же не самогонку, в самом деле, а варенье варит. Такое просто так не привидится. Точно — чёрт! Не зря говорят, что черти добрых людей искушают повсячески. Показывают им разное. Он, может, и меня саму утопить хотел? Да, видать, Бог миловал! Перекрестилась опять Никитична. Продолжила вареньем заниматься.

А получилось оно красивое. Ягодки плотные. От кипятка запрозрачевели. На свету янтарём горят. Красота — да и только! Шесть банок без малого. Вся корзинка ушла. И песку три кило.

Облизала Никитична ложку. Кастрюлю сполоснула. Села. На банку смотрит. Любуется.

«Загляденъе! Да поем ли... Тут жить-то остаётся до следующего понедельника». Вздохнула. С такими скорбными думами о вечном и спать легла.

А утром уже и не до вечного. Курей покорми, двор приברי... Солнышко осеннее не греет совсем, но светит ярко. Дом золотым сиянием наполняет. Щурится Никитична. Улыбается невольно.

Глянула на полку, куда варенье ставила, да и оторопела. Нету! Ужель, украл кто? Смотрит, а и банки-то на месте. Вот они наготовлены — все шесть штук — невымытые только. Бросила взгляд на корзинку в углу — и тут совсем обмерла. Полная ягод стоит. Всё такая же — с ветками. Как только что принесена. Ну, точно — чёрт шалит! Кинулась к окну. А там он как раз. Уже не спеша по дороге шагает.

Проверила Никитична щеколду на двери. На всякий случай ещё и тяжёлый засов опустила, которым прежде отродясь не пользовалась. Поспешила за ружьишком. А оно всё там же — на месте — на чердаке в рогожку завернуто. Взяла. Слезла. А незнакомец уже на кухне на табурете сидит, на стол локтем облакачивается.

«Здравствуйте» — говорит. Издевается, ясное дело.

«Ты чего меня путаешь? А? — строго спросила Никитична, а сама ружьём в парня грозно тыкает. Даром, что не заряжено. — Куда варенье моё девал?»

«Никуда не девал» — спокойно ответил незнакомец, словно вовсе и не испугался. Скорее заинтересовался только.

«А кто девал? Я вчера только варила, а сегодня его уже нет».

«Конечно, нет. Вы же сегодня его ещё не варили. Откуда ему взяться?»

Так убедительно он это сказал, что Никитична даже внутренне согласилась по первости. А, действительно, откуда? Не варила же! Аж ружьё чуть вниз опустила. Только через секунду опомнилась.

«Ты мне тут зубы не заговаривай! Признавайся давай!»

«Пойду...» — проговорил незнакомец, поднимаясь с места.

«Куда пошёл?»

«Пора мне...»

И не обращая внимания на нацеленное оружие бесшумно в сени вышел. Ни дверь, ни половица даже не скрипнула. Вот уже и за окном с дороги на тропинку свернул. По-за деревьями к болоту идёт. Никитична к двери. А там и щеколда, и засов — всё на месте. Как она изнутри заперла, так и есть. Ну, чёрт! Как пить дать, чёрт шкодливый!

* * *

Застоялось в этом году бабье лето. Вроде бы и снегу пора лечь, а даже дождей нет. Это оно приятно, конечно, да как-то не по правилам.

«Аномалия» — донёлся до Никитичны незнакомый хриловатый голос.

«Ничо! Разберёмся!» — бодро ответил другой, явно помоложе.

У входа скрипнули доски. Кто-то пару раз сильно стукнул в дверь.

«Хозяева есть?!»

Никитична обернулась. «Неужто снова лукавый шалит? Вроде нет. Он тихо заходит...» Пошла отворять. Сняла засов, щеколду повернула. На пороге стояли двое в шапках. В руках длинные тонкие палки, за плечами — рюкзаки. Один пониже и постарше — в очочках круглых. «На дохтура похож». Другой высокий и худосочный — вроде студент или солдатик молодой. Ружьё у него на плече ещё.

«День добрый, бабуля!» — улыбается молодой. Старый важно кивнул, что-то под нос пробурчал. Никитична в ответ поздоровалась. Эти вроде не странные. Одеты по-людски хотя бы.

«Мы это... Из исследовательской группы...»

«Из геологической партии» — поправил похожий на доктора.

«Ну, да... — осёкся молодой, — Только это... Заплутали тут у вас чутка. Дорогу не подскажите? У нас и карта имеется».

Высокий достал из-за пазухи сложенный в несколько раз лист.

«Отчего ж не подсказать? Подскажу. Заходите. Присядете хоть... В ногах правды нет».

Эти гости были попонятнее предыдущего. Бегло осмотрелись. Рюкзаки в углу свалили. Прочие вещи — сверху. Сели за стол. Сразу на нём карту свою расстелили. По всему видать — деловые. Ну и от чаю отказываться не стали. Всё вежливо, обходительно.

«Что-то я ни одного местного ориентира на карте не вижу» — посетовал тот, что постарше был.

«Истинно — белые пятна» — поддакнул второй.

Никитична мельком глянула на план местности.

«Да вы, может, не туда смотрите. Вот же дорога наша обозначена. Луг, лес. Это вот болото, поди... А вот тут примерно дом мой».

«Так эта точка в двадцати километрах! Как же это мы так...» — почесал репу молодой.

«Да уж не знаю, как это вас угораздило два десятка вёрст кругалю отмотать...».

«Всё в навигации дело» — пояснил тот, что на дохтура смахивал, достал компас и на стол положил.

Стрелка у прибора крутилась безостановочно, как заведённая.

«Сломана, видать, ваша навигация, — оценивающе проговорила Никитична, — ишь как бесится».

«Бесчинствует, положительно, — подтвердил старший и перевёл взгляд на товарища. — А я вам говорил, батенька, кругами ходим!»

«А вы, бабушка, откуда в картах так разбираетесь?» — удивился тот, глянув на хозяйку.

«Я не в картах, а в местности разбираюсь. Муж тут смолоду охотился. Ну, и я...»

Геологи переглянулись. Вот, мол, бабка, даёт. «Таёжница!» — посмеиваются.

Дальше сидят, чаёвничают, какие-то свои разговоры разговаривают про азимуты и напряжённость магнитных полей.

Никитична тем временем продолжает вареньем заниматься. Ягоды в очередной раз от веток обобрала. Поглядывает в окошко изредка: не явится ли чёрт опять. Нет. Пустая дорога. Опаздывает, что ли? Уже и гости засобирались. «Спасибо за чаёк, — говорят. — Пойдём. Попробуем дотемна к основному лагерю выйти».

Собрались. Оделись. На дороге ещё жестами пообсуждали чего-то. И пошли по тропинке, по которой чёрт гулял. Ну куда их всё несёт? Топь же там. Топь! Неужель не догадываются, что надо повдоль леса крюка дать, чтобы болото обогнуть? Подождала Никитична с четверть часа: не воротятся ли назад. А самой тревожно. Нет. Неидут. Варенье с огня сняла. Набросила душегрейку. Сама пошла.

На улице не зябко вроде, а колотит. Нервное. Чувствует своим женским чутьём неладное что-то. Не заметила, как промеж деревьев и кустов к воде вышла. Слышит поодаль что-то плещется. Присмотрелась — молодой геолух это. Почти под воду ушёл. Одни руки на поверхности да часть головы в шапке. И уж не кричит, а хрипит только. Воды с тиной нахлебался.

Хотела было Никитична тоненькую осинку накренить, чтобы парень ухватился. Да куды там. Сил-то былых давно нет. Пока подходила, пока нагибала, он совсем под воду ушёл. Одна шапка осталась... А в паре шагов — вторая. И палки эти их длинные. Оба, видать, чуть в сторонку с кочки шагнули да сразу и ухнули.

Вернулась Никитична в дом сама не своя. А там уже чёрт сидит. Как раз за столом, где геологи чай пили. На стаканы пустые смотрит.

«Ну, как прогулялись?» — спрашивает. Вроде как издевается, но грустно как-то.

«Гад же ты, — не сдержалась женщина. — Сколько душ на этом болоте загублено!...»

«Не знаю... Это не интересно».

«Что ж тебе, рогатый, интересно?» — удивилась Никитична.

Даже злиться на своего незваного гостя сил у ней больше не осталось. Плюхнулась рядом на соседнюю табуретку.

«Интересно, инвариант ли это...»

«Инва... Чего?»

Молодой человек ничего не стал больше говорить. Ушёл ясным взглядом куда-то. В какие-то свои инфернальные мысли. Будто и не тут он вовсе. А потом очухался, сказал загадочно «Вот завтра и посмотрим...» и растаял. Как есть — рассыпался в невесомую труху и исчез.

Всю ночь Никитична проворочалась. Никак уснуть не могла. Всё дневные страсти из головы не шли. Вроде приснула, да тут уже и первые петухи. Пора за работу браться.

Тому, что варенье не поварено и ягод опять полна корзина — Никитична даже не удивилась. Ладно уж. Как бы чего похуже не приключилось.

Принялась за привычные дела. Туда-сюда крутится. В окошко поглядывает. Снова чёрта своего ждёт. Без него вроде как и непривычно таперича. Смотрит, а к дому вчерашние геологи идут. Живые только. Да, точно они. Один пониже да постарше, похожий на дохтура. Другой повыше и помоложе, солдатик или студент. Дом со вниманием изучают, к двери направляются.

Никитична от окна отпрянула. Боязно со вчерашними покойниками всё-таки встренуться. Они уж и в дверь барабанят! А тут и чёрт откуда ни возьмись. Сидит себе спокойно.

«А вы им не открывайте» — советует.

Не привыкла Никитична чертей слушать, но тут спорить не стала. Самой отворять страшно. Притихла. Ждёт, что дальше будет. Стук прекратился. Ну, геологи, стало быть, люди образованные, интеллигентные, хоть и покойники, в дом ломиться не стали. Напротив крыльца потоптались, в карту свою посмотрели, руками поводили. Вроде как решали, куда дальше им деваться. Туда же и пошли, как вчера — по тропинке через лес к болотам — в самую топь.

Никитична аж вздохнула с облегчением. И только молодой человек скорбно повторил:

«Инвариант...»

«А по-человечьи?»

«Неизменность. Отсутствие альтернатив. Единственная возможность».

«Безысходность, что ли?»

«Ага...» — ответил парень и задумчиво посмотрел в окно. Никитична тоже задумалась.

«Так что же они? Души такие неприкаянные, которые будут вечно кругами ходить и в болоте топиться?» — озвучила она пришедшее ей на ум предположение.

«Можно и так сказать».

Гость, назвавшийся капитаном, которого женщина накрепко записала в злые духи, теперь показался ей разочарованным и печальным.

«Слушай, а ты сам-то не утопленник часом?»

«Можно и так сказать...» — повторил молодой человек то ли в ответ на вопрос, то ли подытоживая собственные мысли.

«Бедные, — сочувственно проговорила Никитична. — Это ж надо цельную вечность... Изю дня в день маются...»

«А вы разве нет?»

«А что я? — не поняла женщина. — Я в болоте не топилась!»

«Не топились... Но вы снова всё забыли».

«Что забыла?»

«Этих людей. Меня. Наш разговор...»

«Ничего я не забыла! — нахмурилась Никитична. — Я ещё из ума не выжила!»

«Конечно, нет. Но, вероятно, человеческое сознание построено на восприятии постоянно меняющейся реальности. А когда попадает в инвариант...»

«Ты мне тут словами мудрёными не щеголай!»

«Ну, хорошо... Давайте с начала..., — вздохнул парень. — Знаете, сколько раз вы пытались спасти этих двоих?». Он кивнул в сторону леса, где скрылись геологи.

Никитична хотела возразить, что впервые увидела их только вчера, но неожиданно для самой себя ответила: «Третий десяток пошёл...»

Вспомнилось ей в одночасье, как много дней прошло. Одинаково по-осеннему прозрачных, светлых и солнечных. Вспомнилось, что каждый день пыталась она сварить своё злосчастное рябиновое варенье. Как приходили к её дому заплутавшие геологи. И как потом, чтобы она не предпринимала, они всё равно тонули в болоте. Раз даже скалкой одного саданула — того, что на дохтура смахивал. Всё бесполезно. Тонут и всё. Как мёдом им там намазано.

«Что ж делать-то?»

«Ничего, — спокойно ответил капитан. — Занимайтесь своими делами. У вас вон ещё... Варенье не доварено».

И пропал снова. Куда он всё время? И спросить боязно. Да и неловко. У всех же, действительно, свои дела. У него, стало быть, свои — чертовские.

А у Никитичны целая корзина ягод опять не перебрана. Надо доделать уже...

* * *

Да. Задержалась осень в этом году. Никак проходить не хочет. Одна радость — погода хорошая. В огороде делов почти не осталось. Самое время заготовками заниматься. Вот бы ещё не странности эти.

Рассуждает так Никитична мысленно, а сама ягоды перебирает. Сама не помнит в какой уж раз. Ну и что с того? Доделать же надо. Пропадут же иначе.

Делает. Ни на что постороннее и потустороннее не отвлекается. Вот и стук в дверь опять. Понятно — снова покойнички балуются. Никитична даже в окошко не смотрит. Надоест — сами уйдут. Да только не уходят что-то. Стук только сильнее сделался. Ногой долбят, кажись. Сказались совсем?

«Оглохли, что ли? Или померли все? — раздалось из-за двери. — Открывайте!»

Нет. Это точно не утопленники. Те повежливее были.

«Да иду я! Иду!» — отозвалась Никитична. Руки вытерла, пошла к двери.

А за ней офицер стоит. Только не какой-нибудь, а самый настоящий: в фуражке и с лычками. Ну, по этому-то сразу видно, что капитан. А по синему кантику — какой именно капитан. Хоть в реглане и галифе, но никакой не лётчик и не моряк. А совсем наоборот — оперуполномоченный.

Прошёл не здороваясь. В сапожищах прямо в переднюю. Глазами хищными по углам зыркнул.

«Ещё в доме есть кто?»

«Да нет никого, милок. Одна я».

Офицер хмыкнул с сомнением. Но смотрит: стол не накрыт, хозяйка вареньем занимается. Вроде поверил.

«Не видала тут, бабка, ещё кого недавно?»

«Да нет. Сегодня вот ты первый зашёл».

«А что ты кого-то ещё ждала?»

Никитична посмотрела на гостя с недовольным прищуром.

«Никого я не ждала. Делать мне нечего, как ждать кого-то! А ты что? В женихи ко мне набиваешься? Говори, чего хотел».

Офицер рассмеялся. Должно быть, оценил характер. Заговорил более уважительно и миролюбиво. Этак с улыбочкой.

«Ладно... Ты скажи, не видала тут двоих в ватниках. Один помоложе, а другой постарше».

«Повыше и пониже?» — уточнила женщина.

«Они самые», — кивнул офицер и сразу посерьёзней.

«Сегодня ещё нет».

«Сегодня? Так они часто заходят?».

Никитична не успела ответить, как в дверь постучали. Хозяйка сразу узнала этот стук. Сколько раз он уж раздавался? Ожиданно и неожиданно. Осторожный, робкий, почти жалостливый.

«Тихо!» — вполголоса скомандовал офицер, а сам весь сжался от напряжения, вытащил пистолет из кобуры и настороженно взглянул из-за занавески на улицу, где покойники-геологи уже во всю руками водили, обсуждая свой маршрут. Вот определились. Снова отправились. В последний путь. Оперуполномоченный заволновался. Видно было, что он, словно охотник, боится упустить добычу.

«Из дома не выходить! Ждать здесь. Я скоро», — проговорил так же вполголоса, выскочил из избы и поспешил по тропинке следом за утопленниками.

Минут через десять — Никитична как раз с ягодами заканчивала — в прохладном воздухе раздались два гулких выстрела. А вскорости и офицер вернулся из леса. Сапоги до самого голенища в болотной ряске. Галифе по колено мокрые. Сам бледный и недовольный какой-то.

«Застрелил, что ли?» — поинтересовалась Никитична, продолжая рассыпать рябину по банкам.

«Ушли...»

«На дно ушли, что ли?»

«Да... А ты откуда знаешь?» — удивился офицер.

«Ну, милоч... — не отвлекаясь от своего варенья, ответила хозяйка. — А куда ж им, утопленникам, от тебя деваться, как не на дно?»

«Ты что это имеешь в виду?»

«Да ничего не имею. Говорю, как есть. Утопленники они неприкаемые. Ходят тут изо дня в день да топнут. Места тут, видать, такие — нехорошие, гиблые».

«Нехорошие, значит?» — пренебрежительно хмыкнул оперуполномоченный.

«Да ты не хмыкай! Сядь да обсушись. Скажи спасибо, что сам живой остался! А то сейчас бы шаболдался кругами, как эти... Да с чёртом ещё не встретился».

«С каким ещё чёртом?» — уже откровенно насмешливо переспросил гость, пристраивая сапоги возле печки.

«Да кто его знает? Мож, болотный... Я в чертях не разбираюсь. Но то, что чёрт — это точно».

Офицер сел у стола, закатал промокшие штанины, принялся размбтывать сырые портянки.

«И как же он выглядит?»

«Чёрт-то? Да навроде тебя. В форме даж».

«В какой форме?» — заинтересовался оперуполномоченный.

«Да в серенькой такой... Только без погон. Без фуражки. И не мокрый. Да он и утонуть-то не может».

«Почему?»

«По воде ходит и не проваливается...»

«По воде ходит?... Слушай, бабка, ты мне этими религиозными бреднями зубы не заговаривай!» — раздразился служака.

«Да больно надо. Сам расспросами отвлекаешь. Могу вообще молчать!»

В образовавшейся тишине офицер задумчиво пошлёпал босыми ногами по струганному полу. О чём дальше говорить с полусумасшедшей старухой, он не знал. Никитична покамест продолжала свои дела. Сняла с плиты подкипающий чайник. Плеснула в стакан кипятку, добавила заварки, поставила перед гостем. Потом ещё и старый тазик достала и подала. Опять же с горячей водой, но уже для ног. Пятки попарить от простуды — верное дело. Всё молчком, как и обещала. Обиделась, что ли? Вернулась к своим ягодам в банках. Офицер чаю отпил, а самому, видать, неловко, что хозяйку задел.

«А ты, что ли, с них варенье варишь?»

«А то что же?»

«Из рябины? Она же горькая!»

«Это ежели просто так сахару сыпнуть. А я сначала кипятком зашпариваю. Вишь, как она в горячем живёт? Туда-сюда бурбулится. Как успокоится, я её ищо разок залью. А уже потом с третьей водой и сахаром — в вар».

Пока Никитична со знанием дела рассказывала рецепт, оперуполномоченный сидел и слушал. Чувствовал, как постепенно отогреваются его ноги, пил горячий чай. Смотрел на красные ягоды, которые, совершая затейливые кульбиты, то поднимались, то опускались в пузатых банках. И думал...

Тут точно творилось что-то странное. Выходит, пропавшие два года назад геологи — не погибли. Не саботировали работы. Не сбежали к китайцам. Всё это время они были здесь. Но что делали? Почему не выходили на связь? Нужно восстановить картину... В партии было пятеро. Тела троих нашлись в лагере. Записей там не было. Значит, бумаги унесли оставшиеся двое. Причастны ли они к смертям товарищей? Просто испугались? И куда направлялись? В сторону от лагеря... Но куда? Их уже не спросишь...

От уютного избяного тепла, горячей воды и ягодного духмана гость быстро угрелся. Чуть так и не сморился, сидя на табуретке. Уже смутно помнил, как хозяйка постелила ему на печи, как он пошутковал про Емелю, а потом с лёгким головокружением, словно всем телом съезжая вниз по пологой спирали, окончательно провалился в сон.

И вдруг очнулся, стоя посреди луга, упирающегося в лесную опушку с молодой сосновой порослью. Сзади лес и дальше лес. Над ним небо голубое, безоблачное. А под ногами переросшая за лето сухая трава. Всё заполняется, вдаль уходит до самого края. И ветерок холодный в ней гуляет, шелестит, зиму надувает. Морозцем пахнет.

Офицер поёжился. Как он тут оказался? Вроде бы только что был в лагере потерянной экспедиции. Осматривал три скрюченных мумифицированных тела. Как они умудрились сохраниться да ещё и иссохнуть? За два года! В лесу! Загадка. И вроде вчера всё это было... А как же старуха? Он совершенно не помнил, как проснулся утром, как оделся, вышел и зачем снова пошёл осматривать место происшествия. Вот и ряд домов на противоположной стороне луга виднеется. И дорога слева идёт к бабкиной избе.

Пытаясь восстановить в голове последовательность событий, оперуполномоченный пошёл по дороге. Но с каждым шагом чувство, будто всё встречное он видит одновременно и впервые, и заново, не оставляло. Вот и дом знакомый. И крыльцо. Вроде уже и подходил, и в дверь ногой стучал. А как — не помнит. Странные дела. И место странное. Как вчера бабка сказал? Гиблое.

Вспомнил сразу вчерашних геологов. Шугнул он их, конечно, тогда неудачно. Думал, задержать, а они, наоборот — с перепугу припустили. Да прямо в воду. Но вот болото ещё разок осторожно проверить не мешало бы. Вдруг рюкзачок всё-таки всплыл. Офицер отвернул от Никитичного дома и зашагал напрямиком к болоту.

А оно — всё такое же, как вчера. Мокрая земля, мхом густо поросшая, под ногами ходит. Кочки торчат. В чёрных прогалинах воды, как в зеркалах, небо отражается. А по их краю ряска чуть колыхнется. От вчерашних гостей — ни следа. Даже палки-щупы — и те пропали. Всё в себя болото затянуло.

Офицер прошёлся по краю болота, перед каждым шагом прикидывая, дотягивается ли рука до стволов тонких осинок или молодых сосёнок. Всё внимательно осмотрел. Нет. Ничего не видно. Хотел было назад к дому бабкиному вернуться, но услышал голоса какие-то. Засел за толстой сосной. Притаился. Голоса всё ближе. И вроде двое говорят. Смотрит, а это вчерашние его геологи. И приметы. И одеты так же. Идут, как ни в чём не бывало. Живые! Как так? Неужели мистифицировали собственную смерть? Пройдохи... Ну ничего.

Офицер вжался в дерево. Пистолет наготовил. С геологов глаз не спускает, ждёт, что дальше будет. Они тем временем к воде подошли осторожно. Обсуждают что-то. В обрывках разговора про какой-то «эпицентр» речь. Ну, с этим ясно. Они же планировали метеорит упавший искать. Величины небывалой. И с массивным ядром. А в нём метеоритного железа, говорят... И чистейшего, без примесей, какого на земле и не бывает. И с необычными свойствами. Не ржавеет, прям как лучшая сталь. Структура там особенная, что ли... Дороже золота в общем!

Так, значит, обнаружили они его всё-таки. Связали с источником магнитной аномалии. Там он — в самом центре болота. Как шлёпнулся, так и лежит. Туда и смотрели геологи, стоя у кромки болота, присматриваясь, каким путём пробираться будут. Прикинули. Двинулись, осторожно ступая по кочкам. Прощупывая дорогу впереди своими палками.

Пора! Офицер решился и оставил укрытие. Но стрелять на этот раз не стал. Просто громко приказал:

«Стоять! Не двигаться».

Пожилой замер, стал медленно поворачиваться на окрик. А молодой запаниковал. Дурак! Даже про щуп свой забыл. Метнулся вперёд прыжком на соседнюю кочку. И вместе с ней под воду целиком и провалился. Только трех на поверхности остался.

«Постойте! Послушайте, любезный! Вы не понимаете!» — забормотал первый, завидев пистолет в руке оперуполномоченного. Сделал неловкий шаг в сторону, поехал всем телом, негромко охнул и тоже провалился по самую макушку.

«Что же эти учёные такие нервные?!». Офицер подскочил поближе. Упёрся ногой в поваленный ствол. Вроде надёжно. Одной рукой вцепился в тонкую осинку, другой – схватился за мокрую лямку рюкзака. Поташил на себя. Тщетно. Здоровый боров этот интеллигент в очочках. А трясина его уже цепко за ноги внизу ухватила. Не выпускает. Ещё попытка. Ещё... Бревно под ногой оперуполномоченного, кажется, проседает, прокрутиться хочет. Осинка наклонённая трещит.

И вдруг голос. Вроде и не громкий, как над ухом самым, но всё вокруг заполняющий. Словно от самой воды идёт и по всему болоту распространяется.

«Бросьте этот рюкзак! В прошлый раз он уже утянул вас на дно. Забыли?»

Оперуполномоченный руку не отпустил, но глаза поднял. На значительном отдалении, как раз в той стороне, куда геологи идти намеревались, виднелась человеческая фигура. Неизвестный стоял посреди болота, вытянувшись во весь рост, а потом зашагал напрямик к офицеру так ровно, и так спокойно, словно ступал по твёрдой поверхности.

И выглядел в точности так, как описывала бабка — в серой форме непонятной принадлежности и без знаков различия. Голубоглазый. По виду лет двадцать пять не больше.

А дальше неизвестно, что первое случилось: то ли бревно качнулось, то ли тонкая осинка не выдержала нагрузки, но с резким треском оперуполномоченный полетел в воду. В ту самую яму, где пару минут назад профессор в очках с рюкзаком своим сгинул. В последний миг успел ухватиться за крупный шмат какого-то дёрна. Завис подбородком над водой. В нескольких сантиметрах от неминуемой смерти.

Неизвестный же не торопясь подошёл к утопающему, встал на отъехавшее в сторону бревно, будто не весил ничего. Посмотрел на офицера сочувственно.

«Здесь полно топляка. А кислорода в воде мало. Пни и коряги покрываются растительностью сверху быстрее, чем успевают истлеть внизу», — пояснил зачем-то.

«Ты кто вообще такой?» — спросил оперуполномоченный, стараясь не делать резких движений.

«Наверное, просто наблюдатель...»

«Резидент? Чей? Немецкий?»

«Нет... Берите выше», — неизвестный заулыбался.

«Английский? Американский?»

Молодой человек отрицательно мотнул головой.

«Даже не китайский. Да и не резидент я. И даже не разведчик. И не шпион. И не лазутчик. И даже не диверсант. Говорю же — просто наблюдатель».

«Помочь мне, значит, не собираешься?» — съязвил офицер.

«Нет. Только наблюдать, — на полном серьёзе ответил парень. — Но я могу вам подсказать. В следующий раз не ходите за этими двумя. Ничего ценного для вас они не знают. Да и прохода тут нет».

Оперуполномоченный сделал последнюю решительную попытку вырваться из трясины, но мокрая трава рвалась, пальцы скользили по скользкому грунту, набивающемуся под ногти, но не держащему человеческий вес. Трясина быстро уволокла его вниз. Пару минут над поверхностью ещё сжималась пятерня, хватаящаяся за воздух. Шли пузыри. Но скоро и они пропали.

* * *

«Осень наступает по всей округе. Раздевает яблони в саду. Золотит рябины на полянах. Пунцовой краской расписывает осины на болотистом берегу. Да и от самого озера всё чаще по утрам тянет холодком...»

Никитична банку морщинистой ладошкой потрогала — остыла уже — слила воду, новым кипятком заварила. Глянула на гостя.

Необщительный он сегодня какой-то. Уже и геологи с утра в дверь стучали — ушли. И служака этот казённый у дома проходил несколько раз — всё по округе шастает, высматривает чего-то. А этот сидит — в блокнотик пишет. Под нос слова бубнит.

«Что ты там бормочешь?» — спросила Никитична, вытирая руки полотенцем.

«Рассказ пишу».

«Писателем, что ли, заделался?»

«Мне больше нечем заняться».

Хозяйка отвела от молодого человека недовольный взгляд, решила вообще на чёрта внимания не обращать, вернувшись к своим хлопотам. Дождалась, когда ягоды во втором кипятке успокоятся и остынут. Залила холодной водой, добавила сахару, проварила. Стала раскладывать. Почти шесть банок вышло. Как обычно. Каждую любовно накрыла промасленной бумагой, аккуратно бечевой завязала. Стала на полке расставлять. А потом глянула снова на гостя.

«Отпусти меня...»

Тот оторвался от записей, встретился своими ясными глазами со страдальческим взглядом Никитичны.

«Не могу».

И так горестно ей сделалось. Так пусто и безысходно. Инвариантно, как чёрт сказал бы. Тут бы и заплакать, но дверь с шумом распахнулась. Хозяйка уже и забыла про засов. Опять не закрывает. Всё одно устроили проходной двор.

Вместе с порывом прохладного ветра в хату вбежал оперуполномоченный. С пистолетом наголо. Фуражка чуть сбита на сторону. Ну, хоть штаны не сырые.

«Всем стоять!»

Молодой человек закрыл блокнотик, медленно поднялся с места.

«Сидеть!»

«Ты чо раскомандовался-то? Вбежал как оглашенный. Пистолем своим тычешь», — возмутилась Никитична.

«Тут вопросы задаю я! — огрызнулся офицер. — Это, что ли, чёрт твой?»

«Ну да. Орать-то чего так?»

«А я думаю, — прищурился оперуполномоченный и ткнул стволом прямо в молодого человека, — что это агент вражеской империалистической разведки, который ведёт тут подрывную деятельность... Возможно, с применением гипноза и прочих психотехник».

«Я, наверное, пойду... — проговорил новоявленный шпион. — Как то у вас тут нервно».

«А ну ни с места!» — рывкнул оперуполномоченный. И то ли в горячности, то ли от того, что рука его, сжимавшая метал, и без того уже дрожала от холода, спохватую выстрелил. Аж сам опешил! Да больше даже не от самого залпа, а что пуля насквозь незнакомца прошла и угодила в грубо сбитый посудник. Одна из банок разлетелась со звоном. Ещё тёплое варенье тягучей струёй потекло с полки прямо на пол.

«Ты что делаешь, Ирод? — всплеснула руками Никитична. — Сколько продукту перевёл!».

«Да не верещи ты про своё варево... Всё равно оно у тебя горькое».

«Горькое? Почём тебе знать? Ты ж не пробовал ни разу!»

«Он права. — Подтвердил агент империализма, капитан неизвестных войск и чёрт в одном лице, — вы ни разу не попробовали».

«Отставить разговоры! Пошли!» — приказал офицер, продолжая угрожать незнакомцу, будто в этом всё ещё был какой-то смысл.

«Куда?»

«На болото твоё! Впереди пойдёшь...»

«Это невозможно... Но давайте попробуем», — согласился молодой человек. Похоже, он был даже рад, что начало происходить нечто для него необычное и интересное.

«Да уж! — с раздражением одобрила Никитична. — Идите оба отсюда! Пока все банки мне не переколотили!»

Визитёры, впрочем, и сами покинули избу без особых уговоров. Никитична же ещё немного поохала над внезапной утратой, да пошла убирать осколки.

***

Вечерело. Через болота довольно резво пробирались две фигуры. Чёрт, как и было приказано, шёл впереди, невесомо ступая, проскальзывая над водой, не создавая даже мельчайшего шума. Следом, вытянув руку с пистолетом, аккуратно перешагивал с кочки на кочку оперуполномоченный. Они сразу оставили в стороне место, где погибли геологи, обошли болото краем, и теперь плавно продвигались к центру болота по какой-то хитрой сходящейся спирали.

«А вы интересный человек, — первым нарушил молчание незнакомец. — Наблюдательный. С пытливым умом. С фантазией. Буквально ни разу не повторились».

«Оставь себе эти любезности. Я просто хочу разобраться, что за чертовщина тут творится», — холодно ответил офицер.

«Профессиональное... Понимаю. Но ведь вы уже сами поняли, что тут происходит».

«Завтра больше не наступает» — проговорил оперуполномоченный. Его спутник лишь молча кивнул в ответ. Оба не сговариваясь остановились у небольшого круглого «озера» посреди болота. Кочек и коряг здесь не наблюдалось. Ряска не покрывала поверхность. Как раскидало всё в стороны. А близлежащие камыши казались иссушены неведомым жаром. Только ровная прозрачная гладь воды, и под ней...

«Да, на метеорит не похоже» — озвучил офицер свои мысли.

Шагах в пяти от места, где он стоял, под водой лежал здоровенный металлический шар метров полутора в поперечнике. Блестящая, практически зеркальная, поверхность в лучах заходящего солнца выглядела медно-золотой.

«Что это? Какая-то бомба?»

«О! Это намного опаснее любой бомбы. Это космический корабль, — незнакомец заулыбался, а потом добавил с нескрываемой гордостью. — Ещё вы, кажется, хотели знать, кто я? Я капитан этого корабля».

Очень скоро солнце совсем скрылось за верхушками сосен. Диковинный объект тоже скрылся из виду. Но почему-то оперуполномоченному всё ещё казалось, что он чувствует невидимое тепло, исходящее из центра болота. Он сидел на сухом берегу у костра и смотрел на огонь. Чёрт, шпион, пришелец — кем бы он ни был — устроился напротив и тоже наблюдал за языками пламени скачущими на сосновых ветках.

«Забавно... У вас есть шанс пообщаться с представителем внеземной цивилизации, а вы не знаете, что спросить. Признаться, и я не знаю, что вам рассказать... О пространственной и временной замкнутости вселенной. О том, что вселенная каждый раз схлопывается, чтобы всё началось сначала. А когда не схлопывается, мы помогаем ей...».

«И как всё это закончить?» — спросил офицер, не глядя на собеседника.

Пришелец растерянно пожал плечами.

«Не знаю. Но это иронично... Когда становишься всемогущим, по-настоящему осознаёшь, как мало можешь сделать. К сожалению, я такой же пленник здесь, как и вы... Но вы хотя бы можете умереть...»

Оперуполномоченный уже не слушал объяснения странного молодого человека. Проведя сутки на ногах, он чертовски устал, и теперь его неотвратимо клонило в сон. Офицер закрыл глаза лишь на секунду, ощущает, что вот-вот провалится в забытьё. А когда открыл их, был уже день. Всё тот же. С тем же лесом. Полем. Пожухлой травой. И ясным голубым небом над головой.

Не было ничего удивительного, что в это самое время пришелец лежал на подёрнутой ряской воде и смотрел на те же проползающие по небу облака. Он запомнил и выучил каждое. Тем более, что за день их

проходило всего-то двадцать семь штук. Это было одно из миллиардов чисел, хранившихся в бортовой памяти корабля. А теперь, значит, и в его собственной памяти.

Лишённый способности забывать, капитан помнил каждый день, хотя давно не различал их. А чтобы иметь хоть какую-то точку отсчёта, первым или даже нулевым стал называть день прилёта сюда. Это мог бы быть последний день...

Яркое воспоминание. Тысячелетняя миссия провалена. Предсказуемая, рассчитанная неудача. Лишь звено в цепи ожидаемых провалов, неминуемо приближающих к успеху. Командир наделяет штурмана капитанскими полномочиями, а потом даёт команду завершить тахионный манёвр и запустить самоуничтожение корабля. Он не боится смерти. Руководителя такого уровня в любом случае извлекут из микроволнового фона вселенной. Новый капитан такой привилегией не обладает. Но точно знает — всё обязательно повторится. Звёзды, планеты, а значит — и он сам.

Корабль — небольшой аппарат, не предназначенный для посадки — скользит вниз по времениподобной траектории, входит в атмосферу, трётся о неё своими круглыми боками. Показатели внутри становятся несовместимы с какой-либо жизнью. Но пассажиры не испытывают боли. Их сознание давно переведено в цифровую форму, а общим телом стал сам корабль. Первой отключается нейрокапсула командира экспедиции. Капитан, теснее связанный с системами управления корабля, получает шанс продлить свою агонию. Отсчитывая секунды до ликвидации, компьютер, в тоже самое время, лихорадочно копирует оставшееся сознание в резервные подсистемы. Согласно протоколу, пока на корабле есть «кто-то» — он должен «жить». До самого конца. Который так и не настает...

Таймер замирает в нуле, фиксируя в памяти капитана символическое мгновение нового начала. Диагностика сообщает, что «система поджига заряда сгорела». Механическая поломка, которую уже никто не исправит. И каламбур, который никто не оценит.

Корабль с грохотом падает в болото, испаряя воду и высушивая камыши. По системе пробегает целая череда сбоев и автоматических решений, которые никто не принимал. В недрах аппарата опять включается тахионный индуктор. Окрестности озаряет голубоватая вспышка, за которой следует невидимое возмущение. Устанавливается радиус временного контура. Всё. Манёвр завершён. Аппарат стабилизирован и находится в состоянии равномерного движения. Компьютер считает, что полёт продолжается. Значит, полёт продолжается...

День 4827. Пришелец улыбнулся, представляя, что ведёт бортовой журнал. Совершенно бессмысленное занятие, учитывая, что каждая его мысль и так сохраняется в бортовой памяти. Мыслей-то полно... А вот

надежды на то, что батарея когда-то разрядится, не осталось. Временной контур надёжно замыкает физические процессы в нескончаемом цикле. Подпитывает сам себя, не совершая работы. Система пришла в равновесие. «Живое» сознание функционирует. Вмешательство не требуется и заблокировано. Компьютер справился и доволен собой. А капитан может расслабиться.

Что ему остаётся? Погрузиться в симулированную реальность. Или в виде проекции прогуливаться по реальности настоящей, но ещё более ограниченной. Да. Капитану было откровенно жаль людей, которые помимо собственной воли попали в радиус.

«Ладно эти двое геологов ничего не замечают, хотя, казалось бы, учёные. А как же милая пожилая женщина? А мужчина в форме? Наблюдать за их действиями интересно, но, кажется, они уже начали страдать от своего положения. А сколько таких ещё будет? Пока территория вокруг достаточно дикая, но когда-нибудь она окажется освоена лучше. Тогда несчастных случаев не избежать. Любой сможет нечаянно войти. Но никто не выйдет».

От грустных мыслей капитана отвлек звук выстрела. Следом второй. А через какое-то время — третий. Пришелец поднялся с поверхности воды, стал всматриваться в опушку леса. Неужели служивый снова геологов пугает? Но нет... Незадачливых учёных на горизонте не было. Офицер выскочил к болоту один. Огляделся по сторонам. Быстро увидел знакомого, кивнул и отправился к шару уже знакомым окружным маршрутом. Надо же! С первого раза запомнил. Всё-таки выучка! Ничего не скажешь. Впрочем, на бледном лице оперуполномоченного всё равно читалось волнение. Он явно хотел что-то сказать, но не знал, как.

«А Вы молодец... — первым заговорил молодой человек. — Решительный. Всех перестреляли. Бабушку-то за что только?»

Офицер облегчённо вздохнул. Тяжёлого признания получилось избежать.

«На всякий случай. Попробовать. Может, что-то изменится...»

Пришелец молча покачал головой, и мужчина сразу приуныл. А потом твёрдо сказал:

«Надо это заканчивать», поднёс пистолет к виску и выстрелил. Его высокая фигура пошатнулась, стала оседать на подгибающихся коленях. Шлёпнулась на спину, нелепо раскинув руки, застыв в красноречивой позе. Дескать, ну, извините, что так получилось. Это заставило капитана неловко улыбнуться. Эх, если бы всё решалось так просто.

* * *

Никитична уже запаривала ягоды в банках, когда в дом спокойно вошли два человека в форме. Что-то опаздывают нонче. И почему вместе

пришли? Неужель задумывают чего. Ну, хоть бы погром опять не учинили. Дебоширы форменные.

Но, нет. Настроены вроде миролюбиво. Оба поздоровались, тихонько сели к столу, обсуждать стали чёт. Опять на учёные темы. Энергии, радиусы какие-то...

«Да... безвыходная ситуация» — задумчиво пробубнил оперуполномоченный.

«Есть один вариант, — так же тихо продолжил молодой человек. — У меня пока что остаётся доступ к нейро-сканеру и радиопередатчику. Можно попробовать нагрузить их, чтобы батарея просела до критического уровня».

Офицер закивал.

«Вроде ясно. А что для этого нужно?»

«Чё-то сознание. — Парень поймал вопросительный взгляд оперуполномоченного и сразу пояснил, — устройство делает снимок памяти и создаёт полную нейронную схему носителя, для дальнейшего переноса и запуска на любой небиологической базе».

«Ну?»

«У меня не осталось нейрокапсул, куда получится сделать запись. Но это колоссальный объём данных. Если подключить радиопередатчик и выплюнуть всё в радиоэфир... Батарея разрядится. Компьютер отключит тахионный индуктор. Временной контур разомкнётся. И всё будет кончено... Правда есть нюанс... В ходе копирования оригинал сознания стирается. А после обесточивания вырубится и мой мозг. Полное и безвозвратное сознательное развоплощение. Сначала вы, а следом я».

Мужчины ненадолго замолчали. Только Никитична гремела в тишине столовой ложкой, помешивая варенье.

«Да уж... Это страшнее, чем пуля в лоб... Но если получится, что будет с остальными?» — офицер указал взглядом на хозяйку, полностью погружившуюся в свой кулинарный процесс.

«Никто не выйдет... Тут возможно существовать сколько угодно, но в конце энергия всё равно будет изъята. Вселенную не обмануть. Не исключено, что схлопнувшийся пузырь, выбросит кого-то в пространства иных размерностей... Не знаю. Мой демон Лапласа ограничен локальным горизонтом частиц».

«Ага! Демон! — оживилась Никитична, — говорила же — чёрт это!»

Оперуполномоченный раздражённо махнул на неё рукой. Помолчи, мол, тут дела серьёзные обсуждают. Вот тебе и выбор: небытие или иные пространства. Не знаешь даже, какой вариант лучше! А в итоге-то всё одно... И ладно б только за себя решать.

Офицер снова глянул на бабуку, вернувшуюся к своей стряпне. Вспомнил вечных утопленников — геологов. Стоит ли объяснить им всё?

Да и поймут ли? И зачем? Сколько ещё может быть жертв, пока эта язва тут открыта... Все войдут. Никто не выйдет... Нет, надо это заканчивать.

Он встал из-за стола, уверенно кивнул пришельцу, направился к выходу. Только в проёме уже оборотился, сказал с горькой усмешечкой «Значит, так и сделаем... Сначала я, а следом ты» и вышел.

Неизвестный молодой человек ещё немного посидел, наблюдая за Никитичной. Пару раз прошёлся по кухне. Всё думал о чём-то, касался пальцами разной мелочи по типу солонки или оставленной на столе ложки, точно стараясь запомнить каждую. А потом поди что тоже решил уходить.

«Всё забываю спросить... Вас случайно не Оксана зовут?»

«Нет. С чего ты взял?» — удивилась Никитична, завязывая бечёвку на банке.

«Просто... Она тоже варила варенье. Вишнёвое».

«Ну, мало ли кто варенье варит» — улыбнулась женщина.

«Может, Светлана?»

«А это кто ещё?»

«Не знаю... Командир мой знал».

«Местная, что ли? С нашего района?» — решила уточнить Никитична.

«С вашей планеты».

«Чудной ты, чертяка. Да мало ль кого Светланой зовут...»

«А вас?»

«А я Алевтина».

Пришелец кивнул и хотел уже последовать за оперуполномоченным, но хозяйка окликнула его. Почему-то Никитичне казалось, что видит она своего странного гостя в последний раз.

«Слушай, а какой же сегодня день... на самом деле?»

Тот как-то долго смотрел на неё своими ясными голубыми глазами. Но не сквозь, как прежде, а прямо. Как в душу заглядывал. От чего внутри щемило. Затем чуть улыбнулся, тепло так, почти с заботой, и ответил:

«Третье сентября».

* * *

Когда солнце вновь показалось из-за горизонта, по всей округе уже лёг снег. Болото начало сковывать тонким ледком. Деревья стояли в белоснежном кружеве. Присыпало и поле, и дорогу, и двор. Расчистить его хозяйка утром так и не вышла. В доме было тихо и пусто. Только на покосившейся полке старого буфета стояли шесть банок рябинового варенья. Почти шесть. Без малого, конечно.

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

RE-IMAGINE ME*

— Заказал?

— Да.

— Что в итоге? Бьюик?

— Нет. Шевроле.

— Лучше тогда, чтобы кабриолет.

— Не вариант с твоим зонтиком.

— А что не так с моим зонтиком?

— Не вариант, — я рассмеялся, а она насупилась, как всегда на мои беспричинные подёргивания за косички.

Маджи медленно вела кончиком кисточки, рисуя тонкий хвостик капелек. Которые, держа ладошки перед собой, ловила маленькая девочка. То, что это была девчужка, выдавали, выбивающиеся из-под капюшона дождевика, рыжие завитки. Рыжик пыжилась и хмурила веснушчатый носик от попадающих на него капель дождя. Небо растрескалось от беспорядочности снующих туда-сюда тучек. Казалось, будто промокло всё насквозь, и сами облака, и птицы под ними, и деревья чуть ниже, и почти близко к низу тонюсенькая бахрома всё ещё зелёной травы. Ноябрь — месяц, когда зима уже начинает покалывать остриём своих обледеневших крупниц, но осень всеми силами последних листочков удерживает права. С каждым днём в ноябре дождит всё жёстче и яростнее задувания ветров. Они буквально щиплют кожу до красноты, забираясь под пальтишки и кофточки. Маджи заштриховала лужицы под сапожочками Рыжика. И улыбалась, вспоминая, как только недавно вот так же стояла и, подняв голову, смотрела на падающие капли. Последние падающие надежды, что в её жизни будет ещё одна осень. Ещё один ноябрь.

Мне было тяжело вспоминать, как всё началось. Я ругал себя, что упустил время. Попытался найти оправдательный довод, что всего можно было избежать, увидь я раньше. И если отбросить мою щемящую рефлексию и тоску по времени, что было раньше, то раньше мы были счастливы. По-настоящему счастливы.

---

* Re-Imagine me (перевод с англ.) — придумай меня заново.

Мы работали и выезжали на отдых, предпочитая круизным поездкам, наши собственные маршруты. Именно для этих целей мы и брали в Ренткар машины, и именно из-за этих выборов мы частенько спорили. Хотя спор — это была неотъемлемая черта Рыжика, как я прозвал её в самом начале нашего знакомства за её рыжие волосы и голубые глазюки. Они буквально чертились, когда она надвигала брови над ними и забрасывала меня аргументами. Если в природе и был человек-спорщик, то она — явное его олицетворение. Это у неё получалось залихватски. Для меня же самое лучшее время сплошного веселья и подтрунивания над ней. А ещё она была превосходным сочинителем. Она писала сказки, и по вечерам я ложился к ней на колени, а она заводила новую историю приключений с Цветочной полянки.

— Ты сумасшедшая фантазёрка! Ну как можно представлять себя каплей?

— Очень просто. Хоть каплей, хоть камнем, хоть паучком, хоть червяком. Они живые и они живут вместе со мной, пока я пишу. Ну а тебе?

— Что мне?

— Тебе кажется это сумасшествием, да?

— Нет, — я притянул её к себе. — Это с ума сходят поодиночке, а в книгу влюбляются вместе.

— Ахах... Ты влюблён в мою книгу?

— Я влюблён в тебя, — поцеловал я её. — В мою конопушку фантазёрную.

И она начинала рассказ. В прекрасной зелёной долине, почти на краю голубой реки, раскинулся цветочный городок в тенистом саду с массой цветников самых сказочных видов. Кажется, что цветы были везде: вверху, спускаясь витиеватыми усиками, внизу, разрастаясь плотными сетками и вокруг, куда не взглянешь. Лиссуины и симбельминии. А какой от них аромат!

Однажды на Цветочной полянке, когда только-только начиналось утро и всходило солнце, раздался жуткий вопль. Все сразу же подумали на Мандрагорку, и Кактуар ринулся затыкать глазки этой противной крикуньи. Внешне слабый дистрофан, но очень ловкий и разумный среди всех обитающих на полянке растений, этот трудно убиваемый кактус бросался своими колючками во все тяжкие. Он мог не только защитить себя, но и спасти всех, кого требовалось. Мандрагорка удивлённо хлопала глазенапами и отмахивалась ростками, явно не понимая, какого мха забвения, на неё списывают этот вопль. Но звук был такой режущей тональности, что даже воинственный Горохострел опустил в ужасе свой хоботок и молча вертел головкой по сторонам, пытаясь выловить место, откуда доносилось это противное звучание. Милашка, которая была самой

хитрющей из всей цветочной компашки, невзирая на свой обманчивый простодушный и весёлый вид, пронырливо заметила среди колонии фиолетовых грибов возле старикашки Вяза двух близнецов Б1 и Б2. Эти лунатики, по-видимому, снова среди ночи прямо вот так в своих пижамных костюмчиках и держась ручонками друг за друга, шастали ночью по Цветочной полянке. Шастали, шастали, шастали и угодили между корней Старого Вяза. А все знают, что дядюшка, хоть и не был таким хитрющим и злобеньким, как Милашка, и не стрелял огненными шарами, как Огнестрел, и не плювался чертяхными глазами как Розы-монстры, но тоже имел некую исключительную особенность. Во время сна, он выпускал дымку, которая погружала всякого, кто оказывался рядом в галлюцинации. Вот двум сонным бананам-братьям и представилось, что на них напали и душат корневищами, срывая с них жёлтенькую одежонку. Они-то и кричали. Больше от неожиданного испуга и удушающего страха, чем от боли. Они кричали и кричали. До тех пор, пока к ним не подлетел Кактуар и не разбудил разом всех обитателей Цветочной полянки.

Когда Маджи писала, она погружалась в своих персонажей, она создавала красочное представление. И надо ли говорить, как она любила именно театральность в своих рассказах. Декорации, костюмы, даже имена своим героям она продумывала до мелочей. Для неё всегда было важно целостное представление. Как-то помню, под видом «вдохновения от театра», она затащила меня на этот спектакль, видишь ли, здесь играла дочка её профессора. Маджи всегда благоговела перед всеми своими наставниками. До сих пор бегала к ним в институт и таскала то какие-то распечатки, то наборы для препарирований.

Её биологические замашки плотно укоренились и в нашем быту тоже. Поэтому на подоконниках вертели стебелёчками малявки-фасольки, бузукались пухляки-авокадо, возбуждённо нависала своими гроздьями над всеми молодёжь-виноградная и страшно вертихвостно себя вели морковки. Их я ненавидел больше всех, потому что, выдёргивая очередную за пучок волосни, Маджи приговаривала: «Так так... посмотрим, какой сегодня размерчик у нашей морковки, да, Гарри?».

Уверен, что никакая шляпа не скрыла бы меня от праведного гнева. Но приходилось тоже возюкаться и помогать ей с этим плодовым Хогвартсом. А как она чистила мандрагорки... вот уж где было настоящее театральное представление. Она держала клубень одной рукой, а другой нежно, словно сбывая мелкую поросль с лица, счищала кожу, успокаивая: «Не очень больно? Я аккуратненько».

Но самым ценным артефактом среди всех растений, была Орхидея Королевская. Она сама дала ей такое название и сама её оберегала, как Маленький принц свою розу. Хотя вокруг была куча таких же орхидей. Но

«разве ты не видишь, моя орхидея — особенная», — восторгалась Маджи и спорить с ней было бесполезно, она просто переставала реагировать.

Она как Уэдерберн из рассказа Генри Уэллса — цветовод, влюблённый в свою странную орхидею даже не хотела видеть в ней, как будто из бурой массы торчащие белые пальцы. Она восхищалась тем, как ещё Дарвин изучал их возможности и неожиданности. Но мне всё же эти отростки напоминали пальцы, готовые схватить и вытянуть из тебя жизнь.

— Они прекрасны.

— Смртоубийственные эти твои цветы!

— Почему?

— Потому что они похожи на сказочных фей, поднимающих к небу свои лепестки, они чудесно переливаются всеми оттенками нежнейших цветов от фиолетового до чёрного, благоухают ароматом, пышные, пенящиеся и мерцающие своей хрупкой, убийственной красотой... атомные орхидеи.

— Но... ведь... это чудесно! Великолепно! От этого замирает сердце.

— Наверное, всё в этом мире и цветы, и люди, и планеты существуют для того, чтобы распуститься только один раз... Вспыхнуть своей атомной красотой над всеми... разрушив всё живое вокруг.

— Красоте не свойственно спасать мир, но красоте свойственно в нём неистребимо пребывать. И это неистребимое пребывание в нём красоты — есть единственная надежда мира на спасение.

Всё началось вдруг. Сразу после спектакля. Я тогда ещё решил, что она переутомилась. И что это временно. Она резко начала чахнуть. Как на зелёном растении начинают желтеть и опадать листья. Внезапно и при полном здоровье. Она не могла сосредоточиться. Иногда ей казалось, что блокнот, в котором она рисует, дрожит, словно стол кто-то расшатывает. А когда мыла посуду, я наблюдал, как она постепенно всё ниже и ниже наклоняется над раковиной. Она стала чаще ложиться днём спать, а ночами я подходил и на руках переносил её заснувшую над открытой книгой в кровать. А утром она капризничала, как устала что-то сочинять и что это никому не надо. Что все её «записульки» уйдут вместе с ней, плакала, запинаясь, подолгу не могла подобрать нужного слова, чтобы объяснить мне «тугодуму» какой это адский труд сочинительства. Потом успокаивалась уже лёжа на моих коленях и знакомила меня с новой историей про Гремучую Иву и Чёрное Милосердие.

Меня стали тоже захватывать её рисованные образы. Помню один страшный случай, как раз при участии Гремучей Ивы и Чёрного Милосердия. Эти двое были агрессивными и драчливыми растениями, но ко всему прочему они погружали всякого на кого распространялся их

аромат в блаженный сон жуткого кошмара. И ничего не могло разбудить несчастного. Но однажды на полянке произошло нечто, что даже меня повергло в трепет и я долго потом не мог смотреть на луковицы в кадке на подоконнике Маджи.

Кактуар, тот самый цветочный борец, который спасает всех и никого не боится, неожиданно сам попал в беду. А виной была его влюблённость в Волшебную Луковичку — растение похожее на маленькую эльфийку с голубенькими лепестками и серебристым чубиком. Она была такой нежной и такой слабой, что отважный Кактуар как Дон-Кихот оберегал её от пронсящих ветров и проскальзывающих сорняков. Гремучая Ива росла неподалёку от Луковички и они особо не трогали друг друга. Луковичка общалась с Облачными цветками и целыми днями наблюдала, как они создают облака. И тогда над Цветочной полянкой нависал прозрачный купол, и начинали падать прозрачные капли. Голубенькие лепестки её наряда становились тоже прозрачными.

Кактуар нёсся укрыться, потому что в отличие от Луковички терпеть не мог когда капли омывали его колючки и, торопясь, по неосторожности «как неуклюжий болван», налетел на раскинувшееся под Ивой мрачнющее Чёрное Милосердие. Что тут началось! Щупальца мрачнюги милосердно, как тентакли в космическом пространстве, разлетелись во все стороны. Из самого беснующегося ядра посыпались угрозы Милосердия. Кактуар не обращал внимания на эти чёрные искры злорадства, пока один из парящих «щупалец» не ударил по лепесткам Луковички. Она вскрикнула от боли и согнулась, образовав лужицу стекающих капель. Кактуар с разбега прыгнул на «гадость с щупальцами» и всеми своими колючками начал его колоть. Теперь уже в нежные нотки Луковички подтянулись чёрные басы Милосердия и Гремучая Ива грозно затрясла ветвями и зашатала листвой. Не успели растения опомниться, как они были окутаны волшебным сном и погрузились на дно пещеры, где вместо потоков дождя на них обрушились ручьи кровавого цвета. Кактуар вместо зелёного тут же стал алым как кровь, а Чёрное Милосердие набрало полную сердцевину бардовой жидкости.

Тут уже всем пришлось забыть и про обиду, и про злость, никто не помнил, почему они тут, но все явно хотели одного — спастись и скрыться от кровавых потоков.

Состояние Маджи начало ухудшаться внезапно с постоянно держащейся высоченной температуры. На наши вопросы местные врачи только отвечали: «Ну, а что вы хотите?». Как «чего мы хотим?». Все хотят одного — жить.

И вот именно на том спектакле, где играла дочка её профессора, от него самого я и узнал про их собственную разработку — вакцину —

которая должна была дарить жизнь. Я вспомнил об этом, когда наступил день икс. Когда я уже больше не мог молча сидеть и наблюдать, как сгибается Маджи, словно она Волшебная Луковичка, поверженная щупальцами членистоногого «чёрного милосердия».

Я мог только представлять, какой пыткой для неё были приступы боли. Брови скрещивались к переносице, некогда голубые глазюки становились кровавыми от натуги, она сжимала обтянутые кожей пальцы и выпускала звук, похожий на вопль Мандрагорки. Невыносимый скрежет, словно остриём потупившегося лезвия ведут по стеклу. Если бы она видела себя. Маленький щупленький скукоженный цветок. Боль корчила гримасы на её лице, рисуя на нём новые бороздки. Паутинки страданий. Я не мог больше выносить это. Тогда я вышел в прихожую. Засунул руку в пиджак и вытащил оттуда аккуратно сложенный квадратик. Развернул и набрал цифры, написанные на нём.

— Профессор Жюль? — в трубке послышалось кряхтение, и потом голос, по которому и нельзя было сказать даже, что Жюлю Виеру было почти 80. Весьма бойкий старик и очень начитанный. Мы с ним успели пообщаться во время спектакля, где и познакомились.

— Да-да, мой дружок... слушаю тебя, Крис.

— Профессор, я думаю, что пришло время. Наверное нужно обратиться к вашим специалистам. Маджи становится хуже.

— Я это предчувствовал. — Выдохнул Жюль. Приходите завтра к нам на кафедру, я отведу вас к нашим исследователям-вирусологам.

Надо ли говорить, как прошла ночь. Это у обычных людей бывают тяжёлые моменты в жизни, но они забываются под чередой приятностей. А у нас была чередой страданий и лишь иногда светлая полоска разглаживала её утомлённое лицо. И тогда мне снова казалось, будто я вижу её конопушки. Утром я предварительно уколов её анестетиком больше для своего успокоения, чем для её упокоения, поехал на встречу. Всю дорогу я словно гадал на ромашке, что принесёт нам эта чудо-вакцина. Жюль ничего мне не рассказал, но зато всю историю человечества в его райском блаженстве предрёк мне доктор Эйбол Итьен.

— ...Знали ли вы, что швейцарский фармаколог исследовал влияние наркотиков на пауках. Учёный испытывал на членистоногих разные препараты, включая амфетамин, мескалин и кофеин, и обнаружил, что наркотики влияют на размер и форму сети. При небольших дозах кофеина сеть была небольшая, радиусы были неравномерными, но круги оставались правильными. При более высоких дозах форма паутины заметно изменялась. Она становилась более причудливой, с необычными переходами и кругами. А сами пауки не были возбуждёнными, как могло

бы быть, а наоборот они словно успокаивались и только занимались плетением.

— Не хотите же вы сказать, что мы накачаем Маджи наркотиками и вместо выздоровления подсадим её на дозу, как наркошу?

— Ну что вы, что вы... — улыбнулся Доктор Эйбол и продолжил. — Противоопухолевая вакцина, которую мы создаём, изготавливается на основе, как вы сказали, «наркотических» препаратов. Но они лишь подавляют болевые ощущения. На самом же деле, мы берём кровь именно того пациента, для которого предназначается лекарство, обрабатываем её специальным образом, обучая на раковых культурах, имеющихся в нашей институтской лаборатории, и затем вводим заново. К сожалению, кроме Маджи, у нас имеется пока ещё только один образец. Поэтому все шансы только на неё. Если организм отзовётся на препарат, то иммунная система начнёт распознавать клетки опухоли и уничтожит их.

— То есть наркотик это просто как «отвлекающий» манёвр для организма. А по сути предполагается, что пациент вылечит сам себя.

— Именно так.

Но пусть даже и так. Нам давалась возможность хотя бы попробовать. На тот момент вакцина была ещё не проверена. Маджи была её первым испытуемым. Процедура была болезненна, но Маджи ухватилась за эту соломинку и держалась буквально обеими руками.

— А если у нас ничего не получится? — всё ещё сомневался я.

— Значит, я просто уйду в свой цветущий сад раньше, чем это нужно.

— А я?

— А ты... Крис, ну хватит, кто из нас двоих должен быть трусихой?

— Точно не я!

— Ну вот и всё.

Вот так нашей с ней надеждой стала вакцина. Под действием успокоительного эффекта вакцины совершенствовалось её умение плести рассказы, как кофеин совершенствовал умение паука плести паутину. Её рассказы становились более красочными. А она сама более счастливой как тот осьминог из опыта с теми же ЛСД, словно экстази было не на щупальцах-члениках, а на подушечках её пальцев. Только чем страшнее ей было, тем веселее были персонажи.

Так на Цветочной полянке обосновались новые жители. Они появились перед очередным осенним балом в ноябре. Каждый из цветов должен был показать себя во всей красе и получить титул короля или королевы Цветочной полянки. Словно из средневековой мифологии на Цветочной полянке распустились волшебные растения: Бернакл — длинный плотный стебелёк его тела заканчивался бутонами, в которых созревали маленькие априкорны, сладкие и пахучие как апельсины плоды.

Татарский овен — тоже с бутонами, из которых вылупливались похожие на гусеничек существа с десятью ножками и четырьмя глазками. Колокольчики-бабочки, одуванчики-шарики, сливы-дирижабли, даже розы-возбуждения. Однако никто из них не дотягивал до звания королевской особы со всеми своими волшебными и сказочными характерами. Даже болеющий за свою Волшебную Луковичку Кактуар понимал, что «ну собственно ничего особенного в ней не было». Все они были красивы по-своему, а нужно было что-то с виду простое. Как простой кустик Ужовника, на который никто не обращал внимания.

Ужовник был многолетним растением, он переживал однодневок колокольчиков, выдерживал порывы ветров, которые срывали шарики с одуванчиков, был пониже слив-дирижаблей, у него не было красоты Луковички и волшебных чар Чёрного Милосердия и Гремучей Ивы. Он был тихим и не издавал никаких мандрагорковых воплей, не был странным как братья-бананы и вообще рос себе просто «одиноким одинокой одиночкой». Если б не случай с кровавыми потоками и не образовавшиеся ручьи алых рек, то землю бы не размыло и из неё не показались бы металлические ключики. Тут вот все растения и обратили внимание на маленькие стального цвета ключики, которыми заканчивались размытые корни Ужовника. Старый Вяз, как долгожитель и самый мудрый из всех на Цветочной полянке, пробасил «Всякий, кто успеет дотронуться до стального ключика, откроет себе магическую силу скрытого». Пока обитатели полянки переглядывались и заторможено смотрели на Ужовника с его ключиками, потоки кровавого наказания Гремучей Ивы остановились, и земля скрыла оголённые корни Ужовника, навсегда погрузив тайны серебряных ключиков под землю. Надо ли говорить, что теперь никто не сомневался в необычной обычности этого простого растения. Так Ужовник и стал «серебряным» королём Цветочной Полянки. А Кактуар даже на некоторое время переметнулся в защиту этого «страсть чудного», оставив Волшебную Луковичку горевать.

Маджи нравилось блуждать в мыслях по этой Цветочной полянке, там ей было хорошо и там её никто и ничто не беспокоило. Она не концентрировалась на ощущениях боли. Препарат справлялся. Хотя он не был проверенным, возможно, он не был даже подлежащим к использованию. Но мы зацепились за протянутую нам руку с маленькой ампулой. Кто бы мог подумать, что одноразовое применение этого препарата полностью освободит Маджи от боли, страдания и навсегда сотрёт гримасу мученика с её лица.

Так оно и было. Каждый день Маджи улыбалась всё чаще. От радости я потерял наблюдательность, окрылённый надеждой её выздоровления. Она и правда будто бы здоровее выглядела, блаженная улыбка не сходила

с её лица. Чем дальше протекали дни, тем больше в её блажи проявлялись идиотливые черты. Она словно была не со мной. Она всё больше и чаще говорила о прекрасных снах, которые она видит, о парящих зонтиках, которые пытаются сбить капли дождя, о каплях, которые создают прозрачный купол, под которым растут болтающие всякую чепуху цветки. Это всё выглядело бы забавно, если бы она писала, как раньше эти свои «Сказки на Цветочной полянке», или рисовала гусеничек и бабочек. Но она жила там. Она жила здесь. На этой самой полянке. Она словно пошла за кроликом и попала в Зазеркалье. Её сознание было там, в мире без боли, тогда как тело продолжало существовать здесь. Она понимала, где находится, она откликалась и реагировала на раздражители. Но её больше ничего не раздражало.

Она прожила ещё 5 месяцев. Хотя должна была умереть 5 дней назад. Она подтвердила безопасность препарата на себе.

Через несколько месяцев после её ухода препарат усовершенствовали и адаптировали под ген человека. Иммунная система теперь без погрешностей должна была соединиться с препаратом, создав одну биологическую единицу, редуцировать и заменить раковые клетки. Клетки больше не разрастались, они, словно находились под куполом. Как в снах Маджи. Возникали, конечно, побочки, но все они носили больше физические и единичные случаи, которые не влияли на организм больного. Больной же продолжал жить в полном сознании и без ощущения боли. Препарат назвали в честь первого пациента, опробовавшего его на себе — Re-Image.

Уверен, Маджи бы умилялась и воображала, она была такой задавакой.

Первая. Была и осталась первой.

Светлана ИВАНОВА

ВСЁ БРЕННО, А КОТИКИ ВЕЧНЫ

225-летию открытия отменённого созвездия Кошки посвящается

Пролог

Пошатывающейся походкой, медленно переставляя лапы, кот приблизился к раскрытой балконной двери. Оставшихся сил хватило только на то, чтобы вскарабкаться на невысокий порожек. Кот облегченно выдохнул, уютно устроился в дверном проеме и поднял глаза вверх, туда, где на небе загадочно перемигивались звёзды.

Кота звали Фича, что в переводе с программистского на человеческий означает «особенность». Впрочем, из особенного у среднестатистического британца без родословной был только флегматичный характер, зверский аппетит и королевские замашки, вытекающие явно из псевдоголубых кровей: кот не терпел соседства классовых собратьев и ревниво относился к хозяйскому вниманию в чужую сторону.

Много лет кот жил в квартире, свысока наблюдая жизнь за окнами своего четвертого этажа. Пока однажды аномальная жара, избыточный вес и возраст не свалили Фичу с благородных лап. "Инсульт!" - констатировала, посветив фонариком в бездонную глубину кошачьих зрачков, ветеринарный врач, к которому примчались всполошенные малоподвижностью животного и полным его равнодушием к еде и питью хозяева.

Врач деловито набрала в шприц лекарство, воткнула иглу в безучастный кошачий окорочек, впрыснула жидкость и, как могла, успокоила хозяев: «Десять дней колите этот препарат и витамины. Все обойдется!»

Так кот начал свою девятую, последнюю, жизнь.

Если звёзды зажигают...

"Какая вопиющая несправедливость! - думал кот, лежа на пороге балкона и ощущая саднящий от уколов зад. - Вот оно - созвездие Гончих

псов. А где, спрашивается, котики? Что это за дискриминация и полный игнор со стороны тех, кого мы милостиво допускаем прикоснуться к нашей шелковистой шёрстке? Кому позволяем держать нас на коленях и почесывать за ушком? Кого согреваем в кровати и нежным "муррр" будим ранним утром?"

Кот не знал, что еще в 1799 году французский астроном Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд предложил назвать одно из созвездий "Кошки" и даже писал об этом: «Я очень люблю кошек и хочу, чтобы это животное царапалось на небесной карте». Правда, идея не нашла поддержки у большинства авторитетных астрономов и располагавшееся на южном небе между созвездиями Насоса и Гидры скопление звёзд было отменено как самостоятельная величина и включено в состав той же Гидры, но в 2018 году одна из самых ярких звёзд упразднённого созвездия получила-таки от Международного астрономического союза имя Кошка (Felis).

Глаза кота постепенно заволакивались туманом, теряя блеск. Остановившийся на мерцающей яркой звезде взгляд померк, тело Фича несколько раз вздрогнуло и вытянулось. Время, отпущенное земным существованием на девять кошачьих жизней, истекло...

Все коты попадают...

Космическая КОТерия² изящно выстроилась в идеальные параллели КОТильона³. Танец был ежеутренним обязательным ритуалом для представителей скрытого вида планеты Felis, точнее, густонаселенной звезды, самостоятельно производящей свет и тепло за счёт ядерного синтеза в ядре и выделяющей энергию в виде света и электромагнитного излучения, благодаря которому Felis (Кошка) была видна на огромных космических расстояниях.

Под звуки "Вальсирующего котика" композитора Лероя Андерсона бестелесные пары грациозно перемещались друг за другом внутрь арок,

---

² КОТерия – тесный союз лиц с их частными сокрытыми видами и происками.

³ КОТильон - танец, в котором все танцующие выстраиваются в линии, каждая в две пары, кавалеры становятся напротив своей дамы и подают им свои руки так, чтобы из всех линий образовались своды, после чего первая линия, а за ней вторая и третья, начинают вальсировать под устроенными между линий сводами, наблюдая, чтобы каждая линия начинала вальс по окончании вальса предшествующей

созданных поднятыми призрачными кошачьими лапами. Там, в КОТоне⁴ на противоположном конце танцевального тоннеля уже толпилось достаточное количество котов и кошек, земные жизни которых за последние сутки развеялись из песочных часов по поверхности звезды Felis.

Такие часы наполнялись для каждого животного, но не в тот момент, когда оно появлялось на свет на Земле, а тогда, когда глаза котёнка превращались из плотно сомкнутых линий в бездонные окружности. Песок в часах располагался девятью разноцветными слоями: белый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, черный. Как только последняя черная песчинка пересыпалась из верхнего конуса в нижний душа кота устремлялась в космическое пространство, держа курс на звезду Felis. Там, на звезде, они собирались в КОТоне, где черный и белый космические коты не покладая лап делили прибывших, отправляя часть в центр звезды через раскалённый до многотысячных температур тоннель, разделявшийся на девять рукавов - по пути следования разноцветные КОТилозавры⁵ становились песком времени, который в конце тоннеля слоями наполнял песочные часы.

Остальные животные ожидали утренней энергетической вспышки, знаменующей начало КОТильона - ритуала перехода котов с этапа девяти земных жизней в бесконечный период космического существования.

Вальсирующие пары звездной КОТерии приближались к поднявшимся по радуге земным собратьям и подхватывали в свой танец новеньких, Им предстояло стать обитателями звезды Felix и продолжить многовековые бесконечные опыты по выведению идеального котолуба.

Каждый вновь прибывший кот добавлял в Сосуд информации свои воспоминания о хозяине. Раз в месяц содержимое сосуда генерировалось путем использования электрического газового разряда. Сгенерированная субстанция помещалась в организм подопытного человека, находящегося в специальной капсуле, столетиями поддерживающей его физиологические процессы. С помощью датчиков, установленных на теле, считывался получившийся социальный портрет индивидуума, данные выводились на монитор и каждый член КОТерии выставлял оценочные баллы, по сумме которых определялся коэффициент идеальности. И, судя по тому, что концентрат воспоминаний земных котов всегда содержал

---

⁴ КОТон - вид искусственной внутренней гавани в древности, названной по форме сосуда.

⁵ КОТилозавр - представитель класса самых древних (вторая половина палеозоя) и примитивных рептилий (здесь - примитивные коты, не обладающие интеллектом и нелояльно настроенные к людям).

мутноватость застарелой обиды, неизлитой в хозяйские тапки и занозой застрявшей в сердце, до появления человека кошачьей мечты было еще долго.

Фиче, можно сказать, повезло. Он и внешне, и интеллектуально выделялся из общей массы и бестрепетной лапой белого кота был направлен из КОТона навстречу выплывающей ему вальсирующей паре. Пара разделилась – кошечка закружила в танце Фича, а ее партнер галантно обнял за талию какую-то скиф-той-бобочку. Не прерывая вальса, коты, лишенные тел, двинулись к площади, уставленной прозрачными бочками. Партнерша Фича подтолкнула его вперед и кот погрузился в свой персональный Сосуд воспоминаний.

Выплеснувшаяся из глубин подсознания волна памяти стала наполнять бочку и обладай лапы Фича материальной структурой, они непременно намокли бы, ибо все, что было связано с человеком-хозяином, быстро достигло высоты кошачьих колен. Досуха выжав память о домашней жизни, кот выбрался из сосуда и отправился восстанавливать душевное равновесие и потраченные силы. Спать и есть предстояло ровно тридцать дней – пока память в сосуде отстоится, разделившись на пену, чистое сознание и осадок. Затем кота ожидало приглашение на Церемонию генерации содержимого Сосуда информации и инъекцию подопытному человеку....

В каждой фиче есть свой баг⁶

Фича открыл глаза. Никогда еще он не чувствовал такой внутренней легкости, полета мысли и воздушности желаний. Ни дерзости, ни ревности, ни алчности, ни чревоугодия - никаких плотских хотений. Только тяга к хорошей музыке и танцам. Музыкой был наполнен и мир вокруг: от Зеза Конфри с его «Котенком на клавишах» до «Alley cat» Бента Фабрика (Фабрициус-Бьерре). Вокруг просыпались сородичи, прибывшие на звезду одновременно с котом. Прекрасная в своей концентрации милоты стая котиков устремилась на площадь, где торжественно происходил процесс генерации воспоминаний. Процедура заняла несколько минут, озарив восхитительной вспышкой окружающий мир. Затем каждому коту вручили по небольшой колбочке с субстанцией, которую предстояло собственноручно (ради чистоты эксперимента) поместить в организм человека любым способом: либо залить через специальную трубочку,

---

⁶ Программная ошибка — ошибка в программе или в системе, приводящая к неожиданному поведению программы и, как следствие, выдаче некорректного результата.

герметично помещенную в отсек для приема пищи человека внутри капсулы; либо вколоть с помощью иглы, соединяющей шприц снаружи и ягодицу подопытного изнутри колбы. Фича выбрал вариант "перорально". С легким трепетом, высунув от старания язык, кот взлетел к пищеприёмнику и слегка замешкался. Лапа, держащая колбочку, дрогнула, концентрат возмущенно булькнул и вылетел слизистым шариком прямо на торчащий изо рта кончик фичинового языка. Кот нервно вздохнул, сглотнул от испуга и содержимое провалилось внутрь... КОТерия вздрогнула... Сгусток раскалённой энергии вырвался из жерла внутреннего тоннеля, неся за собой сотни песочных часов, наполненных разноцветным песком....

Эпилог

Фахверк⁷ на территории Валдайского заповедника местные жители называли просто КОТтедж. Собина, что в переводе означает "особенная", держала в нем множество котов и кошек, давая приют каждому бездомышу, нуждающемуся в помощи человека. В огромных светлых комнатах, наполненных мелодиями классических произведений, посвященных котам повсюду были разложены уютные лежанки для животных, расставлены миски с водой и кормом. А стены занимали полки с сотнями необычных песочных часов. Песок девяти разных цветов в них располагался послойно: белый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, черный. Собина внимательно и неусыпно наблюдала за котами и время от времени подходила к полке с часами, переворачивая заново те, в которых струйка фиолетового песка едва начинала переходить в чёрный.

По ночам Собине снились странные сны: мерцающие звёзды, вальсирующие коты и радуга, ограничивающая свои семь цветов белым и чёрным. Просыпаясь по утрам, девушка мурлыкала от прекрасного настроения, часто употребляя вместо слова "счастье" "фича", удивляя окружающих и восхищая знакомых программистов...

---

⁷ Фахверк или стеклянный дом — это архитектурная конструкция, которая представляет собой полностью остекленный белый каркас, установленный на приподнятой на стойках над уровнем разлива воды плите. Такой дом как будто парит в пространстве, создавая невероятно легкое и воздушное ощущение.

ЖИВАЯ ВОДА

Олег РОМЕНКО

«БЫТЬ НЕ МОЖЕТ ЗЕМЛЯ БЕЗ ПРОРОКА...»

Мы не случайно вынесли на главную страницу номера именно это стихотворение выдающегося русского советского поэта Бориса Алексеевича Чичибабина. Написано оно было ровно тридцать лет назад в Харькове, незадолго до смерти автора. В этом пронзительном стихотворении чувствуются судороги задыхающегося человека. Все мы помним классическую мысль Блока о том, что Пушкина убила не пуля Дантеса, а отсутствие воздуха. Солнечной пушкинской гармонии не нашлось места в наступившей всерьёз и надолго николаевской эпохе, одной из самых суровых в русской истории.

Борис Алексеевич трижды задыхался подобным образом в своей жизни. Сначала его спасла, наступившая в стране хрущёвская «оттепель». У прошедшего через сталинские лагеря поэта, влачившего после освобождения неприметное существование бухгалтера домоуправления, в 1958 году вышла первая публикация в «Знамени». В начале 60-ых Чичибабин долго время живёт в Москве. Круг его общения того периода — Самуил Маршак, Илья Эренбург, Виктор Шкловский.

После того, как недолгая «оттепель» сменилась двадцатилетним «застоем», благоприятным для конъюнктурщиков от литературы, в жизни Чичибабина начинается тяжёлый период. В 1966 году по негласному требованию КГБ его отстраняют от руководства харьковской литературной студией, а в 1973-м исключают из СП СССР. Из официальных писателей он переходит в разряд запрещённых. Из сильной депрессии поэта выводит, влюблённая в поэзию и в его талант, Лилия Карась, ставшая спутницей жизни и являющаяся ныне хранительницей памяти и творческого наследия Бориса Чичибабина.

Но самым сильным потрясением для поэта стал распад Советского Союза. Казалось бы, горбачёвская «перестройка» вывела его имя из забвения. В 1987 году Чичибабина восстанавливают в СП СССР, причём те же самые люди, которые исключали. Его много печатают. В начале 1989-го на Центральном телевидении показывают документальный фильм «О

Борисе Чичибабине». В 1991-м за книгу «Колокол» поэт удостоен Государственной премии СССР. Но очень скоро в стране всё резко переменялось — этнические конфликты в национальных республиках, резня и погромы, бездействие властей, обезумевшие от горя беженцы, обнищание и расчеловечивание людей, пир во время чумы мошнатых бесов-нуворишей, называющих себя «новыми русскими». Людям стало не до поэзии, когда советская власть изменила идеалам равенства и братства, а сам Борис Чичибабин чувствовал себя в безвоздушном пространстве: «И кричу и не вижу того я, Кому нужен мой стих позарез (...) И кричу и не вижу того я, Кто хотел бы услышать меня».

Однако, несмотря ни на что, Борис Алексеевич был очень добрым и по-настоящему благородным человеком. Он сидел в лагерях, но не сломался и не ожесточился, он пил от безысходности, но не спился, он жадно любил, но одну единственную женщину, ставшую его музой. Покусываемый столичными снобами, мнившими себя на порядок выше харьковского поэта, сам Борис Чичибабин всегда приветливо относился к любому стихотворцу, каким бы заурядным и бесталанным тот ни был, потому как считал — чем бы дитя не тешилось, лишь бы не умножало скорбь.

Конечно, в поэзии Бориса Чичибабина много резкого и предвзятого, всего того, что обсуждалось вечером на кухне за рюмкой водки с немногочисленными единомышленниками после очередного выматывающего своей сумрачностью и беспросветностью трудового дня и выплёскивалось потом в стихи: «Одни вдали и трусы живут в моей державе». Но, чего не скажешь в сердцах о своих соотечественниках, которые и в самом деле страшно далеки от того, что принято считать «образом и подобием»? Да и в главном поэт-пророк оказался прав: «Мы просвистали свой простор, проматерили дух». И теперь уже не за «Кавказским отторженным кряжем», а на территории отторгнутой натовцами Украины «каждый день убивают людей».

Сейчас, по-новому прочитывая и взвешивая все эти искания и метания, озарения и заблуждения поэта и гражданина, нам верится, что Борис Чичибабин сумел пройти сквозь игольное ушко, являющееся вратами в Царство Небесное. А его пророческая и страстная поэзия будет будить полумёртвую совесть людей «до скончания века земного».

Борис ЧИЧИБАБИН**ИСПОВЕДНЫМ СТИХОМ НЕ УКРАШЕН**

* * *

Кончусь, останусь жив ли, —
чем зарастет провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры —
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

По деревням ходят деды,
просят медные гроши.
С полуночи лезут шведы,
с юга — шпыни да шиши.

А в колосьях преют зерна,
пахнет кладбищем земля.
Поросли травой черной
беспризорные поля.

На дорогах стыннут трупы.
Пропадает богатырь.
В очарованные трубы
трубит матушка-Сибирь.

На Литве звенят гитары.
Тула точит топоры.
На Дону живут татары.
На Москве сидят воры.

Льнет к полячке русский рыцарь.
Захмелела голова.
На словах ты мастерица,
вот на деле какова?..

Не кричит ночами петел,
не румянится заря.
Человечий пышный пепел
гости возят за моря...

Знать, с великого похмелья
завязалась канитель:
то ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель.

То ли к завтрему, быть может,
воцарится новый тать...
И никто нам не поможет.
И не надо помогать.

* * *

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю —
молиться молюсь, а верить — не верю.

Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?

От плахи до плахи по бунтам, по гульбам
задор пропивала, порядок кляла, —
и кто из достойных тобой не погублен,
о гулкие кручи ломая крыла.

Нет меры жестокости и бескорыстью,
и зря о твоем же добре лепетал
дождем и ветвями, губами и кистью
влюбленно и злыдно еврей Левитан.

Скучая трудом, лютовала во блюде,
шептала арапу: кровцой полечи.
Уж как тебя славили добрые люди:
бахвалы, опричники и палачи.

А я тебя славить не буду вовеки,
под горло подступит — и то не смогу.
Мне кровь заливают морозные веки.
Я Пушкина вижу на жженом снегу.

Наточен топор, и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черед?
Но нет во мне грусти и нет во мне страха.
Прими, моя Русь, от сыновних щедрот.

Я вмерз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
и мне в этой жизни не будет защит,
и я не уйду в заграницы, как Герцен,
судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

***

Ночью черниговской с гор араратских,
шерсткой ушей доставая до неба,
чад упасая от милостынь братских,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Плачет Господь с высоты осиянной.
Церкви горят золоченой известкой,
Меч наострил Святополк Окаянный.
Дышат убивцы за каждой березкой.

Еле касаясь камней Синая,
темного бора, воздушного хлеба,
беглою рысью кормильцев спасая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Путают путь им лукавые черти.
Даль просыпается в россыпях солнца.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Мук не приявший вовек не спасется.

Киев поникнет, расплещется Волга,
глянет Царьград обреченно и слепо,
как от кровавых очей Святополка
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Смертынька ждет их на выжженных пожнях,
нет им пристанища, будет им плохо,
коль не спасет их бездомный художник
бражник и плужник по имени Леха.

Пусть же вершится веселое чудо,
служится красками звонкая треба,
в райские кущи от здешнего худа
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Бог-Вседержитель с лазоревой тверди
ласково стелет под ноженьки путь им.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Чад убиенных волшбою разбудим.

Ныне и присно по кручам Синая,
по полю русскому в русское небо,
ни колоска под собой не сминая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

ПЛАЧ ПО УТРАЧЕННОЙ РОДИНЕ

Судьбе не крикнешь: «Чур-чура,
не мне держать ответ!»
Что было родиной вчера,
того сегодня нет.

Я плачу в мире не о той,
которую не зря
назвали, споря с немотой,
империю зла,

но о другой, стовековой,
чей звон в душе снежист,
всегда грядущей, за кого
мы отдавали жизнь,

С мороза душу в адский жар
впихнули голышом:
я с родины не уезжал —
за что ж ее лишен?

Какой нас дьявол ввел в соблазн
и мы-то кто при нем?
Но в мире нет ее пространств
и нет ее времен.

Исчезла вдруг с лица земли
тайком в один из дней,
а мы, как надо, не смогли
и попрощаться с ней.

Что больше нет ее, понять
живому не дано:
ведь родина — она как мать,
она и мы - одно...

В ее снегах смеялась смерть
с косою за плечом
и, отобрав руду и нефть,
поила первачом.

Ее судили стар и мал,
и барды, и князья,
но, проклиная, каждый знал,
что без нее нельзя.

И тот, кто клял, душою креп
и прозревал вину,
и рад был украинский хлеб
молдавскому вину.

Она глумилась надо мной,
но, как вела любовь,
я приезжал к себе домой
в ее конец любой.

В ней были думами близки
Баку и Ереван,
где я вверял свои виски
пахучим деревьям.

Ее просторов широта
была спиртов пьяней...
Теперь я круглый сирота —
по маме и по ней.

Из века в век, из рода в род
венцы ее племен
Бог собирал в один народ,
но божий враг силен.

И, чьи мы дочери и сыны
во тьме глухих годин,
того народа, той страны
не стало в миг один.

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет...
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет.

Ирина БАБИНА

В ПАМЯТЬ ОБ ОТЦЕ

«Дочери рождаются к миру» – так гласит надпись на одной из открыток, которые бережно хранятся в нашем семейном архиве. Её моему папе – Льву Фёдоровичу Конореву – подписал коллектив курской многотиражки «Молодая гвардия», в которой отец несколько лет был главным редактором. Вручили открытку вместе с огромной куклой по случаю моего рождения – уже второй дочери у папы. Многие мужчины гордятся тем, что у них на свет появляются сыновья – ну как же наследники, продолжатели рода, фамилии и так далее. Папа же мой несколько не был обескуражен тем, что дал жизнь двум дочкам! Правда, иногда в шутку добавлял, что воспитать двоих дочерей, всё равно, что купить две «Волги» (эквивалент немислимого роскошества по старым временам). И эта папина гордость нами, его любовь к нам с Томой – моей старшей сестрой – сопровождала нас обеих всю жизнь.

Конечно же, кроме источника естественной отцовской любви, которой щедро нас одаривал отец, для меня он с детства был настоящим кумиром. Помню, как прибежала из школы (а в первый класс я пошла в Йошкар-Оле, куда мы всей семьёй переехали в 1977 году), и сразу же, невзирая на мамины запреты: «Ирочка, тише, папа работает!» , - бежала к нему, бросив в коридоре любимый жёлтый ранец с огромными пряжками. Залетала без всякого стука в рабочий кабинет и, усаживаясь к папе на колени, тут же начинала делиться всем, что мне в тот момент казалось важным. Гораздо позже я поняла, как непросто папе было не крикнуть на меня, не прогнать – ведь, начиная с Йошкар-Олы, отец работал собственным корреспондентом ТАСС на дому. У него был личный кабинет, телетайп, который наша бабушка Рая (папина мама, приезжавшая к нам «зимовать» из Курска) переименовала в «телепай» - может потому, что эта довольно большая машина очень нервно дёргалась, когда переводила текст с перфоленты на бумагу. Как папа освоил печать на нём – для меня и сейчас большой секрет. Конечно, печатная машинка была ему не внове – годы работы в различных редакциях – от сельской газеты до курской телерадиокомпании – давали о себе знать. И хоть печатал он всего двумя пальцами (как и я по сей день, научившись работать на его печатной

машинке), но скорость набора была ошеломляющей. Тем паче, что набирать русский текст ему приходилось, складывая слова из хитроумной комбинации латинских символов на клавишах аппарата. Кроме шумного «телепая» в кабинете были лишь письменный стол, несколько строгих стульев и телефон. Пожалуй, ещё какой-то пейзаж на стене. В общем, «по-арийски» – ничего лишнего.

И сейчас думаю – какую же невероятную собранность надо было иметь, чтобы в «домашних» условиях писать огромное количество корреспонденций, заметок, очерков, репортажей и т.д. и т.п. и практически ежедневно передавать их в Москву. Кроме того, в те времена (не знаю, как сейчас у ИТАР-ТАСС) существовал норматив даже на количество присылаемой информации, не говоря уж о высочайших требованиях к её качеству. А поскольку чего-то глобального – автономного масштаба в Марийской АССР (так тогда именовалась республика Марий Эл) каждый день не происходило, то, как вспоминал сам папа, частенько приходилось что называется «высасывать новости из пальца». И вот в разгар такого типичного, скудноватого на новости трудового дня, когда только-только что-то нашлось, и нужно срочно передать в Москву уже «переваренную» информацию, врываюсь я, ломая всё – от хода мыслей в голове собкора до карандаша, которым размахивала в порыве страсти... Никогда, никогда отец не останавливал мои порывы души, не мешал мне выливать на него свои смешные новости, не пресекал момента нашего единения. Может быть именно поэтому, как только пришла пора, и я стала что-то интересное изображать в сочинениях и даже местами слагать нехитрые вирши, первым моим слушателем и ценителем естественно был папа – ему я могла доверять безраздельно, зная, что всегда буду терпеливо выслушана и правильно понята...

Особой гордостью для меня было, когда папа брал меня с собой на трибуну по случаю демонстрации 7 ноября. Конечно же, мне нравилось ходить и в колонне вместе с мамой – Людмилой Николаевной Коноревой – и её «Межколхозстроем», где она тогда работала старшим инспектором по кадрам. Как же вся мамина работа готовилась к празднику! Больше всего мне запомнилось, какие потрясающие огромные цветы делали сотрудники из разноцветной папиросной бумаги: розы, васильки, ромашки – всё это на высоких стебельках и безумно красиво! Я, конечно же, получала любой понравившийся мне сказочно-бутафорский цветок, с которым за руку с мамой могла идти в колонне. Но если папа звал меня с собой на трибуну – о чём речь – конечно же, я готова была променять все васильки и гладиолусы на возможность смотреть на всё шествие сверху и, главное, стоять рядом с папой. До сих пор помню себя с огромным белым бантом, в вязаном зелёном костюмчике с вишенками и в красном (прямо под цвет

праздника) пальто, рядом с папой, на трибуне перед йошкар-олинской администрацией...

По малолетству я не очень-то понимала про ТАСС, про собкоров, и в особенности про дом «политпросов», куда папа иногда уходил по субботам или воскресеньям, чтобы заниматься литературным творчеством. Однако там, на чужбине (как мы тогда воспринимали своё временное поселение в далёком краю) отцу удалось написать и издать первую солидную книгу «Ранние холода». В сборник вошли и ранее публиковавшиеся его произведения, и новая повесть «Росные травы» – о судьбах сельских подростков послевоенной поры. Конечно же, книгу я тогда не читала, за исключением рассказа «Балалайка, которой у меня не было» – одного из лучших отцовских произведений короткого жанра. И даже, помню, шутила в том смысле, что вырасту и тоже напишу рассказ «Велосипед, которого у меня не было». С ним вообще приключилась отдельная история.

Как-то раз по зиме мне захотелось научиться кататься на коньках. В школе я тогда занималась во вторую смену, так что ближе к полудню, вооружившись старыми папиными коньками и лыжными палками, приковыляла во двор нашего пятиэтажного дома. Туда выходили и окна отцовского кабинета, и балкон, на котором за моими потугами наблюдала бабушка Рая, как раз приехавшая к нам на зиму. В общем, конькобежные ботинки с лезвиями сыграли со мной злую штуку: в одну из коротких перебежек от одного бельевого столба к другому, у меня подвернулась нога, и я вдобавок умудрилась упасть на неё всем своим весом. Этого оказалось достаточно для перелома с вывихом. Помню, как бабушка кричала и стучала папе в окно с балкона, как папа, выбежал на улицу почти не одевшись в тридцатиградусный мороз (что в Йошкар-Оле было средней температурой по зиме), как нёс меня, плачущую, домой на руках, невольно покачивая на ходу, отчего боль становилась вовсе нестерпимой... Затем были два месяца на костылях, а после – целый год реабилитации, как сейчас бы сказали. Я тогда припомнила папе всё: и коньки с незакреплённым голеностопом (это мне врачи потом объяснили причину перелома), и то, что оказывается имя Ирина я именно по настоянию папы получила в честь Ирины Родниной – знаменитой нашей фигуристки! Вот уж ирония судьбы!

Ну а в качестве компенсации за перелом и выход так сказать на долгое время «из строя» мне были выплачены немалые по тем временам страховые деньги. Понятно, моё желание должно было решить их судьбу. Я же, как и все дети в моём возрасте, мечтала о велосипеде. Но родители упростили отдать страховку на что-то более нужное тогда для семьи, обещав купить велик чуть позже. Вот тогда-то я и вспомнила папе его рассказ про балалайку, которой он в детстве тоже так и не получил...

Зато кроме этих невесёлых детских воспоминаний сохранился потрясающий запах новеньких книжек, только что отпечатанных в типографии. Это и была папина книга «Ранние холода», вышедшая в Марийском книжном издательстве. Прочитала я всю её много позже почти с изумлением: надо же – это мой папа написал! Только достаточно повзрослев, я смогла оценить истинное значение отцовского творчества, увидеть и красоту его литературного языка, и знание сельской действительности, и удивительную проникновенность и лиричность его строк. Кстати, один из рассказов меня особенно заинтересовал. Речь идёт о повести «Ранние холода», которую отец посвятил своей горячо любимой жене, своему другу – нашей маме – Людмиле Коноревой. Я прочла её на едином дыхании, но никак не могла понять, что же именно тронуло меня больше всего: безыскусственная любовная история Фёдора и Танюхи, красочность сельских пейзажей, мастерски вырисованных отцовской рукой, или точная выстроенность повествования? Осенённая догадкой, я просто влетела в папин кабинет: «Пап, это же не повесть! Это просто киносценарий готовый!». Помню, как отец коротко улыбнулся (наверное, искренний интерес к своему творчеству от дочери был особо приятен), а затем, чуть посерьёзнев, рассказал, что однажды уже получал схожую оценку своей повести. Но папа всегда был настолько скромно и горд одновременно, что «стучаться» в разные двери и обивать пороги «нужных людей», предлагая фактически написанный сценарий для кинофильма, сам бы никогда не стал, а продюсеров в то время ещё не существовало. Вот и получилось, что «Ранние холода» так и не стали кинокартиной. А жаль...

Однако повесть вошла в одну из лучших отцовских книг, дав название всему сборнику. Случилось это в 1982 году, когда я ещё была слишком мала, чтобы рассуждать о литературе и могла лишь любоваться очень необычным графическим оформлением издания. В конце этого же года отец наконец-то получил долгожданный перевод в Белгород. Конечно же, это была долгожданная радость для всей семьи после 5 лет жизни в чужом краю. Как оказалось, самых счастливых лет, подаривших нашей семье замечательных друзей, с которыми и поныне мы перезваниваемся и даже изредка видимся. Однако для меня, только что перешедшей в 6-й класс, это означало, что предстоит поменять не только край, город, но и школу, и всех друзей. Конечно, было страшновато от всех ожидавших меня неизвестностей.

Интересно, что в новой школе меня встретили насторожённо: «дочка корреспондента ТАСС!»! Тогда в подростковом возрасте мне впервые пришлось столкнуться с тем, что я – дочь какого-то великого, знаменитого человека. Во всяком случае, мои одноклассники первоначально окружили меня невидимой стеной, если не сказать, что изучали, как экспонат. Из-за

повышенного внимания мне хотелось спрятаться, а ещё хотелось, чтобы на меня перестали показывать пальцем и отнесли ко мне, как к обычной девочке. И я сочинила легенду. Своим новым друзьям на вопрос, кем работает твой папа, не моргнув глазом, врала: «Отец? А, инженером на «Энергомаше». До сих пор не понимаю, почему я выбрала именно эту ипостась в качестве маскировочного представления для папы, но это «работало»: на меня перестали смотреть удивлённо, а общались «на равных». Не знаю, как у кого, но про себя точно могу сказать: осознать, понять и принять в двенадцать лет, что твой папа журналист и писатель – это непросто.

Но что интересно: моя классная руководительница и учитель русского языка и литературы Эльвира Геннадьевна Работягова каждый год начинала с небольшого анкетирования (позже все наши детские анкеты она подарила нам на выпускном вечере). Среди ряда вопросов стоял и обязательный – кем бы ты хотел стать? С шестого по десятый класс я писала одно и то же – журналистом! Правда, у папы на этот счёт было другое мнение: он считал данную профессию очень сложной (что абсолютно справедливо!), и уж не девичьей точно. Тогда спорить с отцом было просто бесполезно... Зато очень важно было для меня, что любую мою потугу выдать что-нибудь в «письменном» виде, папа приветствовал и поощрял. Это отнюдь не означало, что меня просто так «захваливали». Да, отец всеми силами поддерживал во мне интерес к слову – советом ли прочитать или не читать чего-то вовсе, правкой моих школьных сочинений или детальным разбором первых наивных детских ещё стихов. Кстати, с поэзией было болезненнее всего. Если в сочинениях мы с папой легко могли прийти к консенсусу по поводу какого-то оборота или построения фразы, то стихи – часть души, вывернутой наизнанку, отдавать на отцовский литанализ было даже страшно. Нет, конечно же, он никогда и ничего не говорил понапрасну: если делал замечания, то они всегда были обоснованы, исчерпывающи и «били наповал». Помню, однажды я сочинила какое-то, как мне казалось, ужасно философское стихотворение (ну не про любовь, не про природу, а о смысле жизни, о поиске себя и т.д.). Довольная собой, постучалась в дверь папиного кабинета. Естественно, положила на стол перед отцом уже переписанное начисто... Папа внимательно прочитал, улыбнулся, и, сняв очки, сказал, как отрезал: «Дочь, ну что ж, это просто хорошо рифмованная проза». Можно только представить себе, что я испытывала в тот момент! Но когда эмоции улеглись, я должна была признать: прав, ну ведь абсолютно прав!

Ещё папа научил меня любить писать письма. Даже когда случалось уехать из дому на месяц (или мама с папой отправлялись отдохнуть на юг, а я поселялась у маминых родителей – бабушки Лены и дедушки Коли в

Харькове, или отбывала в летний лагерь, куда ездила с огромной охотой) – всякий раз мы писали друг другу письма. Не знаю даже, что мне больше нравилось – получать папины и мамины письма «два в одном» или самой им писать. Много из нашей переписки до сих пор хранится дома, и я с особой любовью иногда перечитываю их – маленькие островки тёплых детских воспоминаний, запечатленные символы великой любви, которую мне дарили мои замечательные родители...

Впрочем, и я их любила «баловать». Учась в институте, частенько вечерами могла прийти за полночь – ну понятное дело – дискотеки, вечера всякие... А утром конечно же надо было подниматься на первую пару и ехать в институт. Признаюсь, на будильник я никогда особой надежды не возлагала – главное дотянуться до кнопки и вовремя его мерзкий писк пресечь. А вот на родителей положиться можно было целиком и полностью – они уж не дадут поваляться лишних полчаса! На этот случай у нас в семье была заведена традиция: чтобы оповестить маму и папу, когда именно меня нужно разбудить, я прикрепляла на зеркале в прихожей записку. В зависимости от настроения, она могла не только содержать обращение, время и «скажу заранее – спасибо за понимание» с подписью автора, а целое поэтическое послание. Как вспоминает мама, они с отцом утром чуть не наперегонки бежали к зеркалу, чтобы улыбнуться очередному «шедевр», который им, возможно, оставила дочь. Некоторые даже хранили...

Как до сих пор у нас в семейном архиве бережно хранятся листы из перекидного календаря, на которых папа ежедневно практически делал различные пометки. Не знаю точно, когда отец решил для себя вести такой своеобразный дневник, но, сколько помню, календарь на простой пластмассовой подставке с дугами всегда занимал центральное место на столе в его кабинете. Иногда я получала приятное задание купить папе календарик на очередной год. Что именно искать, знала доподлинно: обязательно с датами всяких событий, а еще с заходами и восходами солнца. Эх, всё-таки погиб в отце неуёмный натуралист – уж очень он любил наблюдать за явлениями природы, за тем, как распускаются почки на даче, которой они с мамой посвящали всё свободное время, как появляются первые плоды на деревьях, не говоря уже о рассветах и закатах. Не случайно, наверное, обожал перечитывать среди других именитых авторов Михаила Пришвина. Прекрасно, что житьё в больших городах – Курске, Йошкар-Оле, Белгороде не смогло истребить в отце тягу к природе, которая естественным образом была перемешана с его детством. Ведь папа, что называется, родился на природе – в маленьком селе Карасёвка Курской области. Там же прошло всё его детство и юность. Может ещё и поэтому даже в названиях его произведений так много

«природного»: «Солнце играет», «В метель», «Горькая патока», «Шмелиный мёд», «Росные травы», «Ранние холода» и т.д. И хоть в центре внимания его пера всегда были люди, человеческие судьбы, характеры, природа в его рассказах и повестях занимала очень важное место. Думаю, именно это его качество – подмечать и живописно излагать на бумаге яркие пейзажные зарисовки ценил его наставник и друг Евгений Иванович Носов.

О том, как папа работал со словом, я знаю не понаслышке, не по отзывам его коллег «по цеху», и даже не из писем с литературными разборами больших издательств, газет и журналов, которые с удовольствием брались публиковать папины произведения («Подъём», «Сельская молодёжь», «Литературная Россия», «Север» и др.). Повзрослев, и всё-таки сменив сферу деятельности с образовательной на медийную, я стала для папы своего рода секретарём-машинисткой. Сначала он доверял мне только набор на компьютере (издательства к тому времени уже перестали принимать рукописи, даже отпечатанные на машинке). Мне нравилась эта работа. И не только потому, что я могла что-то значимое сделать для отца. Само ощущение, что я первый человек, который видит новое, ещё никем не оценённое произведение, вызывало прилив гордости. Не говоря уж о том, что читать, написанное отцом, всегда было интересно и легко. Так мы работали над его воспоминаниями о Носове, которые сначала вышли в виде очерковых заметок «Зову к святому и каторжному труду», «С вершины древнего кургана», «Всё пройдёт, а книга останется...». Все они стали началом большого литературно-краеведческого труда, который позже вылился в книгу воспоминаний «Люди, которых я знал».

Постепенно моя «референтская» деятельность стала превращаться в редакторскую. Собственно, я уж и не помню, когда именно это произошло. Но однажды, возвратившись домой с работы (ведь только там можно было в перерывах понабирать папины рукописи), решила не только отдать отцу набранное, но и предложить некоторые стилистические правки. На удивление, папа очень внимательно прислушался к моим доводам, а некоторые принял безоговорочно! Можно только представить себе, как гордилась я новой ролью, которой меня наделил отец! Вот тут и началось наше совместное творчество – мы часами обсуждали какие-то абзацы, меняли построение фраз, что-то добавляли или наоборот, выбрасывали. Конечно же, таких «правок» было минимальное количество – отец писал легко, изящно, и, я бы сказала, монолитно, а потому «поумничать» не так уж часто у меня выходило...

Зато, так или иначе, но моё детское желание – стать журналистом – воплотилось: после 5 лет работы в школе учителем русского языка и литературы я всё-таки ушла в медиа-мир, чем отец, смирившись, даже гордился. А мне было безумно радостно, что именно он становился первым

читателем всех моих рукописей, набросков, репортажей – сначала в газете «Вечер», где я была внештатным корреспондентом, а затем и на радио – на одном из которых я была автором-ведущей программ, а на другом доросла до должности программного редактора и редактора выпуска новостей. Конечно же, папа при любой возможности (даже на любимой даче) слушал мои выпуски и всегда был точен в оценках. Иногда журил: «Да, дочь, скребла видно по сусекам!», а бывало, что и хвалил: «Молодец, мои гены!». Надо ли объяснять, как важны для меня были даже эти маленькие короткие уроки творчества не просто любящего отца, но мастера слова.

Эта любовь к слову, даже не любовь, а привитое буквально с детства почти святое отношение к тому, что говорится, а тем более, что пишется, пребудет со мной всегда. Как всегда, со мной рядом был и будет мой друг, мой единомышленник, мой лучший наставник – мой любимый папа.

ЛУЧ СВЕТА

Татьяна БУГЛАК

УТОПИИ (НЕ) ОПАСНЫ

Что нам стоит дом построить?

Представьте себе ситуацию. У человека есть дом — старый и обветшалый, его уже не отремонтировать. Нужно строить новый. А какой?

Человек приходит в строительную фирму, спрашивает, могут ли ему помочь. «Да, — говорят ему, — давайте деньги».

— А каким он будет?

— Там разберёмся.

— Сколько это будет стоить?

— Узнаем, когда построим.

— А как он будет выглядеть?

— Увидим.

— Но хотя бы скажите, сколько на это нужно времени.

— Какая разница?

Человек в недоумении идёт в другую фирму. Там с ним говорят вежливо, сыпят терминами, идут осматривать старый дом. И показывают проект: поклеить новые обои, покрасить двери, поменять посуду, засыпать землёй дыру в полу, убрать крышу, потому что она течёт и не модная, а в подвале привязать бантик на проржавевший вентиль водопроводной трубы.

— Но мне это не нужно! — возмущается человек. — Мне нужен новый дом! Этот весь прогнил.

— Зато он уже испытанный, вы знаете все его недостатки, — отвечают ему. — Что ещё нужно? Все в таких домах живут, а вам что-то не нравится. Не хотите — как хотите.

Человек идёт в третью фирму. Суперсовременный офис забит техникой высочайшего уровня. Человеку предлагают супер-футуристические варианты. В которых не будет места ни ему, ни его семье. Если они останутся людьми.

— Но зачем же ими быть? — имитирует удивление бот-консультант. — Мы предлагаем своим клиентам полную модернизацию по выбору:

замена тела механическими протезами, частичное или полное перенесение сознания в виртуальный мир. Советуем последнее, там намного больше возможностей для проектирования зданий. Для кибернизированных клиентов мы дома не строим, только для виртуальных.

— Но я хочу жить! Хочу остаться человеком!

— Это не наш профиль. Биологическая эволюция устарела и невыгодна нашим разработчикам.

Человек, опасливо обходя роботов-сотрудников, бежит из фирмы. И идёт в последнюю в списке компанию.

Серьёзный, спокойный специалист с уверенным, профессиональным голосом и внимательным взглядом осматривает дом, всё очень обоснованно критикует, находит даже те недостатки, о которых человек и не подозревал. И убеждает человека, что да, он со всем справится.

Дом снесён, не осталось даже фундамента. И серьёзный деловой специалист требует свои деньги за выполненную работу. Бедный хозяин не понимает, что происходит.

— А где же новый дом? Вы же говорили, что выполните все работы!

— Они выполнены. Все недостатки устранены. Дома нет, а значит, нет и недостатков.

— Но мне нужен новый дом!

— Я выполнил свою работу. Оплатите счёт! Строительство — это не ко мне. Я устраняю недостатки, а не строю дома. Хотите новый дом — идите в те фирмы. Впрочем, у них тоже только недостатки, их дома надо сносить, это не дома, а ужас!

— Я у них уже был! Они не умеют строить.

— Ничего не знаю. Я — ищу и устраняю недостатки.

Бедный хозяин остаётся на пустыре среди развалин старого дома. Ему некуда идти, некуда отвести детей, его вещи уничтожены, все дорогие реликвии семьи валяются в грязи под ногами — они тоже недостатки старого дома. А нового нет и не будет.

***

Сюрреалистичный рассказик, верно? Никому не хочется оказаться в такой ситуации. А ведь мы в ней и находимся! Причём постоянно.

Судите сами. Что нам предлагает современная общественная мысль и фантастика как её перевод на понятный обычному человеку язык? Какое будущее нам пророчат?

Так называемые эксперты вообще не знают, что будет через несколько месяцев, не то что лет. Они плывут по течению, а вместе с ними плывут многие авторы фантастики. Она становится безвременной,

условной, в ней герои действуют словно бы в пустоте. Вроде и мир есть, и вещи понятны. Но всё это собрано «с миру по нитке», без проекта, без представления, что же это вообще такое. В этом мире перепутаны несочетаемые вещи и социальные условия. Прогрессоры машут мечами в средневековом мире, за которым наблюдают такие же прогрессоры в белых халатах. Команда космического корабля покупает хот-доги у уличного торговца, моет полы шваброй и копает грядки на даче. Герой с древним револьвером воюет в далёкой галактике, нося ковбойскую шляпу и старое пальто.

Нет, как хорошая приключенческая история, как история о людях, такая фантастика не вызывает вопросов. Подчас даже имеет неоспоримые литературные и гуманистические достоинства. Но какое у них будущее? Какой мир? И к чему нам, сегодняшним людям, готовиться? Не стоит забывать, что литература (и кино, разумеется) влияют на общество, дают людям представление о мире, в котором они живут сейчас и будут жить в будущем. А представление это — запчасти от разных конструкторов. Велосипед не поедет.

Другие эксперты и большинство авторов фантастики берут за образец какой-то один период времени. Если не считать словно бы вечной неизменной современности, чаще всего это условное средневековье или империя, а фантастические моменты — только декорации. Сколько таких романов вы прочитали? Гордые галактические адмиралы империй, благородные поединки на лазерных пушках или световых мечах, продажные президенты и жадные корпорации. Или — падение в новое средневековье, а то и античную пастораль. Снова будущее непонятно, оно вдруг превращается в прошлое, и мир бежит-бежит по кругу. Читателю такие миры ближе, потому что историю хотя бы немного знают все. Сказка, детская книжка о приключениях какого-нибудь исторического лица — это почти то же самое, что и современная фантастика. Поменяйте скафандры на кольчуги, а крейсер на парусник — мало что изменится. Фантасты, как и политические эксперты, привязывают бантик к ржавой трубе и верят, что это поможет.

Но самыми заметными сейчас становятся те, кто требует всё убрать. Экспертам, политическим деятелям, футурологам-трансгуманистам и авторам антиутопий и постапа современный мир не нравится. Это понятно — он объективно не идеален. А если он плох, то его нужно снести до основания.

Я часто спрашиваю таких людей: «А что вы предлагаете взамен?» Они ничего не могут сказать. Не имеет значения, какие у них формально взгляды. Они просто против того, что есть сейчас. Им хочется другого. А

какое оно будет — не их забота. Они — указывают на недостатки. Программы будущего у них нет. Ни у экспертов, ни у фантастов.

А вот всё более влияющие на умы людей популяризаторы транс- и постгуманизма отмахиваются от социальных вопросов, убеждённые, что физика с математикой и генная инженерия решат все проблемы. К огромному моему удивлению, в книге одного из самых известных на сегодняшний день популяризаторов науки Митио Каку «Будущее человечества», в длинном списке учёных-консультантов есть несколько Нобелевских лауреатов по физике, но... ни одного социолога или социального психолога, ни одного специалиста по этике. Будущее человечества предлагается строить, не учитывая представлений самого человечества, как идеальный «умный дом», в котором человек — лишняя деталь, мешающая функционированию этого дома.

Безответственный проектировщик будущего

Хотя сейчас очень часто говорят, что автор не влияет на читателя, а только пишет книги, это, мягко говоря, не так. Достаточно одного примера, известного каждому человеку на Земле, без разницы, к какой культуре он принадлежит. Если бы книга не влияла на мысли людей, то никто бы сейчас не вспоминал Евангелия. Но христианство стало ведущей религией мира именно потому, что первым воспользовалось этим инструментом воздействия на людей — Словом Написанным. Вспомните, что и само слово «Библия» переводится просто как «Книга».

Так можно ли всерьёз говорить о том, что автор не отвечает за тот образ мира, который транслирует читателю?

И автор фантастики — тоже. Возможно, на нём лежит самая большая ответственность, намного больше, чем на авторе реалистического произведения. Почему? Потому что именно автор научной фантастики, писатель, создающий у читателя образ близкого или отдалённого будущего, в конечном итоге и формирует это будущее.

Не верите? Проверьте себя: как вы представляете себе марсианскую колонию через сто лет? Уверена, вы представите её или такой, какая описана в вашей любимой книге, или такой, какая показана в фантастическом фильме. От этого влияния фантастической литературы (сценарий фильма в этом смысле тоже можно отчасти отнести к таковой) не защищён никто. Мы все сейчас строим будущее, опираясь на четыре варианта из описанного мной поиска проекта нового дома. И самое страшное, что сейчас в значительной степени на нас влияют наименее подходящие варианты — антиутопии и постап, а также не менее опасный для человечества трансгуманизм.

Почему так, вопрос отдельный и очень сложный. Коротко его можно охарактеризовать старой поговоркой: «ложка дёгтя в бочке мёда». В жизни

в десятки и сотни раз больше хорошего, чем плохого. И человечество по своей природе — самой обычной, биолого-социальной, — хорошо, а не плохо, иначе бы не было и нас с вами. Мы живём именно потому, что в наших генах записана программа взаимопомощи, программа доброты, и выживает вообще-то не самый сильный, а тот, кто умеет помогать другим. Это хорошо известный закон эволюции мы выжили, потому что человечество врождённо лучше, чем нас убеждают.

Но плохое запоминается в десятки раз сильнее. И поэтому многие эксперты и писатели (не только фантасты) опираются на совершенно неверный постулат апостола Павла: «нет делающего добро, нет ни одного» [1]. Если все плохи, то можно играть на чувстве вины. Или говорить, что люди недостойны лучшего. Что они сами виноваты в том, как живут. Этот аргумент очень часто звучит из уст всяческих экспертов и «интеллектуальной элиты», разумеется, не причисляющей себя ко «всем».

Есть и более обыденная причина популярности антиутопий у авторов. Причём не высококачественных, а «на потребу публике». Если писать о плохом, твою книгу быстрее заметят и лучше запомнят. Антиутопию писать легко — усиль до максимума один-два отрицательных момента из жизни, и всё. А вот написать что-то хорошее — тут нужно очень много работать. И очень много знать. Сложно, долго и невыгодно. К тому же от тебя могут потребовать показать на примере, о чём пишешь. А этого тоже не хочется.

Разруха в головах

С детства я много раз была свидетельницей очень интересного поведения людей.

Жители прогнивших бараков, прожившие там десятки лет, наконец получают квартиры в новом благоустроенном доме и... за два месяца превращают его в барак, даже умудряются проломить бетонную стену в подъезде.

Люди в селе, когда начинается переход к капитализму, не защищают больницу с десятком узких специалистов, детский сад и Дом культуры, а... едва эти организации советского времени закрываются «за ненадобностью», разносят их почти до фундамента, таща домой всё, что только можно. И в последующие четверть века жалуются, что у них в селе нет даже фельдшера.

Представители интеллигенции и «древнего дворянского рода», выходящие на митинги в поддержку очередного оппозиционера, не могут не только помочь соседу, когда он попросит, но подчас даже навести порядок в собственной профессорской квартире.

Проповедующие смирение и подчинение властям прихожане нарушают все запреты, когда считают, что им так удобнее. И вполне могут включить телефон там, где работает медицинская техника.

Это только несколько примеров. Разные уголки страны, разные люди — крестьяне, рабочие, интеллигенция, потомки дворян. Они различны во всём. Кроме одного: они уверены, что должны им. Что любые ограничения, любые правила — это для других, а для них — только права. И ещё они с искренней болью в голосе, горячо и долго будут говорить, как всё плохо, и почему это плохо, и даже кто в этом плохом виноват... Но никогда не сделают ничего для того, чтобы им самим было хорошо. Это должен сделать кто-то другой.

Да, Михаил Булгаков был прав, говоря устами своего героя профессора Преображенского, что разруха не в клозетах, а в головах.

Только вот виноваты ли в этом сами люди? Чаще всего — нет. Просто их убедили в том, что правильно — именно так. Что «никто никому ничего не обязан» и «выживает сильнейший».

***

Как связана разруха в головах и утопии? Напрямую. Посмотрите сами: практически все утопии, начиная с книги Томаса Мора, опираются на то, что человек не только имеет права, но и обязан обществу за эти права. Работой, ответственностью, уважением к окружающим. Даже во вроде бы совсем не социалистических утопиях, таких, как «Нелимитированная орбита» Пола Андерсона ответственность человека перед обществом и шире — перед будущим — подчёркивается как можно ярче. Это необходимость любого жизнеспособного общества. Любого!

Историки знают, что общество остаётся жизнеспособным, пока его граждане выполняют свои обязанности перед государством (и государство свои обязанности перед гражданами!). Любое государство живо, пока люди работают для него. Далеко ходить не надо. Всем известный Александр Меньшиков воровал так, что даже невозможно подобрать подходящий эпитет. За что регулярно был бит Петром Первым. Но при этом Меньшиков — один из крупнейших государственных деятелей петровского времени! И собой он умел жертвовать не только на паркетах дворцовых залов, но и на поле боя. Как умел отдавать себя делу светлейший князь Потёмкин. Умерший в поездке по государственным делам, на обочине, под солдатской шинелью, а не на мягких перинах своего роскошного дворца. Бриллиантовая пудра не запудрила ему мозги, не заставила забыть об ответственности перед страной.

Вспомните и о том, что все дети сталинского окружения и оба его сына воевали, Яков погиб в концлагере. Сын Сталина — главы одной и величайших стран мира — погиб на войне. Как и сыновья многих других руководителей страны. Воевавших на поле боя, а не на дипломатических приёмах и не на фондовых биржах. И тем более не на собственных островах с золотым песочком.

Но стоило приближенным к власти людям почувствовать себя только в праве, а не обязанными, забыть о том, что должны не только им, но и они, и это было начало конца. И для Российской империи, и для Советского Союза, а теперь, видимо, и для всей современной цивилизации. Рыба гниёт с головы, и это гниение очень быстро распространяется во всём обществе. Если правитель, начальник, священник не выполняют своих обязанностей, то почему должен их выполнять я?

Этим очень удобно воспользоваться тем людям, которые никогда не смогли бы ничего достичь, будь общество осознающим то, что оно должно, а не только имеет право. Сколько раз вы лично слышали «я никому ничего не обязан»? И это говорят те, кто как раз обязан — врачи, учителя, правоохранители, чиновники.

Нет, это не уход от темы. Это как раз и есть тема связи реальности и утопии. Потому что утопия — это мечта о лучшем обществе. Обществе, возникшем не по мановению волшебной палочки или божьей воле, когда праведникам остаётся только сидеть, сложа ручки, и радоваться в райском саду. Утопическое общество создаётся трудом людей. И сохраняется тоже трудом людей.

В этом, видимо, одна из причин постоянного отрицания утопий, начиная с возникновения этого жанра литературы. Утопия, в отличие от райского сада или «счастливого царства», предполагает осознанный труд всех жителей, а не божью или царскую милость. И правитель утопического государства ничем не отличается от остальных её жителей, он точно также обязан работать. Даже больше — он в этом должен показывать пример остальным. Без разницы, правитель это «Утопии» Мора или выбранный обществом для выполнения сложной задачи член коммунистического будущего Ивана Ефремова. А многим людям так хочется получить всё, не работая. Отсюда, кстати, и всё более распространяющаяся в фантастической и трансгуманистической литературе идея осознающего себя, обладающего личностью, но абсолютно послушного хозяевам раба — без разницы, киборга, робота или кого-то другого. Утопия противостоит не только антиутопии, но и обществу легитимизированного рабства.

К тому же утопия опасна для любой власти, воспринимающей себя «хозяином мира». Честолюбие властителя тешит мысль, что все зависят от него, что он может дарить милости и казнить. Фактически единственным

не-рабом в таком обществе считает себя сам властитель (в действительности он намного больше раб, чем любой другой житель его страны). Поэтому утопии были так нелюбимы властями всех обществ. Кроме одной страны в короткий отрезок времени. Той страны, которая впервые в истории человечества строилась волей не царей или корпораций, а её граждан. Той страны, которую продали за дешёвые джинсы и жвачку.

Утопии сейчас критикуют. Они, мол, опасны для общества. Да, опасны. Для того общества, в котором не граждане, не разумные, осознающие себя личности с собственной волей, а потребители или послушные куклы очередных мелких царьков. Посмотрите на то, каким представляют общество в современных книгах. Это вы хотите получить? Постап? Антиутопию во всех вариантах? Вы их уже получили. Чернобыль и Фукусиму, горящий войнами Ближний Восток и бывший СССР, лавины отходов, погребаящие под собой халупы бедняков на Филиппинах, умирающих от голода людей в Африке в то время, когда в Европе и США уничтожают урожай, чтобы сохранить свои доходы — не тех, кто работал на полях и фермах, а доходы корпораций.

Мы живём в маскирующейся под «свободное общество» антиутопии. Мы видим приход грядущей расы Э. Бульвер-Литтона, дивный новый мир О. Хаксли, мы своими руками строим Торманс И. Ефремова.

Об этом предупреждали утописты начиная с Мора. Утописты, бывшие намного более талантливыми антиутопистами, знавшими не понаслышке, что такое катастрофа в государстве, трупы на улицах и грабежи повсюду. Они предупреждали, что выбор-то, по сути, не очень большой: или вы осознаёте свою ответственность перед обществом, и тогда у человечества есть неплохие шансы жить в достатке и развиваться, или вы живёте одним днём, для себя. И приговариваете человечество к гибели.

Но... Современный человек боится утопии. Потому что она требует от него действий. Она не только даёт, но и отбирает. Впрочем, как и любая форма человеческого общества. И на первый взгляд кажется, что отбирает утопия слишком многое — право на абсолютную безнаказанность. Право на то, чтобы не контролировать себя. Чтобы не работать. И все забывают, что утопия даёт. Даёт здоровье, силу, образование, право выбора — не капризов и не перебора моделей гаджетов, а реальное право выбора, свободу воли, которую так часто отнимают у человека религиозные проповедники и апологеты «свободного общества». А что у нас отнимает современное общество, вы думали? Отнимает как раз то, что даёт утопия: отнимает здоровье, право на образование, на любимую работу. На свободу

воли, на будущее вас и ваших детей. Ослики, идущие за морковкой и думающие, что это и есть свобода.

Да, утопия бывает разной. И большинство утопий нам покажутся странными, а то и почти антиутопиями. Ну так что же? Что лучше — искать лекарство от рака или ждать, пока подохнешь? У нас, у 98% населения планеты, нет достаточно денег, чтобы получить то, что прописано в Декларации прав человека — основном документе для работы ООН. Нет у нас ни права на чистую воду, ни на качественную еду, ни на образование, ни на медицину, ни на безопасность. Только вот дело в том, что и у тех самых 2% населения, которые забрали у нас эти права, их — прав этих, — тоже нет. Потому что, как говорил герой одной киносажки, «Земля-то кру-гла-я».

Проекты будущего

Что же делать бедному хозяину дома? Решать вопрос самостоятельно. Искать информацию, выбирать лучшие варианты — те, которые подходят ему по цене и качеству, — делать проект и искать рабочих. И строить дом на уже готовом фундаменте, сохраняя какие-то несущие стены, перенося в новое жилище хорошие вещи и семейные реликвии. Хозяин дома делает то, что критикуют сотрудники всех четырёх фирм — он строит новый дом!

То же самое делают авторы утопий. Они в меру своих возможностей определяют достоинства и недостатки того дома-общества, в котором живут, и при этом могут использовать сведения от критика-антиутописта (правда, чаще они сами становятся для себя антиутопистами, иначе ведь не определишь, что нужно изменить или построить заново). Они выслушают советы сотрудников второй фирмы об обоях и цвете дверей. Почему бы и нет? Ведь в доме будет много памятных вещей, которые нужно вписать в интерьер, да так, чтобы они были красивы и функциональны. Они просмотрят технические новинки из каталога третьей фирмы. Ведь дом строится для будущего. Но — для человека, а не для киборга, робота или виртуального бота. Отказываться от помогающих живому человеку технических и научных открытий так же глупо, как отказываться от своей человеческой сути. Хозяин даже в первую фирму заглянет: может, у них какие интересные идеи есть? Метод тыка тоже даёт хорошие результаты, так что нельзя им пренебрегать.

Но дом хозяин строит новый! Свой собственный. Хороший или плохой — покажет будущее. К тому же дом строится не в один момент, и за время строительства могут стать доступными те материалы, которые совсем недавно казались безумно дорогими. И дом уже не совсем

соответствует современным требованиям. Он хорош, но понятно, что можно и лучше.

Проходит время, дом старится. И наследник задумывается о его перестройке или строительстве нового дома. И история повторяется.

***

Утописты — не пророки и не мессии. Они — архитекторы домов-обществ. Какие-то из них более талантливы и прозорливы, какие-то пытаются построить дом исключительно под себя, игнорируя интересы остальной семьи. Но каталог проектов растёт. И новому строителю уже можно выбирать, что же подойдёт в конкретном случае.

Посмотрите сами: мы уже как к повседневной норме относимся к общественному питанию, музеям, обязательному всеобщему образованию, к пусть и не всегда идеальной, но доступной всем медицине и прививкам от смертельных болезней. А ведь это всё — проекты старых домов-утопий. Как и конвейерное производство, планирование, общественный транспорт в городах, полёты в космос. Это — тоже утопии!

Когда-то бойкий журналист приписал Рэю Бредбери хлёсткую фразу: «утопии опасны» [2]. Эти слова теперь часто цитируют, уверяя нас, что утопии не нужны. Но Бредбери говорил о другом — о том, чтобы не принимать утопию как идеальное лекарство от всех болезней. Нельзя заменять красивой сказкой с плывущими в рот жареными рябчиками всё многообразие мира. Бредбери говорил об этом. И призывал не к отказу от утопии как таковой, он призывал к реалистично-оптимистическому взгляду на мир и будущее. Он в том интервью больше критиковал как раз стремление к антиутопии, к отрицанию доброго, хорошего будущего. Это отрицание характерно именно для американской фантастики — антиутопии, боевика и постапа. И для бездумно следующих чужой, разрушительной традиции русских авторов, без разницы, фантастов или вроде бы реалистов. Разрушить всё, а дальше?

***

Утопии опасны. Это верно. Как опасно лекарство. Его нужно правильно выбрать. И вовремя поменять, чтобы не было побочки или осложнений. К тому же утопии никогда не станут идеальным лекарством. Как нет идеальной прививки от гриппа. Всегда появляются новые, неизвестные вчера проблемы. И для каждого времени, для каждого общества — своё лекарство и своя утопия. Но есть в этих лекарствах-утопиях одна общая составляющая. Это лекарство от разрухи в головах.

Очень простое лекарство: ответственность перед окружающими, осознание того, что ты тоже должен людям, а не только они тебе. И должен будущему. Говорят, у индейцев Северной Америки раньше была поговорка: «Мы не наследуем мир от предков, а берём его в долг у потомков».

Ну а если вы считаете, что утопия — плохо, потому что всё идёт от бога, то вспомните Евангелие: возлюби ближнего как самого себя. Ведь это и есть основной закон утопии: деятельная, активная любовь к ближнему. Деятельная! А не красивые разговоры на кухне под бормотание телевизора и жалобы на плохое правительство.

Утопии опасны. Для разрухи в головах. Включите мозги, а? Пока ещё планета жива. А то травы и деревья, жучки-паучки выживут. А мы?

Стройте свои дома! Разные, необычные. Людей становится всё больше, мы слишком разные, чтобы жить одним обществом, чтобы быть одинаковыми винтиками любой из утопий, пусть даже самой красивой. Мы живые. И нам нужны разные дома!

Стройте свой дом! И из них вырастет огромный прекрасный мир — будущее человечества!

***

За окном воеет сирена ракетной опасности. «Хозяева жизни» строят свою утопию. Ту, в которой мы — только винтики мировой системы. Может, лучше договориться без них? И строить свои собственные жизни самим? Не перекладывая ответственность на «доброе барина»? или хотя бы помыть собственный подъезд? Это — тоже шаг к утопии.

Май 2023, июль 2024

Литература

1. Рим, 3, 12.

2. Андрей Шитов. Утопии опасны. Интервью с Рэем Бредбери//«Эхо планеты» №18 (109) 28 апреля — 4 мая 1990.

Олег РОМЕНКО

РУССКИЕ СТИХИ ВИКТОРА ПЕТРОВА

Как у профессиональных русофобов ненависть к России давно превратилась в религию, так у всех русских по духу людей подлинной религией была, есть и будет Россия, которую мы любим и боготворим не потому, что это наше Отечество, а потому, что это Россия. И в этом я в очередной раз убедился, познакомившись с новой книгой поэта Виктора Петрова «Храм на холме», вышедшей в московском издательстве «Вест-Консалтинг» в 2023 году. Сам автор книги хорошо и давно известен читателю как поэт, публицист и редактор ростовского литературного журнала «Дон», имеющего легендарную историю. Виктор Петров также является автором 19-ти книг и лауреатом Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова, премии журнала «Юность», победителем Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», удостоен европейской медали Франца Кафки.

Я не буду касаться таких формалистских вещей, как разноплановые лексические приёмы или особые речевые и стилистические характеристики, которыми иные записные критики способны засушить читателя, как паук, пойманную им в западню муху, потому что это не только не гуманно, но и бессмысленно. Так, например, я отметил, что автор книги «Храм на холме» избегает глагольных рифм. Но разве это может говорить о чём-то значимом? В своё время Есенин кричал Мандельштаму: «Вы плохой поэт! У вас глагольные рифмы!» Теперь, сто лет спустя, никто не оспаривает, что и Сергей Есенин, и Осип Мандельштам оба хорошие поэты, а истина, как всегда, где-то посередине: избегать глагольных рифм, конечно, не стоит, но и злоупотреблять ими тоже было бы нежелательно.

Не претендуя на лавры профессиональных критиков, позволю себе высказать своё читательское мнение о «Храме на холме». Книга открывается стихотворением «Азимут». В последнее время смешение кириллицы и латиницы в словах русского языка приняло эпидемиологический характер. Недавно один мой знакомый, стремящийся всегда «быть в тренде», выпустил сборник стихотворений, на обложке которого значилось — «СлѣЗЫ Войны». Если этот процесс будет продолжаться в том же духе, то скоро найдутся желающие провести

«реформу» русского алфавита, изъяв из него буквы «З» и «В» и заменив их латинскими «Z» и «V», для начала.

Что касается «Храма на холме», то не могу сказать, что автор книги злоупотребляет иностранными символами. Более того, в таком слове, как «азимут», что по-нашему, по-простецки означает — путь, направление, цель, буква Z выглядит вполне органично, как символ, проливающий свет на выбранный путь.

Все мы помним, что накануне СВО на границе с Украиной проводились военные учения российской армии. Как принято в таких делах, группировку войск разделили на две противоборствующих стороны, обозначив на военной технике двух армий, «своей» и «противника», белой краской: Z-запад и V-восток. Но сейчас, почти два года спустя, пришло иное понимание этих символов. Z — это не только последняя буква английского алфавита, это ещё и последнее предупреждение человечеству и, в большей степени, сильным мира сего, затеявшим новый передел ресурсов на планете, где теперь уже Россия — главный приз и лакомый кусок. Z — это ещё и последняя черта, за которой маячат всадники Апокалипсиса, та самая не популистская и резиновая «красная линия», а настоящая красная, потому что она кровит. И Виктор Петров постиг эту мысль своим острым поэтическим чутьём:

*Кровит последняя черта,
И по квадратам бьёт арта,
И холодеет крик у рта.
А снег — не снег... То вьюжит прах..
И подступает к сердцу страх
За родину мою в снегах.*

Истоки нашей сегодняшней драмы автор видит, как и многие его современники, в геополитической катастрофе Советского Союза, или, как сказал российский президент после бесланской трагедии: «Мы проявили слабость, а слабых бьют».

*Когда спускали красный флаг
С крестом серпа и молота,
То ликовал заморский враг,
Что Русь моя расколота.
И гимн звучал, как скорбный блюз,
Вскрывая звуком вены мне.
Так нерушимый наш Союз
Разрушен был в мгновение.*

Одной из главных причин этой беды стало массовое равнодушие, когда люди обычно говорят: «Да гори оно всё синим пламенем». И я думаю,

что не случайно именно это выражение и употребил Виктор Петров, когда писал о распаде нашей страны:

*Была страна, и нет страны —
Сгорела синим пламенем.*

«Бойтесь людей равнодушных, — говорил, расстрелянный в нацистской тюрьме Юлиус Фучик, — именно с их молчаливого согласия происходят все самые ужасные преступления на свете». И вот теперь пожинаем плоды, о чём с болью в сердце говорит поэт:

*Сберечь могли... И не смогли,
И на страданье обрекли
Одну шестую часть Земли.*

В стихотворении «Братья» Виктор Петров по-своему переосмысливает повесть Гоголя «Тарас Бульба» сквозь призму последних событий нашей современности. Прошли столетия, а образы двух братьев, Остапа и Андрия, первый из которых принял мученическую смерть за своё Отечество, потому что был уверен, что нет уз святее товарищества, а второй предал Русскую землю и погубил себя ради любви к панночке — сейчас более, чем когда-либо в нашей общей русско-украинской истории будоражат умы соотечественников. Как могло с нами такое случиться, что:

*Бьются братья смертным боем —
Брату брат уже не брат.
Столковенье лобовое,
Мат стоит да перемат.*

Люди одной крови, одной веры, одного языка вынуждены убивать друг друга, словно заклятые враги, которым не суждено жить рядом под одним небом. Не иначе, здесь не обошлось без нечистой силы, уверен Виктор Петров:

*Выгорело чисто поле,
Крыто залповым огнём.
И с Андрием дьявол в доле,
Плачет панночка о нём.*

И высшая степень накала этой духовной брани в душе поэта выплеснулась в такие строки:

*Близок холод, лютый холод —
Жизни прежней больше нет:
Сердце так и ходит, ходит,
Разорвав бронезилет.*

Здесь мне сразу вспомнились слова из знаменитого пронзительного стихотворения Константина Симонова: «По русским обычаям, только пожарища. На русской земле раскидав позади, На наших глазах умирали товарищи, По-русски рубаху рванув на груди».

Ещё одно пересечение нашей истории и современности я увидел в стихотворении «Азимут», в котором автор книги пишет о себе:

*Я родился в Авдеевке,
А крещён был в Успенке.
Сколь разора содеяно —
За такое бы к стенке!*

Когда немцы потерпели поражение на Курской дуге, то самым оголённым у них оказалось южное направление, куда и устремились советские войска. Чтобы задержать это наступление, командовавший группой армии «Юг» Манштейн применил тактику «выжженной земли» в Донбассе, за что Нюрнбергский трибунал признал его военным преступником, но к стенке, к сожалению, не поставил. Теперь идейные наследники Манштейна применили на этой же самой многострадальной земле тактику забетонированной земли, об которую уже разбилось больше русских судеб, чем за время десятилетней войны в Афганистане.

Конечно, не всё так печально в «Храма на холме», автор то и дело подбадривает читателя, например, такими словами:

*А ну, прибалты, от винта,
И шла бы, шляхта, далее!..
Где Бранденбургские врата
И где рейхсканцелярия?*

Но не будем сыпать соль на раны «рассерженным патриотам», неустанно задающим вопросы власти насчёт нанесения ядерных ударов по центрам принятия решений. Да и сам Виктор Петров не питает иллюзий в свете крайне напряжённой международной обстановки:

*Что же будет? Ветер будет
Над сгоревшим полем выть
И, как датский принц, рассудит:
Быть — кому? кому — не быть?*

И вот здесь, прежде чем поразмышлять над гамлетовским вопросом, я бы хотел коснуться религиозной темы. Меня сильно поразили такие слова автора:

*Прощай, советский крест — серпа
И молота скрещение!*

Это очень глубокий образ, в котором заложена мысль длинная, как сказочный клубок шерсти, способный увести на край света, но только там и можно найти ответ: быть нам или нет?

Наверное, не случайно советское государство, выступившее ниспровергателем исторической православной России, увенчало своё, приводящее в ужас врагов и в восхищение друзей знамя, животворящим крестом серпа и молота. И распалось советское государство тогда, когда

распалась эта самая смычка города и деревни — серп крестьянина и молот рабочего.

К моменту своего крушения рабоче-крестьянское государство уже таковым не являлось по факту и больше напоминало прогнивший улей, переполненный трутнями. Деревни обезлюдели и с уборкой урожая колхозам помогали горожане, включая школьников, а на заводах численность рабочего класса не превышала двадцати процентов от общего числа сотрудников.

Как же дошли мы до жизни такой? После смерти Сталина начался стремительный отток сельских жителей в обескровленные войной города. Вчерашние крестьяне сочли для себя за благо стоять у станка, а не пахать в поле, но детям своим они желали уже совсем другой доли и готовили их в «белые воротнички». Не прошло и полвека, как русский социум переродился до неузнаваемости и превратился, со скидкой на художественное преувеличение, в пресловутые Содом и Гоморру. Обрушившиеся на наши головы вместо серы и пепла «лихие девяностые» — яркое тому подтверждение.

Но что же удерживает до сих пор Россию в этом мире, после стольких обрушившихся на неё несчастий, особенно в последнее время? Из Священного Писания мы знаем, что мир держится на праведниках. «Не истреблю и ради десяти», — сказал Господь Аврааму. И я уверен, что у нас в стране их не десять, и не сто, а гораздо больше. Об одной такой праведнице, своей бабушке, и вспоминает Виктор Петров в стихотворении «Успенский колодец».

*...Теперь потише, тише, вороток.
Глядеть в колодец, как в себя глядеться.
Я тоже вдовый бабушкин платок
Запомнил с детства.
Такою худенькой была она,
Но словно отводила все невзгоды.
По ней узнал, как тяжела война
И недороды.*

Уставший от двадцатого века и его окровавленных рек поэт Владимир Соколов написал: «Я давно уже не человек. Я давно уже ангел, наверно...» И это не ради красного словца было им сказано. Если мы даже по обрывочным рассказам наших бабушек и дедушек вспомним, что выпало на их долю, то легко убедимся и согласимся, что при жизни они были святыми людьми, а потом стали нашими незримыми заступниками и ходатаями за Россию перед Богом. Потому так трогают и ободряют душу читателя русские стихи Виктора Петрова:

*Ещё висят по хатам образа —
Ищу я в них черты родных, знакомых..
Устиньи Харитоновны глаза
На тех иконах.*

В Книге пророка Исаии сказано: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы». Об этом же говорится и в краткой аннотации к «Храму на холме»: «Храм на холме воздвигнут истой верой, и возносимый им крест благословляет русские пределы — таков посыл новой стихотворной книги Виктора Петрова».

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

ФАНФИКИ – ГЕРОИ ФАРИСЕЙСТВА

Испокон веков идёт борьба за чистоту замысла. Сколько бы времени не прошло, актуальность мысли великого Пабло Пикассо «Хорошие художники копируют, великие — воруют» остаётся до сих пор в тренде. Лишь убеждая с годами в правдивости этого высказывания. Не потому, что, всё уже создано до нас и какой бы не была новой идея, она всё равно подлежит испытанию временем. А потому что, создать что-то на основе чего-то гораздо легче и быстрее, как играть в бисер.

Особенно если это «что-то» уже имеет и название, и персонажей, и замысел. Просто бери и нанизывай на свою текстуру, лишь немного дополнив своей фантазией. Будет ли это называться творческой работой? Безусловно. Ведь она — творчески создана и написана. Но ведь и на туалетной бумаге пишут какие-то слова и помещают какие-то этикетки, также творчески подходя к делу. Только какую ценность кроме как применения в надлежащем месте имеет эта туалетная бумага, мы знаем.

Примерно так же сейчас обстоит дело с растущими псевдо-жанрами: текстами, созданными по компьютерным играм или фильмам, фанфиками и ресторингами, комиксами и карикатурными зарисовками. Всё это — вторичная субкультура, не имеющая своей оригинальности. Поскольку она изначально создана как продукт «на основе». Это не плохо. Многие писатели, отдавая дань памяти своим любимым авторам или использующие в своих произведениях отсылки на понравившихся героев, делали оммажи. Но ведь произведение не являлось точной копией или продолжением произведения любимого автора.

Раньше за такие моменты писатели получали *nota bene* с позорным словом «плагиат».

В современных реалиях при наличии так называемого условного разделения появились многочисленные пласты крупных жанров: фантастики, реализма, классики с градацией на мелкие поджанры. Киберпанк, стимпанк, фэнтези, бояр-анимэ, литРПГ и ЛЫРЫ. Как-то одного известного музыканта обвинили в плагиате, на что он ответил: музыкальных нот всего 7. Тем не менее, есть и мелодии, которые копируют, есть и песни, которым подражают. В природе вообще сплошь и

рядом встречается это понятие — эпигонство. По словарю Ушакова: а, ср. *épigone m.* Деятельность последователей какого-либо художественного, литературного или иного направления, лишённая творческой оригинальности.

То есть уже из определения видно, что это вторсырьё. Эрзац. Замена. Тогда почему создатели этих заменителей литературы так обижаются, когда им доказывают на пальцах, что их Золушка это Синдерелла? Но нет на свете человека, который не знал бы классического сюжета сказки «Золушка». Большинство убеждены в том, что автор сказки — Шарль Перро. Многие слышали о варианте братьев Grimm. Наряду с этим есть версия, что это произведение народное. И такое предположение наиболее близкое к правде. Причём вариантов известной сказки сотни! Не стоит удивляться. Просто история про скромную и работающую девушку, обретающую своего принца, была известна ещё в глубокой древности и обыгрывалась множество раз в различных интерпретациях.

Классический сюжет переливается из повествования в повествование, дополняется своими задумками и воплощается в своих вариациях. Однако когнитивная структура сказочной аллюзии так или иначе остаётся с компонентом «золушка». Вот это и есть форма идентичности субпродукта с оригиналом.

Почему вообще она появляется? Эта субстанция из повторов. Наверное, ответ на этот вопрос в самом явлении. Жизнь. Развитие и появление новых технологий требует новшеств не только в повседневной активности людей, но и в предметах и явлениях ими создаваемых.

Отсюда, кстати говоря, нарастающая популярность в дигитал-продуктах и художественных вижинах. Появление нейросети в скором времени приведёт к отсутствию потребности в художниках. Чат-GPT — в искусственном написании текстов. Журналы в бумажном формате — заменятся электронными PDF страницами. Издательства — печатью print-on-demand. Всё идёт в развитии и в потребности. И если раньше спрос рождал предложение. То в настоящее время эта марксистская риторика стала утопически несущественной. Есть предложение и тут же появляется спрос. По разным причинам и обстоятельствам. Там, где раньше решение принимали искусствоведы и прочие люди, ведающие в науках (литература также ведь является — наукой о слове), то сейчас решение принимает группа маркетологов. Которые ещё до выхода книги, знают, как она будет продаваться или вернее, как сделать, чтобы она продавалась.

Читатель сам даёт подпитку этой почве для засеивания полей новыми жанрами. И некогда «скудное» жанровое поле Аристотеля, которое впервые описано им было в «Поэтике», засоряется новомодными и всевозможными поджанрами. Если в жанровой классификации великого

деятеля строго следовали принципам и канонам, то сейчас под каждую новую «фантазию» автора появляется новый ФЛР или ЛФР. И каждый автор, описывающий свои мятные фантазии, может легко нафантазировать своё творение в сети в любом самиздате. Получать такие же «мятные» отзывы, значки одобрения от литературных площадок и гордо считать себя — писателем. А некоторые особо примитивные авторы, ещё и рвутся защищать свои бездарно написанные работы, считая, что если их разместили на литплощадках — то они нужны. Про нужность туалетной бумаги мы уже говорили в самом начале статьи, да ведь?

Хотя и здесь есть отступление — если это публикуют, значит, это кому-нибудь нужно! И на всякое редакторское «не наш формат» (что, в общем-то, отвечает требованиям издательства) найдётся возбуждённое читательское: «Гениально!». Чем больше неоправданно возвеличенных отзывов на непотребное чтиво будет, тем больше будет подпитываться интерес к этому чтиву. Таких примеров каждая вторая книжка многих литературных премий. Любой, кто имеет доступ к интернету, и считает себя гордо — писателем, выкладывает свою писанину на литературные площадки. Дальше дело маркетинга. Математический и психологический расчёт: замеры, экзит-полы в книжных, тестирование и вот уже совокупный тираж беспринципно вырывается в крупные цифры. Из любого инфантильного подросткового автора с тысячей поклонниц можно сделать Писателя — всё работает как бизнес-проект. Да это и неплохо. Тут просто нужно определить для себя какой вы писатель!? А дальше всё будет крутиться уже даже без вас. Та же самая потребительская прослойка, что когда-то сделала мегабестселлер из невзрачного романа о вампирах, сейчас под шаблоном «Лучшая фантастика» выводят разнообразное чтиво на литпремии и выдвигает на конкурсы. Значит, кто-то это читает.

А кто-то даже усиленно проталкивает, чтобы читали именно ЭТО. Со своей критической статьёй я обращалась в литературные журналы, где-то не подошло по формату (исходя из направленности издательства), и пока я дописываю данный абзац, моя статья отправляется на редактирование. Здесь же я хочу ещё раз подчеркнуть, как некоторые псевдо-редакторы, стараясь угодить своим авторам-покупателям, среди которых есть фанфикеры, просят «написать в нейтральном ключе... не оценивающим негативно фанфики и некоторую группу писателей», чтобы это не сказалось негативно на их продажах. И здесь я всё понимаю — этому псевдожанру благоволит рынок, даже именитый ЛитРес активно зазывает их в Самиздат. Экономический базис порождает соответствующую прослойку, и никто не захочет открыто критиковать тех, кто их кормит. Главный редактор такого рукопожатного журнала Muza попросила меня «привести примеры к своим оценочным суждениям». Пожалуйста, привожу:

«Пока взять не могу, если только не будет статьи о положительном взгляде... Тогда обе статьи уравнивали бы друг друга». Анна Сахновская, основатель, главный редактор журнала MuZa.

Сложнее обстоит дело с теми, кто не может определить в силу своих возрастных особенностей «что» и «как» читать. Так сказать, что есть «хорошо», а что — «плохо». Ввиду этого и существуют учителя, педагоги, наконец, деятели образовательной системы. Которые и определяют школьную программу и списки книг. Отсюда законы и нормативы для всей образовательной системы. Где решается не только что, но и когда читать, поскольку для каждой книги есть свой определённый период. Рассказы и повести лучших отечественных авторов: Аркадия Гайдара, Валентины Осеевой, Михаила Зощенко и других. Где каждый ребёнок найдёт для себя любимого автора. Гайдар расскажет о трудном взрослении подростков, Осеева — о добре и вежливости, а Зощенко повеселит забавными рассказами. А теперь представьте себе, если ребёнок начнёт черпать литературные знания из фанфиков, комиксов, текстов по компьютерным играм. И не просто черпать, а приводить примеры из них. Что это если не подмена понятий? Мы сейчас не про морализаторство и снобизм, мы про развитие классической культуры речи. И снова обратимся к определению классики: «образцовое, выдающееся, общепринятое произведение литературы и искусства, имеющее непреходящую ценность для национальной и мировой культуры». Собственно, латинское слово *classicus* так и переводится — «образцовое».

Уверена, что вопросы, является ли «комикс» или «фанфик», размещённые на литплощадках в интернете, образцовыми и имеющими ценность отпадают сами собой. Возможно, со временем... когда-то и они станут «великими». У Чехова во многих рассказах герои тоже рассуждают о том, что для тех времён было классикой. Авторам фанфиков или других псевдожанров никто не запрещает считать свои произведения нужными или даже гениальными. А вот классикой и образцом в литературном образовании, к примеру, их сделает история. Поверка временем рассудит, что будет считаться классикой, а что так и останется закопанными страницами застаренных литературных ресурсов, вроде упомянутого выше журнала MuZa.

Не говоря уже про такие элементарные проверки, как орфография и стилистика, ибо большая часть самиздатовских псевдожанровых текстов не вычитываются ни редакторами, ни корректорами. Да и простая модерация многих площадок допускает не только «табуированную» лексику, но и запрещённые к публикации темы. Опять же, потому что в процессе проверки задействован не человек, а алгоритм действий каждого

конкретного ресурса. Но для кого это важно? Важнее, чтобы все остались довольны и создать мнимую картину благости и графоманства.

На сайте ЭКСМО в Словаре современного читателя есть ещё одно определение: «классическая литература — произведения художественной литературы, которые считаются эталоном для своей эпохи или того или иного жанра». И вот тут возникают спорные мысли и провокационные вопросы: Могут ли произведения Л. Н. Толстого быть образцом для современных писателей в жанре фантастики и фэнтези? Или им стоит всё же ориентироваться на классиков своего жанра: Д. Толкина, Р. Говарда, Р. Хайнлайна? А автору современной прозы стоит ли брать за образец произведения Ф. М. Достоевского. Скорее всего, тут опять же определяет тандем Читатель-Писатель.

И всё же Р. Говард и Дж. Толкин, конечно, классики своего жанра, но это не снимает лавровых венков с Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, так же как и с других классиков прошлого. Потому что учитывается всё: начиная с сюжетов и проблем, поднимаемых авторами, заканчивая формой подачи и языком. Пусть даже меняется стиль жизни и скорость процессов в ней, появляются новые технологии и механизмы. Но писатели-классики смогли сделать свои произведения частью культурного кода не только определённой нации, но и человечества в целом.

И как никогда твёрдо, снова повторю: Писатели пишут то, что хотят читать читатели. Даже фанфики.

Известный случай, когда фанфик становился не менее популярным, чем первоисточник, как это произошло с трилогией «50 оттенков серого», которая изначально была эротическим фанфиком на сагу «Сумерки».

И раз уж мы коснулись словарных ссылок, то снова обратимся к словарю ЭКСМО и приведём в завершении статьи ссылку из определения фанфиков: «термин фанфик произошёл от английского fan fiction — фан-литература. Фанфики пишутся непрофессиональными авторами для собственного развлечения».

Кому-то из современных авторов, возможно, тоже предстоит стать классиком для будущих поколений, а кому-то кануть в безвестность. Во всём этом действует всё тот же пришедший с Дарвином естественный отбор, законы которого не до конца понятны. И какие-то произведения и их авторы становятся образцами, эталонами, а какие-то отходят на второй план.

Читатель требует свежих идей, неожиданных решений. И вот уже жанры произведений сплетаются, смешиваются, перемещаются и становится очень трудно, а порою и грустно, уследить за очередным новым пластом в литературе, претендующим на принятие себя, как классического цельного произведения. Особенно если оно таковым не является.

КАЛИНОВ МОСТ

Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕНКО

БЕЛГОРОД ЖДЁТ ПЕРВОГО САЛЮТА

Эту статью нас побудили написать многочисленные обращения и звонки в соцсетях, поступившие от наших друзей из разных регионов России. Они искренне ужасаются: «Как вы умудряетесь выживать в Белгороде, всеми кинутым и всеми плюнутым?»

Масла в огонь подливают всевозможные истеричные особы, покинувшие город при первых же серьёзных обстрелах и вещающие теперь из какого-нибудь Нижнего Новгорода, что «Белгород стирают с лица земли» и «власть ничего не делает». Что ж, им из своего прекрасного далёка, наверное, виднее.

Не упускают своего и работающие на Запад ципсошные каналы, разгоняя волны паники в интернете и утверждая, что Белгород «на 30 процентов превращён в руины». И вся эта «лапша» оседает на ушах доверчивых читателей и слушателей. Так что же в действительности сейчас происходит в Белгороде?

Как читатель уже догадался по взятому нами тону, всё не так страшно, как чёрт малюет. Однако сразу хотим оговориться, что современный Белгород — не для слабонервных. Именно по этой причине одна из наших знакомых зет-патриоток решила сразу после начала массированных обстрелов города перебраться в Волгоград и вдохновляться там видом грандиозной скульптуры «Родина-мать зовёт!» для написания новых патриотических стихов.

Самые тяжёлые дни для Белгорода начались с 12 марта 2024 года. С этого дня и до конца месяца обстрелы города со стороны Украины продолжались ежедневно по несколько раз за день — от двух до пяти. В результате этих террористических актов погибло 26 человек и 160 получили ранения разной степени тяжести. Повреждены сотни машин. В десятках многоквартирных домов повыбивало стёкла и оконные рамы. Осколками посеколо здания нескольких детских садов, школ, больниц, поликлиник, торговых центров и даже перинатального центра. Но мы сильно погрешим против истины, если скажем, что от обстрелов

разрушена хотя бы одна сотая процента жилого и нежилого фонда Белгорода.

Прекрасно отдаём отчёт, что для близких человека, ехавшего утром на работу из Сосновки в центр и сгоревшего заживо в своей машине от прямого попадания снаряда, или другого человека, мирно спавшего в своей квартире на втором этаже кирпичного дома по ул. Шаландина и погибшего в семь утра от залетевшего в его окно «вампира» — это чудовищная трагедия. Но будем объективны, для такого города как Белгород — это не те жертвы и разрушения, чтобы поддаваться такой масштабной панике.

А происходит вот что. Сейчас от некогда почти четырёхсоттысячного населения областного центра в городе, на наш взгляд, от силы осталась четвёртая его часть. Конечно, никто не знает сколько точно, а наше мнение основывается на наблюдениях за вечерним светом в окнах домов и количеством пассажиров в общественном транспорте — сколько было и сколько стало.

Ещё одним из критериев для нашей оценки численности городского населения явились магазины. В первые дни обстрелов во многих «Магнитах» и «Пятёрочках» действительно были полупустые полки, чем не преминули воспользоваться всё те же ципсошники, раструбив по своим проплаченным каналам, что в Белгороде грядёт «гуманитарная катастрофа».

Связано это было с тем, что водители боялись везти ту же мясную продукцию из Губкина или молочную из Старого Оскола в Белгород, не говоря уж про товары, ввозимые к нам из других регионов. Из-за этого возник временный дефицит, но с ним быстро справились и сейчас полки магазинов забиты всякой всячиной пуще прежнего, но возникла другая проблема уже из-за оттока населения — некому брать. Особенно это чувствительно по отношению к скоропортящейся продукции.

Большинство из оставшихся в Белгороде жителей старается лишний раз, как раньше, на улицу не выходить. Никогда не знаешь, в какой час начнётся обстрел и где он тебя может застигнуть. Общественный транспорт при первых звуках сирены останавливается и высаживает пассажиров. Бывали случаи, когда ракетную опасность не отменяли на протяжении пяти часов. Автобусы стояли, несчастные пассажиры маялись на остановках, про такси помолчим. Все эти обстоятельства не располагают к прогулкам и поездкам по городу.

В результате Белгород стал напоминать типичный российский город четырёхлетней давности, когда было объявлено, что ковид не дремлет и надо всем сидеть на самоизоляции. Люди, в основном, выходят за продуктами в ближайший «Магнит», или кучкуются небольшими

группками возле подъездов своих домов, чтобы подышать и обсудить последние события.

Нельзя сказать, что большая часть населения покинула Белгород, как говорится, «с концами». Многие жители города являются потомками выходцев из сельской местности Белгородской области и сейчас они отсиживаются в фамильных «имениях», рассчитывая вернуться обратно, как только всё «рассосётся».

Более состоятельные горожане решили удариться во внутренний туризм. Определив для себя маршруты турне по городам России, они теперь выкладывают в соцсетях селфи на фоне достопримечательностей. Ведь в самом Белгороде в первые дни обстрелов позакрывалось почти всё, за исключением «Магнитов» и «Пятёрочек», а многие банки не работают до сих пор, кроме головных офисов, что вызвало всплеск особой «любви» к ним у белгородцев.

Какие шаги в такой ситуации предприняла российская власть, которая по мнению некоторых «всех бросила»? Если говорить о военной составляющей, то приграничные земли Харьковской и Сумской области «перепахиваются» ФАБами, чтобы лишить вражеские РСЗО возможности в очередной высунуть свои жала. Но все понимают, что работа эта долгая и кропотливая.

В самом городе появилось очень много модульных укрытий из бетона. Причём, не только на остановках, но и на перекрёстках, в парках, возле детских и спортивных площадок. И пусть они не спасут от прямого попадания снаряда, чего, будем надеяться, никогда и не произойдёт, но от шальных осколков защищают вполне надёжно. Недавно один такой модуль, установленный возле второй городской больницы, принял на себя целый град осколков и достойно выдержал испытание — стены посечены, но не пробиты. Рассказни о том, что «перепуганные русские свиньи» превратили свои укрытия в «общественные туалеты» — не более, чем геббельсовская ложь ципсошных каналов.

Но самое главное — в Белгороде появилась реальная система оповещения, предупреждающая о ракетной опасности. Тридцатого декабря минувшего года Белгород был буквально расстрелян из украинских РСЗО. Взрывы прогремели совершенно неожиданно для всех в центре города среди бела дня. А теперь сирена ракетной опасности срабатывает за 15 секунд до прилётов.

Люди, живущие в глубоком тылу России, быть может только горько усмехнутся насчёт такой «оперативности». Но стоит иметь ввиду, что Белгород находится всего лишь в 38 км от границы, она же — линия фронта. И не будем забывать слова из легендарной песни: «Не думай о секундах свысока...»

Остановимся немного подробнее на этих жизненно важных секундах. Недавно мы шли по Южному парку, который, как и все общественные места города, был почти безлюдным. В полусотне метров левее от нас гуляла молодая пара с симпатичной белой дворнягой, а навстречу нам, лихо размахивая руками, шли два здоровенных мужика «под мухой» — один высокий, другой широкий. Оба в чёрных кожанках-косухах — «привет из девяностых». Никто из нас и представить не мог, что через минуту мы все, такие разные, будем стоять в подвале близлежащей хрущёвки и тревожно прислушиваться к взрывам в небе и гадать по звукам, куда попало.

В пятнадцатисекундный «номартив СВО» уложились все, включая собаку. Более того, мужики на «весёлых ногах» добежали первыми до подъезда и, раскрыв нараспашку дверь в подвал, по-джентльменски сначала пропустили нас и молодую пару с собакой, когда в небе уже раздались первые взрывы.

А ещё пятнадцать секунд достаточно, чтобы среди ночи вскочить с кровати от воя сирены и добежать до туалета, но не для того, чтобы облегчиться, а чтобы укрыться там, где нет окон. По этой причине некоторые белгородцы перетаскивают диваны в коридор или ставят там на ночь раскладушки.

Все белгородцы помнят памятные кадры, попавшие в поле камер видеонаблюдения, когда женщина, выгуливавшая двух собак, недостаточно своевременно не отреагировала на предупреждающую сирену и через полминуты в двух метрах от неё упал снаряд. Из всех троих выжила только одна собака. Это мы к тому, что ни в коем случае нельзя пренебрегать этим пятнадцатисекундным даром.

Отсюда формируется адекватная сложившейся ситуации модель поведения у людей. Когда выходишь на улицу, глаз первым делом цепляется за наиболее удачные места укрытий, вроде маленьких магазинов, двери которых находятся на уровне первого этажа, а лестницы уводят в подвальные помещения. Мозг тем временем высчитывает время твоего передвижения от одного укрытия к другому — удастся ли своевременно покрыть расстояние, если вдруг снова завоет сирена?

Недавно одна пожилая женщина пожаловалась всем в «Пятёрочке», что уже целую неделю не выходила на улицу. Да, далеко не все из оставшейся в городе сотни тысяч жителей, бесстрашные смельчаки. Особенно это касается стареньких бабушек, которым пятнадцать секунд ничтожно мало, чтобы добраться до укрытия.

Некоторые из оставшихся в городе жителей хотели бы уехать, но не могут, потому что не за что и некуда. Так мы обратили внимание на выбитые вместе со стёклами оконные рамы, лежащие на земле. Многие

рамы оказались из полусгнившего дерева, и, значит, вставлены они были очень давно, лет тридцать назад, что довольно красноречиво говорит об уровне достатка жителей этих многоэтажек. Но люди не теряют надежды поправить материальное положение, правда, очень маловероятным способом — даже при начавшихся систематических обстрелах города, у окошка Гослото в гипермаркете «Линия» мы постоянно видим очередь в десять-пятнадцать человек. Блаженны верующие.

Сейчас информационное пространство заполнили кадры с лицами счастливых белгородских детей, которых «чудом спасли из самого пекла». А люди годящиеся им в родители, снимали квартиры в Старом Осколе и Губкине и не нарадуются, что им удалось «вырваться из этого ада». А мы тем временем идём играть в футбол.

В Белгороде с конца марта установилась аномально тёплая майская погода и мы выходим каждый день на спортивную площадку во дворе поиграть в мяч. Вчера к нам подошла группка любопытных десятилетних ребятишек и мы быстро сговорились об условиях игры. Наблюдавший за нами житель нашего дома в спецовке, взявший на себя обязанности дворника, дал несколько дельных советов по технике владения мячом из арсенала легендарного Пеле. У всех на лицах играли добродушные, спокойные улыбки, потому что это были настоящие белгородцы, любящие свой город.

А ещё мы видели, как семидесятилетние бабушки и дедушки из соседних дворов, вооружившись граблями и мусорными мешками, решили провести субботник. Им было больно видеть, с какими мучениями зелёные ростки первых цветов пробивались сквозь серый слой неубранной прошлогодней листвы. Они привели в порядок свои палисадники между двумя обстрелами в половине пятого и половине восьмого вечера. А уже утром распустились первые золотистые звёздочки нежных нарциссов. Таких чистых и светлых людей ничем не запугаешь. И чем они не пример для подражания молодёжи, привыкшей водить пальцем по стеклу своих смартфонов? Сейчас особенно важно, чтобы эта энергетика закалённых невзгодами людей передалась от старших к младшим, и тогда мы сможем устоять, как нация.

Трудно переоценить значение того, что последние три недели вершится в нашем городе. Пока держится Белгород, Россия может продолжать жить беспечно — есть блины с икрой на Масленицу, устраивать народные гуляния, развлекаться на фестивалях и концертах, радоваться наступившей весне и строить планы на летние отпуска.

А тем временем беда уже на пороге России. В приграничном Грайворонском районе Белгородской области осталось всего полторы тысячи человек, что составляет всего пять процентов от прежней

численности. А сами сёла Грайворонщины, включая город Грайворон, теперь напоминают сёла и города Донбасса. В Губкине и Старом Осколе, находящихся почти за двести километров от границы собираются проводить учения на случай ракетной опасности и устанавливать такие же модульные укрытия как в Белгороде.

Недавно в одном курском телеграм-канале, кто-то из белгородцев написал в комментариях: «У вас Масленица, а у нас обстрелы». В ответ от некоторых комментаторов раздалось возмущённое шиканье: «А Курск здесь причём?» Вот если Белгород эвакуируется в Курск, сам Курск переселится в Москву, а Москву передвинут куда-нибудь в Новосибирск, тогда все сразу станут «причём».

Если сейчас разбежится Белгород, то натовцы, ведущие с Россией гибридную войну и прикрываясь, как щитом, подневольным украинским населением, начнут массированно бить ракетами и дронами дальше вглубь России, постепенно сгоняя нас со своих земель и пуская вдогонку хаос, голод и эпидемии, как их предки это проделали с индейцами в Америке.

Все мы с детства помним поучительную сказку о прутиках. Отец предложил своим сыновьям сломать по одному прутику, с чем каждый легко справился. Но когда глава семьи связал из прутьев большой веник и предложил всем сломать и его, то это никому не удалось. Вот так и нас, если будем стоять только каждый за себя, постигнет участь этих прутиков. Пора нам уже всем просыпаться от иллюзии «снов золотых», навеянных мирной и беспечной жизнью — Родина-мать зовёт!

НЕСЛОМЛЕННЫЙ ГОРОД

В предыдущей статье, написанной нами в апреле 2024 года, мы рассказали о трагических событиях первой половины весны в нашем прифронтовом Белгороде и высказали предостережение в адрес пребывающего в беспечности российского общества — проблемы Белгорода коснутся всех.

Теперь же мы видим, что у политического руководства страны сложилось чёткое понимание необходимости решительных действий. К границе с Харьковской и Сумской областями подтянули резервы, из которых сформировали группировку войск «Север». Она и открыла новое, Харьковское, направление на театре боевых действий, чтобы решить вопрос с уязвимостью приграничных территорий.

Десятого мая, как рассказал нам знакомый из посёлка Октябрьский, находящегося в 10 км от государственной границы, вся украинская сторона, где Казачья Лопань, была затянута чёрным дымом. Такого мощного натиска не было даже 24 февраля 2022 года. Наша артиллерия била, не смолкая ни на минуту. РСЗО и КАБы не давали противнику поднять головы. И только потом вперёд двинулась пехота, планомерно беря под контроль давно уже брошенные жителями населённые пункты в «серой зоне», откуда велись обстрелы Белгорода из РСЗО.

Начало Харьковской наступательной операции показало, что российская армия стала использовать новую тактику — бесперебойные удары по противнику из всех видов оружия и очень осторожное продвижение войсковых групп. Наверное, сейчас это единственно правильное решение против такого вооружённого до зубов противника, как террористический интернационал натовских наёмников — клин клином вышибают. Времена кавалерийских атак давно прошли. Снарядов и бомб можно наделать очень много. Помним сакраментальное — «мы делаем ракеты, как вы сосиски!» А вот с восполнением человеческих потерь всё обстоит гораздо сложнее.

Как отразились горячие события последней недели на самом Белгороде? Прежде всего стоит отметить, что весь город уже неделю лишён здорового сна, потому что перерывы между сиренами ракетной, авиационной или БПЛА опасности в лучшем случае составляют три-четыре часа. Нередко бывает, что в течение часа сирена звучит трижды. Особенно мучительно такие тревоги переносятся жителями в ночное время, когда приходится вскакивать и бежать в коридор или ванну.

Но из этого не следует, что Белгород обстреливают по десять раз на дню. Сирена срабатывает каждый раз, как только радары засекут на территории Украины вражеский беспилотник или взлетевший самолёт, или выдвинувшиеся на позиции РСЗО в районе Липцов, Волчанска или даже в спальных районах Харькова. Зачастую такая угроза устраняется превентивным ударом и для жителей города не опасна. Но есть и прилёты. Редкие, но чудовищные по своей разрушительной силе.

Здесь мы хотим обратить внимание на один нюанс. Когда жители России читают про обстрелы Белгорода, они думают, что от прилётов страдает весь город, однако это не так. За исключением обстрела центра города 30 декабря прошлого года и эпизодических обстрелов окраин Белгорода, основной удар принял на себя район Харьковской горы, где мы, кстати, и проживаем.

Ещё прошлой осенью мы слышали от всезнающих охранников торговых центров, что Харьковскую гору собираются превратить в северную Салтовку, только пока ещё команды не поступило от заокеанских

хозяев. Сарафанное радио ссылалось на рассказы свояков и зятьёв в зоне СВО, а последние черпали информацию из радиоперехватов разговоров противника. Мы тогда не придали этому значения, мало ли что люди говорят, но события последних месяцев подтвердили верность этих слухов.

Почему для обстрелов был выбран именно район Харьковской горы, понять нетрудно. Послевоенный Белгород восстанавливали немецкие военнопленные, которые строили двух — и трёхэтажные дома. Когда в 1954 году город получил статус областного центра, он стал уже застраиваться пятиэтажками. Освоение Харьковской горы началось в 70-е годы. Если самые первые её кварталы по инерции застраивались ещё «хрущёвками», то вскоре начали появляться девятиэтажки. С 90-х годов стали расти 12-ти, 16-ти, 20-этажные дома. Самые высокие 21-этажные здания находятся на улице Есенина. Сейчас Харьковская гора — это по площади половина города, где проживает большинство жителей Белгорода. Именно по этой причине большой район с высотной застройкой был выбран натовскими террористами на роль северной Салтовки.

Тут стоит отметить, что северная Салтовка подверглась значительным разрушениям по причине того, что из этого спального района били «блуждающие» РСЗО по российским войскам и там же были расквартированы иностранные наёмники. В такой ситуации со стороны оставшихся в том районе жителей, используемых боевиками в качестве живого щита, было бы неоправданно ожидать, что в ответ ничего не прилетит.

Мы хорошо помним, что когда в 1994-м году российские войска входили в Грозный, был приказ министерства обороны России — инфраструктуру не разрушать. Но боевики, подготовив заранее пути отхода, превратили каждый дом в огневую точку и не оставили российской армии другого выбора. Такой же трюк натовские террористы провернули и с Мариуполем, Бахмутом, Авдеевкой — оставлять после себя только руины и обвинять потом «кровожадных русских» в «бессмысленной звериной жестокости».

Ещё в прошлом году нам встретился на улице стильно упакованный молодой человек из сословия «менеджеров», который, держа на ладони смартфон близко к уху, внимательно слушал украинского пропагандиста, блеющего о том, что русские — варвары и террористы. С тех пор прошло полгода, и нам хочется верить, что сейчас у этого «менеджера» и ему подобных «инакомыслящих» граждан встали на место мозги и они воочию увидели, кто настоящие террористы.

Здесь мы хотим вернуться к событиям 30 декабря прошлого года, когда впервые Белгород подвергся массированному обстрелу. Многие отметились тогда по этой теме. Были и такие гости-журналисты, которые перепутали срубленный снарядом фонарный столб с обломком ракеты. Но мало кто обратил внимание на тот факт, что все кассетные боеприпасы, а их было немало, разорвались на открытой местности — ни один не попал в жилое здание. Террористам было нужно, чтобы по улицам разлетелось как можно больше «начинки» и убило, искалечило максимальное количество людей. Нет сомнений, что в тот день было использовано высокоточное натовское оружие, из которого били профессиональные наёмники.

Теперь рассмотрим совсем недавнюю трагедию с домом на Щорса 55-а. Снаряд попал точно в основание подъезда и обрушил все его десять этажей в сорок квартир. Под завалами нашли 17 погибших, ещё 27 человек получили серьёзные ранения. Это общеизвестный факт. Но есть ещё один момент, о котором знают далеко не все. Террористы выбрали этот дом неслучайно. Те здания, что строились, начиная с 90-х годов на Харьковской горе, очень сильно разнились по качеству. Разрушенный дом относился к числу так называемых «карточных домиков». Характерным «клеймом» этих зданий являются замазанные трещины на фасадах, проступившие вскоре после их сдачи в эксплуатацию.

Однажды мы были в гостях в другом доме такого же типа. Для наглядности скажем так — когда ты сидишь в квартире на первом этаже, а на пятом кто-то моет посуду, позвякивая тарелками, то слышимость такая, будто этот процесс происходит совсем рядом, за ближайшей стеной на кухне. Мы ещё тогда искренне посочувствовали людям, которым жульё впарило такое «жильё». И получается, стало быть, вот что — помимо «ювелирного» попадания снаряда в основание подъезда, террористы ещё знали, в какой именно дом им следует бить, чтобы наверняка рухнул подъезд.

Серьёзно пострадал также и наш 12-подъездный дом на Бульваре Юности. На нижних этажах с трёх сторон повывивало окна и пробило насквозь осколками некоторые подъездные металлические двери. Рядом с домом раскрошили торговые прилавки, за которыми бабушки в сезон продавали овощи и ягоды со своих огородов. Возле остановки у дома разнесли хлебный киоск. Благо, что это произошло через 10 минут после его закрытия. И нет ничего удивительного, что водителей городского общественного транспорта, въезжающих на Харьковскую гору, обязали надевать бронезилеты.

Кто же совершает все эти зверства против нас? Часто можно услышать в ответ — «укронацисты». Но в действительности многие из воюющих против России боевиков украинского происхождения просто

одурманены бредовой нацистской пропагандой. А ещё гораздо больше таких, которых похватали на улицах и загнали в окопы, мотивируя их тем, что семьи этих несчастных находятся в тылу в заложниках у марионеточного режима.

Недавно один наш «городской сумасшедший» распинаялся в сети, что против России воюют точно такие же «русские герои». Они бьются за Украину до последней капли крови и умирают с криками: «Русские не сдаются!» При всей чудовищности этих измышлений, в них присутствует доля правды. Насколько нам известно от непосредственных участников боевых действий, такой квазигероизм имеет место, но обусловлен он исключительно тем, что идущие в атаку солдаты ВСУ уже изначально обколоты наркотическими обезболивающими препаратами. Чтобы завалить такого «зомбака», нужно выстрелить и попасть ему точно в «центр принятия решений», потому что иначе, даже будучи смертельно раненым, такой вояка способен нанести немалый урон нашим бойцам.

А вот о сущности тех, кто стоит за этими «героями», восставшими из ада, хорошо сказал российский президент Владимир Путин в интервью телеведущему канала «Россия 1» Евгению Киселёву: «Они (западные элиты) привыкли столетиями набивать брюхо человеческой плотью, а карманы — деньгами. Но они должны понять, что бал вампиров заканчивается».

Пару лет назад, даже несмотря на все предостережения и закон о дискредитации, только ленивый не костерил российскую армию и её командование в интернетах или курилках, а военные сводки от Министерства обороны воспринимались с изрядной долей скепсиса. Армия, входившая 24 февраля 2022 года на территорию Украины длинными колоннами пехоты и бронетехники под прикрытием ПВО, — это была наследница армии точно также входившей в Афганистан и Чечню. Но в современной войне она оказалась неповоротливой и уязвимой. Знаем горькую истину — «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне».

Сейчас же, два года спустя, мы стали свидетелями рождения российской армии совершенно нового уровня. Нам здесь из приграничья это особенно очевидно. Сначала позиции противника перепахиваются 500-килограммовыми авиационными бомбами, и эти глухие взрывы за 40-50 км от Белгорода отдаются в наших домах, как толчки землетрясения. Потом начинает беспощадно долбить артиллерия, и только после этого малыми мобильными группами идут вперёд штурмовики под прикрытием всё той же артиллерии и беспилотников. Теперь российские дроны-разведчики повсюду круглосуточно висят в воздухе и как только засекут цель, сразу же с земли следует огонь на поражение. Если кто из натовских боевиков и выживет в таком аду, то закажет своим подельникам, ещё не

ввязавшимся в бой, чтобы ни за какие деньги не соглашались воевать с Россией.

Понятно, что в войне с таким противником как НАТО победителей быть не может, но и в самом НАТО это тоже хорошо понимают и на рожон не полезут. А вот то, что современная российская армия при любых видах гибридной войны, навязанных коллективным Западом, гарантированно отстоит суверенитет своей страны — сомнений быть не может, потому что события последних лет выявили незаурядную способность нашей армии, нашего общества и нашей экономики адаптироваться к самым драматичным вызовам времени.

И поэтому в Белгороде нет никакой паники. Так, например, мы видим, как после обстрела на двери, это единственное, что уцелело от разбитой овощной палатки в посёлке Дубовое, кто-то написал маркером — «Русские не сдаются!» Или видим, как к корпусу посечённого осколками аппарата питьевой воды на улице Шаландина кто-то приклеил скотчем бумажный листок — «Водомат ранен, но не убит». Однако, как мы убедились, белгородцы не нуждаются и в таком подбадривании, не говоря уж про пропагандистские мантры и речёвки.

На днях, во время очередной ракетной опасности, мы забежали в укрытие, расположенное напротив двух больших и тесно примыкающих друг к другу торговых центров. За нами вошли два старших лейтенанта полиции, а следом за ними, цокая палочкой, дедушка преклонных лет. И вот представьте себе такую картину — в небе, под вой сирены, громыхает так, что, казалось бы, с ума сойти можно, будто мы находимся в скорлупе грецкого ореха, а по нему — хрясь! — молотком. А дедушка и говорит: «Сыночки, помогите, пожалуйста...» Мы все забеспокоились: «Вам плохо?..» — «У меня «ТикТок» слетел с телефона, а я привык в нём разные видео смотреть, чтобы отвлечься от всего этого...» От сердца сразу отлегло, и вот уже на наших глазах в тёмной бетонной коробке при свете смартфона двое молодых полицейских, спокойно улыбаясь и не отвлекаясь на внешние шумы, устанавливают дедушке мобильное приложение «ТикТок».

И этот факт — красноречивое свидетельство о том, что врагу не удалось вселить в нас страх и посеять панику, воля народа не сломлена, и время сейчас работает на нас, на наше будущее. А закончить эту статью мы хотим строками известного русского поэта Геннадия Ступина. Написаны они были в кризисные девяностые и очень созвучны нашему времени: «Ты боишься ещё? Я уже не боюсь! Слышу жар твой, дыханье могучее, Русь!»

БЕЛГОРОД — «МЫ РАБОТАЕМ»

Недавно интернет взорвала видеозапись с заявлением официального представителя Госдепа Мэтью Миллера о том, что в Белгороде почти не осталось мирных жителей, а сам город напичкан военными объектами, вследствие чего, он является «законной военной целью» для натовских ракет.

Вскоре выяснилось, что запись оказалась подделкой, которую, скорее всего, сам же Госдеп и состряпал, чтобы потом выставить оппонентов в нелепом виде. Ведь, как верно заметил глава Совета по правам человека при президенте РФ Валерий Фадеев: «К сожалению, эта подделка мало чем отличается от реальной позиции и действий Госдепа». И позиция эта точь-в-точь такова, что озвучена на записи, сделанной при помощи нейросети: Белгород — это военный объект и он должен быть уничтожен.

Прежде мы уже писали, что в самый критический момент в середине марта, накануне и после президентских выборов в России, когда Белгород обстреливали по несколько раз в день, в городе, по нашим визуальным оценкам, оставалось не более ста тысяч жителей, или четверть от его довоенной численности.

Сейчас в городе, опять же по нашим оценкам на середину июня, находится уже не четверть, а две трети от его населения двухгодичной давности. Если пару месяцев назад можно было наблюдать типичную картину — заходишь в кафе, а там ни одного посетителя и очень скудное меню, то теперь все точки общепита явно работают не в убыток себе.

Так же мы отметили, что много людей с детьми стало гулять в городских парках и собираться у фонтанов, жаркая погода этому поспособствовала. Городские автобусы больше не возят воздух, а наполнились пассажирами. Словом, экономическая жизнь в городе наладилась, а это значит, что дальнейший отток населения, по крайней мере в ближайшее время, не предвидится.

Конечно, досужие кумушки и сейчас продолжают разносить по умам небылицы, вроде той, что из Белгорода уехали все стоматологи, а их место заняли армяне и грузины. Поскольку нам самим недавно пришлось обращаться к стоматологам, то уверенно можем сказать, что это неправда. Некоторые специалисты действительно уехали, но и население в городе уменьшилось, поэтому ни на качестве обслуживания, ни на графике приёма это никак не сказалось.

Мы также не советовали бы доверять рассказам бывших белгородцев, выехавших в глубь России, о том, что жить в Белгороде

невыносимо. Они просто хотят, таким образом, оправдать свой поступок в глазах принимающей стороны, вот и сгущают краски. Да и вообще, как гласит народная мудрость — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Всем и не раз приходилось сталкиваться в жизни с «испорченным телефоном».

Если бы в Белгороде всё было так плохо, то он бы сейчас не демонстрировал столь положительной динамики, ведь нервы ни у кого не железные. А между тем, все мы продолжаем трудиться на своих местах, прилагаем максимальные усилия, чтобы наш родной город не обезлюдел, а выстоял и победил.

Так, например, месяц назад вражеский снаряд прилетел поздно вечером в дорожную машину, стоявшую на парковке возле медицинского центра «Ситилаб». Машина моментально вспыхнула и сгорела, а в самом центре выбило стеклянную витрину и покорежило приёмную. Но уже следующим утром на обтянутом чёрной плёнкой фасаде здания появилась надпись — «Мы работаем».

И вскоре эти же два слова «Мы работаем» появились на посечённых осколками фасадах ряда других коммерческих зданий, выбитые окна которых так же были наспех затянуты плёнкой, забиты листами деревоплиты или даже обшиты металлом. Такое будничное и обыденное «Мы работаем» в Белгороде приобрело свой подтекст и стало синонимом торжественной клятвы военного времени: «Мы не сдадимся».

А работать порой приходится в крайне экстремальных условиях. Особенно хотим обратить внимание на работу, сравнимую с подвигами бойцов на передовой, сотрудников белгородских агрохолдингов, находящихся у границы (линии фронта) в Борисовском и Грайворонском районах.

За последние двадцать лет в Белгородской области в рамках программы продовольственной безопасности было организовано множество аграрных предприятий, вследствие чего регион получил неофициальное название «мясной столицы» России. Сельскохозяйственная продукция Белгородчины широко представлена в продуктовых магазинах по всей стране. И вот сейчас работа приграничных белгородских агрохолдингов оказалась под угрозой из-за массовых террористических атак дронами с сопредельной территории, где пока правят бал натовские наёмники.

Служебные автобусы группы компаний «Агро-Белогорье» регулярно подвергаются таким вражеским атакам. Самый крупный теракт произошёл 6 мая, когда дроны нанесли удар сразу по двум автобусам, перевозившим сотрудников свинокомплекса в Борисовском районе. В результате атаки погибло 7 мирных жителей и ещё 40 человек получили ранения различной степени тяжести.

Вся драма в том, что если бросить это свинокомплексы на произвол, то животные умрут от голода, начнётся гниение и разложение трупов в летнюю жару, что обернётся для региона экологической катастрофой похлеще чумы и холеры. Потом эпидемия перекинется и на Украину, но натовским генералам плевать, ведь это всего лишь Харьковщина и Сумщина, а не Калифорния и Флорида. Им так даже выгодней — больше русских людей вымрет по эту и ту сторону границы. А вот нам, местным жителям, не всё равно. Поэтому, несмотря ни на что, агрохолдинги продолжают работу, а сотрудников к ним стали доставлять в бронированном спецтранспорте, оснащённом средствами РЭБ.

Конечно, все эти честные сельские труженики могли бы уже давно поувольняться и уехать куда-нибудь подальше вглубь России и там устроиться на аналогичную работу, как это сделали иные стоматологи, нотариусы, фитнес-тренеры и прочие городские жители. Но что-то удерживает их от этого пагубного для всех нас шага. Наверное то, что они ближе к родной земле, лучше её чувствуют и беззаветно любят, поэтому у них не атрофировалось врождённое чувство ответственности за своих близких и за свою страну.

Хотим также обратить внимание на работу стихийно возникшей белгородской теробороне, которая сродни традиционному русскому народному ополчению. В последнее время приграничные районы Белгородской области забрасываются, путём дистанционного минирования, очень опасными противопехотными минами с сейсмическими датчиками. Человек может и не заметить сразу такую мину, небольшой цилиндр на шести лепестках, но если он приблизится к ней хотя бы на восемь метров, то взрыватель мины автоматически срабатывает и смертоносные, как пули осколки, разлетаются на сотни метров вокруг.

Широкий резонанс эта новая для нас проблема получила 10 июня, когда вместе с бойцами теробороны, регулярно прочёсывающими приграничье на предмет новых «подарков» белгородцам от натовских и укровласовских нелюдей, на такой mine подорвался оператор телеканала «Россия-24» Ярослав Борисов.

Произошло это на окраине Шебекино. Особенно больно, что наша «Белгородская Швейцария», курортный, по сути, и самый лучший уголок нашей лесостепной области — мягкий золотой песок, пахучие корабельные сосны, малахитовая прозрачная река — стал похож на Афганистан 80-ых годов прошлого века, когда всё те же натовские вояки подкидывали закамouflированные мины мирным жителям.

Огромную работу, задающую общий эмоциональный фон на Белгородчине, прodelывает новый губернатор Вячеслав Гладков,

награждённый 2 мая президентом России Владимиром Путиным орденом Мужества. Назначение Вячеслава Владимировича врио губернатора нашей области в 2020-м году, было, пожалуй, одним из самых удачных решений в вертикали российской власти за последнее время. И очень своевременное, потому что прежний губернатор-долгожитель Евгений Савченко был человеком другого склада. Он вывел область в передовые по производству сельхозпродукции в России, но мы не представляем, как бы он справлялся с нынешними, обрушившимися на Белгородчину напастями.

Вячеслав Гладков стал губернатором в сентябре 2021-го года. Он мог бы легко занять свою должность через заранее предопределённое голосование в региональном парламенте, но решил принять участие в полноценных демократических выборах, на которых собрал почти 79% голосов избирателей. Тогда злые языки называли нового губернатора популистом и человеком, который стремится всем понравиться. Но сейчас, два с половиной года спустя, уровень его поддержки просто зашкаливает.

Вячеслав Владимирович раскрылся как один из лучших современных антикризисных менеджеров. Зачастую он первым появляется на самых опасных участках, регулярно обстреливаемой государственной границы и её населённых пунктов. Во время всем известного обрушения подъезда десятиэтажного дома в Белгороде по улице Щорса, губернатор вместе со всеми участвовал в разборе завалов. И когда простые спасатели и волонтеры видят, что их самый главный в области начальник, который мог бы отсиживаться в бункере и слать оттуда капризные и правильные указания — «сделать всё возможное и невозможное», сам плечом к плечу помогает справляться с общей бедой, будто это и не губернатор вовсе, а парень из соседнего подъезда вызвавшийся помочь, то людей это окрыляет и заряжает тысячекратно.

И, вероятно, именно поэтому три месяца назад, в дни президентских выборов в России, террористы с утра до ночи обстреливавшие белгородские избирательные участки, пытались сорвать голосование хотя бы в одном отдельно взятом регионе, добились прямо противоположного эффекта.

Мы не без некоторого сарказма наблюдали как у русскоязычных пропагандистов, работающих на запад, всех этих нефотогеничных бесов и бесенят, буквально глаза вылазили из орбит от ужаса. Ведь они изо дня в день твякали в своих тёплых студиях за тридцать сребреников: «Русские сдавайтесь! Сопротивление бессмысленно!» А в итоге они увидели, что белгородцы, «обласканные», несущими «свободу и демократию» натовскими снарядами и ракетами вместо того, чтобы выходить по одному из подвалов с поднятыми руками и сдаваться, наоборот, в перерывах

между обстрелами бегут на участки, чтобы проголосовать за Путина, который набрал в Белгороде почти 91%.

Мы знаем, что Плач о гибели Русской земли стоит ровно столько, сколько стоит сама Русская земля. И за последнюю четверть века было вылито много предсказаний о том, что России осталось жить от нескольких дней до, максимум, пары лет, потому что её экономика разорвана в клочья, бюджет разворован, ракетные зубы сгнили, а половина населения сбежала за границу, ибо не хотела жить, как в Северной Корее.

Не будем полемизировать с такими бездумными утверждениями. Возможно в России действительно не самые идеальные — президент, его министры, чиновники, военачальники, но если бы любители посыпать голову пеплом попытались вникнуть с суть вещей, то могли бы почерпнуть оттуда для себя немало познавательного и жизнеутверждающего.

Так, например, когда они в неведении своём наблюдают несущийся, как им кажется, непонятно куда без руля и без ветрил корабль с названием «Россия», их дух могло бы укрепить озарение одного обрусевшего немца, сделавшего головокружительную карьеру в Российской империи: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует». Правда, в конце этой цитаты, что называется, «Остапа понесло», слишком уж он оторвался от народа, поэтому российский президент Владимир Путин подкорректировал мысль генерал-фельдмаршала Миниха в том плане, что хотя Россия и управляется напрямую Богом, но существует она за счёт таланта наших людей, их самоотверженной любви к своей семье и родине.

Нас часто спрашивают коллеги из разных регионов — существует ли сейчас в Белгороде литературная жизнь? У нас в регионе есть более сотни человек, считающих себя писателями. Часть из них с лёгким сердцем покинула область и тусуется теперь в крупных городах России. Иные перебрались даже в страны НАТО, имея там «запасные аэродромы» в лице родственников или мужей-иностранцев. Но если отвечать за себя, авторов этих строк, то мы, как и все, любящие свой город белгородцы, можем с гордостью и чистой совестью заявить — «Мы работаем!»

А работа наша заключается вот в чём — на протяжении последних 27 лет в Белгороде существует литературная студия «Младость», которой руководит Людмила Брагина. Несмотря ни на что мы и сейчас продолжаем еженедельно собираться в стенах Пушкинской библиотеки-музея и шлифовать свои произведения, которые потом публикуются в разных литературных журналах страны. И даже отток учащейся молодёжи из Белгорода не обескровил студию и не повлиял на качество её работы.

Мы также уже три года выпускаем литературно-художественный журнал «Дрон», снискавший немалую популярность, как среди читателей, так и писателей по всей России. А ещё совсем недавно, в День защиты детей, мы объявили Всероссийский литературный конкурс имени нашего писателя-фронтовика В. М. Шаповалова «Медвяный звон». И это тоже довольно знаковое событие, потому что ничего подобного не было за всю семидесятилетнюю историю существования Белгородской области.

И, буквально на днях, наша студия «Младость» приняла участие в литературном телемосте Боровичи — Белгород. Наши новые друзья и коллеги, среди которых присутствовали и представители местной администрации города, выразили слова поддержки всем белгородцам и нашему региону в целом, который в их глазах сейчас олицетворяет Брестскую крепость, сдерживающую натиск террористического интернационала, управляемого из НАТО.

Испокон веков, шедшие на Россию орды завоевателей почему-то принимали нашу «страну городов» за «колосс на глиняных ногах». А она всякий раз, когда в головах агрессоров рассеивался мираж от лукавого, представала неприступной Брестской крепостью. Обломают они зубы и в этот раз. Потому что — это не Россия «глиняный колосс», это они — гниющие на корню дегенераты и выродки, которых вот-вот окончательно поглотят мигранты. И, перефразируя известную фразу, наделавшую в мире много шума, скажем так — они все сдохнут, а Россия будет жить в веках.

НЕСКУЧНЫЙ ЮМОР

Александр ПОНОМАРЁВ

ДЕКАМЕРОН ПОД УШИЦУ

От реки поднимался молочный туман. Солнце ещё не встало, но на востоке, из-за леса уже немножко светлело. Просыпались цикады и птицы. Травы клонились к земле, пригибаемые тяжёлыми каплями холодной росы.

Игорь достал из кармана мятую пачку «Кэмэл» и зажигалку. Он присел у берега и поплескал рукой воду.

– Парное молоко, точно парное молоко, – подумал он и вспомнил, как в далёком детстве пил такое, надоенное с утра старенькой бабушкой.

Игорь закурил. Поднялся вверх по пологому берегу и принялся разводиться костёр, сложив дрова домиком, и, подсовывая под них клочки старой пыльной газеты. Когда костёр затрещал ветками и его языки начали облизывать утренний воздух, он спустился к реке и набрал в котелок воды. Затем укрепил над костром треногу и повесил котелок.

Спустившись к реке, Игорь достал из воды садок с уловом и, вытащив из-за голенища нож, принялся чистить рыбу. Не так-то много, но на уху вполне хватит: два ерша, один елец, пара голавлей, четыре подуста, столько же плотвичек и довольно большая щука.

Уху Игорь варил так, как учил его в детстве отец: сначала водичка покипела белым ключом, затем он по нескольку минут варил рыбу, начиная от мала. Когда рыба отдавала весь жир ухе, он осторожно вытаскивал её, клал на тарелку и закладывал другую. Затем бросил горсть пшена, две чищенных картофелины, луковицу, лаврушку, налил пятьдесят грамм водки и выплеснул в уху, круто посолил.

– Ты, Игорёшка, в уху соли не жалеяй, – говаривал ему отец, – она от ей только ядрёней.

Теперь пришёл черёд щуки. Игорь нарезал её большими кусками и опустил в уху.

– Эге-ге-е-ей, – громко закричал он, – братцы-разбойники, айда завтракать, – и вновь спустился к берегу, где в холодном ключе посапывала большая бутылка водки со стеклянной ручкой.

Туман от реки поднялся вверх, над водой стояла только лёгкая дымка. Донка с просмолёнными бортами причаливала к берегу. Серёга и Саня сматывали удочки и, бросив конец на берег, выходили из лодки, хлюпая болотными сапогами.

– Эх, и дурень ты Игорёха, – пробасил Саня, – пошто не любишь рыбу удить?

– Ничего-ничего, – ответил Сергей, – он у нас любит уху варить и поддерживать очаг – тоже нужное дело.

Игорь достал из рюкзака деревянные ложки и хлеб, затем постругал его ножом и выдал каждому по огромной краюхе.

– Ну, начнём, помолясь!

Саня налил в рюмки прохладной, почти тягучей водочки и, достав из костра пылающую головешку, утопил её в котелке с ухой.

– За здоровье пленных и нас военных, – рыбаки чокнулись и, опрокинув содержимое рюмок в себя, взялись за уху.

– Знатная ушица, – уплетая за обе щеки, пробормотал Сергей, – тройная! А ну давай по второй, чтоб пуля не пролетела!

– Жалко девок с собой не взяли, – Саня в изнеможении откинулся на спину, он теребил в руке ивовый прутик, – был у меня один случай в жизни. Я тогда только десятилетку окончил, в техникум машиностроительный поступил. И хотя в Советском Союзе, как нам всем известно, секса не было. Но до одури хотелось мне, братцы, опустить свой янь в какой-нибудь маломальский инь. Вследствие чего ошивался я по вечерам в парках, на дискотеках и прочих увеселительных заведениях. Но нет, как нет. То девушка попадалась откровенно страшненькая, то откровенно глупенькая, а бывало – только я ей о сексе, которого не существует в природе, она бежать без оглядки. Копался я короче. Это теперь, с высоты прожитых лет я понимаю. Надо было брать тогда любую и не выпендриваться.

– Это точно, – сказал Игорь, наливая очередную рюмку, – в таком деле выбирать – самое тухлое дело. Это когда жениться собираешься. Тут да! Мы же и костюм примеряем, когда купить хотим!

– Не перебивай, – Серёга внимательно смотрел на Саню, – давай дальше свою историю.

– Так вот, встречаю я однажды такую, какую и хотелось. Яркая пышногрудая блондинка. Немного постарше меня. Да это и неважно. Опытная значит. Дело было в кафе «Юнона», помните такое? Подсаживаюсь я за её столик, заказываю бутылочку азербайджанского коньяку, мерзость, к слову, редкостная, да только другого в прејскуранте не значилось. Ну, сначала она на меня смотрела как на пустое место, может, выглядывала по сторонам кого-нибудь посolidнее, но после парочки

лобастых повеселела и смотрела на меня уже с нескрываемым восхищением. А меня, братцы, понесло как товарища Бендера, представился я ей офицером пограничных войск. Как в том анекдоте почти: разрешите присутствовать – мастер спорта, полковник Чингачгук. Ну и погнал ей по ушам, про перестрелки на китайской границе и ловлю диверсантов, которые небольшими группами, по пять-десять тысяч проникают на нашу территорию и творят свои чёрные делишки. Короче суть да дело, гляжу – моя Венера уже порозовела, пора в номера вести. Расплатился я по счёту и говорю, разрешите, мадам, проводить вас до околицы. Она отвечает, можно. И смотрю я, братцы, созрела. Глядит на меня долгим пронзительным взглядом. Я обнимаю её нежно за талию, а сам соображаю, где бы по дороге её оприходовать. Идём-прогуливаемся. За непринуждённой беседой, смотрю домики двухэтажные барачного типа. Говорю – давайте зайдём, друга армейского попроведаем. Она – ничего идёт. Завожу её в подъезд. Обстановка располагающая: темно как в погребе, только дерьмом кошачьим несёт жутко. Но до сантиментов ли в деле таком? Тут она на меня как прыгнет и давай целовать. А поцелуи у неё стремительные и долгие, как осенние дожди. У меня голова кругом поехала, дрожь во всём теле – унять невозможно. Тут вспомнил я картинки порнографические, которые я у своего товарища видел, поворачиваю её к себе задом, а к лесу передом. Ставлю в позу бегущего египтянина, а она шепчет. Погоди, говорит, я трусишки приспущу. И пошёл я тут отрываться, не хуже материной швейной машинки, от страсти обо всём забыл, превратился в станок с числовым программным управлением, на котором тогда работал. Слышу только, как стонет она глухо, да по стене ногтями скребёт яростно. В подъезде, как я уже говорил, темно было. А выключатель, как выяснилось немного позже, вырван был. Торчали только два оголённых провода, за которые моя дама и схватилась, когда по стене руками шарила. А так, как я был замыкающим звеном в цепи, потрянуло меня током так, что перед глазами только круги фиолетовые пошли. Мало того, что дёрнуло меня двухсот двадцатью вольтами, так ещё у неё от страха и неожиданности понос пробил. Оклемался я, гляжу, а её и след простыл, уделала она меня своими экскрементами с ног до головы. Спрятался я в кустах, просидел там до поздней ночи, кое-как отмылся в колонке на улице и задрами-огородами к дому выбрался. Хорошо ещё никого по дороге не встретил. Вот такой у меня, братцы, был первый сексуальный опыт.

– Да, так и до импотенции недалеко, – рассмеялся Серёга.

– Красотища, какая, – Саня встал, развёл руки в стороны и громко запел: «Глухой, неведомой тайго-о-о-ю, сибирской дальней стороной, бежал бродяга с Сахали-и-и-на, звериной узкою тропой...».

– Перестань орать, – перебил его Игорь, – а то люди прибегут – подумают драка. А со мной тоже было нечто подобное.

– Серьёзно? А я думал один я такой на белом свете, – Саня разливал водку по рюмкам.

– Нет, Саха, не один, – Игорь сел по-турецки, потянулся за тарой и, морщась, выпил, – а дело было так. Дружил я с однокурсницей, Антониной её звали. Ходили по вечерам, за руки держались и так далее. Ни до чего серьёзного дело не доходило. Да и не умели мы, ведь в каменном веке тогда жили. Чтобы мать, отец там о таких вещах с сыном или дочкой поговорили, объяснили, что к чему – ни-ни. Да и сами они, наверное, в этом деле ни хрена не соображали. Это теперь у наших взрослых детей поинтересоваться можно. Они тебе всё популярно объяснят. А тогда – нет. Так вот, дружили мы дружили, а потом в откровенном разговоре выяснили: и я и она хотели бы попробовать, интересно ведь что и как! Решили: вечером, когда её родители уедут с ночёвкой в деревню, она меня пригласит и вот тут-то всё случится. Жила у них ещё бабка старая да глухая, но она ни в счёт.

Настал, значит, долгожданный день, я с утра подготовился: поменял трусишки-носочки, купил бутылку сладкого болгарского вина в овощном магазине. На обед мать приготовила гороховый суп, который я с удовольствием съел и ещё попросил добавки. Кто ж знал, что он со мной сыграет такую шутку, что ни Богу свечка, ни чёрту кочерга?

Прихожу я вечером к своей зазнобе, она меня встречает. Я протягиваю ей бутылочку винца, открой, говорю, на кухне, разлей по бокалам, а потом и до дела недалеко. Ушла она на кухню, а меня так припёрло, что хоть святых выноси. Такие метеоризмы у меня в желудке начались, думаю – ещё чуть-чуть и у меня кишечник разорвётся, как противотанковая мина. Я свет погасил и шасть в соседнюю комнату, там тоже темно. Забегаю я туда, закрываю за собой дверь и начинаю бомбардировку. Хожу, издаю звуки утробные, потом тряпку схватил какую-то, машу ей, а сам продолжаю салютовать. Ну, вот вроде бы всё! Пошарил я в темноте рукой по шифоньеру – пузырьки какие-то. Ага, думаю, сейчас возьму одеколон или духи какие-нибудь и побрызгаю, чтобы воняло не очень. Взял один какой-то, понюхал, вроде ничего. Побрызгал на себя, потом на стены. После чего вернулся в другую комнату, плотно закрыл за собой дверь и, сделав невинное лицо, жду Тоньку, утонув в мягком кресле. Входит она, в руках поднос с двумя бокалами, на тело накинут пеньюар прозрачный. У меня всё ёкнуло и чувствую, как тепло внизу живота разливается. Она свет включает, посмотрела на меня, да как заорёт: «Игорь, что с тобой?» – а сама белая как полотно.

– А чего со мной? – отвечаю, – всё нормально со мной!

– Ты в зеркало на себя посмотри, – а сама, бряк, и уронила бокалы с подноса.

Я к зеркалу подхожу, батюшки, весь в зелёнке. Это я в темноте и панике зелёнку за одеколон принял.

А тут из соседней комнаты истошные крики: Тоня! Тоня!

Заглядываем мы, а там бабка её старая ни жива, ни мертва от страха. Все стены, ковры и пол той же зелёнкой залиты. А старуха – даром, что глухая, всё, что надо услышала: гони, Тоня, отсюда этого пердуна – орёт: схватил я тут свои вещички в охапку и бежать. До секса у нас тогда не дошло, да и после тоже. А дружба моя с Антониной на этом кончилась. А давайте-ка, братцы-разбойнички, ещё по джюз грамм, – и Игорь подставил под горлышко бутылки свою рюмочку.

– Интересная быль, – Сергей смеялся, закрыв рот ладонью, – это ты вот так и у себя в институте лекции студентам читаешь с шутками-прибаутками?

– По-всякому бывает. Сам знаешь: от сессии до сессии живут студенты весело. А уж на экзаменах не до шуток.

– Эх, а у нас в филармонии, даже выпить и поговорить не с кем, – Саня встал, разминая ноги, – хорошо, что есть у меня вы – друзья, проверенные огнём, водой и медными трубами.

– Ладно! Как видно пришла и моя очередь быть сказителем, – Сергей устроился поудобнее и приготовился говорить, – расскажу я вам, как провёл интимный вечер при свечах с рыжеволосой валькирией и питбулем.

– Как-как? Питбулем? Очень интересно!

– А вы не перебивайте, а слушайте. Только собачка персонаж не главный, а проходит, так сказать, лейтмотивом произведения. Короче, к сути: в конце восьмидесятых, не буду уточнять год, уволился я из рядов советской армии, а так как службу проходил не на суше, а на море, отдав, не два, как вы – сухопутные крысы, а три года Родине на Тихо-океанном флоте, считал себя человеком флотским, смелым, бесстрашным и голодным до девчат. Жил я тогда на слободе, через дорогу от комсомольского парка, а в простонародье «камсы», из-за которого шли у нас постоянные баталии с парнями, проживающими на «карьер»». Так как парк был разбит ровно посередине двух районов. Но разговор не об этом. Надев флотскую форму, пошёл я вечером на променад, обозначиться, что вернулся, мол, девушки, и готов к подвигам не на море, а теперь уже на суше. Поздороваться со старыми корешками и завести приятные знакомства. На танцплощадке двигали попами, на скамейках курили и плевались семечками, в общем всё, как всегда.

И вот на одной из лавочек вижу длинноногую, длинноволосую богиню в голубом платье, которая скучает и не замечает веселья, творящегося вокруг. Девушка сидела одна, по сторонам не смотрела. Видно, ей было очень-очень скучно. Думаю, не может быть, чтобы такая и вдруг одна. Постою-понаблюдаю, наверняка кавалер какой-нибудь нарисует. Десять минут жду, пятнадцать. Никого. Подхожу к ней. Разрешите, говорю, присесть. Она молча пододвигается. Садись, мол, места не жалко. Начинаю я её разглядывать: длинные рыжие волосы, глаза зелёные и глубокие, как озёра. Слегка пьяненькая. Лет двадцати – двадцати двух. Сложена идеально. Неужели и такие бывают, думаю?

Начинаю заводить беседу. Ненавязчиво, без грубостей и хамства. Она молчала вначале. Ну, я пару анекдотов не пошлых, пару историй из морских походов. Гляжу – оттаяла, улыбаться начала, переспрашивает, смеётся. Познакомились короче. Зовут её Аллой, квартирует на карьере. Живёт практически одна. И вот это слово – одна, оказалось в этом контексте определяющим. Больше я уже ни о чём думать не мог. А она вот так с ходу – пойдём, говорит, ко мне в гости, я сегодня одна.

Пойдёмте – говорю, - отчего же не пойти, только не заглянуть ли нам вначале в какой-нибудь магазинчик, винца лёгенького взять?

- Винца у меня дома полно, - отвечает, - и даже что-то из крепких спиртных напитков найдётся. Будем топить грусть.

Короче, пришли к ней. Квартирка двухкомнатная на втором этаже. Обращаю ваше внимание, на втором, это потом окажется немаловажным фактом. Она зажигает свечи, накрывает на стол, приносит напитки и фрукты – что по тем временам было роскошью. Выпили, поговорили. А потом она смелым и лёгким движением скидывает с себя газовое голубое платье, и остаётся - в чём мать родила. Грудь средняя, но упругая, как кистевой эспандер. А соски, парни, длинные и розовые. Рыжей она была натуральной, не крашенной. Волосы на лобке, как берёзовые серёжки. Честное слово, ребята, искренне залюбовался я этим совершенством. Если бы умел – первым делом холсты бы с неё стал писать. Даже прикоснуться к такой красоте было боязно.

Быстро я разделся, гораздо быстрее, чем за сорок пять секунд, наш корабельный боцман остался бы мною вполне доволен. Ложусь на кровать, а она оседлала меня как молодого бычка и пошла скакать. Стонет протяжно с придыханием и повизгивает, как юная козочка. Не помню, сколько эта сказка продолжалась, попробовали мы с ней практически все позы, которые я потом в камасутре видел. Мне показалось, что прошла вечность и вот тут-то наступила развязка.

В железную дверь громко постучали. Алла проворно спрыгнула с меня и, подбежав к двери, начала истерично кричать. Из её монолога я

понял, что не далее, как сегодня днём, прищучила она своего благоверного с какой-то, по её словам, и крикам шалавой, и посредством меня решила ему страшно отомстить. И тут я увидел на шкафу фотографию, на которой Алла в подвенечном платье нежно обнимала здорового детину, а он, тем временем, тоже с улыбкой смотрел в объектив, положив ей на плечо квадратную челюсть. Пол уплыл у меня из-под ног, а в воздухе отчётливо запахло ладаном. В её муже я с болью узнал знаменитого карьеровского криминального авторитета Васю – Кувалду. Разговаривали они через дверь долго и на повышенных тонах. После чего Вася спустился в палисадник и, оторвав штакетник, поставил его к окну и, кряхтя и матерясь, начал подниматься, как по лесенке вверх. Я схватил свою форму и попытался сделать ноги, но, выйдя на лестничную площадку, я понял, пути отхода отрезаны. К соседней двери был привязан здоровенный питбуль, который рвал поводок, визжал и откровенно хотел меня сожрать.

Почва ушла у меня из-под ног, и я начал по очереди прощаться с родными и близкими. Завтра ко мне в гости придёт кто-нибудь из друзей и спросит: А Сергей дома? Дома, – ответит ему мама, а потом вздохнёт и добавит, – но венки уже выносят!

Но тут мне на помощь пришла Алла.

– Я подержу Алеута, – сказала она, – только беги не вниз, а вверх. Подожди на верхнем этаже. Он пьяный и не сообразит. И да поможет тебе Бог.

Я сделал всё, как сказала она. Без Божьей помощи в тот вечер не обошлось, это уж точно. И потом, когда я бежал домой через парк, только порванный гюйс, за который всё-таки уцепился Алеут, напоминал об интимном вечере при свечах.

– А ты потом её встречал, Серёга? – тихо спросил Саня.

– Нет, Санёк, вскоре после этого она погибла в автокатастрофе с Васей – Кувалдой. Слухи разные ходили. Говорили, что всё было подстроено.

Солнце взошло и грело что есть мочи. Вдалеке слышался щелчок пастушьего кнута.

– Ну, что ж, братцы-разбойнички, – прервал паузу Игорь, – будем собираться до хаты?

Мужчины стали собирать вещи, шутя и переговариваясь. Трое друзей, проверенных огнём, водой и медными трубами.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Юрьевна. Родилась в Туркменской ССР, г. Ашхабад. Филолог, переводчик-лингвист. Детский писатель, автор сборника сказок для самых маленьких «Приключения насекомых на Цветочной Полянке». Автор издательства ЭКСМО, серия книг нон-фикшн для подростков «Секретная книга о самом важном». Автор литературно-критических и обзорных материалов в журналах: «Pechorin.net», «Нижний Новгород», «Новая Литература» и др. Пишет в жанрах гуманитарной и социальной фантастики, остросюжетной прозы, публиковалась в журналах «Смена», «Эдита», «Нижний Новгород». Живёт и работает в г. Москва.

БАБИНА Ирина Львовна. Родилась в г. Курск. В 1982 году переехала в Белгород. Окончила факультет русского языка и литературы в Белгородском государственном педагогическом институте им. М. С. Ольминского. Работала в школе, в пресс-службах различных ведомств и структур, автором-ведущей программ на «Радио 31», редактором службы новостей на «Авторadio-Белгород». Член Союза журналистов России. Автор сборника стихов «Предчувствие любви». Публиковалась в альманахе «Созвездие НИУ БелГУ», журнале «Звонница», лауреат фестиваля авторской песни и поэзии «Оскольская Лира».

БОРИСОВА Ольга Михайловна. Автор 18 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр международных фестивалей и конкурсов. Организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья», журнала «Параллельки», член редакционного совета журнала «Белая скала», «Царицын». Член Союза писателей России, член Европейского Конгресса Литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, член международного жюри литературных конкурсов и фестивалей.

БРАГИНА Людмила Петровна. Родилась в Белгороде. Окончила филфак БГУ. Руководитель литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Председатель Белгородской общественной организации литературного творчества «Мир писателя».

Редактор литературного журнала «Дрон». Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Нева», «Нижний Новгород», «Дон», «Крылья», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки» и других. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы, лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

БУГЛАК Татьяна Александровна. Родилась в г. Обоянь Курской Области. Большую часть жизни прожила в г. Нижневартовске Тюменской Области. С 2013 года живёт в г. Курске. Закончила Нижневартовский университет. Историк по образованию. Из-за прогрессирующей слепоты была вынуждена уйти из науки и обратилась к научной и социальной фантастике. Первый роман «Параллельщики» вошёл в лонг-лист Премии «Новые Горизонты 2019».

ГОДВЕР Екатерина Андреевна (Богомолова). Родилась и живет в Москве. По образованию – клинический психолог, мастер FIDE по шахматам среди женщин. Победитель фестиваля «Я только малость объясню в стихе» им. Высоцкого (г. Новосибирск, 2023), лауреат литературной премии «Форпост» (2023) в молодежной номинации, литературного конкурса «Северная звезда» (2022) и фестиваля им. Ошанина «Солнечный круг» (2023). Финалист фестиваля молодой поэзии «ФилатовФест». Член Союза Писателей России. Публиковалась в «Литературной газете» и газете «День Литературы», в альманахах и журналах «Александръ», «День и ночь», «Север», «Наш Современник» и др. Автор научно-фантастического романа «Иволга будет летать» и книги стихотворений «После больших снегов».

ГРОМОВА Екатерина Андреевна. Поэт, руководитель Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Автор сборника стихотворений «Север внутри». Призёр II Международной литературной премии им. А. Серафимовича, лауреат VI международной поэтической премии «Фонарь-2024». Произведения публиковались в литературных журналах «Север», «Сибирь», «Волга-XXI век», «День и ночь», в альманахах «Царицын», «Земляки», «Образ», «Солнечный круг».

ЕРЕМЕЕВ Иван Андреевич. Родился в г. Прохладный Кабардино-Балкарской Республики. С раннего детства писал стихи. Автор сборников

стихов: «Ангел осень», «Цикорий». Студент 3 курса исторического факультета Волгоградского государственного университета. Дипломант литературных конкурсов и участник коллективных сборников. Гвардии младший сержант Иван Еремеев, взяв академический отпуск в ВУЗе, подписал контракт и с ноября 2023 года служит в зоне СВО, под Донецком. Продолжает писать стихи.

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич. Родился в Вологде. Служил в армии. Более 10 лет работал тренером дзюдо и самбо. Автор 15 книг прозы. Публиковался в таких изданиях, как «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север», «Москва», «Сибирские огни», «Алтай», «Подъём», «Двина» и других. Лауреат международной литературной премии «Югра», обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Федора Абрамова, лауреат премии им. А. Куприна «Гранатовый браслет». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

ЗАДОРЖНЫЙ Антон Сергеевич. Живёт в Санкт-Петербурге. Автор сборников прозы «Жизнь на грани», «Мы никогда не умрём», «Апокрифы» и книги «Тени Бога». Публиковался в журналах «Традиции & Авангард», «Свободный полёт», «Новый Орёл+XXI век», «Знамя» и «Урал». По образованию – клинический психолог. Лауреат республиканского литературного конкурса «Крымское приключение - 2018».

ЗНОБИЦЕВА Мария Игоревна. Поэт, кандидат филологических наук, родилась в Тамбове. Окончила институт филологии ТГУ им. Г. Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Вертикаль», «Введенская сторона», «Волга XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Веретено», «Молоко», в «Литературной газете», «Роман-газете» и других изданиях. Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, литературной премии имени Ю. П. Кузнецова журнала «Наш современник», дипломант Волошинского фестиваля.

ЗЮСЬКИН Владимир Константинович. Журналист, поэт, прозаик, эссеист, критик. Родился в г. Шадринске Курганской области. Окончил факультет журналистики УрГУ. Работал в СМИ Урала, Сибири, Украины, Сахалина. Печатался в журналах: «Урал», «Уральский следопыт», «Веси», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Российский колокол», «Новая литература», «Русское эхо», «Автограф», «Литра», «Южная звезда»,

«Тобол», «Метаморфозы». Автор восьми сборников стихов. Лауреат премии «Золотой Рифей», член Интернационального Союза писателей.

ИВАНОВА Светлана Викторовна. Родилась в Куйбышевской области. Поэт, журналист, член Союза журналистов России. Публикации во всероссийских сборниках издательств Москвы, Спб и Новокузнецка, авторский сборник стихов «Жизневорот». Лауреат 1-го фестиваля «Ликующая муза» (г. Торжок), входила в тройку победителей нескольких поэтических конкурсов и межрегионального фестиваля Норд-Вест (г. Валдай).

ИГНАТОВ Дмитрий Алексеевич. Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах научной, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился в Ярославле. Окончил ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Участник кинофестивалей: «КиноШок» и «Метрополис». Дизайнер, сценарист и веб-разработчик. Зам. редактора журнала «Парус», веб-редактор и дизайнер журнала «Северо-Муйские огни». Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Нева», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Южная звезда», «Крылья», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Причал» и других. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Живёт в Воронеже.

КАТКОВ Иван Олегович. Родился в Казахстане в семье офицера. Закончил филфак Нижегородском государственном университете им. Лобачевского. Живет в Дзержинске Нижегородской области. Автор двух книг прозы - «Еще один день» и «Маньяк». Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «День литературы», «Великороссь», «Нижний Новгород», «Земляки» и других.

КИЛЕСА Вячеслав Владимирович. Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии», «Белогорское РОВД». Лауреат литературной премии НСПУ имени В.

Короленко, премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества».

КРАМЕР Александр Борисович. Родился в Харькове. С 1998 г. живёт в Германии, в Любеке. Окончил Харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Публиковался в российских детских и взрослых журналах «Сибирские огни», «Невский альманах», «Северная Аврора», «Алтай», «Костёр», «Нижний Новгород» и других; в периодических литературных изданиях, сборниках и антологиях Украины, США, Канады, Болгарии, Германии и Израиля. Автор сборника рассказов «Люди и странности» (Киев).

ЛИТОВЧЕНКО Ирина Александровна (псевдоним – Ирина Звягина). Родилась в г. Лахденпохья Карельской АССР. В Крым переехала в 1968 году. Руководитель литературного объединения «Пятиозерье». Автор сборника стихов «Всполохи». Лауреат Первого региональных и международных фестивалей и конкурсов. Член клуба фантастов Крыма. Член Союза писателей Крыма.

ЛИТЯЖИНСКИЙ Сергей Валентинович. Родился в Калуге. Окончил Калужский педагогический университет, биофак. Практически всю жизнь проработал в сфере ресторанного бизнеса, последние 15 лет сомелье. Автор ряда рассказов, опубликованных в интернет-изданиях, сборника прозы «Трио-Лит 1».

МАКАРЕНКОВ Владимир Викторович. Поэт, публицист. Родился в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ, на заводе, в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях. Автор 8 книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых», публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат всероссийских литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова, им. Б. Корнилова и других. Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 года. Член Союза журналистов РФ, главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живет в Смоленске.

МИРМОВИЧ Евгений Владимирович. Родился в Ленинграде. По образованию юрист. Куратор волонтерских проектов в области работы с

детьми инвалидами. Редактор портала «Изба читальня». Выпускник курсов литературного мастерства А.В. Воронцова. Финалист и лауреат международных и национальных премий и конкурсов: «Писатель года 2021», «Славянское слово 2022», «ДИАС 2022», и других. Публиковался в сборниках «Писатель года», «Художественное слово», «Антология русской прозы», «Славянское слово». Произведения автора неоднократно звучали на радио «Гомель плюс» (Республика Беларусь). В 2021 году выпустил сборник рассказов «Бессмертие», а на платформе ЛитРес опубликован сборник коротких рассказов «Прими – не возражай».

НЕРВИН Валентин Михайлович. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Николая Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им. Владимира Сосюры (Украина), им. Марка Твена (Канада); международного литературного фестиваля «Русский Гофман». Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Член Союза российских писателей. Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живёт в Воронеже.

ПОНОМАРЁВ Александр Анатольевич. Родился в городе Липецке. Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт работников МВД России по специальности «практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Прозаик, драматург. Публиковался в журналах «Подъём», «Луч», «Пролог» и многих других изданиях России и зарубежья. Автор семи книг прозы и драматургии. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Липецке.

РОМЕНКО Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Нева», «Север», «Дон», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Камертон», «Крылья», «Ротонда», «Северо-Муйские огни», «Бийский вестник» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных и всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии

«Младость». Член Правления Белгородской общественной организации литературного творчества «Мир писателя».

РЫЖОВ Константин Германович. Писатель-прозаик, кандидат филологических наук. Участник межрегиональных и всероссийских писательских семинаров и мастерских. Печатался в журналах «Знамя», «Симбирскъ». Финалист VI Международной литературной премии «ДИАС». Рассказы входили в лонг-листы и шорт-листы всероссийских и межрегиональных литературных конкурсов и фестивалей.

СКВОРЦОВ Владимир Степанович. Родился в деревне Климовщина Новгородской области. Окончил факультет журналистики ЛГУ, работал редактором радиовещания в Выборге, заведующим подготовительными курсами ЛГУ, заместителем директора международной фирмы «Информпрессервис». В настоящее время — главный редактор журнала «Невский альманах», президент некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы». Поэт, переводчик. Автор четырнадцати книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

СЛЁЗКИНА Галина Петровна. Родилась в поселке Уразово Белгородской области. Публиковалась в областных газетах «Белгородская правда», «Ленинская смена», сборнике «Молодая проза Черноземья», в «Антологии современной литературы Белгородчины». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

СТРУКОВА Марина Васильевна. Родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Подъём» и многих других. Лауреат конкурсов «Прекрасные порывы», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, «Добрая лира». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт на Тамбовщине.

ТОЛМАЧЁВ Евгений Григорьевич. Победитель всероссийского литературного конкурса для молодых авторов «Хрустальный родник», лауреат всероссийского литературного конкурса «Северная звезда», финалист и обладатель диплома читательских симпатий литературного конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова, лауреат литературного конкурса «Сестра таланта», дважды финалист международной премии для молодых авторов «Восхождение». Автор

сборника рассказов «Разные судьбы», вышедшего в 2022 году. Публиковался в таких изданиях как «Подъём», «Литературная Россия», «Наша молодёжь», «Молоко», «Наш современник», «Новая юность» и др.

ХАТЮШИН Валерий Васильевич. Поэт, прозаик, критик, публицист. Родился в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север—Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Слово», «Аврора», «Дон», «Сибирь», «Подъём», «Волга», «Аргатак», «Родная Ладога», «Берега», «Славяне», «Новая Немига литературная» (Белоруссия), в альманахе «Академия поэзии». Автор шеститомного собрания сочинений. Лауреат литературных премий им. Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Афанасия Фета, Александра Невского, «Золотое перо», «Слово». А также — Международных литературных премий им. М. А. Шолохова и А. П. Платонова. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Более тридцати лет жизни отдал работе в журнале «Молодая гвардия», из которых последние пятнадцать лет является главным редактором этого русского национально-патриотического издания. Секретарь Союза писателей России.

ЧЕРНЯК Станислав Владленович. Родился в г. Котовске Тамбовской области. Окончил ТГУ им. Г.Р. Державина, специальность – преподаватель химии и биологии. Публиковался в центральных и региональных изданиях: «Великороссь», «Александръ», «Наше слово», «Тамбовская жизнь» и других. Автор официального гимна г. Котовска, более 20 песен и трёх книг. Лауреат областных конкурсов «Молодёжь региона», «С малой родиной я говорю», финалист конкурсов им. Сергеева-Ценского (Крым) и «Фонарь» (Волгоград). Проживает в г. Тамбове.

ЧИЧИБАБИН Борис Алексеевич (1923-1994). Родился в Кременчуге. Воспитывался в семье офицера. В 1940 г. окончил школу и поступил на исторический факультет ХГУ. Война прервала учебу, и с 1942 по 1945 гг. он проходил воинскую службу в Закавказском военном округе. В июне 1946 г. был арестован в Харькове, отправлен в Вятлаг (Кировская область, Россия). Освобождён в 1951 г. В 1966 г. был принят в Союз Писателей СССР. С 1964 г. руководил литературной студией. С 1966 по 1989 гг. работал в Харьковском трамвайно-троллейбусном управлении в

должности экономиста-товароведа. В Москве в 1972 г. вышел самиздатский сборник его стихотворений. Следствием этого было исключение Чичибабина из СП СССР в 1973 г. и замалчивание его имени в течение пятнадцати лет. Стихи распространялись только в самиздате и за границей. В 1990 г. за книгу «Колокол» поэт был удостоен Государственной премии СССР. Чичибабин – автор поэтических сборников: «Молодость», «Мороз и солнце», «Гармония», «Плывёт Аврора», «Колокол», «Мои шестидесятые», «82 сонета + 28 стихотворений о любви», «Цветение картошки», «В стихах и прозе».

ШИПИЛОВА Ольга Фёдоровна. Прозаик, политолог, юрист. Автор поэтического сборника «Ангелы зимуют в Ялте» и семи книг прозы. Работы публиковались в зарубежных и отечественных печатных изданиях, в международных альманахах. Участник, финалист международных литературных конкурсов, фестивалей искусств, книжных проектов. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член РОО «Союз писателей Крыма».

**Людмила
Брагина**
г. Белгород

**Олег
Роменко**
г. Белгород

**Валерий
Хатюшин**
г. Москва

**Марина
Струкова**
г. Тамбов

**Дмитрий
Игнатов**
г. Воронеж

**Екатерина
Годвер**
г. Москва

**Евгений
Толмачёв**
г. Белгород

**Екатерина
Громова**
г. Петрозаводск

**Владимир
Скворцов**
г. Санкт-Петербург

**Ирина
Бабина**
г. Белгород

**Антон
Задорожный**
г. Санкт-Петербург

**Ольга
Александрова**
г. Москва

**Мария
Знобищева**
г. Тамбов

**Евгений
Мирмович**
г. Санкт-Петербург

**Галина
Слѣзкина**
г. Белгород

**Иван
Катков**
г. Дзержинск

**Дмитрий
Ермаков**
г. Вологда

**Ирина
Литовченко**
г. Краснопереконск

**Вячеслав
Килева**
г. Симферополь

**Ольга
Шпилова**
г. Гомель

**Иван
Еремеев**
г. Прохладный

**Ольга
Борисова**
г. Самара

**Константин
Рыжов**
г. Волжский

**Татьяна
Буглак**
г. Курск

**Владимир
Зюькин**
г. Самара

**Светлана
Иванова**
г. Боровичи

**Валентин
Нервин**
г. Воронеж

**Александр
Крамер**
г. Любек

**Александр
Пономарёв**
г. Липецк

**Владимир
Макаренков**
г. Смоленск

**Сергей
Литяжинский**
г. Калуга

**Станислав
Черняк**
г. Тамбов